

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский научный центр
Семинар «Немцы в России
и русско-немецкие научные и культурные связи»

НЕМЦЫ
И РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ

Санкт-Петербург
1998

ЧЗЗ(2)я431(2)
Т52(29-6Нем)я431(2)

Утверждено к печати
Санкт-Петербургским филиалом
Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН

Редакционная коллегия:

Н. В. Колпакова, Л. В. Славгородская,
Г. И. Смагина (отв. редактор), Т. А. Шрадер,
К. Ролль (Германия)

Рецензенты:

И. С. Дмитриев, С. А. Расчетина

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Германии*

© Библиотека Российской академии наук, 1998

ISBN 5-201-00230-7

*Посвящается памяти
Людмилы Валерьевны Славгородской*

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении многих десятилетий немецкие ученые и педагоги внесли заметный вклад в развитие и становление образования в России. Они содействовали распространению передовых педагогических идей в России, составляли проекты школьных реформ, способствовали организации новых учебных заведений, занимались практической педагогической деятельностью в государственных и частных учебных заведениях, участвовали в написании школьных учебников и осуществляли переводы лучших немецких педагогических трудов и учебных пособий для школы, обучали русских студентов в университетах России и Германии, занимались благотворительностью.

В настоящий сборник вошли материалы научных конференций, состоявшихся в Санкт-Петербурге в 1990–1997 гг. в рамках международного семинара «Немцы в России и русско-немецкие научные и культурные связи».

Организаторами семинара выступили пять академических учреждений Санкт-Петербурга: Кафедра иностранных языков РАН, Библиотека Академии наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Институт лингвистических исследований РАН.

Одним из основных направлений в деятельности семинара явилось изучение роли немцев в развитии науки, культуры и образования в России. Эти вопросы и нашли отражение в статьях сборника.

В первом разделе речь идет о русско-немецких контактах в области образования в XV–XVIII вв., во втором, на примере Петербургского и Казанского университетов, Академии художеств, Московского энергетического института, раскрывается вклад немцев в становление высшей школы; в третьем — сосредоточены работы, посвященные истории немецких учебных заведений в Петербурге и судьбам учителей немецкого происхождения; в четвертом — освещаются различные формы благотворительной и просветительской деятельности немцев в Петербурге, Ярославле, Сибири и Казахстане; в пятом — содержатся материалы по истории и организации школ в немецких колониях Поволжья, Сибири и Ленинградской области.

Авторы статей — сотрудники научных учреждений Российской Академии наук, архивов, музеев, библиотек Санкт-Петербурга, Москвы, Саратова, Омска, Алма-Аты, преподаватели высших учебных заведений, а также ученые из Германии.

Сборник является первой попыткой в историко-педагогической литературе раскрыть роль и значение немцев в развитии образования в России.

В подготовке издания принимали участие С. Г. Никитин, Н. Н. Тихомиров, М. Семеров, Д. В. Дмитриев, Т. В. Кульматова.

Редколлегия выражает глубокую благодарность Генеральному консулу Федеративной Республики Германии в С.-Петербурге господину Д. Бодену и вице-консулу госпоже У. Рихтер, а также руководству Библиотеки Академии наук и Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН за помощь в осуществлении издания.

VORWORT

Einen bedeutenden Beitrag zur Entwicklung der Bildung in Rußland leisteten deutsche Wissenschaftler und Pädagogen. Sie förderten die Verbreitung von fortschrittlichen pädagogischen Ideen in Rußland, bereiteten Projekte einer Schulreform vor, trugen zur Stiftung neuer Bildungsstätten bei; sie beschäftigten sich auch mit der praktischen pädagogischen Arbeit in staatlichen und privaten Schulen und beteiligten sich an der Verfassung von Lehrbüchern und Übersetzung von bewährten deutschen Werken zu pädagogischen Problemen sowie Lehrstoffen für Schulen; sie unterrichteten auch an russischen und deutschen Universitäten und entwickelten karitative Tätigkeit.

Das Buch „Die Deutschen und die Entwicklung der Bildung in Rußland“ enthält Beiträge wissenschaftlicher Konferenzen, die 1990–1997 in Sankt-Petersburg im Rahmen des internationalen Seminars „Die Deutschen in Rußland: russisch-deutsche Beziehungen in Wissenschaft und Kultur“ stattgefunden haben.

Dieses Seminar wurde von fünf Petersburger Einrichtungen der Russischen Akademie der Wissenschaften organisiert, das sind Lehrstuhl für Fremdsprachen, Bibliothek, Petersburger Zweigstelle des Instituts für Geschichte der Naturwissenschaften und der Technik, das Peter I.-Museum der Anthropologie und Ethnographie (die Kunstkammer), das Institut für linguistische Forschungen.

Einen wesentlichen Schwerpunkt in der Arbeit des Seminars stellt die Forschung der Tätigkeit der Deutschen in der Entwicklung der Wissenschaften, Kultur und Bildung in Rußland dar. Diese Probleme werden in Artikeln des vorliegenden Bandes behandelt.

Das Thema des ersten Abschnitts sind russisch-deutsche Kontakte im Bereich der Bildung in 15.–19. Jh. Der zweite Teil enthält vorwiegend wissenschaftliche Beiträge, die an Beispielen der Petersburger und der Kasaner Universitäten, der Akademie der Künste und des Moskauer Instituts für Energetik die Rolle der Deutschen bei der Entstehung der russischen Hochschulen deutlich machen. Der dritte Teil besteht aus einzelnen Untersuchungen zur Geschichte der deutschen Bildungsstätten in Petersburg sowie solchen über die Schicksale der Lehrer deutscher Abstammung. Im vierten Abschnitt des Buches findet man Untersuchungen zur verschiedenartigen karitativen und Aufklärungsarbeit der Deutschen in Petersburg, Jaroslavl sowie in Sibirien und Kasachstan. Im fünften

Teil findet sich Material zur Geschichte der Schulen in den deutschen Siedlungen des Wolgagebiets, Sibiriens und der Umgebung von Petersburg.

Die Verfasser sind Mitarbeiter der Forschungseinrichtungen der Russischen Akademie der Wissenschaften, Hochschullehrer, Archivisten, Angestellte der Bibliotheken und Museen aus Petersburg, Moskau, Saratow, Omsk, Alma-Ata, Forscher aus der Bundesrepublik Deutschland.

Dieses Buch stellt den bis jetzt in der Literatur zur Geschichte der Pädagogik ersten Versuch dar, die Rolle und Bedeutung der Deutschen in der Entwicklung der Bildung in Rußland zu untersuchen.

РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В XV–XIX ВВ.

Е. А. Обчинникова, Т. В. Чумакова

НЕМЕЦКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ XV–XVII ВВ.

Россия никогда не была изолирована от других государств. С конца первого тысячелетия она поддерживала контакты с Болгарией, Византией, Германией и другими государствами Европы. К концу XV в., когда прекращаются традиционные контакты с попавшим под власть турок Константинополем и возникает конфликт с принявшей Флорентийскую унию греческой церковью, происходит усиление культурного взаимодействия России и Германии в области просвещения. Русские студенты получают образование в немецких университетах,¹ а в Россию приезжают немецкие врачи. Так, в Софийской летописи сохранилось свидетельство о приезде в Москву в многочисленной свите будущей великой княгини Софьи Палеолог немецкого врача Антона: «Того же лета врач некий немчин Антон приехал к великому князю».²

Контакты России в области естественных наук были возможны, поскольку медицинское и техническое знание здесь было относительно свободно от влияния догматов.³ Об этом говорит множество антропологических и натурфилософских концепций, мирно сосуществовавших в древнерусской культуре.⁴

Основная волна немецкого влияния в XV в. шла через митрополию Ганзейского союза г. Любека. В то время он был не только экономическим, но и культурным центром, через который новые идеи проникали в культуры соседних регионов. Любекчане посещали Новгород, где в конце XV в. велась огромная книгописная и переводческая работа под патронажем новгородского архиепископа Геннадия (ум. 1505).⁵

Одной из главных проблем, вставших перед русской православной церковью в конце XV в., стало составление пасхалий — таблиц для определения дат Пасхи. Пасхалии в связи с ожидавшимся в 7000 г. от сотворения мира концом света были составлены только

до 1492 г. Ранее русские их получали из Византии или Болгарии, теперь же они оказались перед необходимостью самостоятельного составления пасхалий. Среди сотрудников архиепископа Геннадия астрономов, способных взяться за этот труд, не было. Тогда он и пригласил для этой цели прибывшего в Россию в составе посольства Георга фон Турна (1490) знатока астрономии и математики Николая Булева.⁶

Николай Булев, сын состоятельного бюргера Ганса Бюлова из г. Любека, получил хорошее образование, а в 1483 г. защитил научную степень в Ростокском университете. Современники называли его «профессором медицины, астрологии и основательнейшем во всех науках».

В период пребывания в Новгороде Булев занимался не только составлением пасхальных таблиц, но и переводами астрологических трудов, присылаемых другим любекчанином — Бартоломеом Готаном (B. Ghotan).⁷ Возможно, именно так в Россию попал «Луцидарус» — переработанный трактат «Imago Mundi» немецкого схоласта первой половины XII в. Гонория Отенского, куда были добавлены другие произведения, в частности апокриф «Elucidarium». Эта своеобразная энциклопедия («Луцидарус» в переводе на русский — «Просветитель»⁸) представляет собой аристотелевскую физику, включающую духовные поучения. По объему информации и ее организации это типичная схоластическая «Summa», цель которой — обозреть всю картину мироздания.

Разнообразие сведений, сообщаемых «Луцидарусом», сделало его популярным среди древнерусских книжников. Исследователи прослеживают влияние памятника на мировоззрение древнерусских авторов, в том числе и на формирование их медицинских представлений.

Закончив составление таблиц, Николай Булев покинул Новгород и поступил в 1504 г. на службу к папе Юлию II (1503–1513) — знатоку и покровителю астрологии.⁹ Во второй свой приезд в Россию он становится придворным врачом великого князя Василия Ивановича. Тогда же Николай Булев по заданию митрополита Даниила¹⁰ (ум. 1547 г.) переводит с немецкого (нижнесаксонского) на русский язык первую медицинскую энциклопедию, ставшую учебником для практикующих врачей Древней Руси. Это «Вертоград» (или «Травник») 1534 г. Огромное количество последующих «вертоградов», «травников» и «лечебников» являлись списками с рукописи Булева. Перевод был сделан с опубликованной в Любеке в 1499 г. книгопечатником Стефаном Арндсом (Steffan Arnds), в русском переводе «Стефаном Андреевым сыном», книги «De genochlichke Gharde der suntheit» («Благопрохладный вертоград здоровья»), ее объем 303 листа. Трактат предваряется указателем, «по которому обрести можем врачб-

ства в травах и в камениях». Затем следуют 20 бесед о травах (524 названия растений расположены в алфавитном порядке) и на 34 листах — беседы о камнях, также широко употреблявшихся в лечебных целях. Далее описывается лечение кровопусканием, сопровождающееся рассказом о кровеносных сосудах («жилах»): «36 жил во всем теле, когда из какой пушать». Помимо чрезвычайно важного для той эпохи сообщения о признаках заболевания чумой, в «Вертограде» большой раздел посвящен профессиональным заболеваниям, а также особо рассказывает о лечении «бражников» и состоятельных людей. Завершает «Вертоград» натурфилософское учение о четырех состояниях круга летнего, «ему же уподобися естество человеческое».

Можно ли рассматривать булевский «Вертоград» как учебное пособие, притом что до XVII в. никаких медицинских учебных заведений в стране не было? Несомненно, если учитывать специфику просвещения в средневековой Руси, которая приняла в XI в. школу не византийского,¹¹ а болгарского образца.¹² Был сделан акцент на воспроизведении монастырской восточной культуры, что повлекло за собой установку на самостоятельное изучение книг. Книжник (а это слово стало эпитетом образованного человека) самостоятельно читал, переписывал и переводил книги.

В XVI в. на русский язык переводится «Сказание о пропущении вод¹³ из трав на врачевание людям, испытано мудрыми дохтуры, изложено по азбуце». Это лечебник Иеронима Браунгшвейского (XV в.),¹⁴ опубликованный в Страсбурге в 1537 г. под названием «Das New Distilier Büch». Русский переводчик лечебника приспособил его к отечественным условиям, добавив замечания о заболеваниях «мореходьцев» и «корабельцев». Всего в нем 262 главы по числу описываемых растений, приводятся данные по их использованию и выращиванию. Оканчивается трактат «Сказанием, како каждая немочь именуется по дохтурски и по немецки, и по русски, и по латыни».

В XVII в. переводится огромное число медицинских учебников и сочинений — пособия по педиатрии, акушерству, анатомические трактаты. Помимо перевода базельского издания учебника анатомии Везалия, сделанного Елифанием Славинецким, на русский переводится работа немецкого анатома Иоганна Ремелина (Joganaes Remelin)¹⁵ «Catoptorum microcosmicum». Русский перевод этого сочинения называется «История и объявление малого света зеркало, которое есть образ божией твари о человеческом теле». Ныне список рукописи утрачен, сохранились лишь ее описания.¹⁶ От подлинника русская рукопись отличалась приложением, в которое входили

учение о пульсе Гарвея и глава из сочинения голландского врача Иоганна Бевервекия.

Описанные немецкие учебники и медицинские трактаты оказали значительное влияние на формирование национальной медицинской школы в России XV–XVII вв.

- 1 Известно, что в конце XV в. Сильвестр Малый из Новгорода учился в Ростоцком университете. Известный переводчик Дмитрий Герасимов обучался в Ливонии. См.: *P. N. Berkov. Ostslavische Studenten an deutschen Hochschulen in der vorpetrischen Zeit // Zeitschrift für slavische Philologie, 1962. Bd. 30. H. 2.*
- 2 О приглашении иностранных медиков в Россию см.: *Новомбергский Н. Черты врачебной практики в Московской Руси: Культурно-исторический очерк. СПб., 1904.*
- 3 См.: *Мартынов А. Учение св. Григория еп. Нисского о природе человека. М., 1886.*
- 4 Неоднозначным было и отношение к врачеванию. Наряду с «культом болезни», когда болезнь воспринималась как испытание Богом человека (при этом обычно апеллировали к образу ветхозаветного Иова), и предпочтением телесного излечения духовному, существовала с XI в. и концепция необходимости излечения телесных недугов, что также находило богословское обоснование, ведь человек — образ божий на земле и тело его — храм Духа Святого, см.: *Одесский М. П. «Человек болеющий» в древнерусской литературе // Древнерусская литература: Изображение природы и человека / Отв. ред. А. С. Демин. М., 1996. Излечение с помощью снадобий, созданных на основе трав, камней и др. «даров земных», считалось возможным, поскольку «земное наше тело от земля создано есть» (цит. по «Епистолия на римлян» // Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 191), т.е. из четырех стихий, как и весь мир. Первая больница была создана в 1091 г. архиепископом Ефремом. Рассказы о врачующих монахах есть в «Киево-Печерском патерике», куда входит «Житие препод.отца нашего Агапита врача», статьи же медицинского содержания имеются уже в древнейшем Изборнике 1073 г., в сборниках Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского монастырей.*
- 5 Арх. Геннадий был инициатором составления полного библейского свода на славянском языке, он первым ратовал за создание системы образования в России. Кроме того, в его окружении переводилась церковно-полемическая и астрономическая литература. См.: *Градницкий М. Геннадий арх. Новгородский // Православное обозрение, 1878, ч. 3; 1880, ч. 3; Копреева Т. Н. Западные источники в работе новгородских книжников к. XV–нач. XVI в. // Федоровские чтения. 1979. М., 1982. С. 140–152.*
- 6 О Николае Булеве (Бюлове или Луеве) см.: *Буланин Д. М. Николай Булев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988. С. 101–103.*

- 7 О Б. Готане см.: *Арсеньев С. В.* О любском типографшике Варфоломее Готане, бывшем в Москве в XV в. // Чтения в обществе истории и древностей российских, 1909. Кн. IV.; *H. Raab.* Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums // *Zeitschrift für Slavistik.* Bd. III. H. 2–4. Berlin, 1958. S. 323–335.
- 8 Сходство названий этого апокрифа и известного полемического произведения Иосифа Волоцкого побудило некоторых авторов сделать вывод, что Иосиф Волоцкий, давая название «Просветитель» своему трактату, имел в виду славянский перевод «Луцидаруса». См.: *David B. Miller.* The Lubeckers V. Ghotan and N. Bulow in Novgorod and Moscow and the Problem of Early Western Influences on Russian Culture // *Viator.* Berkeley, 1978. Но в настоящее время установлено, что трактат Иосифа Волоцкого получил свое название в русской традиции не ранее XVII в. См.: *Булачина Т. В.* Луцидарус // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 72–76.
- 9 О роли астрологии в ренессансной культуре см.: *Гарэн Э.* Магия и астрология в культуре Возрождения // *Проблемы итальянского Возрождения: Избранные работы.* М., 1986.
- 10 Митрополит Даниил был очень образован, сам переписывал и редактировал рукописи. Являлся заказчиком множества переводов. По мнению исследователей (*Змеев Л. Ф.* Русские врачевники: Исследования в области нашей врачебной письменности. СПб., 1895) его деятельность «не была лишена соревновательности с западным духовенством» (с. 34). В своих посланиях (напр., во «Втором послании Дионисию») он призывал всех, кто может исцелять, не отказывать в помощи больным.
- 11 О византийской школе см.: *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891.
- 12 См.: *Булачин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1993.
- 13 «Пропущение вод» — дистилляция. Оборудование для нее было чрезвычайно дорого и имелось только в царской аптеке. Первая аптека в Москве («аптекарская изба») открылась в 1581–1582 г.
- 14 О Иерониме Брауншвейском см.: *Löffler K. Kirchner J.* Lexicon des Buchwesen. Leipzig, 1935. Вып. 1.
- 15 Иоганн Ремелин родился в г. Ульме в 1583 г., учился в Тюбингене. В 1607 г. защитил докторскую диссертацию в Базеле, после чего работал «физиком» (санитарным врачом) в Ульме. В 1632 г. умер от сыпного тифа.
- 16 *Георгиевский Ф.* Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание с рисунками. Вязники, 1896.

ВКЛАД НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ В XVIII в.

В истории российского просвещения наиболее заметные перемены отмечаются в XVIII в., когда была создана государственная система школьного образования, впервые разработана теория обучения и воспитания детей для светских школ, которая затем стала применяться на практике. Одним из признаков глубокого обновления страны, начатого реформами Петра I, было создание в 1724 г. Петербургской академии наук. В условиях тогдашней России ей предстояло стать не только научным, но и учебно-просветительским центром, способствующим развитию образования в стране. Петр I заботился о том, чтобы деятельность Академии была на уровне науки своего времени. С этой целью для работы в ней были приглашены иностранные ученые. Из 111 членов Академии наук в XVIII в. 67 были немцами (60%). И при оценке научных достижений Петербургской академии наук, ее деятельности по развитию образования в этот период об этом необходимо помнить.

Роль немецких ученых в становлении российской школы до сих пор недооценена и мало изучена,¹ а между тем именно они составляли проекты школьных реформ, способствовали организации новых учебных учреждений, преподавали в государственных и частных заведениях, участвовали в написании школьных учебников, осуществляли переводы научных трудов, издавали научно-популярные журналы, экзаменовали желающих стать домашними учителями. Просветительская деятельность Академии наук охватывала также работу библиотеки, первого российского музея — Кунсткамеры, академических книжных лавок, обеспечивавших распространение печатной продукции. И во всех этих учреждениях, входивших в состав Академии, служили лица немецкого происхождения.²

Велика роль немецких ученых в подготовке и воспитании будущих российских ученых. В 1725 г. при Академии наук была открыта гимназия, которая просуществовала 80 лет — до 1805 г.³ В гимназии всегда было много учителей-немцев, а первые тридцать лет, т.е. до 1758 г., когда назначили ректором гимназии академика М. В. Ломоносова, все учителя были из немцев и преподавание велось на немецком языке.

За годы существования гимназии сменилось 13 руководителей-ректоров, из них 7 были немцами: Иоганн Петер Коль (1698–1778), Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738), Георг Вольфганг Крафт (1701–1754), Иоганн Эбергард Фишер (1697–1771), Карл Фридрих Модерах

(1720–1772), Гартвиг Людвиг Христиан Бакмейстер (1730–1806) и Карл Федорович Герман (1767–1838). Каждое из этих имен — определенная страница в истории Петербургской академии наук. Это были, прежде всего, ученые, которые внесли свой вклад в развитие естественных и гуманитарных наук в России XVIII в., шесть из них были избраны академиками. Большинство соединили в своем творчестве талант ученого и мастерство педагога.

В течение первых десяти лет ректором гимназии был академик, филолог и историк Готлиб Зигфрид Байер. Именно он, создавая Академическую гимназию, использовал опыт Кенигсбергской кафедральной школы, в которой работал несколько лет. Байер составлял учебный план и расписание занятий, приглашал учителей, рекомендовал им учебные пособия и методы преподавания. В 1731 г. разработал и ввел в действие положение о гимназии. Согласно последнему, гимназия была разделена на два отделения: немецкое, или приготорительное, состоящее из трех классов, и латинское — из двух классов. Такое устройство объяснялось тем, что первые учителя гимназии не знали русского языка и ученики не могли их понимать, не изучив немецкого языка.

В 1738 г., после смерти Байера, гимназию возглавил академик Георг Вольфганг Крафт. Родился в Дюттлингене, образование получил в Тюбингенском университете, где и был удостоен степени магистра. В Петербурге он 18 лет преподавал физику и математику в Академической гимназии, из них 7 лет был ректором. Для учащихся гимназии составил несколько учебников по физике, геометрии, механике и математической географии. Это были одни из первых школьных учебников в России, они отличались простотой изложения правил и действий. По его учебникам осваивали премудрости наук многие поколения российских юношей. Крафт придавал большое значение наглядности в процессе обучения. Его усилиями в Академии наук был создан лучший в Европе физический кабинет. В нем проводились не только интенсивные научные исследования, но и занятия с учениками. Крафт принимал участие в просветительской деятельности Академии наук по распространению научных знаний. Он читал в 1738–1741 гг. «для всех любителей добрых наук» публичные лекции по физике.⁴ Его сын, Вольфганг Лудвиг Крафт (1743–1814), родившийся в Петербурге, уехал мальчиком вместе с отцом в Германию и вернулся в Россию двадцатилетним юношей, был принят в Академию наук и продолжил просветительские начинания отца: преподавал физику в Академической гимназии, Артиллерийском кадетском корпусе, Горном училище, а в 70-е годы XVIII в. также читал публичные лекции по физике, сопровождая их многочисленными опытами и экспериментами в физическом кабинете, созданном его отцом.⁵

Нельзя не отметить заслуги руководителей Академической гимназии И. Э. Фишера, К. Ф. Модераха, Г. Л. Х. Бакмейстера и К. Ф. Германа. Они проявляли заботу о пополнении преподавательского состава гимназии, увеличении ассигнований на нее, улучшении материального положения гимназистов, организовывали чтение дополнительных курсов лекций, составляли новые программы преподавания.⁶

Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746), Иоганн Георг Гмелин (1709–1755), Герард Фридрих Миллер (1705–1783) способствовали формированию научных интересов известного путешественника, исследователя Камчатки академика С. П. Крашенинникова. У натуралиста Иоганна Аммана (1707–1741) учился адъюнкт по ботанике Г. Н. Теплов, у естествоиспытателя Иосия Вейтбрехта (1702–1742) — будущий академик, анатом А. П. Протасов. Значительны заслуги академика Петра Симона Палласа (1741–1811) в педагогической области. Под его руководством молодые ученые, впоследствии академики В. Ф. Зуев, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, начинали свою научную деятельность и выполнили ряд ценных исследований. Паллас в течение многих лет преподавал естественные науки будущему императору Александру I.

Активно участвовали немцы и в организации профессиональных учебных заведений. Еще за 7 лет до открытия Горного училища в Петербурге прусский горный советник, академик по кафедре химии Петербургской академии наук Иоганн-Готтлиб Леман (1700–1767), понимая необходимость подготовки в стране специалистов по горному делу, представил императрице Екатерине II записку «Патриотические мысли о том, какую пользу развитию горного дела может оказать учреждение Горного кадетского корпуса».⁷ В ней он подробно изложил предложения, связанные с организацией учебного процесса в новом учебном заведении, сформулировал цели и задачи училища, обязанности преподавателей и учащихся. 21 октября 1773 г. Екатериной II был подписан указ о создании Горного училища. При разработке учебных планов были использованы рекомендации Лемана. В организации научной деятельности училища принял участие уроженец из Дрездена, выпускник Фрейбергской горной академии, член Петербургской академии наук Иоганн-Михаил Ренованц (1744–1798) — первый преподаватель физики, минералогии и маркшейдерского дела в училище. Помимо чтения лекций, он создавал учебные кабинеты, а также положил начало коллекциям горного музея. Под его руководством во дворе училища был построен рудник, который стал одной из достопримечательностей российской столицы.

Большой популярностью пользовались учебники, составленные немецкими учеными — членами Петербургской академии наук. Ака-

демик Г. В. Крафт является автором следующих книг: «Краткое руководство к познанию простых и сложных машин» (СПб., 1738), «Краткое руководство к математической и натуральной географии» (СПб., 1739, 1764), «Краткое руководство к теоретической геометрии» (СПб., 1748, 1762), «Краткое начертание физики» (СПб., 1787), «Начертание открытого прохождения опытной физики» (СПб., 1779). Академиком Леонардом Эйлером (1707–1783) были написаны превосходные учебники: «Руководство к арифметике», ч. 1 (СПб., 1740), ч. 2 (СПб., 1760), «Геометрия» (СПб., 1765), «Универсальная арифметика», т. 1 (СПб., 1768, 1787), т. 2 (СПб., 1788). Прекрасные отзывы получили учебники географии адъюнкта Иоганна Фридриха Гакмана: «Пространное землеописание Российского государства» (СПб., 1787) и «Краткое землеописание Российского государства» (СПб., 1787).

Многие предметы в российской школе изучались по учебникам, переведенным с немецкого языка. Издание переводов физики Христиана Вольфа (1679–1754) стало заметным событием в истории русской школы. «Вольфианская экспериментальная физика» (СПб., 1746, 1760) была переведена М. В. Ломоносовым, «Вольфианская теоретическая физика» (СПб., 1760) — академическим переводчиком Б. А. Волковым. Последний также выполнил переводы учебников истории немецких ученых Гильмара Кураса (ум. 1747) «Сокращенная универсальная история» (СПб., 1762, 1778, 1793) и Самуэля Пуфендорфа (1631–1694) «Введение в историю знатнейших европейских государств» (СПб., 1767–1770). Были переведены и изданы пособия немецкого педагога из Геттингена Георга Раффа (1748–1788): «Естественная история для малолетних детей» (СПб., 1785) и «Краткое начертание землеописания для детей» (СПб., 1790); два руководства по биологии и физиологии профессора Геттингенского университета Иоганна Блюменбаха (1752–1840): «Физиология, или наука о естестве человеческом» (М., 1796) и «Руководство в естественной истории» в 3-х частях (СПб., 1797). Превосходный учебник по зоологии профессора Лейпцигского университета Натанаеля Готфрида Леске (1757–1786) «Царство животных» в 6 частях (СПб., 1791) перевел академик Н. Я. Озерецковский. Первой книгой по изобразительному искусству на русском языке было издание перевода сочинения немецкого художника, директора Нюрнбергской академии художеств Иоганна Даниэля Прейслера (1666–1737) «Основательные правила или краткое руководство к рисовальному художеству» в 3-х частях (СПб., 1734, 1781, 1795). После посещения лекций профессора Абрагама Готтгельфа Кестнера (1719–1800) в Геттингенском университете академик П. Б. Иноходцев перевел его труд «Начальные основания математики» в 2-х частях (СПб., 1792–1794). Подобные перечисления можно с благодарностью продолжить.

Во второй половине XVIII в. в обществе усиливается интерес к проблемам просвещения, становится очевидным, что отдельные учебные заведения, имеющиеся только в Петербурге и Москве, не способны удовлетворить все возрастающую потребность в грамотных и образованных людях. Начиная с 60-х гг. XVIII в. в России очень медленно, но идет процесс осознания необходимости в стране системы государственного образования: 6 членов Академии наук, из них 4 немецких ученых, составили проекты школьной реформы. При их составлении немецкие ученые использовали опыт организации учебных заведений в Германии, по возможности учитывая российские особенности.

Одним из первых (9 февраля 1761 г.) представил свой проект академик Иосиф-Адам Браун (1712–1768). Он был приглашен в Академию наук на кафедру физики и в 1748 г. прибыл в Петербург. Многие годы Браун читал лекции по физике и философии в академических учебных заведениях. Он предлагал создать в России трехступенчатую систему образования: начальная школа — гимназия — университет⁸, а также считал необходимым во всех городах открыть начальные школы двух типов. Школы первого типа должны были осуществлять подготовку учеников для гимназий; в курс обучения этих школ входили чтение, письмо, арифметика, начала латинского языка, немецкий и французский языки. В школах второго типа к перечисленным выше предметам прибавлялись механические науки и ремесла. Окончившие такую школу могли стать художниками или ремесленниками.

Значительное место в проекте Брауна было уделено гимназиям, которые он предполагал открыть только в крупных городах. Изучать в гимназии он рекомендовал, прежде всего: латинский, немецкий и французский языки, а также риторику, стихотворство, всеобщую историю, географию, хронологию. К этим предметам Браун прибавлял еще математику, философию и юридические науки. После окончания гимназии можно было продолжить обучение в университете или поступить на государственную или военную службу.

В феврале 1761 г. свой проект представил академик Иоганн-Эрнст Цейгер (1720–1784). Он был приглашен в Петербург в 1756 г. для чтения лекций по механике и экспериментальной физике. Четыре года, проведенные в России, не позволили ему высказать предложения о том, в каких городах следует открывать учебные заведения.

По мысли Цейгера, в России следовало бы создать единую школьную систему, состоящую из 4-х классов, причем обучение в каждом классе было рассчитано на несколько лет.⁹ В первом классе должны были обучаться основам латинского языка, во втором — писать,

изучать арифметику и геометрию, в третьем — основное внимание уделять иностранным языкам. Латинский и греческий следовало изучать только тем, кто собирался посвятить себя науке; немецкий и французский — военным и придворным; английский и голландский языки — купцам. Обучение в четвертом классе рекомендовалось только для тех, кто готовил себя к государственной службе.

Предложения Брауна и Цейгера разделяли академики Герард-Фридрих Миллер (1705–1783) и Карл-Фридрих Модерах (1720–1772). Академик Франц-Ульрих-Теодор Эпинус (1724–1802), одобвивший в общем плане эти проекты, не согласился только с включением в курс низших школ латинского языка, последний он предлагал или вовсе исключить, или оставить лишь для готовившихся к карьере ученого.¹⁰

Одним из наиболее знающих в области организации образования академиков, представивших свои проекты, был Иоганн-Эбергард Фишер (1697–1771). В 1730 г. он прибыл в Петербург, где получил место ректора Академической гимназии. С этого времени он в общей сложности пятнадцать лет возглавлял учебные заведения Академии наук.

Фишер прекрасно понимал реальную ситуацию в России, так как восемь лет провел в составе Камчатской экспедиции и у него была возможность узнать страну. Он считал, что россияне еще не достаточно четко представляют, «сколь великие и полезные плоды науки приносят государству», а потому советовал проводить реформу постепенно и осторожно.¹¹ По его мнению, начальные школы следовало открывать только для земледельцев, которым достаточно было уметь писать, читать, знать породы деревьев, камни и свойства земли. Для купцов рекомендовал организовывать школы в тех городах, в которых они живут, и учить их грамоте, арифметике, географии и языкам. Юноши, желающие стать военными, учеными и государственными служащими, должны учиться только в Петербурге, Москве и Казани. Фишер подробно перечисляет предметы обучения в этих школах, но главным считает изучение иностранных языков. Несмотря на то, что на французском языке написано больше правоучительных книг, он предлагал российскому юношеству изучать немецкий язык, так как по-немецки говорят во многих провинциях государства.

Интересные соображения по организации начального обучения высказал академик Яков Яковлевич Штелин (1709–1785). Он родился в Меммингеме в Швабии, прибыл в Петербург в 1735 г. после окончания Лейпцигского университета. Его творческая и научная деятельность весьма разнообразна: филолог, историк, руководил академическими граверами, автор фейерверков и иллюминаций, в тече-

ние многих лет секретарь Академии наук. Seriously интересоваться вопросами образования, видимо, начал в 1742 г., когда императрица Елизавета проявила заботу о воспитании и образовании своего племянника, будущего императора Петра III, и поручила Штелину и академику Христиану Гольдбаху (1690–1764) составить план его обучения. Рекомендации Штелина оказались императрице наиболее подходящими, и он был назначен наставником к наследнику престола. Впоследствии к Штелину неоднократно обращались «высокопоставленные особы» с просьбами составления планов воспитания и обучения своих детей.

Разработанный Штелиным в 1761 г. «Проект всеобщей начальной школы» представляет собой продуманный и серьезный вариант преобразований начальных школ в России. Он предлагал открыть в стране учебные заведения трех видов: общие начальные школы, гимназии и университеты, однако оговорился, что в Проекте речь пойдет только о начальной школе, так как, по его мнению, в настоящий момент это основная задача.¹²

По проекту Штелина в каждом городе предлагалось открыть одну начальную школу, в которой должны преподавать закон божий, чтение, письмо, арифметику, геометрию и основы русской грамматики. Штелин считал, что в начальной школе следует преподавать также и географию, причем начинать знакомить детей с этой наукой следует с конкретного материала: учить читать географическую карту своей провинции и города, а затем переходить к рассмотрению генеральной карты России и только после штудировать по глобусу географическое положение четырех частей света. Очень полезными Штелин находил краткий обзор русской истории и изучение главных законов и указов Российской империи. Каждое из высказанных положений подкреплялось пожеланиями, как лучше преподавать детям тот или иной предмет и по каким учебникам. Штелин понимал, что для этих школ нужно большое количество учителей, поэтому он предлагал, во-первых, «приглашать в учителя» студентов Московского университета и Академии наук после предварительного экзамена; во-вторых, для подготовки педагогических кадров отправлять студентов за границу.

По мысли Штелина в этих школах могли учиться дети всех граждан без ограничений, но обучение должно быть платным. Учащиеся, заканчивающие эти школы в возрасте 12–14 лет и получившие аттестат, будут готовы поступать в гимназию, а затем, если возникнет желание посвятить себя науке, в университет или заниматься ремеслом, торговлей и гражданской службой.

Оригинальные идеи по организации просвещения в стране были высказаны академиком Герардом-Фридрихом Миллером (1705–

1783). В ноябре 1725 г. молодой ученый прибыл в Россию, в только что основанную Петербургскую академию наук, и последующие 58 лет жизни посвятил служению своей второй родине. Педагогическая деятельность Миллера в Петербурге началась с преподавания латыни, истории и географии в Академической гимназии, одновременно с этим он давал частные уроки двум лифляндским дворянам, братьям Реннекампф, и сыну первого генерал-прокурора П. И. Ягужинского. В ноябре 1747 г., вскоре после возвращения из Камчатской экспедиции, Миллер был назначен ректором Академического университета и состоял в этой должности до 5 июня 1750 г. Во время своего ректорства он в 1748 г. составил проект университетского регламента, который весьма активно обсуждался в Академии наук, но утвержден не был.¹³

С середины 60-х гг. XVIII в. проблемы организации школьного дела в России стали для Миллера важнейшей частью его деятельности. В 1764 г. ученый был привлечен к составлению учебных программ и планов Пажского корпуса; в 1765 г. разрабатывает инструкции для надзирателей Московского воспитательного дома и программы физической подготовки воспитанников, высказывает ряд рекомендаций по улучшению деятельности Академической гимназии, предлагая открыть при ней земледельческие классы и пансион для малолетних детей; участвует в разработке нового устава Московского университета и т.д.¹⁴

Наибольший интерес представляют записки и проекты Миллера по организации и проведению школьной реформы в России, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов и в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук: «Мнение о заведении школ в различных городах Российской империи»,¹⁵ «Проект об учреждении школ в России»,¹⁶ «О четырех родах школ»,¹⁷ «Проект учреждения училища, которое бы готовило чиновников для статской службы»,¹⁸ «Предложения к сочинению наказа от Академии наук». ¹⁹ Из записок и проектов Миллера было видно, что ученый предложил оригинальный и продуманный вариант школьных преобразований в России.

Миллер считал, что вопросы организации учебных заведений следует ставить широко, основательно и решать их совместно с городским управлением, духовенством, общественными организациями, частными лицами так, «чтобы они помогали и защищали сии учреждения».²⁰

Он предлагал учредить в России школы четырех типов, в которых готовили бы ученых, военных, чиновников и купцов. Но в государстве, которое имеет «пространство земель и множество жителей», невозможно организовать сразу много школ, поэтому Миллер

предлагал сначала «учредить одну только каждого типа школу и смотреть, в чем оные требуют поправления, и сии исправления школы после будут служить прочим при учреждении в пример».²¹

Школы для подготовки ученых, по его мнению, должны быть в Петербурге, хотя при Академии наук и есть гимназия, «однако же такую другую школу столь в великой столице излишнею почитать не можно».²² Военные школы надо открывать в тех местах, где живет много дворян, и первую такую школу он предлагал организовать в Ярославле. «Школы для гражданских чинов» должны быть по всему государству, их следует учредить в городах, где есть губернаторы, но в первую очередь открыть, и не одну, а несколько, в Москве. Последний тип школы — купеческие — Миллер рекомендовал открыть в тех городах, где живут богатые купцы (например, в Туле). Обучение он предлагал сделать платным, но плата должна быть умеренной и поступать в школьную казну.

Основное внимание в проекте уделено первым годам обучения, которые он считал очень важными и одинаковыми для всех типов школ. Здесь перечислены предметы, подлежащие изучению в этот период: закон божий, русский и латинский языки, арифметика, геометрия, история, география, основы физики, космология, рисование и обязательно танцы, «потому что дети привыкают чрез то к пристойному хождению».²³

После родного языка Миллер советует обязательно изучать немецкий язык «во всех школах преимущественно пред всеми», мотивируя это тем, что немцев много живет в России и язык этот нужен для торговли в Европе. Причем замечает, что не следует знание языка «доводить до самой точности и тонкости», потому что постоянное общение и чтение хороших книг «остальное награждать могут».²⁴

Далее Миллер очень подробно излагает организацию и содержание обучения каждого типа школ, раскрывает требования к учителям и ученикам, высказывает множество методических рекомендаций и т.д.

Ни один из этих проектов не был осуществлен. В конце 60-х гг. XVIII в. изменился состав Академии наук: ушел из жизни М. В. Ломоносов, приверженец школьных преобразований, академики Модерах и Цейгер вернулись на родину в Германию, академик Браун скончался, академики Эпинус и Штелин стали очень много времени уделять службе при дворе Екатерины II. Но следует заметить, что ученым немецкого происхождения удалось почувствовать и показать острейшую необходимость в 60-х гг. XVIII в. школьных преобразований, высказать ряд оригинальных предложений, которые в некоторой степени были учтены и использованы Екатериной II в ходе проведения большой школьной реформы в 80-х гг. XVIII в.

Приведенные примеры позволяют в достаточной степени представить, какое большое воздействие оказали немецкие ученые на развитие российской школы и культуры в XVIII в.

- 1 *Amburger E.* Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands. Wiesbaden, 1986. S. 63–68. *Donnert E.* Rußland im Zeitalter der Aufklärung. Leipzig, 1983. S. 54–67. *Scharf C.* Katharina II. Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1995. S. 130–145.
- 2 Смагина Г. И. Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в. СПб.: Наука, 1996.
- 3 Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885. Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л., 1962. С. 29–85.
- 4 Санкт-Петербургские ведомости. 1741, 10 апреля, № 29.
- 5 Смагина Г. И. Публичные лекции Петербургской академии наук в XVIII в. // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 2. С. 16–26.
- 6 Петербургский филиал архива Академии наук (ПФ ААН). Ф. 3. Оп. 1. № 220. Л. 139–142; № 258. Л. 42–44. Оп. 9. № 21. Л. 1–10; Р. 1. Оп. 70. № 6. Л. 1–17; № 23. Л. 1–9.
- 7 Раскин Н. М. К предыстории организации горного училища // Очерки по истории геологических знаний. М., 1974. С. 9–22.
- 8 ПФ ААН. Ф. 3. Оп. 1. № 258. Л. 36–37.
- 9 Там же. Л. 34–35.
- 10 Там же. Л. 38 об.
- 11 Там же. Л. 42–44.
- 12 Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 871. Оп. 1. № 64. Л. 1–3.
- 13 ПФ ААН. Ф. 21. Оп. 1. № 99. Л. 1–33.
- 14 РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 199. Оп. 2. № 412. Ч. 1; Д. 14. Л. 1–28; Д. 15. Л. 1–6; Д. 16. Л. 1–9; Д. 17. Л. 1; Д. 22. Л. 1–2 об.
- 15 ПФ ААН. Ф. 3. Оп. 1. № 87. Л. 1–34.
- 16 РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 412. Ч. 2. Д. 1. Л. 1–19.
- 17 Там же. Д. 3. Л. 1–17.
- 18 Там же. Д. 5. Л. 1–5.
- 19 Там же. Д. 4. Л. 1–10; ПФ ААН. Ф. 21. Оп. 1. № 36. Л. 61–75.
- 20 ПФ ААН. Ф. 3. Оп. 1. № 87. Л. 1.
- 21 Там же. Л. 1 об.
- 22 Там же. Л. 6.
- 23 Там же. Л. 5.
- 24 Там же.

ФИЛАНТРОПИЗМ И ФИЛАНТРОПИСТЫ В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

При изучении российско-германских педагогических связей невозможно пройти мимо такой темы, как филантропизм и филантрописты в России. На русском и иностранном языках в России было издано больше двух десятков сочинений филантропистов (не считая журнальных публикаций), сохранились отзывы современников об авторах этих книг, их идеях, методиках, опыте организации школы. Осознавался ли филантропизм в России как некая целостность или отдельные педагоги, книги, идеи воспринимались самостоятельно, без всякой связи? Какие стороны течения вызывали интерес? Как изменялось отношение к филантропистам и филантропизму? Когда внимание к ним было наибольшим? Какова была реакция интеллектуалов и широкой публики?

Одно из первых знакомств с идеями И. Б. Базедова в России произошло в 1768 г., когда конференция Академии наук 11 апреля рассмотрела его сочинение «Vorstellungen an Menschen Freunde...», присланное с просьбой дать на него отзыв. Реакция оказалась довольно прохладной: было решено ограничиться благодарственным письмом, в отзыве же отказать под тем предлогом, что Академия подобными вопросами не занимается.¹

Между тем в конце 60-х гг. Базедову удалось привлечь к своим педагогическим проектам внимание Екатерины II, усиленно искавшей для России оптимальную систему образования и людей, которые могли бы провести учебную реформу в жизнь. Она пожертвовала на устройство тогда только планируемого филантропина 1000 талеров (позже еще 1600), наследник Павел Петрович — 500.² Когда Екатерина через директора Академии наук графа В. Г. Орлова пригласила Базедова в Петербург для консультаций по вопросам школьного дела, тот вежливо отказался, однако их отношения на этом не прекратились: в 1771 г. Базедов прислал в Россию через Орлова несколько сотен экземпляров своих сочинений, обещал назвать именем императрицы училище для девочек (которое так и не было создано). Екатерина после открытия филантропина в Дессау в 1774 г. в течение нескольких лет настойчиво добивалась от Гримма отзыва о работе этого заведения. Гримм же удовлетворил ее любопытство лишь тогда, когда Екатерина уже охладела к филантропину и все-раз увлеклась австрийской школьной системой.³

Интерес ли к филантропину Екатерины II, атмосфера ли всеобщего ожидания чуда, которую удалось создать Базедову, энтузиазм ли искренне увлеченного филантропином Л. Эйлера повлияли на Академию наук, но на конференции 5 октября 1775 г. было решено по поводу «брошюры» о филантропине, представленной Эйлером, писать Базедову, что «конференция нашла этот труд достойным ее похвал», что она «приветствует то искреннее стремление ко благу человеческого рода, которым проникнут автор» и что она не сомневается в успехе предприятия, так как «план воспитания и метод обучения во многих отношениях заслуживают предпочтения перед теми, которых до сих пор придерживались».⁴ В протоколах заседаний сохранились сведения о получении ответа Базедова на это письмо, а также о сочинениях Базедова и Х. Г. Вольке, присланных в Академию наук соответственно в 1777 и 1783 гг.⁵ Отсутствие отзывов на эти сочинения на страницах протоколов не говорит об отсутствии интереса к филантропистам. Уже в 1779 г. была издана на немецком языке для учащихся Академической гимназии «*Sitteltuchlein für Kinder aus gesitten Ständen*» («Книжка о поведении для детей благородного сословия») И. Г. Кампе, а не позже конца 1780 г. «Комитет, рассматривавший училища», рекомендовал «Собранию, старающемуся о переводе иностранных книг на российский язык», к переводу сразу несколько сочинений филантропистов: 2 — Ф. Э. Рохова, 1 — Базедова, 1 — Кампе. Все они были переведены на русский язык.⁶ Известно, что в 1785 г. в Петершule с помощью гравированных картин Базедова делался первый опыт в связывании слов с познанием вещей.⁷ Свидетельством сохранившегося внимания Екатерины II к филантропистам было приглашение в Петербург в 1784 г. Вольке (о его деятельности подробнее см. в статье О. Блескиной в наст. сб.).

Кроме Петербурга, важным центром изучения педагогического опыта филантропистов стала Москва — университет и Типографическая компания: издаются сочинения филантропистов или переделки из них,⁸ публикуются отзывы об их творчестве.

К деятельности филантропистов относились по-разному. Так, Х. А. Чеботарев в речи на торжественном собрании Московского университета в 1779 г. говорил, что лучшими из «наставников о порядке учения» «почесть можно Берлинга, Флерия, Роллена, Буддея, Базедова и создателей так называемого училищного магазина и библиотеки для воспитания и училищ».⁹ Ему вторил Н. И. Новиков, в 1784 г. упоминающий Базедова и Рохова в числе «достойных мужей», сочинения которых стоит читать «с философическим остроумием, исследовать их, извлекать из них доброе», поскольку тогда «свет приобретет науку, которая во всяком рассуждении заслужит имя педагогики «...» Кому неизвестны методы Камелия, Базедова и

многих других великих мужей, столько же заслуживающих особого названия, как и метод Сократа?»¹⁰ Однако у А. А. Прокоповича-Антонского отношение к «методу Базедова» было достаточно скептическим: «Вначале заманчив, но после родит скуку ко всем важным упражнениям, требующим не столько беглого ума, сколько рассудка, системы».¹¹

Имеется сообщение об использовании сочинений Базедова и Вольке в школьном преподавании еще в 1808 г.: член Главного управления училищ граф Платтер, обозревавший учебные заведения Могилевской и Витебской губерний, сообщал, что в частном пансионе Шретера «ученики показали весьма высокий успех во французском языке: причину сему, кроме прилежания учителя, полагают можно то, что они читают сочинение Вольке под названием «Methode Naturelle d'Instruction» (в России не издавалось. — К. Б.), рассматривая при этом эстампы Базедовы, относящиеся до сего сочинения».¹² Несмотря на то, что объектом педагогической полемики стали деятельность и творчество, по-видимому, главным образом Базедова, Рохова и Вольке, самым читаемым и издаваемым автором в России стал Кампе, которого нередко называли «славным». Отдельными изданиями на русском языке (не считая журнальных публикаций и изданий на немецком и французском) вышло не менее десятка его детских книг, значительная часть которых переиздавалась по нескольку раз. Наибольшей популярностью пользовались «Детская библиотека» в переводе-переложении А. С. Шишкова, выдержавшая 6 или 7 изданий до середины 40-х гг. XIX в., и «Новый Робинзон», который получил высокую оценку педагогов еще до того, как в 1792 г. в Москве появился первый перевод этого сочинения на русском языке.¹³ Эта книга стала основным чтением на «кампейских вечерах» в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе.¹⁴ Ф. Ц. Лагарп заставлял читать отрывки из него своих воспитанников, великих князей,¹⁵ а в 1790 г. немецкое издание было рекомендовано для университетских гимназистов при изучении немецкого языка.¹⁶ В качестве увлекательного и полезного чтения и как пособие при изучении немецкого языка «Робинзон» дожил до начала XX столетия.¹⁷ Активное издание и переиздание других переводов из Кампе прекращается с середины 30-х гг. XIX в.; что касается сочинений других филантропистов, то их почти прекращают печатать двумя десятилетиями раньше.¹⁸ Диалог с филантропизмом, пик которого приходится, очевидно, на 80-е гг., сходит на нет.

Отдельные методики филантропистов используются в 30-е гг. XIX столетия. Так, Е. Гугель писал в 1833 г. в рецензии на «Nouvelle methode d'enseigner la langue francaise», опубликованную Б. Эртелем: «Г-н Эртель издал учебные курсы, составленные по методе Базедова;

именно в 1831 году издан им «Практический курс немецкого языка» «...», а ныне «...» применил сию методу и к преподаванию французского языка». Гугель признает, что «книга сия весьма удобна для первоначального преподавания какого-либо иностранного языка», но для более серьезного изучения «требует слишком времени и притом слишком мало действует на развитие умственных сил. Однако, если взять в соображение, каким образом у нас преподают многие языки, то нельзя не поблагодарить господина Эртеля, что он старался заменить сии худые способы преподавания другим — лучшим».¹⁹

Но о том, кто такие филантрописты, надо думать, почти забыли даже среди интеллектуалов. Иначе трудно объяснить тот факт, что Я. К. Грот взялся объяснять П. А. Плетневу в 1848 г., кто такой И. Г. Зальцман и кто такие «филантропы».²⁰

С почти окончательным вытеснением в 1830–1840 гг. просветительской мировоззренческой парадигмы и распространением идеи национальной школы, а также зарубежных сочинений по истории педагогики, вероятно, связано осознание филантропизма как отдельного течения, некоторой системной целостности в рамках общего просветительского направления в педагогике (чего нет и не может быть, например, в вышеприведенных отзывах Чеботарева, Новикова, Прокоповича-Антонского). Так, С. П. Шевырев в одной из статей критикует «школу филантропов» (к ней относит Базедова, Вольке, Изелина, Кампе, Рохова и некоторых других педагогов), «двигателем» которой называет Руссо, за то, что они «приняли основанием отвлеченную идею человека» и «пришли вместе со своим вождем к космополитизму».²¹ О складывании такого отношения свидетельствуют и письмо Грота Плетневу, и иронический отзыв А. И. Герцена в романе «Кто виноват?» (1841–1845) об учителе Бельтове, который «изучал всевозможные трактаты о воспитании и педагогии от «Эмиля» и Песталоцци до Базедова и Николаи», но не вычитал из них, что воспитание должно быть соотнесено с условиями жизни человека, с окружающей обстановкой (от природной до внутрисемейной).²²

В России, по-видимому, были усвоены не все стороны наследия филантропистов. Не удалось найти никаких указаний на использование их достижений в области физического воспитания, трудового обучения. Но даже из того, что было воспринято, переработано, использовано, на долю широкой публики досталась исключительно детская и учебная литература. Переводы сочинений Базедова (Семенников полагает, что их было два), очевидно, так и не были напечатаны.²³ Таким образом, более или менее полное представление о филантропизме долгое время имел, вероятно, лишь узкий круг интеллектуалов, как правило, принадлежащих немецкой диаспоре или

тесно связанных с ней. Это не значит, что диалог с филантропизмом прошел впустую, но его реконструкция требует более серьезного методологического аппарата, чем тот, который использован в настоящей статье.

- ¹ Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг. (далее — Протоколы... — К. Б.) Т. 2. 1744–1770 гг. СПб., 1899. С. 647.
- ² *J. B. Basedow. Elementarwerk mit den Kupfertafeln Chodakowskis und a. Kritische Bearbeitung in drei Banden. Bd. 17. Leipzig, 1909. S. XV.*
- ³ *Грот Я. К. Заботы Екатерины II о народном образовании по ее письмам к Гримму.* СПб., 1879. С. 29–30, 172; *Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX в. Ч. 1.* СПб., 1912.
- ⁴ Протоколы... Т. 3. СПб., 1900. С. 204, 207.
- ⁵ Там же. С. 238–239, 717.
- ⁶ *Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783.* СПб., 1913. С. 77–79. Объявление напечатано не в самих «Санктпетербургских ведомостях», как указывает Семенников, а в «Прибавлении» к № 1.
- ⁷ Известие о Петровском училище. СПб., 1782. С. 5.
- ⁸ *Агентов М. И. Краткая немецкая грамматика, из разных авторов в пользу российского юношества собранная... Второе издание с прибавлением синтаксиса.* М., 1779. (М. И. Агентов взялся перевести на русский язык синтаксис Базедова, которым снабдил его профессор Рейхель. *Мельникова Н. Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета.* XVIII в. М., 1966. С. 177); *Штой И. З. Начальное руководство к наставлению юношества, или Первые понятия о вещах всякого рода, выбранные из Базедова, Перольта и других лучших сочинителей, писавших о воспитании детей... Ч. 1–4.* М., 1793; То же. 2-е изд. М., 1812–1813; То же. 3-е изд. М., 1815 (о характере использования в этом сочинении базедовской «Elementarwerk für die Jugend...» см.: Хрестоматия по детской литературе. М., 1940. С. 240); *Зальцман Х. Г. Небо, или Блаженство на земле.* Кн. 1–4. М., 1803–1804. Многочисленные переводы сочинений Кампе не перечисляем.
- ⁹ Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями. М., 1819. Ч. 1. С. 346–347.
- ¹⁰ О сократическом способе учения // Прибавления к «Московским ведомостям». 1784. №№ 56–59. Цит. по: *Новиков Н. И. Избранные педагогические сочинения.* М., 1959. С. 193–194. На использование идей Базедова в статье Новикова «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия», опубликованной в «Прибавлении...» в 1783–1784 гг., обратил внимание Е. Н. Медынский (*История русской педагогики.* М., 1938. С. 99).

11. Прокопович-Антонский А. А. О воспитании // Сычев-Михайлов М. В. Из истории русской школы и педагогики XVIII века. М., 1960. С. 213. Единственная найденная оценка филантропина и, возможно, филантропизма в целом. Неоднократно цитированный отрывок из «Памятника дактилохорейческому витязю» (1801) А. Н. Радищева, где он высоко оценивает как творчество Базедова и Вольке, так и созданное ими учебное заведение (*Радищев А. Н. Полное собрание сочинений.* М.; Л., 1952. С. 407). Характеристику деятельности Базедова как продолжателя линии Руссо в педагогике и высокую оценку его методических достижений см.: Там же. Т. 2. 1941. С. 204.
12. Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1808. № 21. С. 421.
13. Детская библиотека. Ч. 1–2. СПб., 1783–1785; Кампе И. Г. Новый Робинзон, служащий к увеселению и наставлению детей. Ч. 1–2. М., 1792.
14. Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 65.
15. Несколько писем Фридриха Цезаря Лагарпа // Старина и новизна. Кн. 2. СПб., 1898. С. 35–36, 51–52. Письмо Людовику Фавру от 8 августа 1785 г.
16. Способ учения // Сычев-Михайлов. Указ. соч. С. 170.
17. Кампе И. Г. Робинзон младший. Ч. 1–2. М., 1809; *Robinson von J. H. Campe.* Пособие для классного и домашнего чтения на немецком языке. Обработал, примечаниями, синонимами, вопросами для повторения текста, темами для устных и письменных упражнений и словарем снабдил Макс Фишер. Изд. 5-е. М., 1911.
18. Штой. Указ соч.: *Ротов Ф. Э.* Детский круг. Книга для чтения поселянам... Ч. 1–2. СПб., 1817 (3-е изд.); Кампе И. Г. Каролинушка, или Добрая дочь. СПб., 1833 (3-е изд.); Он же. Рука Господня с нами... (пер. с фр.). Ч. 1–2. М., 1835. Вообще проблема Кампе лежит на стыке истории педагогики, литературы, детской литературы и заслуживает отдельного подробного рассмотрения. Хотелось бы лишь отметить, что в конце XVIII в. произведения Кампе стали важным фактором литературного процесса. Отрывки из них публиковались в журналах «Утренний свет», «Чтение для вкуса, разума и чувствований», «Муза» и особенно много, конечно, в «Детском чтении для сердца и разума». В журнале «Приятное и полезное препровождение времени» в 1796 г. под заглавием «Чувствительность и причудливость» В. С. Подшиваловым была анонимно опубликована первая часть сочинения Кампе «О чувствительности и сентиментальности в педагогическом отношении». Она была посвящена проблеме «ложной чувствительности», актуальной для общественно-литературных дискуссий того времени (Подробнее см.: *Кочеткова Н. Д.* Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма // XVIII в. Сб. 17. СПб. 1991. С. 65–71.
19. Педагогический журнал. 1833. № 8. С. 323–328
20. Переписка Я. К. Грога с П. А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. С. 184
21. Шевырев С. П. Об отношении семейного воспитания к государственному // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987. С. 338.

- ²² Герцен А. И. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1955. С. 90. Оценку личности Базедова и его деятельности смотри там же: Т. 2. С. 303.
- ²³ Единственным переводом (не переработкой) сочинения Базедова в России можно назвать рижско-альтонское издание 1781 г. «Allgemein Christlichen Gesandbuch für alle Kirchen und Gesten». Об устойчивости связей Риги с филантропистами свидетельствует и тот факт, что в 1804 г. рижский суперинтендант К. Г. Зоннтаг, раздумывая, приглашать ли в Ригу Песталоцци, запросил отзыв о нем у Вольке (*Ротенберг В. А., Шабаева М. Ф.* Связи И. Г. Песталоцци с Россией в первой четверти XIX в. // Советская педагогика. 1960. № 8. С. 120–121).

О. Н. Блескина

Х. Г. ВОЛЬКЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

К числу незаслуженно забытых сегодня имен немецких ученых, работавших и творивших на благо России на рубеже XVIII–XIX вв., можно отнести и имя талантливейшего педагога и писателя, одного из первых немецких лингвистов нового времени Христиана Генриха Вольке. Он автор 30 научных работ, опубликованных на немецком, русском, французском и латинском языках, большая часть которых представляет собой учебные пособия и книги для детей, известный в Германии педагог-теоретик, преподававший не только в крупных учебных заведениях, но и в самых богатых и знатных семьях Германии и России. Приехав в Петербург по приглашению русского правительства, Х. Г. Вольке около 7 лет (1784–1801) преподавал здесь разработанную им методику быстрого начального обучения детей, сделав тем самым значительный вклад в становление и развитие русской педагогики. Он родился 21 августа 1741 г. в Евере — главном городе одноименного княжества Евер, принадлежащего в то время герцогству Ангальт-Цербстскому.¹ Отец Вольке занимался сельским хозяйством, торговлей, разведением лошадей и крупного рогатого скота. Мать была дочерью местного помещика. Свою будущую профессию, вероятно по воле судьбы, Вольке избрал очень рано — в 6 лет, когда он самостоятельно научился читать. Родители, заметив необыкновенные способности сына, дали ему хорошее образование. Он успешно закончил гимназию и Геттингенский университет, где изучал философию, математику, право, физику и теорию изобразительного искусства. С 15-летнего возраста Х. Г. Вольке стал работать воспитателем и преподавать математику в монастырских школах Германии и в частных домах.

В 1770 г. по предложению знаменитого в то время профессора Базедова Вольке стал заниматься разработкой методики преподавания

начальных предметов и различных дисциплин в области природы и искусства, а затем под его же руководством открыл в Дессау воспитательное учебное заведение «Филантропия», или, как он сам пишет, «Человекоприязненный воспитательный дом»,² где готовил будущих учителей и воспитателей и «яко первый учредитель, учитель, воспитатель, надзиратель, настоятель и яко корреспондент ревностно служил...»³

Его активная педагогическая деятельность очень скоро дала превосходные результаты и вызвала сенсацию в обществе. Например, он, применяя разработанную им методику быстрого обучения детей чтению, за 4 недели обучил трехлетнюю дочь Базедова Эмилию немецкому и французскому алфавиту и свободному чтению по-немецки. Через три месяца девочка выучила французский язык, а в пять лет еще и латинский. При этом обучение происходило в процессе игры с использованием наглядных пособий и развития фантазии ребенка. Такие же удивительные результаты в овладении знаниями показали и ученики «Филантропии» на экзамене в присутствии 125 лучших педагогов, съехавшихся в Дессау со всей Германии. 13–14-летние юноши, помимо прекрасного знания природоведения и истории, физики, счета и геодезии, могли свободно говорить на латыни, хорошо знали грамматику, читали классиков и с листа переводили сочинения античных писателей, что и было продемонстрировано экзаменаторам на примере «Деяний Александра Великого» Курция Руфа. Вскоре благодаря успехам учеников «Филантропия» Вольке получила большую известность и сюда стали приезжать учиться педагогическим наукам, а также торговому и военному делу юноши со всей Европы: Дании, Франции, Голландии, Лифляндии, Курляндии, Польши, России. В 1776 г. Вольке получил звание профессора.

Но деятельность в Дессау не всегда протекала гладко из-за разногласий с Базедовым, совершенно не принимавшим участия в преподавательской работе учреждения, и в июне 1784 г. Х. Г. Вольке с удовольствием отправился в Данию, Швецию, Курляндию, а затем, получив приглашение от своей соотечественницы императрицы Екатерины II (урожденной принцессы Ангальт-Цербстской), приехал в Петербург. «Екатерина Безподобная» (так Вольке называл императрицу в своих книгах) изволили пожелать, чтобы знаменитый «учитель методов» принес пользу в кадетском корпусе или училище св. Петра⁴ и граф Антон Богданович де Бальмен, директор Императорского сухопутного шляхетного кадетского корпуса, предоставляет немецкому педагогу место заведующего учебной частью корпуса.

Об успехах Вольке в области педагогики и методики обучения иностранным языкам в Петербурге было хорошо известно, так как здесь преподавали его ученики, закончившие «Филантропию» в Дес-

сау. По этому поводу он пишет: «...признано в Санкт-Петербурге, что существует искусство, которым весьма удобно и чрезвычайно скоро можно иностранному языку обучить Россиянина, Персиянина, Китайца и онаго, хотяб онаго учитель и не разумел по-русски, персидски или китайски...»⁵ Искусство это вскоре и было продемонстрировано в Санкт-Петербурге. Вольке, не знавший по-русски и сотни слов, в течение месяца занимался немецким языком с 12 кадетами, не знавшими ни слова по-немецки, после чего юноши были проэкзаменованы директором и педагогами корпуса. Экзамен проходил следующим образом: из Академии художеств была прислана картина, и в течение двух часов Вольке по-немецки задавал своим русским ученикам вопросы об этой картине. К удивлению экзаменаторов кадеты не только прекрасно понимали все задаваемые вопросы, но и свободно отвечали на них на хорошем немецком языке. Кроме занятий в Сухопутном кадетском корпусе, педагог преподавал латынь учителям Императорского сиротского воспитательного дома и по многочисленным просьбам давал частные уроки в таких «самых знатных российских фамилиях», как Строгановы, Орловы, Загряжские.

В своем дневнике Х. Г. Вольке пишет о занятиях немецким языком с юным графом Строгановым и приемной дочерью графини Загряжской следующее: «Мадам Загряжская настойчиво просила меня ежедневно один час заниматься с ней и ее маленькой дочерью Машенькой. При этом каждый раз находился граф и его гофмейстер. Спустя 6 недель занятий я сообщил, что для написания моей книги хотел бы заниматься не ежедневно, а только 1 час в неделю, но это оказалось очень трудно сделать... Мадам Загряжская послала за мной экипаж с тем, чтобы я как можно чаще бывал у нее. Если уроки давались 2 раза в неделю, то экипаж не возвращался и за мои труды до сего времени я неоднократно на словах получал благодарность...»⁶

Приехавший в Петербург из Москвы на 3 недели со своей маленькой дочерью граф Алексей Григорьевич Орлов пригласил Вольке к себе и попросил ежедневно давать уроки его дочери, а также обедать и беседовать с ним. После 10 уроков граф должен был уехать в Москву, и он обратился к Вольке с вопросом, сколько он должен ему за занятия? Отнюдь небогатый Вольке ответил: «Вы оказали мне столько чести и дружеского участия, что я не хочу, чтобы Вы спрашивали о том, сколько я должен получить за удовольствие находиться в Вашем обществе». На что граф сказал: «А я не могу не оплатить такой услуги. Возьмите 100 рублей и приезжайте ко мне в Москву, где для Вас будет приготовлена комната и 2 слуги и Вы сможете жить и обедать у меня столько, сколько пожелаете».⁷ Некоторое

время Х. Г. Вольке давал уроки в семье князя Михаила Илларионовича Кутузова.

Талант и труд педагога в петербургских домах не только высоко ценились, но и хорошо оплачивались. Обычно, как пишет сам Вольке, частным учителям платили за час обучения 1 рубль.⁸ Он же получал от Строгановых и Загряжской по 10 рублей за час и доставлялся на занятия присылаемыми за ним экипажами.⁹ Преподавательская работа в учебных заведениях оплачивалась значительно ниже, чем частные уроки. В открытом Вольке в Петербурге частном воспитательном заведении «Пансионе», где он преподавал со своей супругой Юлией Якобиной (урожденной Пелиссон), за 8 часов ежедневных занятий он получал 16 рублей серебром.¹⁰ Возможно, финансовые проблемы Вольке, напряженно работающему над новой книгой, не пришлось бы решать с помощью частных уроков, если бы он получил обещанные Екатериной II 20000 рублей. Вместо указанной суммы чиновниками было выплачено только 1500 рублей.¹¹

Кроме преподавания иностранных языков и методики быстрого обучения чтению, в своем пансионе в Петербурге Вольке также обучал искусству телеграфирования, т. е. передачи информации по телеграфу, и разрабатывал идеи Лейбница о создании всеобщего письменного языка.

За время пребывания в Петербурге с 1784 по 1801 гг. педагог написал 4 книги и несколько статей. Книги были напечатаны при Императорском сухопутном шляхетном кадетском корпусе и в типографиях И. К. Шнора и Брейткопфа на русском, немецком, французском и латинском языках. Первая из них «160 эстампов с описанием оных»... адресована «к любителям детей, желающих видеть оных наученными».¹² Книга содержит параллельные описания на трех языках и гравированные изображения сюжетных картинок и дает представление о методике преподавания иностранных языков на основе конкретных изображений с применением элементов игры и развития мышления и фантазии у ребенка. Еще одним прекрасным наглядным пособием для детей, изучающих иностранные языки, являлась книга Х. Г. Вольке «Сто эстампов, господину Ходовицким начертанных к облегчению и приятному упражнению в языках и в науках, с описанием французским, немецким и латинским», изданная в 1789 г. в двух частях. Цель своих сочинений автор выразил следующими словами: «Возбужден будучи несколько времени прожить в здешнем городе Санктпетербурге, охотно желал бы я также в оном по возможности сил моих... изобрести для юношества какое-либо удовольствие и пользу. Для того самого и препроводил я здесь четыре месяца, в звании учителя трудясь наставлять и обучать такими способами, какие с давних лет совокупно с другими лицами я усмотрел

в преподавании наук отменно благоуспешными и удачными». ¹³ Третий труд, написанный в Петербурге, «Книга для чтения и размышления», по выражению автора, «есть первоначальная энциклопедия, которая начинается с легчайшего и с простейшего и мало по малу углубляется в труднейшее и сложнейшее, подает наставления и примеры... и отменную помощь окажет тем, кои самоучкою захотят обучиться по Российски, по Немецки или по Французски...» ¹⁴ В книге в простой и доступной форме изложены начальные основы русской и немецкой грамматики, азбука, правила поведения, главные понятия о жизни, смерти, чувствах, памяти и т. д., основы науки исчисления, или арифметики, географии, картографии, сюжеты из русской и мировой истории и многое другое. Четвертая книга «Известия о успехах человеческого духа» с эстапками повествует о создании мира и рода человеческого и включает естественную историю и баснословие, мысли и изобретения человечества. ¹⁵ Книги Вольке пользовались большой популярностью в России, о чем свидетельствуют их подписные листы. Среди государственных учреждений по 100 экземпляров книги заказано Петербургским императорским воспитательным домом и Артиллерийским кадетским корпусом, по 300 — Московским воспитательным домом и Сухопутным шляхетным корпусом, 30 — Архангельской духовной семинарией. Список частных заказчиков состоит из множества фамилий. Среди них — граф Миних, граф Фридрих фон Ангальт, барон Карл фон дер Остен-Саккен, Демидов, Сиверсы... Среди подписавшихся — жители Бордо, Вены, Риги, Копенгагена, Берлина, Лондона, Лиссабона, Нарвы, Москвы, Ревеля, Киева... ¹⁶ Вольке пишет, что его сочинения продаются в здешних российских книжных лавках: у Вогака по Невской перспективе, у Миллера в Малой Миллионной, у Вейбрехта близ Синего моста; в Москве в университетской лавке у Ридигера... ¹⁷

Кроме указанных печатных изданий, в БАН России хранится рукописный альбом Х. Г. Вольке с описанием его путешествия по Петербургу с рисунками. ¹⁸ Рукопись поступила в БАН из собрания известного советского историка книги и филолога Сократа Александровича Клепикова в 1977 г. Альбом с названием «Виды Петербурга и окрестностей» представляет собой черновой иллюстрированный дневник Вольке и состоит из 49 рисунков и беглых карандашных набросков с краткими записями и заметками автора на немецком языке. Рисунки подписаны и датированы 1785–1786 гг. Большая часть рисунков выполнена карандашом и тушью, некоторые — с использованием акварели и цветных карандашей. Сначала, во время поездок и прогулок, в альбоме делались карандашные наброски и краткие записи, которые затем дописывались тушью. Отдельные зарисовки остались незавершенными. К сожалению, состоя-

щий сейчас из 51 листа альбом далеко не полон. Значительная часть листов утрачена, что не позволяет воссоздать полную картину путешествия, но тем не менее сохранившиеся рисунки представляют интерес для исследователей города, так как каждый из них живая, маленькая картинка Петербурга конца XIX в.

Вольке, хоть и изучал теорию изобразительного искусства, не был художником, и рисунки его во многом несовершенны и непрофессиональны, да личный дневник и не предназначался для демонстрации, но в рисунках сквозит неподдельное чувство искренней любви и восхищения автора архитектурными памятниками и пейзажами северной столицы, чувство дружбы, благодарности и уважения к друзьям и коллегам, окружавшим его в эти годы. Вольке писал стихи, любил природу, музыку и литературу, поэтому его рисунки живописны, трогательны и лиричны. Вид Фонтанки у Летнего сада, невские пейзажи у Каменного острова, каналы Петергофа и Ораниенбаума со шлюпками, галерами и яхтами на рисунках Вольке свидетельствуют о былой красоте Северной Пальмиры. Многие из городских архитектурных ансамблей уже практически неузнаваемы. Если бы не записи, то мы вряд ли узнали бы в сельском пейзаже с прудом и утками, с заросшими берегами, деревянными набережными и домом вдали так хорошо всем знакомую набережную Фонтанки с частью Аничкова дворца. Еще более необычен вид Смольного монастыря с коровами на лугу перед ним, пастухом и бабой с коромыслом. Некоторые городские пейзажи, улицы, площади и памятники нам хорошо известны: это — Невская перспектива, Петропавловская крепость, Адмиралтейская верфь, Медный всадник. Рисунки Невской перспективы, как указано в альбоме, сделаны из дома пастора Лампе. Иоганн-Георг Лампе был старшим пастором евангелическо-лютеранской общины церкви св. Петра, находящейся на Невском проспекте, и проживал рядом с храмом в 1-м квартале по Невскому проспекту в церковном доме без номера (2-я Адмиралтейская часть).¹⁹ Среди городских пейзажей альбома есть несколько рисунков, сделанных в районе Фонтанки. Эта часть города была, по всей вероятности, наиболее знакома и близка Вольке, так как именно здесь в доме № 62 по Аничкову переулку в 1-м квартале (3-я Адмиралтейская часть) все эти годы он проживал в доме своего друга секунд-майора Дмитрия Федоровича Бехтеева.²⁰ Большую часть альбома занимают рисунки пригородов Петербурга, архитектурных ансамблей Петергофа, Стрельны и Ораниенбаума, поместий семьи графов Минихов в Екатерингофе и Боровской. Из них наиболее интересны рисунки церкви св. Петра на восьмой версте по петергофской дороге, Большой дворец и Большой каскад, грот и морской канал, церковь и дворец Марли в Петергофе; дворец в Стрельне, заложенный еще Петром I, и деревянная при-

дворная церковь, развалины Стрельнинской мызы; Большой дворец в Ораниенбауме.

Но знаменитого педагога интересовали не только архитектурные памятники, но и люди. На рисунках изображены представители разных сословий: крестьяне, извозчики, слуги, горничные, дворяне, и, конечно же, друзья — пастор Лампе, семьи графа Миниха и Кнустов. Среди своих знакомых Вольке также упоминает графа Остермана, графа Брюса, книгопечатника и книготорговца Брейткопфа, оберлейтенанта Рудингера и других. Как видно из дневника, педагог часто гостил в имениях своих друзей в пригородах Санкт-Петербурга, где для него устраивались разные увеселительные прогулки и пикники, также запечатленные в альбоме. На одном из рисунков вместе с друзьями Вольке изобразил и самого себя, дав себе имя Христиан Волькевич.

Х. Г. Вольке покинул Петербург и вернулся в Германию в 1801 г. Работу по его методике в основанном им «Пансионе» продолжили его ученики. В Германии он еще много и плодотворно работал, преподавал, написал несколько книг по педагогике и филологии, скончался в Берлине в 1825 г. в 84-летнем возрасте.

Давно ушли в прошлое события той эпохи. Имена многих, ранее хорошо известных людей, ныне забыты, разрушились и исчезли с лица земли многие творения рук человеческих, но сохранились рукописи и книги — документальные свидетельства эпохи, хранители информации о прошлом. И сегодня они помогли нам воскресить из небытия еще одно забытое россиянами имя — имя немца, творившего на благо развития русского образования и культуры. Приоткрыта еще одна страничка из жизни Петербурга последней четверти XVIII в.

¹ Биографию Вольке см.: *Hasselbach J. P. Lebensgeschichte des Kayserlich Rußischen Hofrathes und Professors Christian Hinrich Wolke*. Aachen, 1826; *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig, 1898. Bd. 44. S. 134–136; *Amburger E. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands*. Wiesbaden, 1986. S. 65.

² *Вольке Х. Г.* Сто шестьдесят эстампов с описанием оных к удовольствию и к пользе юношества, охотно смотрящаго на изображения и охотно читающаго то, что понимать не трудно. СПб.: Печатано при Императорском сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1785. С. III.

³ *Вольке Х. Г.* Книга для чтения и размышления. СПб.: Печатано при Императорском сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1785. Ч. IV. С. 156.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ч. II. 6.37.

⁶ Рукопись 0.261: *Wolke Ch. H. Ansichten von Petersburg und Umgegend*. 1785–1786. Bl. 36 v.

- ⁷ *Hasselbach J. P. Lebensgeschichte... S. 29–30.*
- ⁸ *Вольке Х. Г. Книга для чтения..., 1786. Ч. IV. С. 158.*
- ⁹ Рукопись 0.261, л. 36 об. Для сравнения: за 2–3 рубля в то время можно было купить лошадь или корову; годовое жалование председателя Академии наук, например, было 3000 рублей, академика высшей математики — 1500, прочих академиков — 860; ежегодное содержание одного кадета в Императорском сухопутном шляхетном корпусе обходилось в 294 рубля, причем на питание затрачивалось 18 копеек в день; а рабочие на предприятиях в конце XVIII в. в среднем получали 2–3 рублей в месяц.
- ¹⁰ *Hasselbach J. P. Lebensgeschichte... S. 28.*
- ¹¹ *Ibidem. S. 26.*
- ¹² *Вольке Х. Г. Сто шестьдесят эстампов..., 1786. Ч. IV. С. 127–128.*
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Вольке Х. Г. Книга для чтения... 1786. Ч. IV. С. 127–128.*
- ¹⁵ *Вольке Х. Г. Известия о успехах человеческого духа. СПб.: Печатано у И. К. Шнора, между 1796–1800 гг.*
- ¹⁶ См. подписные листы: *Вольке Х. Г. Книга для чтения..., 1786. Ч. 1. С. III–IX; Wolke Ch. H. Das Buch für Anfänger im Lesen und Denken. SPb.: aus der Breitkopschen Buchdruckerey, 1785. S.III–X; Wolke Ch. H. Livre pour apprendre à lire et à penser. SPb., 1785. P.III–X.*
- ¹⁷ *Вольке Х. Г. Книга для чтения..., 1786. Ч. IV. С. 159.*
- ¹⁸ Описание рукописи см.: *Рукописная иллюстрированная книга Библиотеки АН СССР: Каталог выставки иллюстрированных рукописей XI–XIX вв., написанных латинским алфавитом / Сост. О. Н. Блескина. Л., 1991. С. 40–41.*
- ¹⁹ *Реймерс Г. Санктпетербургская адресная книга на 1809 г. СПб., 1809. С. 325.*
- ²⁰ Там же. С. 372.

К. Коз

ПРЕПОДАВАНИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В РОССИИ XVIII в.

Высказывание, что «язык — тот большой канал, через который человечество передает друг другу свои открытия, выводы и познания»,¹ принадлежащее Джону Локку в XVII в., подтверждает, что плодотворный русско-немецкий симбиоз, существовавший в XVIII в., был возможен лишь потому, что достаточно много немцев и русских приобрели знания соответствующего иностранного языка. Однако в исследованиях истории русско-немецких отношений в науке

и образовании вопросы, связанные с распространением иностранных языков в России в этот период, в частности немецкого, рассмотрены недостаточно. В начале XVIII в. Петр I для ускорения своих реформ нуждался в большом количестве переводчиков. Поэтому одной из главных задач стало создание школ для подготовки специалистов. В 1701 г. по указу царя была основана при Посольском приказе школа переводчиков, во главе которой был поставлен немец Н. Швиммер. Таким образом, впервые в России было организовано институционально оформленное преподавание «живых» иностранных языков. Если в этой школе пока еще обучалась небольшая группа учеников, то их число в знаменитой разноязычной школе лютеранского пастора Эрнста Глюка, к которой швиммерская школа присоединилась в 1703 г., было значительно больше. По учебному плану здесь изучалось девять языков,² но главными считались немецкий, латинский и французский. Школа просуществовала 11 лет. За эти годы было подготовлено примерно 300 учеников для работы в Посольском приказе и Ингерманландской канцелярии.³ В остальных специальных школах, основанных Петром I, доминировали военно-технические и естественно-научные предметы, хотя в некоторых из них преподавался и немецкий язык, например в Московской инженерной школе (1712). В качестве основного языка в этот период времени немецкий язык употреблялся в немецких школах, где, однако, обучались и русские дети.⁴ В хирургической школе Петербургского сухопутного госпиталя (1716) профилирующим языком был также немецкий.⁵

Самыми главными учебными заведениями, обучающими иностранным языкам в послепетровское время, являлись гимназия (1726) при Академии наук и Сухопутный шляхетный кадетский корпус (1731). В этих учреждениях до середины XVIII в. преподавание почти всех предметов, в том числе латинского, французского,⁶ а в кадетском корпусе сначала даже русского языков,⁷ проводилось в основном на немецком и только в высших классах на латинском языке. Это объясняется тем, что большинство учителей были немцы, которые, как правило, плохо или совсем не владели русским языком. Незнание учениками немецкого препятствовало их обучению другим предметам. Так, кадет Андрей Воейков, учившийся в кадетском корпусе с 1732 по 1736 гг., «за непонятием немецкаго языка и геометрии обучится не мог».⁸ В такой ситуации большинство кадетов, имевших право выбора изучаемых ими предметов, занимались немецким языком. Из 607 русских кадетов, поступивших в корпус с 1732 по 1741 гг., примерно 50% обучались немецкому языку и только 20% — французскому.⁹

В Академической гимназии первоначальное изучение немецкого языка в так называемом немецком отделе было обязательным для

всех русских учеников, находившихся на казенном содержании.¹⁰ Латинскому и французскому гимназисты могли обучаться лишь после достаточного усвоения немецкого языка. Таким образом, в нижних классах гимназии немецкий язык оказался главным предметом, которому было посвящено двадцать часов еженедельно.¹¹

Преподавание на немецком языке, несомненно, мешало русским ученикам в процессе обучения. Еще в 1733 г. инспектор Академической гимназии Т. З. Байер предпринял попытку отменить неудачный «немецкий метод» обучения латинскому языку в пользу применяемого в духовных академиях латинского метода, не основанного на немецком языке.¹² Однако планы Т. З. Байера потерпели неудачу.¹³ В 1755 г. Ломоносов так описывал сложившееся положение: «Многие учителя были и ныне есть в латинской школе, которые русского языка не искусны и учат школьников по-латыни с немецкого. Для того принуждены они прежде учиться по-немецки. В чем ради беспорядка потеряв много лет, к латинскому языку, уже устарев, приступают и затем оно не выучиваются».¹⁴

Значение немецкого как языка обучения уменьшилось лишь в 1758 г. после предписанного регламентом Академической гимназии введения русского — обязательного языка для изучения большинства предметов, включая латинский язык.¹⁵ Подобное предписание также активно проводилось в гимназии, открытой при Московском университете (1755). Несмотря на усиление значимости русского языка в процессе обучения, интерес к немецкому языку сохранился и во второй половине XVIII в. Гимназисты, которые не состояли на казенном содержании, а обучались за свой счет, могли самостоятельно составлять учебную программу. Они очень часто выбирали немецкий и реже французский, так как понимание этих языков считалось достаточным для получения чинов. Соответствующее положение занимало языковое обучение и в расписании уроков. По утрам занимались только языками и орфографией, во второй половине дня — науками и искусствами.¹⁶ Важно отметить, что не только в разночинском отделении Московской гимназии, но и в дворянском интерес к немецкому языку был значительно выше, чем к французскому.¹⁷

Немецкие школы в первые годы их существования имели исключительно положительную репутацию. Наибольшей славой пользовалась преобразованная в 1762 г. А. Ф. Бюшингом Петришуле, которая «была открыта не только для немцев, но особенно и для русских».¹⁸ С 60-х гг. XVIII в. здесь училось столько русских детей, что организация специального «класса немецкого языка для русских»¹⁹ с ежедневными тремя уроками дополнительного преподавания немецкого языка была, с одной стороны, необходима, а с другой, — выгодна, так как за обучение русских детей требовалась

двойная плата (ежегодно 16 рублей), что, естественно, устраивало и дирекцию школы.²⁰

В русских провинциях преподавание немецкого языка долго оставалось редкостью. Как исключение можно назвать Казанскую гимназию и некоторые духовные академии и семинарии. Меньше известно о том, что при горных школах Урала с 1732 г. имелись немецкие и латинские классы, готовившие переводчиков, необходимых для администраций горных заводов, где работало много немецких специалистов.²¹ Подобное обучение проводилось также в Петербурге в 70-х гг. XVIII в. в Горной коллегии, где несколько предметов преподавалось на немецком языке.²²

Во второй половине XVIII в. преподавание иностранных языков входило в обычную учебную программу всех высших училищ. Такая ситуация была, например, в инженерных и артиллерийских школах, во всех кадетских корпусах, в Смольном институте, в Греческой гимназии, в Благородном пансионе и при Московском университете и, наконец, в главных народных училищах. Создание народных училищ вследствие школьных реформ, разработанных с 1782 по 1786 гг. «Комиссией об учреждении народных училищ в Российской империи», было важным шагом в направлении к расширению преподавания иностранных языков в губерниях. В «Уставе Народным Училищам» (1786) определялось «учение того иностранного языка, какой по соседству каждого наместничества, где Главное училище находится, быть сможет полезное по употреблению его в общежитии».²³ В западных губерниях в учебный план, как правило, вводились, кроме латинского, немецкий и польский языки.²⁴ Французский язык, напротив, вообще не включался в учебный план народных училищ, так как Екатерина Вторая, очевидно, боялась возможности политических последствий более широкого распространения этого языка.²⁵ Учение французского Екатерина оставила домашнему воспитанию.²⁶

Для исследователей, интересующихся методико-историческими аспектами, вопрос о том, каким же образом происходило обучение языку и какие результаты оно имело, несомненно, представляет большой интерес. Однако такое исследование имеет свои сложности, связанные с существованием малого количества источников, которые можно использовать в подобной работе. Чрезвычайно редко можно встретить свидетельства современников о личном опыте обучения. Поэтому в качестве надежных источников о содержании и методах обучения можно рассматривать учебные пособия, в которых их авторы иногда объясняли свои методические принципы.

Успехи обучения иностранным языкам в значительной мере зависели от качества применяемых учебных пособий. Вплоть до конца XVIII в. не хватало учителей немецкого языка, кроме того, нельзя

было рассчитывать только на их способности и квалификацию, так как часто достаточным для приема на работу являлось то, что кандидат в учителя был носителем немецкого языка. И. Г. Рейхел, профессор немецкой филологии и других предметов в Московском университете, говорил, что некоторые из преподавателей не могли «дать формулу о регулях из головы», они «диктовали регулы и не заботились об их объяснении и применении».²⁷ Учителя без специального филологического образования в основном использовали только учебник и заставляли учеников его просто заучивать наизусть. Об этом свидетельствуют самые различные документы. Так, в рапортах о результатах экзаменов в Академической гимназии точно указывается, какие страницы немецкой грамматики были выучены.²⁸ Ф. Гелтергоф в предисловии к своей «Немецкой грамматике» (1770),²⁹ одной из самых популярных грамматик во второй половине XVIII в., подверг сильной критике «мрачное и мучительное время [...] пятьдесят лет тому назад», когда было предписано ученикам «подъ угрозой наказания [...] все в сей Грамматике находящиеся Правила и Примечания отъ слова до слова наизусть выучать». Ф. У. Т. Эпинус в воспоминаниях о преподавании в кадетском корпусе беспощадно раскритиковал учителей и их метод заучивания: «Доцент диктовал предложения, которые ученики должны были учить наизусть, и тот, кто во время экзамена не мог повторить эти предложения, заносился в черные списки. Поняли ученики что-либо вообще из материала или нет, этим доцент не интересовался, он сделал свое дело».³⁰ Ученик, таким образом, мог рассчитывать только на себя и поэтому зависел в большей степени от своего учебника.

В петровские времена дело с подготовкой учебных пособий обстояло совсем плохо. Первый учебник под названием «Номенклатор на русском, латинском и немецком языке» (1700) был заказан царем в Амстердаме. Книга по своему содержанию и структуре весьма похожа на учебники знаменитого педагога Я. А. Коменского и, по всей вероятности, пользовалась огромным спросом, так как переиздавалась в многократно измененном виде еще три раза вплоть до 1732 г.³¹ «Номенклатор», скорее всего, применялся на уроках в разноязычной гимназии. Известно, что там и занимались по учебникам Коменского,³² переведенными пастором Глюком. Первым в России напечатанным отечественным учебником немецкого языка является «Азбука на немецком языке» (СПб., 1714).³³

Немногочисленные учебники немецкого языка всегда быстро расходились. Первая «Немецкая грамматика»,³⁴ написанная в 1730 г. учителем Академической гимназии М. Шванвицем на немецком и русском языках для применения на своих уроках, в 1732 г. «уже настолько разошлась, что трудно было ее найти».³⁵ Четыре года спу-

стя, а затем в 1745, 1762, 1791 и в 1802 гг. она была переиздана. Грамматика Шванвица была популярнейшим немецким учебником в России в XVIII в. не только из-за необыкновенного числа переизданий и значительного тиража (тираж 1745 г. составлял 2400 экз.), она в грамматикографическом отношении, в том числе и для русского языкознания, открыла много новых путей. Отметим при этом, что она не являлась самостоятельной работой, а была в основном компиляцией нескольких грамматик немецкого языка, самых употребляемых в то время в немецких государствах. Ценность ее поэтому, с одной стороны, состояла в том, что она способствовала распространению грамматической теории в России, а именно терминологии,³⁶ и, с другой стороны, являлась образцом для всех позже напечатанных в России грамматик.

Остановимся подробнее на структуре учебников грамматики, которая дает более конкретное представление о процессе обучения, теснейшим образом связанного с ней. «Немецкая грамматика», как было общепринято в грамматикографии той эпохи, содержала в себе четыре части: «Орфографию», «Этимологию», «Синтаксис» и «Просодию». В первой части приводится алфавит и объясняются важнейшие правила правописания. В самой большой по объему части, которая фактически является не этимологией в сегодняшнем понимании, а морфологией, представлены девять частей речи. В учебной практике сохранялась последовательность изложения материала в учебниках: сначала рассматривались артикли, потом существительные, местоимения, глаголы и т.д. В разделе «Синтаксис» объясняется, как «речи слова порядочно слагать»³⁷ (отношения конгруэнции и управления). С точки зрения современной лингвистики синтаксис не является теорией предложений, а все еще остается синтагматической теорией. «Просодия» дает важнейшие правила произношения и примеры. Упражнения, которые служат для повторения изученного, впервые появляются в 1770 г. в вышеупомянутой грамматике Гелтергофа.

Насколько дидактично-методическая концепция урока зависела от используемых пособий, могут прояснить программы обучения, существовавшие в то время. Полный курс, как правило, представлял собой программу, рассчитанную на период от трех до пяти лет. Учебная программа каждого класса соответствовала примерно одной части грамматики. Таким образом, в первом классе обучались чтению и чистописанию, во втором, «этимологическом», — склонению и спряжению, в третьем, «синтаксическом», — правилам синтаксиса и, наконец, в четвертом, «стилистическом», классе — стилю и ораторскому искусству. Планы уроков показывают, что эта схема в своей основе оставалась неизменной в течение всего XVIII в.³⁸

Другими основными элементами обучения были: заучивание наизусть наиболее употребительных в бытовом отношении диалогов (первыми собраниями таких диалогов были «Домашние разговоры» Г. Ф. Платса (1749), «Школьные разговоры» И. Ланга (1738), выдержавшие несколько изданий до конца XVIII в.); упражнения в переводах с русского на немецкий и наоборот; чтение писем и нравоучительной литературы,³⁹ а также напечатанных в Академии «Ведомостей» и некоторых иностранных газет.⁴⁰

До 1760 г. труд Шванвица оставался единственной напечатанной в России немецкой грамматикой, затем вышла переведенная И. М. Гречем популярная «Немецкая грамматика» И. Х. Готшеда,⁴¹ на которую его оппоненты в Московском университете сразу же отреагировали конкурентоспособной «Немецкой грамматикой» М. И. Агентова.⁴² Работа Агентова была признана в научной литературе особым достижением, так как это была первая немецкая грамматика, составленная русским автором. На самом же деле его заслуга была весьма скромна. Подробное сравнение его книги с грамматиками Готшеда и Шванвица показывает, что Агентов фактически предложил их дословный плагиат.

Резкий подъем книжного производства в последней трети XVIII в. вызвал, наконец, заметное улучшение положения в учебном деле. Начиная с издания грамматики Гелтергофа в 1770 г., теперь примерно каждые 2–3 года печатались или переиздавались немецкие грамматики. Количество учебников увеличивалось благодаря издательской работе Комиссии народных училищ в 1780 и 1790 гг. Расширился и спектр названий, одновременно книги стали более ориентированы на потребности определенных адресатов. Кроме традиционных грамматик, азбук, собраний разговоров и общих лексик, стали выходить хрестоматии, самоучители, спецлексики и учебники для детей.⁴³ Авторы этих пособий — учителя немецкого языка, большинство из которых немцы, писавшие для собственных уроков. В первой половине XVIII в. были адаптированы в основном зарубежные учебники для русских читателей (т. е. чаще всего эти учебники сопровождалась русским переводом), а в последней трети XVIII в. русские авторы шли более самостоятельным путем, принимая, однако, во внимание развитие грамматикографических, лексикографических и педагогических дисциплин на Западе. Параллельно с этим продолжали переводиться важнейшие иностранные труды.⁴⁴ В течение всего XVIII в. издано примерно 100 учебников немецкого языка, из них грамматики составили 19%, азбуки — 13, разговорники — 11, хрестоматии — 21, самоучители — 3, лексики — 26, другие издания — 6%. В первой половине XVIII в. вышло лишь 17% от общего числа этих пособий.⁴⁵

Эти учебники пользовались очень большим читательским спросом. Доказательство этому, например, многократное переиздание немецких учебников (почти все грамматики вышли по нескольку раз), данные об их продаже и тиражах. Так, исследование Тюличева о продаже учебников в академических лавках Москвы и Петербурга в 50 и 60-х г. XVIII в. показывают, что среднее число проданных немецких учебников и их тиражи не были ниже, чем французских учебников.⁴⁶ В период царствования Екатерины II, по данным Маркера, количество французских учебников было незначительно больше, чем немецких. Маркер также указывает на то, что французские учебники не так часто переиздавались, как немецкие.⁴⁷

Разнообразие учебных пособий было прямо связано с четко выразившимся осознанием педагогических проблем и попыткой улучшить методы преподавания. По мере того, как развивалась на учебном рынке конкуренция, авторы все чаще стали давать объяснения своих методических концепций для того, чтобы подчеркнуть преимущества данной работы. Первое методическое руководство, определившее и содержание уроков, и методику преподавания в Московской университетской гимназии, — «Способ учения» (1771).⁴⁸ В этом пособии говорится о вреде простого заучивания наизусть непонятных правил; учителям предписывалось объяснять грамматические правила с помощью примеров. При работе над текстами следовало разучивать их структуры посредством морфологического и синтаксического анализов.

Развитию образования в 70 и 80-х гг. способствовали идеи именно немецких, а не французских педагогов.⁴⁹ Особый интерес представляли работы пиетиста А. Г. Франка и филантропа И. Б. Базедова. Методы последнего были приняты для обучения, например, в Петришуле, Академической гимназии, в частных пансионах.⁵⁰ Ярким доказательством популярности филантропического метода в России является деятельность Х. Г. Вольке, который в 1784 г. приехал в Россию и стал здесь с большим успехом преподавать немецкий язык в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, а затем в собственной школе.⁵¹ Он также издавал филантропические учебники.⁵²

Другим примером воздействия немецких педагогических идей на российскую систему образования в XVIII в. явился метод обучения, который был принят в «Руководстве учителям I и II класса народных училищ» (1783) и который следовал системе обучения австрийского церковного деятеля и педагога И. И. Фельбигера. Наиболее характерные особенности системы — так называемый «буквенный метод» и составление таблиц, в которых абсолютно все, подлежащее изучению, соединялось в более или менее логическую систему. Система

Фельбигера, в свою очередь, была основана на методе, разработанном в Берлинском реальном училище.

В настоящее время довольно сложно оценить эффективность всех существовавших в России учебников и излагаемых в них методик. Некоторые современники зачастую негативно оценивали результаты обучения. Например, проф. Рейхел сообщал, что даже после трехлетнего обучения ученики Московской гимназии не могли «писать три строки в один час»⁵³ и читать. Вопреки высказываниям Рейхела источники дают скорее положительное представление о результатах обучения. Большинство аттестатов учеников Академической гимназии, найденные нами в архиве Академии наук,⁵⁴ как и опубликованные аттестаты кадетов,⁵⁵ говорят о том, что ученики имели весьма хорошие успехи в изучении немецкого языка. Вопрос об уровне и результатах преподавания немецкого языка, несомненно, требует более тщательных исследований именно архивных материалов, касающихся учебного процесса и учебных пособий, что можно рассматривать как перспективное научное направление.

¹ Джон Локк. Цит. по: Слово о книге. М., «Книга», 1984.

² А именно шведский, итальянский, греческий, еврейский, халдейский и сирийский языки. Белокуров С. А., Зеркалов А. Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в.: Документы московских архивов. 1691–1715 / С пред. С. А. Белокурова // Чтения в Имп. обществе истории и древностей рос. при Моск. университете. Т. 1, отд. I. М., 1907. С. X.

³ Сычев-Михайлов М. В. Из истории русской школы и педагогики XVIII в. М., 1960. С. 67.

⁴ В 1737 г. среди 36 учеников Петришуле было всего 5 русских. *Amburger E.* Die deutschen Schulen in Russland mit besonderer Berücksichtigung St. Petersburgs // *Kaiser F. B.* Deutscher Einfluß auf Bildung und Wissenschaft im östlichen Europa. Köln; Wien, 1984. S. 1–27 (здесь с. 5).

⁵ Элементарное знание латинского и немецкого являлось и условием приема в школу. Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.;Л., 1962. С. 24.

⁶ Сухомятинов М. И. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1–10. СПб., 1885–1895. Т. 2. С. 689; Т. 7. С. 460.

⁷ Лузанов П. Сухопутный шляхетный кадетский корпус [ныне 1-й кадетский корпус] при графе Минихе (с 1732 по 1741): Исторический очерк. СПб., 1907. С. 17, 32; Сухомятинов М. И. Т. 3. СПб., 1886. С. 465, 466.

⁸ Имянной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе Штаб-Оберь-Офицерам и Кадетам. Ч. 1. СПб., 1761. № 309.

⁹ Там же.

¹⁰ Сухомятинов. Мат. для истории... СПб., 1886. Т. 2. С. 689; Т. 7. С. 460.

- 11 Там же. С. 671–674; Т. 9. С. 179–193.
- 12 *Сухомлинов*. 1886. Т. 2. С. 309.
- 13 Ср. планы А. К. Нартова, стремившегося заменить всех немцев-учителей русскими переводчиками (*Кулябко*. 1962. С. 53)
- 14 *Ломоносов М. В.* ПСС. М.; Л., 1950–1959. Т. 10. С. 23.
- 15 В качестве языка обучения дольше всего немецкий продержался в Университетской (и также Академической) гимназии при преподавании истории и географии. Эти предметы вели в основном немецкие педагоги, использующие немецкоязычные пособия . При обучении истории в Московском университете и гимназии употреблялись в 60-х гг., например, Freyers Anweisung zur Historie, Ibig, Einleitung zur Historie, Hubneri Genealogische Tabellen und eine Kurze Einleitung zur Wapenkunst in St. Petersburg. (Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVII в. В 3-х т. М., 1960–1963; Т. 2. 1962. С. 28).
- 16 См. напр.: Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете и обеих Гимназиях онаго преподаваемых с 17 Августа 1783 по 26 Июня 1784 года.
- 17 Об этом свидетельствуют списки учеников Московской гимназии 1776 и 1777-го года // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, зрм. № 500₁, 500₂.
- 18 *Lemmerich C.* Die Geschichte der deutschen Hauptschule, St. Petri in Petersburg. St. Petersburg, 1862. S. 61.
- 19 Там же. С. 63.
- 20 Там же. С. 81, 125.
- 21 Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. М., 1973. С. 55.
- 22 *Толстой Д. А.* Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883.
- 23 Устав народным училищам в Российской империи, уложенный в царствование императрицы Екатерины II. СПб. 1786. С. 10.
- 24 Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства Народнаго Просвещения. Т. 1. СПб., 1893. С. 98, 145.
- 25 См.: *F. U. T. Aerpinus.* Vorsläge so ich nach reifer Überlegung I. K. M. machen zu können glaube // *Толстой Д. А.* Городские училища в царствование Екатерины II. СПб., 1886, прил. 2. С. 143.
- 26 *Смагина Г. И.* Академия наук и российская школа второй половины XVIII в. СПб., 1996. С. 95.
- 27 Письмо Рейхела от 27 12. 1761 // *Lehmann U.* Der Gottschedkreis und Russland. Deutsch-russische Literaturbeziehungen im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1966. S. 141
- 28 *Сухомлинов*, 1886. Т. 3. С. 421.

- 29 Немецкая грамматика, в которой не только все части речи или произведение слов, но и синтаксис или сочинение слов, оба надлежащими примерами объяснены, в пользу российского юношества издана учителем немецкого языка в Моск. Имп. университете. Унив. Тип., 1770.
- 30 *Schlözers A. L. Öffentliches und privat-Leben von ihm selbst geschrieben. Erstes Fragment. Aufenthalt und Dienste in Rußland, vom J. 1761 bis 1765 // Litterar Nachrichten von Rußland in jenen Jaren. Göttingen, 1802. S. 199.*
- 31 В переизданном виде «Номенклатор» печатался в Санкт-Петербурге под названиями «Вокабулы для речи на словенском, немецком и латинском языках» (1718, 2-е изд. в 1720) и «Латино-российская и немецкая словесная книга» (1732).
- 32 Имеются в виду следующие учебники: *Janua Lingvarum Reserata* (1631), *Janua Lingvarum Reseratae Vestibulum* (1633) и *Orbis Sensualim pictus* (1658), см.: Чума А. А. Ян Амос Коменский и русская школа (до 70-х гг. XVIII в.). Братислава, 1970.
- 33 Описание изданий гражданской печати, 1708 — январь 1725 гг. М.; Л., 1955. Прил. I. С. 487. № 3, 14, 36.
- 34 Немецкая грамматика из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка С.-Петербургской гимназии. Нап. в тип. Академии наук, 1730.
- 35 *Сугомлинов*. 1886. Т. 2. С. 177.
- 36 Есть основание полагать, что Ломоносов при работе над своей «Российской грамматикой» пользовался «Немецкой грамматикой» Шванвица. *Keipert H. Russische Sprachgeschichte als Übersetzungsgeschichte // Slavistische Beiträge. Band 160. München, 1982. S. 67–101. S. 91; Keipert H. Die Petersburger «Teutsche Grammatica» und die Anfänge der Russistik in Rußland // Studia slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch. Festgabe zum 65. Geburtstag. München, 1983. S. 77–140.*
- 37 *Шванвиц*. 1730. С. 349.
- 38 «Объявление о публичных учениях, в Имп. Московском университете и в обеих Гимназиях онаго преподаваемых» в Москве печаталось ежегодно до конца XVIII в.
- 39 Часто читаемыми авторами были, например, *Х. Ф. Геллерт* (*Moralische Vorlesungen, Schauspiele, Fabeln*) и *И. Г. Кампе* (*Sittenbüchlein für Kinder aus gesitteten Ständen. Zum Gebrauch des Gymnaziums bey der Kayserl. Akad. der Wissenschaften, St. Petersburg, 1779*), см.: Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук (ПФ ААН). Ф. 3. Оп. 9. Д. 271. Л. 1; Д. 313. Л. 29.
- 40 ПФ ААН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 292. Л. 4.
- 41 Немецкая грамматика, сочиненная в пользу и употребление благородного юношества при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Печатана в Типографии онагожь корпусе 1760 года.
- 42 Краткая немецкая грамматика, собранная из разных авторов в пользу российского юношества переводчиком Михайлом Агентовым, обучающим в Гимназии Имп. Московского университета немецкой синтаксический класс. М., 1762 (2-е изд. 1789).

- 43 Например: Учебная книга для юношества, начинающего учиться немецкому языку. М.: 1788; Новый легчайший способ самому без учителя учиться правильно по-немецки [...] издается [...] Матвеем Блемером. М., 1795.
- 44 Например: Полный немецко-русский лексикон из Большого грамматико-критического словаря г.Аделунга. Ч. 1.2. СПб., 1798.
- 45 Данные в основном основаны на изданиях: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в., 1725–1800; Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в., 1701–1800. Л., 1984; *Мельникова Н. Н.* Издания, напечатанные в типографии Московского университета, XVIII в. М., 1966.
- 46 *Тюличев Д. В.* Распространение книг, изданных Академией наук на русском языке, в Москве в 50-е гг. XVIII в.; *Луппов С. П.* Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. Л., 1984; *Тюличев Д. В.* Книжная торговля Петербургской Академии наук в середине XVIII в. (тематико-отраслевые и общие количественные характеристики) // *Зайцева А. А.* (ред.) Книга в России XVIII–начала XIX вв.: Проблемы создания и распространения. Л., 1989. С. 21–35.
- 47 *Marker G.* Publishing, Printing and the Origins of Intellectual life in Russia, 1700–1800. New Jersey, 1985. S. 1961.
- 48 Способ учения. Изд. 2-е, 1790.
- 49 *Epp G. K.* The Educational Policies of Catherine II. The Era of Enlightenment in Russia. Frankfurt M., 1984. S. 86.
- 50 ПФ ААН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 187. Л. 38; *Nachricht von der von einiger Zeit von August Witzmann angelegten Pension.* St. Peterburg, 1776. S. 4.; *Lemmerich,* 1862. S. 229.
- 51 *Scharf C.* Katarina II., Deutschland und Deutschen. Veröffentlichungen des Instituts für europäische Geschichte Mainz, Band 153. Mainz, 1995. S. 173f.; *Schmeck H.:* Die naturliche Sprachenerlernung bei den Philanthropinisten — Unter Berücksichtigung der modernen Bestrebungen auf neusprachlichem Gebiete. Marburg, 1909
- 52 Сто шестьдесят эстампов с описанием оных к удовольствию и к пользе юношества, охотно смотрящего на изображения и охотно читающего то, что понимать не трудно. СПб., 1785.
- 53 Письмо Рейхела от 27 12. 1761 // *Lehmann,* 1966. S. 141.
- 54 Например: ПФ ААН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 76, 137, 203, 366, 633.
- 55 См.: Имянной список, 1761.

ФРИДРИХ ФОН АНГАЛЬТ — ДИРЕКТОР
СУХОПУТНОГО ШЛЯХЕТНОГО
КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Россия всегда привлекала к себе иностранцев. Купцы и ремесленники, военные и художники, дипломаты и авантюристы, просто искатели счастья из разных стран устремлялись на просторы российского государства со своими надеждами. Среди них был и боевой генерал граф Фридрих фон Ангальт, приехавший в Россию из Германии с желанием служить этому государству на любом поприще.

Жизнь графа была полна превратностей. Стремительные успехи сменялись разочарованием и горькими минутами, но такие его качества, как честность, добросовестность и надежда на лучшее, всегда помогали ему выйти из трудных положений. Россия стала для него второй родиной. Иностранец, почти не владеющий русским языком, он сумел полюбить ее народ, который хотел видеть благополучным и процветающим.

Генерал прожил в России чуть больше десяти лет, но за этот небольшой срок сумел оставить о себе память, как о замечательном педагоге и бескорыстном человеке.

Фридрих фон Ангальт (1732–1794) родился в необычной семье. Его отец — наследный принц ангальт-дессауский Вильгельм-Густав, сын знаменитого полководца Леопольда IV — должен был породниться с семьей всеильного российского временщика А. Д. Меншикова, но судьба распорядилась иначе. Он полюбил дочь простого пивовара Иоганну Софию Герре, девушку разумную, добрую и прекрасную по отзывам современников. Брак был морганатический и рожденные дети, а их было девять, утратили право на графское достоинство. Семейное счастье было коротким. Вильгельм-Густав умирает, когда его старшему сыну исполнилось лишь 11 лет, но семья не остается без поддержки — воспитание внуков берет на себя Леопольд I, личность во многих отношениях замечательная.

Участник 22 сражений и 27 осад, он был лично представлен Петру I во время его пребывания в Берлине. Леопольд I отличился в сражениях Северной войны, в результате которых у шведов в 1715 г. были отняты Рюген и Штральзунд. В 1733 г. 57-летний Леопольд I стал фельдмаршалом. Фридрих Великий называл его «душой всех военных операций», утверждая, «что такая деятельность может служить руководящей нитью для каждого честного человека».¹

Леопольд был не только бесстрашным военачальником, но и реформатором армии: при нем солдаты были вооружены ружьями одинакового калибра; деревянный шомпол заменен на железный; солдаты стали маршировать в ногу.

Это был настоящий воин: прямодушный, властный, сурового нрава, с громовым командным голосом. Однако внуки совсем не походили на деда, они, особенно Фридрих, унаследовали от матери мягкий, деликатный характер, были застенчивы и молчаливы. Их воспитанием занимались французские эмигранты, которые буквально наводнили Германию после отмены Нантского эдикта (1685).

Увлечение всем французским в конце XVIII в. проявлялось буквально во всем: в науке, литературе, искусстве, нравах, обычаях высших слоев европейского общества. Французский язык слышится повсюду: во дворце прусского короля Фридриха II, в гостиных, даже в провинциальных городках, и не французы подражали немцам, а наоборот. Подражание пустило в Германии такие корни, что праведные немцы жаловались на то, что немецкий язык сделался неузнаваемым, немецкие слова переименовывались на французский лад.²

В деле воспитания исключительным авторитетом пользовался Жан-Жак Руссо. На французский лад воспитывали и Фридриха II Великого, этому примеру следовали друзья короля и многочисленные его поклонники. К последним относился и Леопольд I, выбравший для внуков французских гувернеров.

Присутствие французов в роли воспитателей и учителей при дворе дессауских правителей и в учебных заведениях столицы княжества подтверждается еще и тем, что все члены ангальтского дома прекрасно владели французским языком, на котором вели переписку. Так, София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская, известная под более коротким именем — Екатерина II, получила, как известно из ее «Записок», французское воспитание и образование.

Несмотря на французское воспитание, для всех внуков Леопольда делом жизни станет военная служба: шестеро братьев отличились во многих походах и кампаниях, получили ранения, а двое — пали геройской смертью во время семилетней войны.

В 1749 г. 17-летний Фридрих Ангальт поступил на прусскую военную службу, в 20 лет он уже флигель-адъютант короля Фридриха II, участник многочисленных сражений семилетней войны. В 1757 г. Ангальт был ранен в руку, попал в плен к австрийцам, после которого вновь вступил в ряды действующей армии.

Фридрих фон Ангальт оставался на службе в прусской армии до 1776 г. Казалось, что его дальнейшая военная карьера будет складываться успешно, но неожиданно для многих в чине генерал-майора он подает в отставку и переходит на военную службу в Саксонию.

Это был удивительный человек: о его вежливости, приветливости, доброжелательном отношении к сослуживцам, особенно к простым солдатам, рассказывали легенды. Каждую свою просьбу, адресованную офицеру или солдату, он предварял обращением: «Mein Sohn» — «Мой сын», что больше подходило для пастора, чем для боевого генерала.

Неудивительно, что его открытость, простота, доступность вызывали доверие и уважение подчиненных, однако при всей мягкости и деликатности он обладал сильным характером, был серьезен, отважен, решителен в трудные минуты.

Его разносторонняя эрудиция в различных вопросах позволяла ему с легкостью общаться не только с военными, но и особами королевской крови, писателями, педагогами, дипломатами, художниками и музыкантами.

Ангальт обладал огромной жадой знаний, он постоянно учился, взяв за основу правило Монтеня: «Учение надо поставить так, чтобы оно походило на отдых». В каком бы городе не оказывался генерал, закончив осмотр воинских частей и служебные дела, он отправлялся в библиотеку, на публичные лекции и литературные дискуссии, которые там проходили, и принимал в них участие.

Его видят на лекциях ученика и последователя Вольфа философа Баумейстера, он обсуждает проблемы воспитания с педагогом Ростом, в числе его близких друзей — основатель новой географии и автор многочисленных научных трудов пастор Антон Бюшинг.

Однажды он сделал Бюшингу удивительный подарок: считая наилучшим приемом в обучении наглядность, Ангальт подарил другу редкую фарфоровую чашку, представлявшую собой глобус. Та его часть, которая еще не была описана в трудах Бюшинга, была покрыта легкой дымкою, а та, которая была уже описана, явственно разрисована. Надпись на чашке гласила: «Профессор еще откроет закрытые части». Друг был в восторге и, по его собственному замечанию, «никто и ничто не могло возбудить в нем большего прилива энергии к продолжению труда, как этот подарок».³

Генерал Фридрих фон Ангальт был сведущ в живописи, поэзии, музыке. Мориц Август Тюммель, автор знаменитой «Вильгельмины», писал о нем: «Ангальт, хотя и воин, но из числа таких, которые не против муз».⁴

В 1783 г. генерал принимает очень неожиданное для тех, кто его знал, решение: он оставляет саксонскую службу и уезжает в Россию. В это время ему шел 52-й год, он был полон сил и жаждал проявить себя в каком-нибудь новом качестве. Ангальт испытывал огромное уважение к своей дальней родственнице — Екатерине II, которая царствовала в огромной Российской империи.

Накануне его отъезда появилось множество статей, стихов, песен, восхваляющих достоинства графа. Некоторые представляли собой удивительный образец беззастенчивой лести. Один неизвестный автор утверждал: «Фридрих Великий научил меня познавать, что такое король; Вольтер — что такое ученый; а граф Ангальт — что такое генерал».⁵ В издание «Bereinische Monatschrift», в дань уважения к графу Ангальту, было замечено, что похвалы «возглашают ученые, трубы славы, художники, войска, школы, граждане, столица Саксонии и все мелкие города».⁶

На редкость прозорливым оказался неизвестный гренадер из Дрездена, сочинивший песню, в которой были такие слова: «Я уже больше не чувствую расположения к русской императрице: она отнимает у меня моего Ангальта и лишает меня всякого мужества. Иди-же; но поверь ты мне, что русский не будет тебя так пламенно любить, как люблю тебя я и любим все мы».⁷

Интересно, что эти сочинения ему нравились и он их тщательно собирал, чтобы спустя годы издать отдельной брошюрой. Прославленный генерал был тверд в принятых решениях, и даже похвалы типа «его нос — само величие, рот — грация, глаза — огонь, походка — гениальная. Он — Аполлон!» не могли удержать его от поездки в Россию.⁸

Он выехал из Дрездена поздней осенью 1783 г. и прибыл в Петербург, проделав свыше двух тысяч верст за две недели.

Екатерина II обладала удивительной способностью привлекать к себе на службу людей умных, толковых, просвещенных. Среди них было много иностранцев, и русская императрица с благодарностью принимала их услуги. Она всегда щедро вознаграждала их за труды, но при этом не торопилась доверять высокие и ответственные должности. Не сильно жаловала она и своих многочисленных родственников и, соблюдая приличия, интересовалась ими в допустимых пределах.

Граф Ангальт прежде всего привлек ее внимание как боевой генерал, человек, хорошо сведущий в военных вопросах, умный, эрудированный собеседник, добросовестный, аккуратный исполнитель поставленных перед ним задач. В письме к Гримму Екатерина II писала: «Мы увидим здесь графа Ангальта, который был в саксонской службе; я его завербовала.»⁹

Весной 1784 г. генерал-адъютант Фридрих фон Ангальт был приглашен в свиту Екатерины, он — инспектор войск, расположенных в Ингерманландии, Эстляндии, Лифляндии и Финляндии. Это назначение позволило ему хорошо ознакомиться с европейской частью России.

В своих путешествиях граф был неутомим. С 1784 по 1787 гг. он совершил 11 таких поездок. Особенно памятной для него была поездка в Архангельск, где он осматривал не только присутственные места, войска, но посетил все учебные заведения, среди которых — гарнизонная школа, четыре иностранные школы, местная семинария, воспитанники которой устроили для него диспут «на разных языках». В честь высокого гостя «читались стихи и произносились хвалебные речи».¹⁰

Деятельность Федора Евстафьевича, так Ангальта звали в России, была высоко оценена императрицей. В разные годы он получил высшие награды России, среди них — орден Андрея Первозванного и дорогой редкий сервиз, стоимостью свыше 50 тысяч рублей. Генерал был одним из немногих приближенных, кому выпала честь сопровождать Екатерину в ее путешествиях по России. Подробности таких поездок сохранились в воспоминаниях графа Сегюра.¹¹ Ангальта поразили тысячные толпы крестьян, одетых в лучшие одежды, которые выходили приветствовать государыню. По выражению Сегюра, эти встречи напоминали «древние азиатские празднества».¹²

Во время путешествий в окружении императрицы царица необыкновенно свободная атмосфера. Она вела непринужденные беседы, которые порой были веселыми и оживленными, умела так расположить к себе собеседника, что он видел перед собой не императрицу, а лишь любезную, светскую даму. Разговор касался любых тем, и каждому из попутчиков государыня задавала интересующие ее вопросы. В беседах с графом Ангальтом обсуждался филантропин — учебно-воспитательное заведение, открытое на родине графа в Дессау. Интерес к этому учебному заведению у Екатерины II был неслучайным: в это время она много сил отдавала воспитанию и образованию своих внуков — великих князей Александра и Константина, причем на старшего, Александра, в ту пору семилетнего мальчика, императрицей возлагались большие надежды. Это воспитательное заведение было открыто в 1774 г. Иоганном Базедовым. Цель школы — образовать молодых людей в возрасте от 8 до 18 лет и «за хорошую плату воспитать добрых людей, а на гроши — готовить учителей».¹³

Схоластический метод воспитания Базедов предлагал заменить другим, более согласным с природой человека и его потребностями.

Филантропин интересовал многих, а Ангальт, родившийся в Дессау, был прекрасно осведомлен об этом необычном учебном заведении. Он отвечал на многочисленные вопросы Екатерины, излагал свой взгляд на воспитание, считая, что главным должно быть внимательное и бережное отношение к ученику. Любовь, ласка, кротость — вот, по его мнению, основные принципы в системе воспитания.

Путешествия по России помогли Ангальту лучше узнать эту огромную империю, понять, на какой ступени развития она находится. Интересы генерала касались буквально всего: земледелия, заводской промышленности, торговли, школ. Обо всем увиденном он спешил сообщить другу, пастору Бюшингу.

Федор Евстафьевич был умным, наблюдательным человеком. Он прекрасно понимал, что самой сути русской жизни не увидеть в свите императрицы: «сопровождая монарха, встречаешь всюду искусственность, подделки, украшения...»¹⁴

Генералу было очень трудно: не владея русским языком, он пытался задавать вопросы и терпеливо ждал ответов, его принимали за чудака не только солдаты, но и офицеры, владеющие иностранными языками. Ангальт вникал буквально во все мелочи, добиваясь того, чтобы все соответствовало установленным правилам и нормам. Его прямолинейность и честность стали причиной гнева всемогущего Г. А. Потемкина, которому Ангальт указал на плохое состояние вверенных в подчинение фавориту войск, а это в свою очередь вызвало неудовольствие и Екатерины.

И хотя внешне в отношениях с государыней ничего не изменилось и генерал Ангальт продолжал получать награды, Екатерина II вынесла свой приговор: «... я же его (Ангальта. — Л. М.) нашла не что торопливым и не так, как люблю людей видеть».¹⁵

За месяц до путешествия в Крым Фридрих фон Ангальт получил новое назначение — указом императрицы он был определен на должность директора Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Решающую роль при этом назначении сыграло не только то, что генерал проявлял огромный интерес к учебным заведениям, но и то, что он великолепно разбирался в воспитательных идеях Локка и Руссо. Французское образование и воспитание графа оказалось востребованным в России.

Семилетний период директорства Ангальта в корпусе позднее назовут «блистательной эпохой» в истории этого учебного заведения. Генерал «вдали от Отечества и родных, чуждый всякого честолюбия... отдался всеми силами души к дарованному ему новому семейству».¹⁶

Сухопутный шляхетный корпус был учрежден в Петербурге указом Анны Иоанновны в 1731 г. с целью дать армии офицеров, получивших военное образование в своем Отечестве. В числе первых 56-ти кадетов были представители лучших дворянских фамилий России. Кадетский корпус создавался подобно Берлинскому и Копенгагенскому корпусам. В указе Анны Иоанновны говорилось: «Кадетский корпус учреждался из 200 человек шляхетских детей, от 13 до

18 лет, как российских, так и эстляндских и ливонских провинций, которых обучать арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии, шпашному действию, на лошадях ездить и прочим к воинскому искусству потребным наукам»,¹⁷ но уже тогда из корпуса выходили не только военные, но и гражданские чиновники.

Под учебное заведение был отведен один из лучших особняков того времени — большой каменный дом на Васильевском острове. Дом, огромный сад, службы — все это некогда принадлежало светлейшему князю А. Д. Меншикову. Со временем кадетский корпус стал своеобразным петербургским культурным центром.

В царствование Елизаветы Петровны там учреждается «Общество любителей русской словесности», где кадеты обсуждали свои поэтические и прозаические сочинения. Во время святок 1749 г. впервые была сыграна трагедия «Хорев», положившая начало петербургскому театру, учреждена типография, в которой печатались не только учебные книги.

Выпускники корпуса, окончившие его в разные годы, достигли высших должностей в правительстве. Они заседали в Государственном совете и Сенате, коллегиях, управляли наместничествами, председательствовали в важных комиссиях, служили во флоте, были прославленными литераторами и актерами, занимались точными науками.

Во времена царствования Екатерины II управление Сухопутным шляхетным корпусом было возложено на И. И. Бецкого. Им был составлен устав этого учебного заведения, высоко оцененный современниками: «Написанный Бецким Устав принадлежит к замечательнейшим и лучшим законоположениям Екатерининского века. В нем изображено обстоятельно и ясно: как, когда и чем руководствоваться при воспитании и обучении кадет; ничего не было забыто, что могло служить к образованию умственному и нравственному, ничего не было упущено и для развития способностей телесных».¹⁸

Внимание императрицы к корпусу было огромным. Она, как никто другой, понимала необходимость в просвещении дворян, учреждении школ, гимназий. Борьбу с невежеством в государстве вела не только законодательным путем, но и литературным. Ее сатирические журналы, комедии обрушивались на русское дворянство, считавшее, что одной грамоты достаточно для того, чтобы воображать себя образованным; на родителей, которые смотрели на школу и учение, как на мучение и, отдавая детей в гимназию или пансион, прощались с ними навеки.

Екатерина принимала любую помощь в деле воспитания и образования, от кого бы она ни исходила: от приехавшего просвещенного иностранца или от русских, получивших образование за границей.

Отбросив антипатию к Ангальту, она прежде всего оценила его личные качества.

По Уставу И. И. Бецкого в корпус принимали мальчиков 5–6 лет, через каждые три года учебы они переходили из одной возрастной группы в другую. Весь курс обучения был рассчитан на 15 лет. Таким образом, по отношению к питомцам корпуса восторжествовали педагогические принципы Монтеня и Руссо — воспитывать детей вне семьи и ее влияния. Основанием к тому послужило не только утверждение Монтеня, что естественная любовь родителей к детям делает первых слишком снисходительными и нежными, но еще и то, что современное общество признавалось нравственно испорченным и настолько порочным, что пребывание детей в семьях считалось вредным.

Трудно представить то отчаяние, грусть, обделенность, которые охватывали этих пятилетних учеников в огромном здании корпуса, «казалось, что 125 отроков как будто осиротели в один день и один час, вспоминая об отцах и матерях, горестно вздыхали и плакали укладкой».¹⁹

С первых же минут пребывания в корпусе Федор Евстафьевич сумел найти подход к мальчикам, расположить их к себе простым доверительным обращением «дети мои». По воспоминаниям кадета Сергея Глинки, он один выступал как бы в трех лицах: директора, отца и наставника. С младшими играл в различные игры, сочетая их с гимнастическими упражнениями. Мальши с радостью «штурмовали» рвы в липовом саду корпуса, карабкались на высокие столбы, перепрыгивали через деревянную лошадь. Ангальт понимал, как важны для них детские игры, беспечность. Это было «забвение» родительского дома — процесс постепенного привыкания к корпусу. Благодаря хлопотам графа корпусу была подарена библиотека генерала Еггерса, насчитывающая 7000 томов, обогатились физический и натуралистический кабинеты, которые при новом директоре стали доступными публике, правда, только в праздничные дни, тогда же открывался для посещения и большой корпусной сад.

Генерал придавал огромное значение наглядности обучения, в основе которого лежало использование таблиц, на которых для каждого предмета была показана последовательность и связь мыслей, как на генеалогических «древах» поколений, воспитанники быстро и легко запоминали требуемое. Идея использовать подобные таблицы принадлежала Коменскому, ее разрабатывали Локк, Руссо, дополнили и обогатили немецкие педагоги, а также австрийский педагог Фельбигер.

Граф Ангальт использовал любые возможности для претворения в жизнь полезных идей. Он, по воспоминаниям воспитанников, заста-

вил «говорить» с кадетами даже стены... Высокая каменная стена, с трех сторон ограждающая корпусной сад, получила название «говорящей стены». На ней краской были нанесены эмблемы, аллегории, изречения, наставления, диалоги — все то, что надлежало запомнить в юном возрасте. Кадеты всех возрастов ходили вдоль этой стены и читали записи, сделанные по рекомендации графа. Отрывки выби- рались из сочинений лучших авторов того времени, записывались кратко и потому легко запоминались.*

Как заметит позднее С. Н. Глинка, при этом вместе «учились и ум, и глаза». Все это напоминало античную школу, где ученики Аристотеля усваивали уроки своего наставника, прогуливаясь с ним. Ученики Федора Евстафьевича учились непрерывно — в классах и вне их.

Навсегда воспитанники запомнят семь чудес света из древней истории, самые большие реки мира, действующие вулканы и океаны с морями. При этом граф воспитывал и чувство патриотизма у своих питомцев, на стене была надпись: «Государство, имеющее самую многочисленную армию, есть Россия», а на вопрос: «Какой государь производит наибольшие расходы на воспитание юношества?» отве- чал сам: «Екатерина II».

Он подробно перечислял все колониальные товары, это — чай, ко- фе, шоколад, сахар, хлопок, клинки и кружева, а также продукцию, составляющую гордость государства: «скатерти прекрасны ярослав- ские в России», а «меха, меховые товары всех других стран уступают в добротности и в красоте русским». На стене были астрологические записи, системы Птолемея, Коперника.

Любимому своему изречению «беспрестанно учиться» Федор Ев- стафьевич следовал неукоснительно и требовал того же от своих воспитанников. Так, генерал постоянно попадал в нелепые ситуа- ции из-за незнания русского языка, по причине этого он принимает решение серьезно изучать этот язык, объяснив кадетам, что «лучше быть старым учеником, чем старым невеждой». Директор собирает русские пословицы и поговорки, ищет аналогичные в родном немец-

* В романе Т. Кампанелла «Город солнца», впервые изданном во Франкфур- те в 1623 г., подобному способу обучения отводится целая глава, видимо, граф Ангальт был знаком с этим произведением: «... во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходной живописью, в удивитель- но стройной последовательности отображающей все науки...» «... на внутренней стороне стены первого круга изображены все математические фигуры... за ним следуют особые карты всевозможных областей, при коих помещены краткие опи- сания в прозе обычаев, законов, нравов, происхождений и сил их обитателей...» и т.д. «... дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками нагляд- ным путем...» *Кампанелла Т. Город солнца.* М.; Л., 1957. С. 32–33.

ком и французском языках, «почитая это учение украшением своей памяти».

Генерал Ангальт жил довольно далеко от корпуса — на противоположном берегу Невы, но это не мешало ему по 2–3 раза в день приезжать к своим воспитанникам, порой рискуя жизнью, переправляясь через Неву в непогоду. Многочисленные обязанности директора отнимали почти все его время, но граф находил несколько часов для занятий науками, словесностью со старшими кадетами. Едва ли кто из иностранцев того времени столько ездил по России, сколько он. Ученики внимали каждому слову из его рассказов о русской истории, русском народе, героическом прошлом России. Он подробно рассказывал о своих путешествиях с Екатериной II, давая затем кадетам задание письменно изложить услышанное.²⁰

Директор постоянно старался разнообразить затворническую жизнь в корпусе. В большом кадетском саду была устроена ферма с посевами пшеницы, овощей и цветов. Каждый воспитанник на собственном опыте познавал нелегкий труд земледельца, «питающего Отечество».

По просьбе Ангальта, с детских лет знавшего и любившего французский язык, в корпус приглашается актер французского театра Офрен, который учит воспитанников декламации для усовершенствования их французского произношения. В юности Офрен гостил в доме Вольтера, играл с ним в домашнем театре. По вечерам русский актер Плавильщиков в присутствии директора читал оды и похвальные слова М. В. Ломоносова, «Душеньку» И. Ф. Богдановича, принимал участие в рассуждениях о тогдашней словесности.

Благоговение к французскому театру старался воспитать у кадетов учитель французской риторики Адлер, а русскую литературу и словесность преподавал литератор Б. Я. Княжнин.

Зимними вечерами, когда за окнами стоял мороз и мела вьюга, устраивались театральные представления.

Ставили трагедию Вольтера «Брут», в которой играл сам В. А. Озеров и, как вспоминал Глинка, «... голос добродетелей древнего Рима, голос цинцинатов и катонов громко откликнулся в пылких и юных душах кадет».²¹

Часто в зале устанавливали амфитеатром скамейки и пели хоры, переведенные из Плутарха, которые «воскрешали древнюю Спарту», — таким образом легче изучались римская и греческая истории.

Ангальт заводит среди кадетов так называемые «сверхкомплектные тетради», в которые, в отличие от обычных, сами ученики записывали понравившиеся им изречения, исторические фрагменты, стихи, мысли ученых, литераторов, государственных деятелей. Это было не просто механическое переписывание, каждый должен был

потом объяснить, почему он выбрал именно это изречение, чем оно его привлекло. Директор всегда просматривал эти тетради, особенно интересные переплетались в кожаные переплеты.²²

Федор Евстафьевич был инициатором еще одного начинания. В большом рекреационном зале, который назывался увеселительным, было установлено несколько досок. В течение недели воспитанники заносили на них привлекавшие их внимание высказывания писателей, ученых, извлечения из книг. Корпусная библиотека была огромной, за годы директорства Ангальта она увеличилась до 12000 томов, где каждый находил «обильную пищу для удовлетворения своей страсти к наукам».²³

В воскресный день, когда собирались гости, начинался диспут. Читали изречения, объясняли их, рассуждали о любимых авторах.

Постепенно зал наполнялся другими наглядными пособиями, способствующими усвоению знаний, причем не только военных, но и общеобразовательных. Это были схемы, географические карты, планы крепостей. Каждый воспитанник корпуса мог по многу раз просматривать эти планы и карты, что способствовало закреплению всех полученных сведений.

В зале появляются скульптуры, среди которых во весь рост мраморный Марс, верховное божество римлян, Ж-Ж Руссо, Вольтер, бюсты Цицерона, Александра Великого, Юлия Цезаря, Демосфена, а также подробная хронология русских царей от Рюрика до Екатерины II, два больших глобуса, на отдельном столе — Библия на трех языках.

На многочисленных столах были разложены словари, справочники, газеты, журналы, альманахи, шахматные доски, таблицы мер и весов, рисунки по гражданской архитектуре.

На стенах в специальных рамках были помещены изречения Монтескье, Вольтера, Локка, рекомендации «для учебы с пользой», басни Лафонтена, Сумарокова.

Все эти сведения о рекреационном зале сохранились в книге Фридриха фон Ангальта «La salle de récreation».²⁴ Поражаешься, как один зал мог вместить такое множество самых различных предметов: опись вещей, необходимых в походе, планы и карты всех военных кампаний, которые Россия вела в XVII–XVIII вв., таблицы грамматических особенностей русского, французского и немецкого языков, каталоги книг по ботанике, военным сочинениям, лесоводству, земледелию, охоте, рыбной ловле, ремеслам, таблицы вскрытия и замерзания Невы с 1718 по 1788 гг., списки выпускников корпуса и многое, многое другое. Все это доступно, открыто, каждый, придя в зал, находил там то, что его интересовало в данную минуту.

Многое из наглядных пособий Ангальт изобретал сам, очень часто они изготавливались на деньги графа. Этим он стремился пробуждать умственные способности своих питомцев. Позднее в своих записках С. Н. Глинка заметит: «Встретясь с некоторыми из сотоварищей моих после заграничных их походов, начавшихся с 1799 года, я изумился основательному изъяснению их на языках иностранных и обильному богатству их познаний». Прежде всего, это заслуга Ангальта, который, «знакомя с различными предметами, не изнурял способностей ума».²⁵

Фридрих фон Ангальт, профессиональный военный, сумел стать профессиональным педагогом. Он руководил корпусом, где собрались воспитанники от 5-, 6- до 20-летних, сильные и слабые, робкие и активные. К каждому возрасту он находил свой подход, выделяя в каждодневной суете что-то главное. Его не боялись, но стоило шулунам увидеть фигуру высокого, стройного человека в зеленом мундире с прической прусского короля, как любые шалости и проказы прекращались. Директор мог дать ответ на любой вопрос, познания его казались безграничными, он никогда не повышал голоса, говорил спокойно и убедительно.

Порой кадеты в корпусе вели себя слишком свободно. В истории этого учебного заведения сохранилось предание о том, как воспитанники всех возрастов приняли участие в растаскивании погребца с сушеными яблоками, грушами, черносливом и изюмом. Как вспоминал один из них, «... были сшибки, схватки... в один час расхищены были сокровища подпольной сладости». Так был наказан вороватый экононом, «запустивший руки во все отрасли питательного хозяйства».²⁶ Но и в этом случае директор не применил телесных наказаний, а, собрав всех воспитанников, нашел убедительные слова для понимания смысла содеянного.

Он хотел, чтобы его питомцы, среди которых Федор Евстафьевич видел не только военных, но и гражданских чиновников, при выходе из корпуса имели четкие представления о жизни вне стен учебного заведения.

«Благоговейте к храму вашего воспитания. Да будет первым побуждением и первым началом всех ваших поступков честность и доброе имя» — такими словами напутствовал генерал выпускников.²⁷ Среди тех, кто закончил корпус в период директорства Ангальта: В. А. Озеров — известный драматург и генерал-майор, И. Г. Гогель — директор Пажеского корпуса, С. Н. Глинка — литератор и автор патриотических сочинений, Я. П. Кульнев, прославившийся военными подвигами против шведов и геройски погибший в сражении с французами в 1812 г. Услышав о смерти Кульнева, французский генерал Сен-Женье сказал: «В полках русских не стало героя

человечества!»²⁸ Среди тех, кто учился у Ангальта, сотни боевых русских офицеров, отличившихся во время военных кампаний России конца XVIII — начала XIX вв.

В начале 1794 г. Фридрих фон Ангальт подвергся новой опале при дворе. Императрица перестала посещать корпус, который некогда называла «рассадником великих людей». Причина новой опалы неизвестна, генерал своей жизнью и проблемами не хотел никого беспокоить. Он оставался по-прежнему директором, вникающим в каждодневные дела и заботы, приезжал в корпус по два раза в день, пренебрегая плохим самочувствием. 20 мая 1794 г. Федор Евстафьевич тяжело больным приехал в корпус, побеседовал с кадетами, отдал распоряжения, с трудом обошел липовый сад, который только начал покрываться весенней зеленью. Казалось, что «граф хотел, чтобы именно в корпусе, среди кадет, перестало биться его сердце».²⁹

Он умер через два дня в возрасте 62 лет, и его смерть открыла еще одну тайну этого человека. Дом Ангальта был лишен богатства и роскоши, его постель была по-солдатски аскетичной. Нигде не было и следов тех дорогих подарков, которые он некогда получил из рук императрицы. Его жилище как бы говорило о бескорыстии этого человека, который за десять лет жизни в России не нажил ни поместий, ни крепостных людей, ни денежного капитала. Это был солдат, готовый в любую минуту оставить все ради выполнения порученного ему дела. Слуга Ангальта рассказывал, что все свои средства он тратил на пенсии для вдов офицеров и солдат, содержал детей-сирот из солдатских семей, помогал больным. На свои средства два раза в год, на Рождество и Светлое Христово Воскресение, он выкупал по нескольку человек, сидящих в остроге за долги. Бывают мгновенные порывы любви и сострадания к ближним, для графа же Фридриха фон Ангальта это чувство было постоянным, оно превратилось в потребность.

Никто из государственных чиновников, обласканных императрицей, не провожал боевого генерала в последний путь, но на улицах было многолюдно. Современник вспоминал, что «кровли домов были усеяны теми, кто кричал: Он был отцом кадет! Он был нашим отцом!»³⁰

Фридрих фон Ангальт был похоронен на Волковом кладбище в Петербурге, на его могиле не было памятника: те, кому он так много помогал, не в состоянии были отблагодарить своего покровителя.

После смерти Федора Евстафьевича Ангальта его место в корпусе занял М. И. Кутузов, но это уже было другое учебное заведение: «Какая-то невидимая рука в нашем зале с окон и столов отбирала книги и газеты, снимала со стен все собственноручные памятники

графа Ангальта. Постепенно исчезли со стен нашего сада и надписи, и эмблемы, и изображения систем Птолемея и Коперника. И в стенах залы, и в саду все для нас переменялось, кроме напоминания о том человеке, который в тесные пределы корпуса старался переселить все то, что непрерывный ряд веков передавал мысли человеческие», — так вспоминал Сергей Глинка, один из выпускников Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, питомец Фридриха фон Ангальта, генерала и педагога.³¹

- ¹ *Петров П. В.* Граф Федор Евстафьевич Ангальт // Педагогический сборник, сентябрь, 1901. С. 175.
- ² *Левшин Д. М.* РО РНБ. Ф. 152, оп. 3, ед. хр. 10. С. 30.
- ³ *Петров П. В.* Граф Федор Евстафьевич Ангальт, 1901. С. 179–180.
- ⁴ Там же. С. 182.
- ⁵ Там же. С. 182.
- ⁶ Там же. С. 181.
- ⁷ Там же. С. 181.
- ⁸ Там же. С. 181.
- ⁹ Там же. С. 186.
- ¹⁰ Стихи и речи, говоренные графу Ангальту в Архангельской семинарии 1785 года марта 11 дня. СПб., 1785.
- ¹¹ *Сегюр Л. Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989.
- ¹² Там же. С. 366.
- ¹³ *Петров П. В.* Граф Федор Евстафьевич Ангальт... 1901. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1891. Т. II-а. С. 685.
- ¹⁴ *Сегюр Л. Ф.* Записки... С. 402.
- ¹⁵ Педагогический сборник, сентябрь, 1901. С. 199.
- ¹⁶ *Антонов А. Н.* Краткие исторические сведения о первом кадетском корпусе. СПб., 1906. С. 13.
- ¹⁷ 125-летний юбилей первого кадетского корпуса. СПб., 1857. С. 5.
- ¹⁸ Там же. С. 11–12.
- ¹⁹ *Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895. С. 31.
- ²⁰ Сам Ф. Ангальт составил подробное описание этого путешествия и поместил в журнале «Historische Portfenille» за 1789 год.
- ²¹ *Глинка С. Н.* Записки. С. 61.
- ²² Таких тетрадей скопилось более 60 штук. Педагогический сборник, август, 1883. С. 134–136.
- ²³ Педагогический сборник, апрель, 1883. С. 246.

- ²⁴ La salle de récreation. СПб., 1791. Педагогический сборник, апрель, 1883. С. 242–278. «Рекреационный зал Императорского Сухопутного кадетского корпуса в исходе прошлого столетия».
- ²⁵ Глинка С. Н. Записки. С. 100–101.
- ²⁶ Там же. С. 77–78.
- ²⁷ Из речи графа Ангальта кадетам, выпущенным во флот в 1788 году. Антонов А. Н. Первый кадетский корпус. 1907. С. 12.
- ²⁸ Глинка С. Н. Записки. С. 63.
- ²⁹ Там же. С. 108.
- ³⁰ Там же. С. 111.
- ³¹ Там же. С. 115. Ф. Глинка. Взгляд на прошедшее // Москвитянин. 1846. Ч. 1. С. 33–35.

В. И. Осинов

РУССКИЕ СТУДЕНТЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ГЕТТИНГЕНЕ В XVIII в.

В течение XVIII в. за границей обучалось 23 студента Петербургской Академии наук, из них 9 человек — в Геттингене.

В конце 1766– начале 1767 г. в Геттингенском университете прослушал курс лекций академический переводчик А. Я. Поленов, приехавший туда из Страсбурга в надежде получить более основательные знания в области юридических наук. Однако еще раньше, в мае 1765 г., Академия наук направила в Геттинген в многолетнюю командировку четырех студентов: П. Б. Иноходцева, И. Юдина, В. Венедиктова, В. Светова. Сопровождать их вызвался А. Л. Шлецер, взявший на себя обязанности куратора и наставника.

По приезде в Геттинген Шлецер занялся устройством и организацией занятий студентов. На роль надзирателя и репетитора он выбрал Х. Ф. Г. Вестфельда, немецкого экономиста и минералога. Вестфельду в ту пору не было еще и двадцати лет, но это был уже опытный специалист. Он ответственно отнесся к своим обязанностям и даже стал учить русский язык. Вестфельд знакомил студентов с немецкими поэтами, а также научными трудами Г. Ахенвалля и А. Ф. Бюшинга. Для совершенствования в латинском языке репетитор предложил студентам тексты Тита Ливия. Изучали они и греческий язык. Курс лекций, посвященный историкам всех времен и народов, читал профессор философии и истории литературы Г. К. Гамбергер. Присутствовали они и на семинарах профессора классической филологии Х. Г. Гейне.

Согласно составленному Шлецером плану занятий на зимний семестр, Иноходцев и Юдин должны были слушать экспериментальную физику у профессора философии, богословия и физики С. Х. Гольмана, прикладную и чистую математику — у профессора математики и физики А. Г. Кестнера, немецкий язык — у Вестфельда, европейскую историю — у профессора философии И. Ф. Муррая. Для домашнего чтения Шлецер рекомендовал математические труды П. Мушенбрука и французского физика Ж. А. Нолле. Сочинения последнего следовало изучать в оригинале, для чего требовалось овладеть еще и французским языком.

Специализировавшиеся в области филологии и истории Венедиктов и Светов обязаны были посещать лекции профессоров Гамбергера, Муррая, Гейне, уроки немецкого языка Вестфельда и географические лекции профессора истории И. К. Гаттерера.

30 октября 1765 г. Вестфельд сообщил Шлецеру, находившемуся тогда в Вертгейме, о необыкновенном прилежании, которое проявили Светов и Венедиктов при изучении новых для них предметов. Сам Вестфельд присутствовал вместе со своими подопечными на лекциях Муррая по истории государственных образований с тем, чтобы затем слово в слово повторить сказанное Мурраем ученикам для лучшего закрепления материала в их памяти.¹

17 апреля 1766 г. Шлецер заключил контракт с Б. Г. Вальхом, которому предстояло обучать Светова и Венедиктова истории, античности и языкам. Дав отставку Вестфельду, Шлецер тем не менее отметил большие успехи, которых добились под его началом русские студенты.² В преддверии летнего семестра Шлецер ввел для всех стажеров единую форму финансовой отчетности и представил расписание летних занятий.³ Летом 1766 г. Шлецер выехал в Петербург. В его отсутствие шефство над студентами было поручено профессору Мурраю. Осенью Академия получила от студентов подробные финансовые отчеты за его подписью. Представленные счета содержали скрупулезное перечисление статей расходов: от стоимости лекций по тому или иному предмету до таких мелких трат, как покупка гуталина для обуви.⁴

Прослушав необходимые курсы лекций, Иноходцев и Юдин в июне 1767 г. вернулись в Петербург. 10 октября 1768 г. Иноходцев был объявлен кандидатом в адъюнкты, а через неделю введен в Академию уже как полноправный адъюнкт, Юдин умер 30 ноября 1768 г., оставив после себя переведенную с немецкого языка совместно с Иноходцевым «Универсальную арифметику» Л. Эйлера.

Тем временем Светов и Венедиктов продолжали свое обучение и регулярно высылали подробные отчеты.⁵ Осенью 1767 г. в Геттинген вернулся Шлецер и узнал, что за время его отсутствия по-

ведение студентов вызывало немало нареканий. Весьма неблагоприятно, с его точки зрения, обстояло дело и с организацией учебного процесса, что выражалось в отклонении от предписанного плана занятий. Шлецер составил новый план занятий для студентов, куда включил лекции по дипломатике (Гаттерер), церковной истории (Вальх), естественному праву (Ахенваль), натуральной истории и статистике (проф. экономики И. Бекман), немецкой истории (проф. государственного права И. С. Пюттер) и английскому языку (проф. филологии И. А. Диц). Студенты слушали эти лекции в течение полугода — с 1 апреля по 1 октября 1768 г.⁶

В мае 1768 г. истекал срок пребывания русских стажеров в Геттингене. В связи с этим Шлецер обратился в Академию с рапортом, в котором указывал, что студенты не успели прослушать все запланированные лекции, и изъявлял готовность продолжить занятия с Венедиктовым в течение еще одной зимы, отдав ему предпочтение перед Световым скорее всего из-за его более покладистого характера. 1 июня 1768 г. Светов послал в Академию свой последний отчет⁷ и 19 октября 1768 г. возвратился в Петербург. Венедиктов же обратился в Академическую комиссию с просьбой продлить его пребывание в Геттингене до весны будущего года, чтобы дослушать оставшиеся лекции.⁸ Просьба Венедиктова, поддержанная Шлецером, была удовлетворена, и с 24 октября 1768 г. он приступил к слушанию рекомендованных Шлецером лекций. К курсам естественного права и статистики, которые читал Ахенваль, добавились вторая часть церковной истории (Вальх), экономические науки (Бекман) и философия (Федер). По два часа в неделю отводилось на греческий и английский языки.⁹

Закончив обучение, Венедиктов в сентябре 1769 г. отправился на родину. В 1771 г. он умер от туберкулеза, получив незадолго до своей смерти чин переводчика. Светову было суждено пережить своего товарища на 12 лет. Хорошая языковая и историческая подготовка, полученная им в Геттингене, помогла ему сделать ряд добротных и крайне необходимых русскому читателю переводов трудов немецких авторов.

В 1785 г., после 20-летнего перерыва, Академия вновь командировала в Геттинген четырех студентов, на этот раз В. М. Севергина, Я. Д. Захарова, А. К. Кононова и Г. Павлова. Академический университет фактически прекратил свое существование, и заграничная командировка давала студентам реальную возможность усовершенствоваться и обогатить свои знания. Пример Светова и особенно Иноходцева, который к этому времени стал ординарным академиком, несомненно, явился весомым аргументом в пользу Геттингена.

Престиж Геттингенского университета в ту пору был весьма высок. Среди преподавателей университетов различных стран Европы нередко можно было встретить профессоров, получивших образование в Геттингене. В конце 80-х гг. XVIII в. в Геттингенском университете по-прежнему читал свои лекции А. Г. Кестнер, химию и минералогию преподавали И. Ф. Гмелин и Г. К. Лихтенберг.

Студенты выехали из Петербурга 8 июля 1785 г. За две недели до их отъезда конференц-секретарь Петербургской Академии наук И. А. Эйлер направил в Геттинген письмо на имя доктора Ф. К. Виллиха, в котором директор Академии Е. Р. Дашкова просила его взять на себя функции куратора и помочь молодым людям выбрать необходимые лекции с учетом того обстоятельства, что Павлов должен изучать астрономию, Севергин — минералогию, Кононов — естествознание, Захаров — химию. Вместе с тем рекомендовалось обратить внимание и на смежные области знаний, чтобы не замыкаться в узкой специализации. В задачу Виллиха входило, главным образом, наблюдение за их поведением и прилежанием, о чем ему надлежало сообщать в Академию четыре раза в год.¹⁰ Поскольку Виллих был по образованию юристом и не чувствовал себя компетентным в естественных науках, русские студенты, руководствуясь полученными при отъезде из Петербурга рекомендациями, обратились непосредственно к геттингенским профессорам. В результате Кононов получил приглашение на лекции Кестнера по математике, Лихтенберга по физике и Гмелина по химии. Остальные ученики должны были заниматься у этих же профессоров каждый по своей специальности.¹¹

25 декабря 1785 г. студенты выслали в Академию отчет о своем пребывании за первые четыре месяца в Геттингене, сетуя на стесненное материальное положение.¹² К отчету были приложены оригиналы отзывов их преподавателей: Кестнера, Лихтенберга и Гмелина. В отзывах давалась высокая оценка русским слушателям, отмечались их старательность и достигнутый в учебе прогресс.¹³ В мае следующего года в Конференции был зачитан второй отчет студентов, из которого следовало, что они приступили к слушанию новых курсов лекций. Кононов, в частности, стал посещать лекции по сферической тригонометрии, которые читал магистр И. Н. Мюллер, Захаров — лекции Бекмана по технологии и Муррая по ботанике. Севергин слушал натуральную историю у Блуменбаха, Павлов — логику и метафизику у Федера.¹⁴ Кононов и Павлов, изучавшие прикладную математику у Кестнера, удостоились его похвал, которые тот довел до сведения И. А. Эйлера в письме от 7 августа 1786 г. На их примере Кестнер положительно оценил избранный Академией метод подготовки отечественных ученых.¹⁵ В декабре того же года студенты прислали очередной отчет, приложив к нему похвальные отзывы

Лихтенберга, Бекмана, Blumenbacha, Муррая, Кестнера и Гмелина.¹⁶ Между тем материальное положение студентов все более ухудшалось. Признаки серьезной озабоченности стал проявлять даже наставник русских студентов. Жалобы на нехватку денег встречаются почти в каждом письме, направлявшемся студентами в Академию, а под конец их пребывания в Геттингене Виллих сообщил, что Павлову грозит долговая тюрьма.¹⁷ Несмотря на это, Захаров обратился в Академию с просьбой продлить срок обучения в Геттингенском университете еще на год.¹⁸ С похвалой о Захарове отзывался Шлецер, выделяя его из русских студентов. Он отмечал большие его способности к истории и политико-экономическим наукам.¹⁹ О блестящих успехах Севергина и Захарова сообщал и Гмелин.²⁰ Высокую оценку Кононову и Севергину давал Кестнер.²¹

В марте 1789 г. Севергин и Кононов вернулись в Петербург, 18 июня 1789 г. Кононов был единогласно избран адъюнктом Академии по физике, а Севергин — адъюнктом по минералогии. Позднее оба стали академиками.

Их товарищ по учебе Захаров остался на некоторое время в Геттингене, нарушив тем самым приказ Дашковой, предписывавший всем студентам вернуться в Петербург. В письме, посланном И. А. Эйлеру 16 января 1789 г. из Геттингена, Захаров объяснил свой поступок тем, что он не хотел тратить драгоценное время на ожидание хорошей погоды и попутного ветра в Любеке, тогда как с большей пользой можно было употребить его на занятия науками. Это соображение и побудило студента вернуться доучиваться в Геттинген.²² Кестнер, осудив поведение Захарова, вместе с тем дал высокую оценку талантам и усердию русского стажера.²³ Последнее письмо Захарова из Геттингена датировано 25 августа 1789 г. В нем он сообщает о своих занятиях естественной историей, химией и экономическими науками.²⁴ По возвращении на родину Захаров вскоре был избран адъюнктом по химии, а 31 января 1798 г. получил звание ординарного академика. Так закончилась последняя в XVIII столетии поездка академических студентов за границу.

В целом же можно отметить, что студенческие командировки в Геттинген явились весьма существенным фактором процесса становления системы русско-немецких научных связей, которая в основных своих чертах сформировалась во второй половине XVIII в.

¹ August Ludwig v. Schlozer und Russland. Hrsg. v. E. Winter. Berlin, 1961. S. 136.

² Ebenda. S. 144, 154, 159, 161, 162.

³ ПФА АН (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН). Ф. 1. Оп. 5. Д. 44. Д. 286.

- 4 Там же. Ф. 1. Оп. 2–1766. Д. 8. Л. 11–18 об.
- 5 Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 308. Л. 104–112 об.
- 6 Там же. Л. 131.
- 7 Там же. Л. 123–124 об.
- 8 Там же. Л. 125–125 об.
- 9 Там же. Л. 126–126 об.
- 10 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 55. Л. 105–109 об.
- 11 Там же. Д. 69. Л. 48–48 об.
- 12 Там же. Л. 75.
- 13 Там же. Л. 76–78.
- 14 Там же. Л. 101.
- 15 Там же. Д. 68. Л. 513–514 об.
- 16 Там же. Д. 69. Л. 142–149.
- 17 Там же. Д. 70. Л. 229 об.
- 18 Там же. Д. 69. Л. 214–214 об.
- 19 Там же. Л. 219.
- 20 Там же. Д. 70. Л. 276.
- 21 Там же. Л. 274 об. –275.
- 22 Там же. Л. 259–260 об.
- 23 Там же. Л. 320 об.
- 24 Там же. Ф. 1. Оп. 2–1789. Д. 7. Л. 3.

Г. И. Смагина

ФРЕЙБЕРГСКАЯ ГОРНАЯ АКАДЕМИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗНАНИЙ ПО ГЕОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ В РОССИИ XVIII в.

В XVIII в. в России с развитием мануфактур, торговли, проведением военных операций, возникновением новых отраслей производства резко возросла потребность в сырье для металлургической промышленности, что, в свою очередь, вызвало быстрое развитие горного дела, стимулировало поиски полезных ископаемых.

Петр I уделял особое внимание развитию горного дела и распространению научно-практических знаний в этой области. Он создал специальное учреждение, которое ведало разработками и поисками месторождений. Это был Приказ рудокопных дел, который в 1718 г. был реорганизован в Берг-коллегию. 2 января 1703 г. вышел в свет

первый номер первой российской газеты «Ведомости», которую редактировал сам царь. Примечательно, что в числе 10 самых важных событий, о которых Петр хотел сообщить своим гражданам, было известие об открытии новых месторождений нефти и медной руды. Позже подобные сообщения появлялись регулярно. В 1711 г. Петр дважды посетил Фрейберг, где внимательно осмотрел местные горные выработки и заводы. Когда в 1714 г. состоялось открытие первого российского музея — Кунсткамеры, Петр распорядился, чтобы граждане России собирали и присылали в нее минералы и диких камни. Это положило начало минералогической коллекции, которая в середине XVIII в. насчитывала 5000, а в конце XVIII в. — 13000 образцов минералов.¹ Музей охотно посещали, что, безусловно, служило распространению геологических знаний. Эти мероприятия, вызванные экономическими потребностями страны, стимулировали к поискам новых месторождений. На их поиски отправлялись не только специальные экспедиции, но и люди, движимые простым любопытством. Однако для того, чтобы лучше научиться отыскивать природные богатства, необходимо было получить соответствующие знания.

Важную роль в деле распространения научно-практических сведений по горному делу играли книги по минералогии, геологии, маркшейдерскому делу, пробирному искусству, которых, по подсчетам немецкого ученого Петера Шмидта, на русском языке было издано около 100, что составило примерно 1% от количества всех книг, вышедших в XVIII в. на русском языке.² Самыми популярными изданиями по геологии были монографии и переводы иностранных сочинений, выполненные русскими учеными, получившими образование во Фрейбергской горной академии.

Старинный саксонский город Фрейберг издавна привлекал внимание всех интересующихся горным делом. В XVIII в. между русским горным производством и Фрейбергской горной академией существовали тесные связи, которые способствовали развитию горнодобывающей и горнозаводской промышленности, подготовке специалистов по горному делу, организации специальных учебных заведений, распространению геологических знаний.

Благодаря исследованиям немецкого ученого Г. Печнера и российских историков И. И. Шафрановского и Н. М. Раскина нам известно, что во Фрейберге в XVIII в. обучалось 10 русских студентов,³ среди которых были М. В. Ломоносов — впоследствии выдающийся русский ученый, Д. Виноградов, Г. Рейзер, А. Дерябин, П. Медер, Ф. Моисеенко, П. Ильман, А. Колесов, С. Подшивалов, Н. Рожечников. Они оставили заметный след в истории горного дела в России.

Ими написаны первые на русском языке научные труды, учебные пособия и статьи по геологии и минералогии.

М. В. Ломоносов (1711–1765) сочинил своеобразную энциклопедию по горным наукам, которая вышла под названием «Первые основания металлургии и рудных дел». Это была одна из первых книг по горному делу. В ней изложены основы учения о происхождении залежей полезных ископаемых, их добыче и переработке. Напечатана она была в 1763 г. тиражом 1225 экз. в типографии Академии наук. 200 экз. было отослано на рудники и металлургические заводы за счет правительства. Книга пользовалась заметным спросом и в 1796 г. вышло ее второе издание.

Минералогические проблемы занимали Ломоносова всю его жизнь. Он мечтал о создании фундаментального научного труда, посвященного российской минералогии, и считал, что большую помощь в сборе различных образцов горных пород могли оказать широкие слои населения. Около 120 заводов и частных лиц прислали для учебного образцы минералов и руд. Однако он не успел осуществить задуманного.⁴ Этот труд был завершен только почти полвека спустя академиком В. М. Севергиным (1765–1826), который опубликовал в 1809 г. монографию «Опыт минералогического землеописания Российского государства».

Глубокие знания по геологии приобрел во Фрейберге студент Петербургской академии наук Ф. П. Моисеенко (1754–1781). Он был первым русским ученым, всецело посвятившим себя минералогии. Несколько статей его по горному делу были опубликованы в научно-популярных журналах, издаваемых Академией наук, а в 1779 г. в Лейпциге вышла на немецком языке его монография «Минералогическое сочинение об оловянном камне».⁵ Книга содержит подробное описание свойств данного минерала и знакомит с месторождениями его в Германии. Успехи Моисеенко были высоко оценены — он был избран адъюнктом Петербургской академии наук и членом Лейпцигского экономического общества.

В 1773 г. в Санкт-Петербурге открылось Горное училище для подготовки отечественных специалистов. Выпускники Фрейбергской горной академии Ильман, Медер, Дерябин, Моисеенко читали там лекции по геологии, минералогии, маркшейдерскому искусству, металлургии и химии. Они стремились дать своим ученикам самые глубокие знания и практические навыки, воспитать их в лучших традициях Фрейбергской академии.

Большой интерес в России вызвали научные труды и методы работы преподавателей Фрейбергской горной академии. Следует заметить, что именно немецкому ученому Иогану Фридриху Генкелю

(1679–1744) принадлежала инициатива в том, чтобы посылать русских студентов для обучения за границу. Генкель был учителем самого известного русского ученого XVIII в. Михаила Васильевича Ломоносова. Именно под руководством Генкеля Ломоносов увлекся минералогической химией. Интересно, что построенная Ломоносовым первая в России химическая лаборатория в 1748 г. очень напоминала лабораторию Генкеля во Фрейберге.⁶ В 1775 г. на русский язык был переведен труд Генкеля «Руководство к химическому рудословию».⁷ Россия стала наследницей и значительной части знаменитого минералогического собрания Генкеля, которое вошло в собрание минералов, принадлежащее горному промышленнику Демидову, его наследники позже подарили коллекцию Московскому университету.

Среди лиц, более всего способствовавших укреплению связи между горными школами Германии и России, следует назвать Христлиба Эреготта Геллерта (1711–1795). В 1735 г. он прибыл в Россию и около 12 лет проработал учителем физики и математики в гимназии при Петербургской академии наук, в трудах которой были помещены три его научные работы. В 1747 г. ученый вернулся в Германию и обосновался во Фрейберге, всецело посвятив себя горному делу и металлургии. Большое распространение получили его «Начальные основания металлургической химии». Издание стало настольной книгой Ломоносова. В 1781 г. она была переведена и издана на русском языке.⁸

В течение 5 лет кафедру минералогии во Фрейберге возглавлял профессор Христиан Иеронимус Ломмер. Его монография о серебряной руде была переведена и издана в Горном училище в 1780 г.⁹

Особо следует сказать о выдающемся немецком ученом Абрааме Готтлибе Вернере (1749–1817). Русские студенты были среди самых первых слушателей Вернера. В 1774 г. он опубликовал свое главное сочинение «О внешних признаках ископаемых тел». Известно, что Моисеенко переводил это сочинение на русский язык, однако издание перевода не состоялось.¹⁰ С использованием классификации и методики определения минералов Вернера академиком В. М. Севергиным была написана одна из самых популярных книг по минералогии «Первые основания минералогии».¹¹ Одним из лучших учеников Вернера считался П. Медер, который после возвращения из Фрейберга написал «Наставление российским селитроварщикам» (СПб., 1811).

Выпускники Фрейбергской академии переводили на русский язык монографии не только преподавателей Горной академии, но и лучшие сочинения по горному делу, написанные на немецком языке. Н. Рожечников выполнил перевод книги о торфе С. Абильтора и

участвовал в переводе обширного сочинения по горному и соляному делу в 10 частях Ф. Л. Канкрина.¹²

Блестящую страницу в историю связей Фрейбергской горной академии с Россией вписал выпускник академии Иоганн Михаил Ренованц (1744–1798). Он принимал самое активное участие в организации в Петербурге Горного училища, в котором преподавал физику, минералогию, маркшейдерское и горное дело. Под его руководством во дворе училища был построен учебный рудник, который славился как одна из достопримечательностей российской столицы.¹³ Много интересных и полезных знаний можно было получить из книги Ренованца «Минералогические, географические и другие смешанные известия об Алтайских горах», которая была опубликована на немецком языке в Ревеле и Фрейберге в 1788–1789 г., в русском переводе вышла в 1792 г.¹⁴

В XVIII в. в России распространением научных и научно-популярных изданий в основном занималась Академия наук. На всю страну она имела всего лишь две книжные лавки: в Петербурге — с 1728 г. и в Москве — с 1749 г. Книжная торговля в провинции начала зарождаться лишь во второй половине XVIII в. Но, к сожалению, книга, продающаяся в Санкт-Петербурге, например, по рублю, пока доходила до покупателей в провинции, стоила уже 3 рубля, а иногда и больше, что, естественно, уменьшало число желающих ее купить. Но все же, когда стали появляться в провинциальных городах свои типографии, свои книжные лавки, а к концу XVIII в. их было более 60, когда богатые люди стали передавать в дар свои библиотеки, книги стали более доступными. И особо следует отметить, что примерно 10% от всех продаваемых в XVIII в. книг были книги о земле, полезных ископаемых, геологии и минералогии.¹⁵

Быстрое развитие горного дела и металлургии, которое началось в России еще при Петре I, продолжалось в XVIII–XIX вв. И во многом этому способствовали тесные связи между русским горным производством и Фрейбергской горной академией.

¹ Минералогический музей Академии наук. Л., 1925. С. 3.

² Schmidt P. Zur Kenntnis der in der zweiten Hälfte des 18. Jh. erschienenen russischsprachigen Montan-Monographien // Neue Bergbautechnik. Н. 4. 1991. С. 152.

³ Печнер Г. Русские студенты во Фрейберге // Вопросы истории естествознания и техники. № 12. 1962. С. 163–164. Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Первые русские во Фрейбергской горной академии // Вопросы истории естествознания и техники. 1969. № 2. С. 68–70.

⁴ Павлова Г. Е., Федоров А. С. М. В. Ломоносов. М., 1988. С. 299–300.

⁵ Mineralogische Abhandlung von dem Zinnsteine. Zeipzig, 1779.

- ⁶ Раскин Н. М., Шафрановский И. И. И. Ф. Генкель: Ломоносов // Сб. ст. и материалов. Л., 1983. Т. 8. С. 76–86.
- ⁷ Генкель И. Ф. Руководство к химическому рудословию / Пер. с нем. Алексея Гладких. СПб., 1775.
- ⁸ Геллерт Х. Э. Начальные основания металлургической химии / Пер. с нем. артиллерии подполковником А. Немым. М., 1781.
- ⁹ Ломмер Х. И. О роговой руде, как новом виде серебряной руды / Пер. с нем. Горного училища студент Николай Иконников. СПб., 1780.
- ¹⁰ Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Ф. П. Моисеенко. Л., 1974. С. 47.
- ¹¹ Севергин В. М. Первые основания минералогии: В 2-х ч. СПб., 1798.
- ¹² Абельгор С. Сочинение о торфе / Пер. с нем. Н. Р. Рожечников. СПб., 1776; Канкрин Ф. Л. Первые основания искусства горных и соляных производств. Ч. 1–10. СПб., 1785–1791. (Н. Р. Рожечников перевел 1, 2, 3 и 10 ч.)
- ¹³ Радкевич Е. А., Шафрановский И. И. И. М. Ренованц // Геологи Ленинградского горного института. М., 1974. С. 34–50.
- ¹⁴ Ренованц И. М. Минералогические, географические и другие смешанные известия об Алтайских горах, принадлежащих к Российскому владению / С немецкого языка на российский с приложением некоторых примечаний перевел В. Севергин. СПб., 1792.
- ¹⁵ Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988. С. 76, 78.

Т. А. Щербова

ВОСПРИЯТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ
И. Ф. ГЕРБАРТА И А. В. ДИСТЕРВЕГА
В ГЕРМАНИИ И РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Педагогические теории Иоганна Фридриха Гербарта (1776–1841) и Адольфа Вильгельма Дистервега (1790–1866) составляют определенное звено в цепи «прошлое — настоящее — будущее» педагогической науки. Они могут быть оценены как научная система идей, которые явились:

особым этапом развития мировой педагогической науки по сравнению с эпохой Просвещения;

объектом осмысления, критики для последующих поколений исследователей, разрабатывающих педагогическую науку во второй половине XIX в.

Отметим, что анализ различных взглядов на педагогические теории Гербарта и Дистервега, изложенных в трудах исследователей второй половины XIX в., показывает, что сложились достаточно устойчивые оценочные суждения относительно педагогического учения Дистервега, педагогическая же теория Гербарта толкуется по-разному. Дистервег рассматривается множеством авторов прежде всего как крупный общественный деятель, способствующий своими педагогическими трудами и практикой развитию новой школы, Герbart же считается классиком мировой педагогической литературы, оказавшим значительное влияние на становление педагогического мышления в разных странах. Об этом говорится, например, в работе Ф. Шнейдера «Роль и влияние немецкой педагогики за рубежом», в которой он перечисляет страны, испытавшие на себе влияние педагогических идей Гербарта (Франция, Англия, США, Швейцария, Италия, Греция, Финляндия, Япония).

Педагогические идеи Гербарта и Дистервега во второй половине XIX в. получили свое дальнейшее развитие, что было обусловлено рядом причин. В середине XIX в. преобладающее значение в немецкой философии как в ее проблематике, так и в ее методологии получают принципы естественнонаучного мышления и соответственно позитивистские тенденции. Этому способствовало бурное развитие естественных и технических наук, особенно в Германии, поэтому педагогические теории, основанные на идеях разума, не потеряли там своего значения. Продолжает развиваться философия, интересы которой сосредоточены на культурно-исторической и аксиологической проблематике. Анализируя социокультурную ситуацию в Германии в этот период, исследователи подчеркивают, что пятидесятые годы XIX в. стали переломными в том смысле, что, с одной стороны, «все определеннее сказывалась потребность в новых, неклассических типах философствования», а с другой, — «усилилось довольно мощное идейное движение, направленное на защиту и развитие традиций философской классики».¹

В этих условиях возникают противоречия в оценке классического наследия педагогики, базирующегося на культурологических идеях первой половины XIX в. Защитниками классической традиции в области педагогики выступили представители гербартианства, которые высоко оценивали учение Гербарта и по-своему развивали его идеи в новых условиях.

Т. Циллер, используя культурологические идеи Гербарта, предполагал концентрацию всех учебных предметов вокруг гуманитарных дисциплин, выстраивая предметы по годам обучения в строгом соответствии со ступенями общей культуры, полагая, что глав-

ная задача нравственного воспитания — «выработка религиозно-нравственного характера».²

О. Вильман, творчески осмысливая педагогическое наследие Гербарта, разделял педагогику на историческую, теоретическую и практическую, «основной функцией воспитания признавал передачу от поколения к поколению вечных идей и культурно-исторических традиций, средоточием которых являются религиозно-этические нормы».³

В. Рейн, по словам М. Демкова, был одним из самых авторитетных представителей «воспитательной педагогики» в Германии. Его основной педагогический труд — «Теория и практика начального обучения по принципам Гербарта».

В целом же гербартианцы старались приблизить теоретические идеи Гербарта к практике работы школ, абсолютизируя при этом идею воспитывающего обучения и давая подробные разработки отдельных уроков, что привело «к формированию технологии выработки наивных нравственных представлений» на основе специально подобранных учебных курсов.⁴ Влияние гербартианства отразилось на всей дидактической и методической литературе Германии. Подробные указания мешали и учителю, и ученику действовать творчески, «самодетельно». Тем самым упускалась из виду важнейшая культурологическая идея Гербарта — активность субъекта и воспитание его к свободе. Поэтому гербартианцы, стремясь к реализации идей своего учителя в практике воспитывающего обучения, с одной стороны, способствовали их распространению, с другой, — нанесли вред, исказив ведущие идеи, о чем пишут многие немецкие авторы (И. Бланкертц, Х. Ноль и др.). Это послужило одной из причин негативного отношения к Гербарту некоторых исследователей в последующие периоды. «Школа Гербарта, — пишет Гессен, — особенно изощрялась в различении такого рода формальных ступеней», поэтому ей была «уготована судьба одностороннего формализма».⁵

Сравнительный анализ отношения к Дистервегу различных авторов показывает, что оно практически не меняется на протяжении длительного времени. Как в первой, так и во второй половине XIX в. он привлекает к себе как личность, народный учитель, общественный деятель, «учитель учителей». Характеристику педагогического наследия Дистервега, отражающую наиболее общий взгляд на его теоретическую и практическую деятельность, мы нашли в работах Ф. Кемсиса. Он считает Дистервега человеком практики и, хотя не отрицает значимость его педагогической теории, подчеркивает, что именно практическая и общественная деятельность педагога, основанная на передовых демократических идеях, позволила продвинуть вперед школьное дело в Германии. В этом Кемсис видит основную

заслугу Дистервега: «Он пишет как человек-практик, в своих теоретических размышлениях он остается практическим педагогом. Он пишет для непосредственной жизни, его язык прост и доступен... Если мы не можем ожидать от Дистервега глубоко научно обоснованных теорем, то все же можем говорить о том, что он является мастером в донесении передовых научных идей непосредственно в школу».⁶

Оценка трудов Гербарта и Дистервега в России в этот период времени складывалась под влиянием определенных причин. Развитие России в 50–60 гг. XIX в. в некоторых чертах напоминало развитие Германии начала века. Как и для Германии предшествующего периода, для России был характерен глубокий кризис в экономической и политической жизни, в общественном сознании. Отмена крепостного права в 1861 г. стала важной вехой преобразования России. Реформа привнесла глубокие противоречия во всех сферах жизни, появилась возможность для капиталистического развития страны.

Вместе с тем, по словам П. Ф. Каптерева, «эта эпоха вообще могла быть названа освободительной, не в смысле освобождения крестьян от уз крепостничества, но и всех русских людей от разных, долго сковывающих их пут».⁷ Многие исследователи отмечают, что вторая половина XIX в. в России может рассматриваться как период философско-нравственного поиска свободы. В центре этого поиска находился человек с его внутренним миром, осмысливалось место России в общем историческом развитии. Эти искания отражаются на культурной жизни, в том числе и образовании. Общественность России подвергла резкой критике систему гимназического образования, которое строилось на идеях Гербарта, касающихся управления в отрыве от остальных частей его теории.

В 60-х гг. XIX в. была осуществлена образовательная реформа, которая может быть охарактеризована «как беспрецедентная по своей глубине».⁸ Элементы сходства с педагогической ситуацией в Германии первой половины XIX в. мы видим в том, что в ходе реформы впервые был заложен фундамент начальной народной школы, пересмотрены образовательные системы средней школы, созданы предпосылки для развития педагогического образования и обновления высшей школы. Реформа предусматривала отход от сословного воспитания и обеспечивала возможность творческого поиска в области теории и практики обучения детей.

На ее становление оказали влияние идеи общечеловеческого образования Н. И. Пирогова, идея свободного воспитания Л. Н. Толстого и «Педагогическая антропология» К. Д. Ушинского, в которой осуществлен «поразительный по объему синтез научных знаний о человеке как предмете воспитания». Несомненно, перечисленные идеи

зародились в недрах русской педагогики и стали ее достоянием. Вместе с тем некоторые идеи созвучны основным направлениям педагогического поиска в Германии предшествующего периода. Очевидно, можно говорить о влиянии немецкой педагогики, в частности педагогических теорий Гербарта и Дистервега, на становление русской педагогической мысли не в плане переноса этих идей, а в плане их глубокого творческого переосмысления.

Для того, чтобы выяснить, какое влияние оказало наследие Гербарта и Дистервега на образование в России, мы обратились к анализу ссылок на их работы, содержащихся в трудах русских педагогов К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, а также в некоторых их произведениях, в которых дается общая оценка немецкой педагогики.

В трудах Ушинского имеется около ста ссылок на педагогические работы Гербарта. Мы остановились только на тех, которые содержат анализ идей, составляющих культуросообразные основы теории Гербарта. Это говорит о том, что она находилась в центре внимания Ушинского в период работы над основным трудом «Человек как предмет воспитания».

Ссылки рассматривались с точки зрения:

анализа психологической теории Гербарта, которая рассматривает все составные части человеческой психики как систему представлений. Ушинский признает психологическую теорию Гербарта как важнейшее достижение психологической науки, но критикует ее за односторонний механистический характер («Прежде всего мы видим, что Гербарт дает душе слишком механистический характер, представляя ее в виде... борьбы представлений, причем степень их взаимного давления и сопротивления выражается разными чувствованиями»)⁹, за отрицание врожденных стремлений. По мысли Ушинского, «Гербарт, не признававший никаких врожденных стремлений», впадает «в противоречие с самим собою», объясняя ряд сложных психических явлений¹⁰;

анализа важной культурологической идеи Гербарта — идеи свободы. Анализируя связь понятий свободы, самообладания, самоограничения у Гербарта, Ушинский дает собственную трактовку этого понятия. Русский педагог считает, что теория представлений не может полностью раскрыть то содержание, которое вкладывается Гербартом в понятие «свобода»;

анализа этических и эстетических основ учения Гербарта. Ушинский ценит теорию Гербарта за то, что он нравственные элементы подчиняет эстетическим, считая философию частью эстетики.¹¹ Эта мысль наводит Ушинского на собственные размышления о взаимосвязи этического и эстетического: «До сих пор мы почти соглашались с Гербартом», — пишет он, однако «в практической филосо-

фии Герbart делает мыслителя простым зрителем». ¹² Ушинский же полагает, что понятие этического и эстетического надо связать с понятием деятельности. «Человеческое (этическое) содержание деятельности», — по мысли Ушинского, — «будет эстетическое».

В трудах Ушинского содержится значительное количество ссылок на педагогические произведения Дистервега. Они касаются различных аспектов воспитания. В русле нашего исследования важными являются ссылки и комментарии к ним при анализе историко-культурных аспектов педагогической науки. Ушинский критически осмысливает идеи Дистервега о педагогике как особой науке, которая является синтезом теории и практики, солидарен с ним в мысли о том, что педагогика как наука еще не достигла того совершенства, которого достигли другие науки, а также, что ее развитие в решающей мере зависит преимущественно от психологии, которая еще далека от совершенства.

Ушинский высоко оценивает мысль Дистервега о том, что «всякий человек принадлежит известному народу и известному времени... а потому воспитание должно заимствовать свои правила и законы от свойства народа и времени». ¹³ Размышления об общечеловеческом и национальном элементах в педагогике были значимы для Ушинского, который создавал педагогическую теорию, исходя из особенностей национального характера русского народа, и обдумывал вопрос о том, возможен ли перенос педагогических идей одной страны на национальную почву другой. Мысли по этому поводу, содержащиеся в трудах Дистервега, послужили одной из предпосылок для осмысления национального характера педагогической науки. Наиболее полно эта идея раскрыта в работе Ушинского «О народности в общественном воспитании», в которой он неоднократно ссылается на Дистервега, анализируя своеобразие педагогических теорий в разных странах, в том числе и в Германии. Ушинский высоко оценивает уровень развития немецкой педагогической науки: «не оскорбляя нашей национальной гордости, мы можем сознаться, что в деле науки мы дети перед Германией». ¹⁴ Придерживаясь идеи о национальном характере любой педагогической науки, Ушинский подчеркивает мысль о том, что идея немецкой педагогики о воспитании «гражданина всего мира» на самом деле есть «не более как исключительно идеал германской жизни». «Стремясь к образованию человека вообще, немецкая педагогика совершенно последовательно, хотя и бессознательно, разрабатывает правила образования человека, живущего наукой и для науки... приводит бессознательно к самому яркому выражению германской народности». ¹⁵

Поскольку одна из основных культурологических идей немецкой педагогики первой половины XIX в. — «воспитание к свободе», нас интересовало отношение к этой идее Л. Н. Толстого — основателя теории свободного воспитания в России. В его теории складывается иное понятие свободы, чем в немецкой педагогике. Толкование свободы Л. Н. Толстым становится понятным при анализе его полемики с немецкими педагогами по поводу основных понятий «образование», «воспитание», «преподавание». Толстой четко разграничивает эти понятия и полагает, что «образование свободно и потому законно и справедливо, воспитание насильственно и потому незаконно и несправедливо».¹⁶ Обращаясь к анализу основной идеи немецкой классической педагогики — идеи воспитывающего обучения, он относится к ней критически, подчеркивая, что «воспитание не есть предмет педагогики... предметом же педагогики должно и может быть только образование».¹⁷ Для Толстого разграничение указанных понятий имеет принципиальное значение, так как образование по его теории носит свободный характер и не может быть сковано рамками воспитания. В немецкой педагогике его не устраивает то, что средствами к достижению нравственной цели выступает, кроме преподавания, еще и «постановление воспитываемого в известные, выгодные для цели воспитания условия».¹⁸ Под ним он подразумевает дисциплину и насилие. Таким образом, Толстой критикует немецкую педагогику, и критика эта вытекает из различных представлений о свободе личности в педагогическом процессе.

Для уяснения отношения к классическим произведениям немецкой педагогики в России мы обратились также к педагогической журналистике второй половины XIX в. и проанализировали ряд статей русских авторов, характеризующих разные стороны педагогического наследия Гербарта и Дистервега.

Выяснилось, что русские педагоги высоко ценили педагогическое наследие Гербарта, осознавали его значимость для становления педагогической науки, придавшего ей философское и психологическое направление. Особенно высоко оценивается идея воспитывающего обучения: «Стремления к гармонии между... воспитанием и преподаванием, к осуществлению ее на основании научных аксиом этики и антропологии составляют отличительную характеристическую особенность гербартовской школы в педагогике».¹⁹

Высокую оценку получили также психологические идеи Гербарта. Н. Н. Запольский полагает, что «ключ к пониманию учения Гербарта и, в частности, значения формальных ступеней преподавания лежит в области психологии».²⁰ А. Ленский подчеркивает, что, несмотря на метафизический подход, в произведениях Гербарта содержится «масса идей глубоких и правильных» именно в области

психологии.²¹ В журнальных статьях подвергнуты критическому анализу работы гербартианской школы, стремление гербартианцев абсолютизировать идею ступеней преподавания, выдвигается тезис в защиту представлений самого Гербарта о степени свободы ребенка и учителя на уроке. Подчеркивается, что «теория эта, представляющая строго систематическое учение, нисколько не стесняет свободы преподавателя. Его личному творчеству, избирательности и находчивости дается широкий простор как в выборе учебного материала, так и в пользовании различными способами и средствами его обработки».²²

Представители русской педагогической общественности (Ф. Бемер, А. Кирпотенко, К. Н. Модзалевский, П. Г. Редкин, М. Паульсон) в своих журнальных статьях, говоря о педагогической и общественной деятельности Дистервега, единодушны в том, что «он не был самостоятельным творцом новой педагогической идеи, но лучше и полнее разработал и свел в систему плодотворные идеи своих великих предшественников Комения, Руссо, Песталоцци».²³ Дается высокая оценка его личности и роли наследия в российской педагогике («Возвратиться к Дистервегу — значит идти вперед»).

В статьях имеются оценочные суждения по поводу основных культурологических идей Дистервега. В его произведениях русские педагоги находят ответы на вопросы, связанные с развитием образования: как строить народную школу, как должно развиваться классическое и реальное образование, в каком соотношении должны находиться свобода воспитанника и его дисциплина, как образовывать учителей.

Ряд авторов сосредотачивают свое внимание на том, как Дистервег понимает идеи свободы в воспитании. Им созвучны мысли немецкого педагога о том, что свобода — «это не неограниченная бездумная свобода мышления и воли... истина делает нас свободными от ложных представлений и дурных чувствований... но в то же время истина и ограничивает мышление и волю одною своею сферою — сферою истины и добра». Русские педагоги высоко оценивают идею самостоятельности ребенка в педагогическом процессе. Их привлекает мысль «о живом возбуждении умственных сил учеников, а не научении их».²⁴ «Как мало понимают в обучении те, которые полагают, что достаточно только учить питомца и что таким способом можно образовывать его». Они также всесторонне анализируют рассуждения о соотношении классического и реального образования, поскольку эта проблема была чрезвычайно важной для России второй половины XIX в. Российским исследователям представляется значимой идея Дистервега о разграничении классических и реальных гимназий, о важности развития реальных школ, с одной стороны, и

о том, что «главная цель как гимназии, так и реальной школы должна состоять в том, чтобы они сообщали своим питомцам образование общее», с другой. «Если я желаю, чтобы обучение в реальных школах было практичным, то через это я вовсе не исключаю понятия о научности его». Особо интересным разделом педагогической теории Дистервега для русских педагогов является его общественная и педагогическая деятельность, связанная с образованием учителей, организацией педагогических семинарий, учительских союзов. Многие авторы считают важной мысль Дистервега о том, что образование учителей должно быть представлено широким спектром знаний о природе человека, обществе и его истории, и, подобно обучению в школе, строиться с учетом принципа самостоятельности на основе развивающихся эвристических методов.

- ¹ Введение в философию: В 2-х т. М., 1989. Т. 1. С. 285–286.
- ² Ге Ф. История образования и воспитания. М., 1912. С. 104.
- ³ Там же. С. 120, 147.
- ⁴ Там же. С. 109.
- ⁵ Гессен С. И. Основы педагогики / Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 307.
- ⁶ Kemsis F. Der Vergleich der Unterrichtsprinzipien von J. F. Herbart und A. Diesterweg. Heidelberg. 1886. S. 4.
- ⁷ Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1982. С. 3.
- ⁸ Днепров Э. В. Четвертая школьная реформа в России. М, 1994. С. 18.
- ⁹ Ушинский К. Д. Полное собрание сочинений: В 11-ти т. М.; Л., 1948–1952. Т. 9, 1950. С. 32.
- ¹⁰ Там же. С. 95.
- ¹¹ Ушинский К. Д.... 1950. Т. 10. С. 270.
- ¹² Там же. С. 271.
- ¹³ Там же. С. 132.
- ¹⁴ Ушинский К. Д.... 1950. Т. 2. С. 142.
- ¹⁵ Там же. С. 126.
- ¹⁶ Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. М., 1953. С. 264.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 239.
- ¹⁹ Запольский Н. Н. Теория и практика преподавания по учению гербартовской школы в педагогике // Педагогический сборник. СПб, 1866. № 9. С. 157.
- ²⁰ Там же. С. 166.
- ²¹ Ленский А. Педагогические идеи Гербарта // Русская мысль. 1901. № 10. С. 121.
- ²² Там же. С. 250–251.
- ²³ Кирпотенко А. Адольф Дистервег // Народная школа. 1874. № 10. С. 77.
- ²⁴ Модзалевский К. Н. Жизнь и труды А. Дистервега // Педагогический сборник. СПб., 1871. № 11–12. С. 1554, 1558.

ВКЛАД НЕМЦЕВ В СТАНОВЛЕНИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РОССИИ

Н. С. Андреева

ПРИБАЛТИЙСКИЕ НЕМЦЫ — ПРОФЕССОРА ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Деятельность профессоров немецкого происхождения в Петербургском университете практически не изучена. Отдельные монографические исследования посвящены лишь Э. Х. Ленцу и Э. К. Гофману (только двоим из 19 немцев, преподававших здесь в первой половине XIX в.). Ряд сведений биографического плана содержится в юбилейных изданиях, посвященных 25-¹ 50-² 100-летию³ университета. Таким образом, основными источниками исследования служили архивные материалы и воспоминания бывших студентов — Ф. И. Фортунатова, Г. П. Галагана, С. Ф. Платонова и других.

В 1819 г. на работу в университет приглашается большая группа немецких ученых: статистик К. Ф. Герман, филолог Ф. Б. Грефе, ботаник Г. П. Бонгард, в том числе и уроженцы Эстляндской и Лифляндской губерний. Первым (по времени) профессором-юристом был Василий Васильевич (Август Вильгельм) Шнейдер (1793–1842). Окончив Ревельское дворянское училище, он поступил в Московский университет, где еще будучи студентом написал две диссертации на латинском языке: «Об основании уголовных законов и цели оных» и по отделению словесности «О подражании изящным искусствам», которые получили высокую оценку (за первую он был награжден серебряной медалью в 1811 г., за вторую — золотой в 1812 г.).⁴ После окончания университета он преподает латинскую и немецкую литературу в пансионе при Московском университете, а в 1822 г. приглашается в Санкт-Петербургский университет, где в ноябре того же года был утвержден экстраординарным, а в 1826 г. — ординарным профессором римского права. В. В. Шнейдер проявил себя как великолепный педагог, об этом свидетельствуют блестящие успехи его учеников; вот какую характеристику дает ему В. В. Григорьев: «Светилом факультета считался и действительно был профессор римского права Шнейдер, хотя более филолог, чем юрист,

не оставивший по себе никаких следов в науке, но любивший свой предмет, особенно историю его, и симпатично передававший знания свои слушателям».⁵ Многие из них в дальнейшем стали видными государственными деятелями или учеными, в частности у него занимались будущие посланники при иностранных дворах Титов, барон А. Ф. Будберг, барон Н. П. Николаи, к «отличнейшим слушателям» он относил профессора Неволлина, Баршевых, Крылова, Куницына, Платонова и А. И. Кранихфельда (он и профессор Калмыков были учениками Шнейдера в Третьей Санкт-Петербургской гимназии), а также Рождественского, Никитенко и А. Греча.⁶ Учитывая организаторские и педагогические способности В. В. Шнейдера, на него возлагались различные ответственные поручения. С 1825 г. в течение двух лет он был секретарем философско-юридического факультета, в 1831 г. по поручению министра юстиции Дашкова рассматривал поступившее на решение Сената дело армянина Меликто-рабо и Лазаревых, подлежащее обсуждению по греко-римскому праву, оно было решено согласно данному профессором мнению. С 1828 по 1830 гг. им были подготовлены по части римского права 13 студентов, которые после завершения образования за границей должны были занять юридические кафедры в российских университетах. Дважды — в 1827 и 1829 гг. — он избирался деканом факультета.⁷ В январе 1861 г. был назначен членом ученого комитета Главного правления училищ, поскольку вследствие болезни он не мог продолжать далее преподавание, но его педагогический опыт и глубокие знания были чрезвычайно полезны. По его стопам пошел старший сын Карл (1837–1914) — он был консультантом министерства юстиции, младший же сын Вольдемар (1843–1914) стал химиком, получил степень доктора Гейдельбергского и Дерптского университетов.⁸

Аристократическое происхождение из преподававших в данный период времени профессоров имел только барон Егор Васильевич (Георг Густав Людвиг) Врангель (1783–1841). В 1802–1803 гг. он изучал юридические науки в Дерптском университете, а затем — в Йенском, Виттенбергском и Вюрцбургском. Его педагогическая деятельность началась в Казанском университете в должности адъюнкт-профессора российского правоведения в декабре 1809 г. В 1819 г. университет был фактически разгромлен М. Магницким, боровшимся против «разрушительного немецкого влияния» в образовании. Большинство преподавателей были уволены, в том числе и Е. В. Врангель. По предложению Е. Энгельгардта — директора Царскосельского лицея — в 1820 г. он приглашается в лицей в качестве профессора нравственно-политических наук и остается в этой должности до 1837 г. В 1832 г., с разницей в несколько месяцев, становится ординарным профессором Главного педагогического института и Пе-

тербургского университета, где был деканом с 1836 по 1838 гг. Он читал курс общих и особенных российских гражданских законов по собственным запискам, которые были изданы в литографированном виде под названием «Начертание истории Российского права, читаемой в Императорском С.-Петербургском университете ординарным профессором бароном Врангелем».

Фундаментальных научных трудов у Егора Васильевича не было, но следует отметить его работу в должности секретаря ревизионной комиссии Лифляндской губернии Дерптского уезда с 1804 по 1806 гг. и в Комиссии для составления законов под руководством Сперанского.⁹ Наиболее точная оценка деятельности Е. В. Врангеля сохранилась в воспоминаниях о нем, профессор принадлежал к числу тех, кто, «ограничиваясь основательным познанием какой-либо отрасли человеческих сведений, в той степени развития, на которой она находится в их время, трудами и усилиями своими стремятся только к распространению ее между своими соотчичами... ум твердый и ясный, основательность и твердость знания свойственны последним... они-то по преимуществу и суть представители и поборники истинного образования в народе».¹⁰

На физико-математическом факультете влияние немецких ученых в первой половине XIX в. было определяющим в изучении и преподавании физики и геологии. Прежде всего, это связано с именами двух выдающихся ученых балтийского происхождения Э. Х. Ленца и Э. К. Гофмана.

Эрнст Карлович (Эрнст Рейнхольд) Гофман (1801–1871) стал достойным продолжателем традиций рода пасторов и ученых. С 1819 по 1824 гг. он изучал медицину, а затем минералогию в Дерптском университете под руководством Морица фон Энгельгарда, рекомендовавшего впоследствии его в качестве натуралиста для участия в 1823–1826 гг. в кругосветной экспедиции О. Е. Коцебу. По возвращении из путешествия вместе с Г. Гельмерсеном он был командирован на Южный Урал, где состоялось их знакомство с А. Гумбольдтом. Известный ученый принял деятельное участие в судьбе молодых людей: рекомендовал направить их для стажировки за границу и передал им оставшуюся от поездки по России часть средств для оплаты за обучение.¹¹ В 1830 г. Гофман отправляется в Берлин, где слушает лекции Г. Розе, Л. Буха, К. Риттера. Затем продолжает стажировку в Гейдельберге.

По возвращении с 1833 по 1836 гг. преподает в Дерптском университете и заведует минералогическим кабинетом, фактическим основателем которого он и был. В 1837 г. назначается экстраординарным профессором Киевского университета, где вскоре становится заведующим кафедрой, а в 1838–1839 г. — деканом философского факуль-

тета. С 1845 по 1863 гг. его судьба связана с Петербургским университетом. Бесспорно педагогическая деятельность Э. К. Гофмана имела большое значение для университета — он способствовал формированию его геолого-минералогической школы. Воспитанниками профессора были такие ученые, как А. А. Иностранцев и П. А. Пузыревский.

Большая заслуга принадлежит Э. К. Гофману в изучении геологии России, ее полезных ископаемых. В 1847–1850 гг. он руководил первой экспедицией, организованной Русским географическим обществом, целью которой стало изучение Северного Урала. В ходе ее был открыт и описан береговой хребет Пай-Хой. Исследование Урала продолжалось и в 1853–1859 гг. Им были заложены также основы изучения золотых месторождений и даны рекомендации по их разработке.

Педагогическая и общественная деятельность другого представителя балтийских немцев — выдающегося физика Эмилия Христиановича (Генриха Фридриха Эмиля) Ленца (1804–1865) — достаточно хорошо исследована, поэтому остановимся на менее известных моментах его биографии. В 1820 г. поступает в Дерптский университет, где занимается сначала на философском, а затем на теологическом факультете. Полный курс наук не окончил, так как был рекомендован принять участие в качестве физика в экспедиции Коцебу (1823–1826), там же он познакомился с Э. К. Гофманом. После представления отчета о проведенных исследованиях избирается адъюнктом Академии наук, а в 1834 г. — ординарным академиком. Участие еще в ряде экспедиций, обработка полученных данных позволили Ленцу сформулировать важные заключения в области физической географии и океанографии, создать методику определения характеристик воды. Ему также принадлежит ряд трудов и открытий в области физики. Он открыл количественные законы явления электромагнитной индукции: в 1833 г. — «правило Ленца», в начале 40-х годов — закон «Джоуля-Ленца».

Э. Х. Ленц был не только выдающимся ученым, но и талантливым педагогом. Среди учебных заведений, где он преподавал, — Питецкой школе, Морской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Главный педагогический институт (здесь у него были ученики — выдающиеся физики М. И. Пчельников и М. Ф. Спасский). В 1840 г. назначается учителем физики и математики при великом князе Константине Николаевиче и великих княжнах Ольге и Александре; физики, химии, механики — при великих князьях Николае и Михаиле Николаевичах.

Но основная педагогическая деятельность Ленца была связана с Петербургским университетом, куда он был приглашен в де-

кабре 1835 г. П. П. Семенов-Тянь-Шанский вспоминает: «Самым основательным и ученым из профессоров Петербургского университета нашего времени на физико-математическом факультете был профессор и академик Ленц, преподававший физику и физическую географию». ¹² Преподавал он живо и интересно, о чем сохранились многочисленные отзывы его учеников: «... излагал свои лекции очень увлекательно, рассказывая о своих наблюдениях в тропических странах во время кругосветного плавания Коцебу, послужившего основой для многих учений физической географии». ¹³ Успех Э. Х. Ленца как педагога во многом был обусловлен требовательностью к себе и его правильными взглядами на задачи наставника, которые изложены в «Мнении о проекте плана преподавания в университетах по разрядам математическому, естественному, земледельческому и мануфактурной промышленности». Он считал, что профессор университета должен быть высшим авторитетом в своей области, а для этого необходимо, чтобы ученый постоянно следил за развитием науки, но «...ни чтение, ни даже практические упражнения не сделают хорошего учителя из дурного, для этого требуется, при хороших познаниях, любовь к своему занятию и способность вникнуть в соображения юных умов, а эти качества не приобретаются из никакой системы Педагогике». ¹⁴ Прямым подтверждением правильности его подхода является значительное число выдающихся ученых, воспитанных им, среди них: Ф. Ф. Петрушевский, А. П. Фан-дер Флит, Савельев и Больцани, профессор Технологического института и Петербургского университета, сын ученого, Р. Х. Ленц, В. В. Лермантов и многие другие. Э. Х. Ленц создал школу физиков, определившую почти на весь XIX в. характер развития данной науки в Петербурге и частично по всей России. ¹⁵

Менее известен младший брат физика Роберт Ленц (1808–1836) — человек яркой и трагической судьбы. По окончании Дерптского университета он получил должность учителя в Ревельском дворянском училище (Ritter und Domschule). К сожалению, неизвестно, чем был вызван его интерес к санскриту, который он начинает изучать сначала самостоятельно, но постепенно это так увлекает его, что он едет в Берлин к профессору Боппу и продолжает занятия уже под его руководством в течение трех лет. Затем по ходатайству академика-востоковеда Френа отправляется в Англию, где изучает собрания индийских рукописей. В Петербург возвращается, обладая великолепным знанием санскрита и старых диалектов хинди, которого, как отмечает один из биографов ученого Г. А. Зограф, до него в России никто не имел. ¹⁶ Высокой оценкой его трудов стало избрание 27-летнего ученого адъюнктом Академии наук.

В 1836 г. он открывает бесплатный публичный курс санскрита

и сравнительной филологии. Таким образом, именно он положил начало преподаванию этих дисциплин в университете. Казалось, что все складывается успешно (курс был популярен, в научном мире от Ленца ожидали многого), но внезапно летом того же 1836 г. молодой ученый скончался.

Последний представитель остзейских немцев, чья деятельность была связана в первой половине XIX в. с Петербургским университетом, — Александр Федорович (Александр Иоганн Густав) Постельс (1801–1871). В 1823 г. по окончании Петербургского университета был удостоен степени кандидата физико-математического факультета и оставлен в должности магистра минералогии, с 1826 г. начал преподавание неорганической химии и естественных наук.¹⁷ В том же году отправляется в кругосветную экспедицию под руководством Ф. Литке в качестве художника и минералога. Путешествие во многом способствовало становлению его как ученого — собранный материал стал основой нескольких научных трудов, в том числе первого исследования о водорослях,¹⁸ многие виды которых еще никем не были до этого описаны. Уникально и само издание: большой формат с сорока таблицами, великолепные литографии рисунков самого Постельса, выполненные на высочайшем художественном уровне. Вот как отзываются о его работе академики Брандт, Бонгард и Бэр: «...превосходные, с величайшим рачением и редким искусством списанные... с самой природы изображения сих растений составили драгоценные материалы к изданию ученого сочинения о сих красивых, но в ботаническом отношении весьма неудобобъяснимых прозябаниях... Мы рассматривали их с тем удивлением, какое они заслуживают, и находим, что они далеко превосходят все, доселе нам известное в этом роде, даже прекрасные и по справедливости восхваляемые французские изображения морских растений».¹⁹ О их ценности говорит и сам ученый: «Значительное число моих рисунков ценю я выше других, сделанных мною в той же экспедиции, потому что они касаются предмета, которым до ныне в подобных путешествиях всегда пренебрегали естествоиспытатели, и потому, что они сняты со свежих экземпляров в естественной их величине».²⁰

А. Ф. Постельс прославился не только научными трудами, но и педагогической деятельностью, которая была связана в большей степени не с университетом (здесь он преподавал с 1831 по 1836 гг.), а с Училищем правоведения, где он работал в течение 25-ти лет, и со Второй санкт-петербургской гимназией, ставшей за время его директорства одной из лучших в столице. Как замечательного педагога характеризуют А. Ф. Постельса его занятия со студентом Феофилактовым, которого он готовил к командировке в зарубежный университет для усовершенствования в науках. В течение года безвозмездно

он повышал познания своего ученика в минералогии и геогнозии, обеспечив ему возможность посещать лучшие минералогические кабинеты столицы, в том числе богатейший Горного института, наблюдал и руководил его занятиями: «... с особенною подробностью и предусмотрительностью составил маршрут и инструкцию... на путешествие по России для обозрения уральских заводов, гор и замечательнейших в минералогическом и геогностическом отношении мест европейской России, сообщил ему самые лучшие сочинения в дорожное руководство...»²¹ После возвращения из экспедиции добился разрешения для своего подопечного на посещение лекций лучших профессоров Петербурга, сделал возможным ознакомление с новейшими сочинениями и «...неусыпно наблюдал за ним до самого отправления его в Берлин...»²²

За свой педагогический талант ученый был назначен членом Совета при министре народного просвещения и членом Главного правления училищ. Находясь в этих должностях, он своими предложениями способствовал улучшению системы преподавания естественных дисциплин.

Оценивая деятельность профессоров-балтийцев, необходимо прежде всего выделить их роль как посредников между западной наукой и культурой и русской: получив, как правило, образование в Дерпте и пройдя стажировку в германских университетах, они привносили особенности их научных школ в научную школу Петербургского университета, который благодаря во многом их трудам приобрел облик европейского и занял достойное место среди старейших зарубежных университетов.

- 1 *Сухомлинов М. И.* Первое двадцатипятилетие С.-Петербургского университета. СПб., 1844.
- 2 *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
- 3 С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности (1819–1919). Т. 1. / Под ред. И. Л. Маяковского. Пг., 1919. Д. 92. Л. 10.
- 4 РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 92. Л. 10.
- 5 *Григорьев В. В.* Ук. соч. С. 69.
- 6 РГИА. Ф. 735. Оп. 7. Д. 78. Л. 4.
- 7 Там же. Ф. 733. Оп. 24. Д. 92. Л. 12.
- 8 *Deutschbaltisches Biographisches Lexikon.* 1710–1960. Köln, 1970. С. 642.
- 9 РГИА. Оп. 24. Д. 3. Л. 16.
- 10 Воспоминания о бароне Е. В. Врангеле // Отеч. зап. 1842. Т. 22. № 6. С. 53.
- 11 *Архипова Н. П.* Непроторенными путями: Э. К. Гофман — геолог, географ, путешественник. Екатеринбург., 1994. С. 70.

- 12 Семенов-Тянь-Шанский П. П. Биографический очерк // Русские мемуары. М., 1990. С. 472.
- 13 Лермантов В. В. Воспоминания об Э. Х. Ленце // Журн. Рус. физ.-хим. о-ва. Вып. 3. 1915. Т. 47. П. ч. С. 158.
- 14 ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Ед. хр. № 46. Л. 51.
- 15 Гогоберидзе Д. Б. Замечательный русский физик Э. Х. Ленц // Вестн. Ленингр. ун-та. 1950. № 2. С. 26.
- 16 Зограф Г. А. Р. Х. Ленц (1808–1836): К 150-летию со дня рождения // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Л., 1960. Вып. 9. № 279. С. 38.
- 17 РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 549. Л. 97.
- 18 Постельс А., Рупрехт Ф. Изображения и описания морских растений, собранных в Северном Тихом океане у берегов российских владений в Азии и Америке в путешествии вокруг света, совершенном по повелению государя императора Николая I на военном шлюпе Сенявине в 1826, 27, 28 и 29 г. под командою флота капитана Ф. Литке. Спб., 1840.
- 19 РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 485. Л. 8–8 об.
- 20 Там же. Л. 6 об.
- 21 РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 139. Л. 8 об.
- 22 Там же. Л. 8 об.

Н. Б. Парамонова

**НЕМЕЦКИЕ УЧИТЕЛЯ
ЮНОГО Н. ЛОБАЧЕВСКОГО**
(Иоганн Христиан Мартин Бартельс, 1769–1836)

«В этом-то искусство воспитателей: открыть Гений, обогатить его познаниями и дать свободу следовать его внушениям»
(Н. И. Лобачевский. «О важнейших предметах воспитания»)

В формировании Лобачевского как ученого выдающуюся роль сыграли учителя его отрочества и юности. В Казанской гимназии, казеннокоштными воспитанниками которой были братья Лобачевские, это были выпускники Московского университета Григорий Иванович Карташевский и Иван Ипатович Запольский.¹ Они впервые пробудили в живом и любознательном Николае интерес к математическим наукам. В университете же, куда 15-летнего Лобачевского зачислили в начале 1807 г., его наставниками стали немецкие профессора И. Х. М. Бартельс, Ф. К. Броннер, И. А. Литтров, К. Ф. Реннер.²

Особенно глубокий след в жизни великого русского математика оставил ординарный профессор чистой математики Иоганн Христиан Мартин Бартельс, или, как его величали в Казани, Мартин Федорович Бартельс. Он прибыл в Казанский университет уж будучи достаточно известным ученым по приглашению первого попечителя С. Я. Румовского, маститого астронома, вице-президента Академии наук. В свою очередь Румовскому его кандидатуру рекомендовал тогдашний непреременный секретарь Академии Н. Фусс, сопроводивший свою рекомендацию мемуаром Бартельса по математическому анализу. Фусс сообщил также, что Бартельс был учителем самого Гаусса. Мемуар нашел в Румовском компетентного судью и весьма ему понравился. Это положило начало переписке, продолжавшейся более двух лет и завершившейся приездом Бартельса в 1808 г. в Россию, которая стала для него второй родиной и где он нашел немало талантливых и благодарных учеников. Биография Бартельса изложена им самим в предисловии к «Vorlesungen über mathematische Analysis».³

Архивные документы, собранные Н. Н. Буlichem, Н. П. Загоскиным, А. В. Васильевым,⁴ позволяют достаточно подробно восстановить картину его плодотворной деятельности в самом восточном из тогдашних университетов.

Бартельс родился 12 августа 1769 г. в Брауншвейге в небогатой семье и получил первоначальное образование в школе-приюте для сирот, а затем — в одном из городских училищ, где все учение ограничивалось чистописанием, основами грамматики, арифметикой, да законом Божиим. Позднее в это же училище попал и земляк Бартельса, будущий знаменитый геометр Гаусс, который был на 8 лет моложе его и с которым они подружились на всю жизнь. Талантливый и упорный юноша твердо решил получить высшее образование, хотя вполне осознавал совершенный недостаток полученных им знаний. К счастью, в высшее учебное заведение Брауншвейга *collegium Saepolinum* можно было поступить без экзаменов, представив лишь свидетельство о хорошем поведении и внеся плату за обучение. Здесь он занимался изучением древних и новых языков (французским, английским и итальянским), знание которых давало ему дополнительные средства к существованию, а также алгебры, геометрии и тригонометрии. Успехи в решении алгебраических и геометрических задач обратили на молодого Бартельса внимание математика Циммермана, который стал его наставником в точных науках и житейских вопросах. Для духовного развития Бартельса большое значение имел также небольшой кружок учащихся, где живо обсуждались вопросы науки и литературы.

В небольшом Брауншвейгском университете Бартельс за 2 года прослушал курс юридических наук, однако математика все более

влекла его, и с благословения известного тогда аналитика профессора Пфаффа, у которого молодой ученый слушал частный курс интегрального исчисления, он переходит в Геттингенский университет, чтобы полностью посвятить себя математическим и физическим наукам. Однако и здесь «не проходили сколько-нибудь полного курса высшей математики, — вспоминает Бартельс. — То же можно сказать и почти о всех тогдашних немецких университетах, почему все немецкие математики этого времени были более или менее самоучками. И студентов математиков в Геттингене было чрезвычайно мало: из общего числа их, тогда доходившего до тысячи, математику изучали не более шести человек».⁵ По окончании университетского курса Бартельс в 1794 г. получил место профессора математики при семинарии в Рейхенау, которое оставил в 1800 г. для продолжения профессорской деятельности в кантональной школе г. Аарау. Однако не согласившись с изменениями в планах преподавания школы, в 1805 г. Бартельс возвращается на родину в Брауншвейг, где в это время предполагалось сооружение обсерватории, во главе которой должен был встать Гаусс и при которой предполагалось учреждение высшего математического училища. Однако наполеоновские войны разрушили юношескую мечту Бартельса работать на родине, и он обращается к Румовскому с просьбой предоставить ему кафедру в Казанском университете.

15 февраля 1808 г. Бартельс с семьей прибыл в Казань. Здесь его ждали с нетерпением. Румовский распорядился приготовить удобную и просторную квартиру и просил всех «обращаться с ним ласковее и оказывать ему всяческое уважение», поскольку он «есть один из первых математиков немецкой земли».⁶ Приятно удивленный гостеприимной встречей Бартельс был просто поражен, когда встретился со своими будущими воспитанниками. Как видно из предисловия к «Vorlesungen» и из сохранившихся в геттингенском архиве писем к Гауссу, Бартельс нашел у казанских студентов «необыкновенно много любви к изучению математических наук. В моих лекциях о высшем анализе я мог рассчитывать по крайней мере на двадцать слушателей, понемногу составилась небольшая математическая школа, из которой вышло несколько дельных учителей математики для русских гимназий и университетов, особенно в Казанском учебном округе. Они способствовали распространению математических наук в России».⁷

Чувство удовлетворения, какое доставляла Бартельсу математическая подготовка его слушателей, отмечал в своих воспоминаниях и С. Т. Аксаков: «Математика так сильна была у нас, — свидетельствует он, — что когда, по выходе Карташевского, приехал в Казань знаменитый тогда европейский математик Бартельс и, при-

дя на первую лекцию, попросил кого-нибудь из студентов показать ему на доске степень их знания, то Александр Максимович Княжевич (будущий министр финансов. — *Н. П.*) разрешил ему из дифференциалов и конических сечений такую чертовщину, что Бартельс как истинный ученый пришел в восторг и, сказав, что для таких студентов надобно профессору готовиться к лекции, поклонился и ушел». ⁸ Эти успехи Бартельс приписывал своему предшественнику — Г. И. Карташевскому, которому он выразил свое глубокое уважение, как собрату по науке. Все это говорит о высоких человеческих достоинствах немецкого ученого.

Докладывая попечителю о результатах преподавания, профессор-директор гимназии и инспектор студентов И. Ф. Яковкин сообщал: «Бартельс пишет свои лекции на французском языке... Много объясняет и по-немецки, но как формулы все одинаковы, то материя сия им (студентам. — *Н. П.*) довольно известна еще из российских лекций». ⁹

В Казани Бартельс пробыл двенадцать лет, и именно его можно назвать одним из основоположников казанской математической школы, известной до сих пор. Говоря о причинах успеха преподаваний немецкого математика, специалисты отмечают глубокое жизненное понимание им математических истин, особенно в их разнообразных практических применениях для русского ума, высокое научное значение его содержательных и чуждых рутине занятий.

Начал он с изложения аналитической тригонометрии, плоской и сферической, причем сразу же стал занимать студентов различными практическими задачами (задачей Кеплера, определением долготы и широты места на море и нахождением видимого расстояния двух небесных тел). Все это весьма интересовало слушателей. Помимо этого, Бартельс, ежегодно обновляя материал, читал: высшую арифметику (по Гауссу), дифференциальное интегральное исчисление (по Эйлеру), приложение аналитики к геометрии (по Монжу), аналитическую механику (по Лагранжу), аналитическую геометрию (по Био), аналитическую геометрию и сферическую тригонометрию (по Гарнье), дифференциальное и интегральное исчисление (по Лакруа). Кроме того, ученики Бартельса имели возможность хорошо познакомиться с самыми лучшими математическими трудами того времени (что видно из приведенного перечня имен), они слушали его собственное изложение истории математических знаний, начиная с древнего востока. «Мои лекции, по хорошим успехам большинства слушателей, доставляют мне много удовольствия», — писал Бартельс Румовскому. ¹⁰

В своих лекциях он придерживался строгой методики — выбирал из трудов известных математиков то, что его слушатели могли

усвоить, и старался показать практическое применение полученных сведений. «Весьма приятный опыт, сделанный мною на моих слушателях, доказал мне всю целесообразность моей методы. Мне удалось даже слабейших так подвинуть, что они в состоянии с довольною легкостью решать почти все задачи тригонометрии...»,¹¹ — писал Бартельс Румовскому.

Очень важно и то, с какой любовью относился немецкий профессор к ученикам, — особенно к лучшим из них. Вот как характеризовал он их попечителю: «Последние два (Симонов и Лобачевский), особливо же Лобачевский, оказали столько успехов, что они даже во всяком немецком университете были бы отличными, и я льщусь надеждою, что если они будут продолжать упражняться в усовершенствовании своем, то займут значащие места в университетском кругу. О искусстве последнего предложу хотя один пример. Лекции свои располагаю я так, что студенты мои в одно и то же время бывают слушателями и преподавателями. По сему правилу поручил я перед окончанием курса старшему Лобачевскому предложить под моим руководством пространную и трудную задачу о вращении, которая мною для себя уже была по Лагранжу в удобопонятном виде обработана... Но Лобачевский, не пользовавшись сею запискою, при окончании последней лекции подал мне решение сей столь запутанной задачи, на нескольких листочках в четверку написанное. Г. академик Вишнеvский, бывший тогда здесь, неожиданно восхищен был сим небольшим опытом знаний наших студентов».¹²

Для судьбы гениального казанского математика Лобачевского очень существенным стало то, что его немецкие учителя Бартельс, Герман, Литтров и Броннер были людьми в высшей степени порядочными, не желающими мириться с несправедливостью и интригами, инициатором которых нередко бывало университетское руководство в лице первого профессора-директора И. Ф. Яковкина¹³ и его доверенных лиц. Так, в мае 1811 г. в университете было зачитано высочайшее повеление о принятии строжайших мер по отношению к воспитанникам и студентам, замеченных в «развратном поведении» и уличенных в «важных преступлениях». Спустя несколько дней инспекторский помощник Кондырев подал рапорт, в котором было «историческое изображение поведения Лобачевского 1-го, из журнальной тетради и, отчасти, шнуровой книги извлеченное, показывающее качество поведения сего студента». В рапорте и в других донесениях отмечалось, что Николай Лобачевский занимает первое место по своему худому поведению и обвиняется не только в юношеских шалостях (вроде пускания изобретенной им ракеты в университетском дворе, неоднократном посещении маскарада и хождении в гости), но, что было уже гораздо серьезнее, он «явил признаки без-

божия» и мнение его «получило многие ложные понятия». ¹⁴ Дело выносилось на обсуждение Совета университета и могло закончиться весьма трагично для своенравного независимого юноши.

История с Н. Лобачевским затянулась до 10 июля 1811 г. Русские члены Совета готовы были осудить и тем самым погубить талантливого студента, но тут очень энергично вмешались самые авторитетные немецкие профессора во главе с Бартельсом и Броннером. Они не только настояли на том, чтобы оставить Лобачевского в университете, но заявили, что «чрезвычайные успехи и таковые же дарования Николая Лобачевского в науках математических и физических могут рекомендовать его к повышению в степень магистра». Итак, после полученного на Совете выговора и обещания с подпиской в инспекторском журнале о том, что впредь жалоб на его дурное поведение не последует, Лобачевский был представлен в магистры. ¹⁵ Это звание освобождало его от мелочной опеки не расположенной к нему инспекции и приближало к высоко ценившим его немецким профессорам, так как по уставу 1804 г. магистры являлись помощниками профессоров на занятиях со студентами и должны были усовершенствоваться в избранных ими науках. Профессором-руководителем Лобачевского стал Бартельс, который у себя на дому занимался с ним изучением классических сочинений Гаусса и Лапласа. В том же 1811 г. талантливый магистр представил свою «Теорию эллиптического движения небесных тел», по поводу которой Бартельс выступил в Совете и сказал, что Лобачевский «проявил такие признаки математического дарования, что наверно составит себе славное имя». ¹⁶ В 1813 г. на физико-математическое отделение поступило новое сочинение Лобачевского «О разрешении алгебраического уравнения $x^m - 1 = 0$ », содержание которого вошло в XVI главу «Алгебры» 1834 г. А уже в 1814 г. Бартельс и Броннер ходатайствуют о производстве своего подопечного в адъюнкты чистой математики, что для него явилось началом самостоятельной лекционной работы в университете.

Дружеские отношения Бартельса и Лобачевского ¹⁷ сохранились и в дальнейшем, когда последний стал известным профессором и затем ректором. Бартельс же в 1820 г. переехал в Дерпт, где занял кафедру чистой и прикладной математики, принимал деятельное участие в занятиях педагогического института, куда съезжались молодые ученые со всех концов страны и из которого вышли будущие профессора русских университетов (Н. И. Пирогов, П. И. Котельников и др.). Однако самым любимым его учеником, для которого он был мудрым и добрым наставником, остался гениальный Николай Лобачевский.

¹ Подробнее об этом периоде жизни Н. Лобачевского см.: *Аксаков С. Т. Воспоминания. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1886; Загоскин Н. П. История*

- Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т. 1. (1804–1814). Казань, 1902 (Далее — *Загоскин. История*).
- 2 Биографические сведения о них см.: *Загоскин Н. П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904). Ч. 1. Казань, 1904.
 - 3 Vorlesungen über mathematische Analysis. Bd 1. Dorpat. 1833. (Далее — Vorlesungen).
 - 4 *Булич Н. Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам. Ч. 1. Казань, 1887; Ч. 2. Казань, 1891 (далее — *Булич*); *Загоскин Н. П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т. 1 (1804–1814). Казань, 1902 (далее — *Загоскин. История*); *Васильев А. В.* Николай Иванович Лобачевский (1792–1856). М., 1992 (далее — *Васильев*). О влиянии Бартельса на Лобачевского см.: *Депман И. Я. М. Ф.* Бартельс — учитель Н. И. Лобачевского // Историко-математические исследования. Вып. III. М.; Л., 1950. С. 474–485.
 - 5 См.: Булич. Ч. 1. С. 228.
 - 6 См.: Васильев. С. 19.
 - 7 Vorlesungen. С. IX.
 - 8 *Загоскин. История*. Т. 1. С. 231.
 - 9 Булич. Ч. 1. С. 236.
 - 10 Там же. С. 241.
 - 11 Там же. С. 242.
 - 12 *Васильев. С. 24.*
 - 13 Именно Яковкин и его помощники вынудили Г. И. Карташевского покинуть Казанский университет в 1811 г.
 - 14 См.: *Модзалевский.* Материалы для биографии Н. И. Лобачевского. М.; Л., 1948. С. 44–47 (далее — *Модзалевский*).
 - 15 История с осуждением Н. Лобачевского и защитой его на Совете изложена Ф. Броннером. См.: *Нагуевский Д. И.* Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758–1850). Казань, 1902. С. 415.
 - 16 *Васильев. С. 28.*
 - 17 О дружеских отношениях Бартельса и Лобачевского можно судить по документам, собранным Л. Б. Модзалевским. См.: *Модзалевский.* С. 196, 222, 365, 587. Новые материалы к биографии Н. И. Лобачевского. Л., 1988. С. 175 и 356. Б. В. Федоренко приводит дарственные надписи, сделанные Лобачевским на своих сочинениях, подаренных Бартельсу и хранящихся ныне в Фундаментальной библиотеке Тартусского (Дерптского) университета.

КАРЛ ФУКС — ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОР КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Казанские жители вот уже сто лет любят отдыхать в саду, расположенном на высоком живописном берегу Казанки. Называется он Фуксовским. Однако мало кто знает в наше время, кем был этот Фукс. Между тем в первой половине прошлого века в Казани, считавшейся признанной столицей Востока, не было более известной и любимой личности, чем профессор университета доктор Фукс, или, как его все величали, Карл Федорович.¹

А начиналось все в конце 1805 г., когда молодой выпускник Геттингенского университета, защитивший диссертацию в Марбурге на степень доктора медицины, после медицинской практики на родине в герцогстве Нассауском и затем в Петербурге и удачного участия в экспедиции по изучению естественных богатств Восточной России прибыл во вновь учрежденный Казанский университет. Его рекомендовал на должность ординарного профессора естественной истории и ботаники и. о. министра народного просвещения М. Н. Муравьев, связанный с Геттингенским университетом и имевший самые лестные отзывы о будущем казанском профессоре.

Карл Фукс происходил из прекрасной образованной, многочисленной (20 братьев и сестра) и дружной семьи. Отец его был ректором Герборнской академии, дед со стороны матери (Гофман) — известным ботаником, а тетка (Альмендинг) славилась ученостью во всей Германии. Очень живой и любознательный Карл получил прекрасное домашнее воспитание: древние и новые языки, литература, естественные науки, музыка и поэзия — вот сфера его увлечений.

Для России это было прекрасное и трудное время, когда передовая часть общества с надеждой ждала коренных перемен. Но казанское чиновничество, чувствовавшее себя полноправным распорядителем в городе, считавшемся тогда рубежом цивилизованного мира, встретило рождение Университета без всякого энтузиазма. Как вспоминал Фукс, «в начале своей жизни здесь я нашел почти дикарей и на каждом шагу встречал препятствия в моих трудах. Раз вздумалось мне списать копии с древних грамот, хранившихся в Губернском Правлении. Обращаюсь за содействием к губернатору... Он принял меня очень грубо и не отвечал на мою просьбу ни да, ни нет. Вскоре после этого случился пожар. Вместе с присутственными местами сгорели и эти драгоценности... Все обращались с нами крайне грубо. Бывший казанский комендант Есипов говорил мне: ты, будучи

едва знаком со мною. Губернатор, принимая меня, никогда не сажал, никогда не приглашал к себе на обед или вечер. В первый раз я начал пользоваться некоторым уважением при губернаторе графе Толстом...»²

Положение профессоров осложнялось полным отсутствием учебных пособий, диктаторскими замашками директора университета Яковкина, незнанием иностранными преподавателями русского языка. Естественно, что некоторые немецкие профессора относились к университету с холодным равнодушием. Однако Фукс (как и Бартельс, Браун, Броннер, Литтров, Френ, Эрдман) с самого начала откликнулся на пылкий энтузиазм российских юношей, мечтавших служить Родине. В скором времени Карл Федорович сделался любимцем своих слушателей, среди которых были С. Аксаков, братья Княжевичи, Лобачевские, Панаевы, Перевощиковы, И. Симонов — созвездие имен, прославивших впоследствии *alma mater*.

С. Аксаков и его сокурсник В. Панаев сохранили своеобразные воспоминания о занятиях Фукса со своими питомцами. Оба они с восторгом говорят о студенческой поре, где большое место занимал их наставник в естествознании, как о самом счастливом времени своей жизни. С «особенным удовольствием» вспоминают они об экскурсиях за растениями, бабочками и букашками. Историографы Казанского университета, отмечая врожденную склонность Фукса к педагогической и медицинской деятельности, пишут, что само направление преподавания естествознания, которого придерживался Карл Федорович, «представляется совершенно незаменимым по живости и глубине оставляемых им впечатлений, по способности возбуждать живейший интерес к изучаемому предмету, изощрять наблюдательность и вызывать самостоятельность учащихся», когда уже в первый год занятий слушатели Фукса получали возможность исправлять неточности и восполнять пробелы в «Руководстве по естественной истории» Блюменбаха.³ Даже гениальный Николай Лобачевский в первые годы университетской жизни собрался посвятить себя естественным наукам.⁴

В первые же годы своего пребывания Фукс принял российское подданство, навсегда связав себя с Казанью, где он прожил 40 счастливых лет. Он любил Восток и Казань, которая была для него желанным местом заветных стремлений и которая, как он часто говорил, стала для него вторым отечеством. Проявляя активный интерес к образу жизни мало изученного в то время местного населения, Карл Федорович поселился в центре татарской части города и очень скоро завоевал глубокое уважение и любовь обывателей как бескорыстный и знающий свое дело врач. Будучи деятельным преподавателем (сначала естественной истории, а с 1818 г. заняв освободившуюся

кафедру патологии, терапии и клиники, а затем читая лекции по анатомии, физиологии и судебной медицине), Фукс в 1821 г. избирается библиотекарем Казанского университета, в 1820–1823 гг. — деканом врачебного отделения, а в 1824–1827 гг. — ректором. На последнем посту его сменил Н. Лобачевский.

В 1806 г. Карлу Федоровичу было официально поручено изучение зоологии, ботаники и экономического состояния края. Неподдельный интерес к коренным жителям в сочетании с его редким обаянием и возможностью бывать на правах врача в домах пациентов из всех слоев многонациональной восточной столицы способствовали тому, что Фукс написал более 30 работ по самым разным вопросам⁵, многие из которых и ныне служат исследователям. Более трети их посвящены этнографии, затем (по количеству названий) — медицине, 4 работы — историческим темам, остальные — естественной географии и нумизматике. Почти все они написаны на русском языке, 2 практических руководства — на татарском («Руководство по практической медицине и гигиене» и «Инструкция путешественникам по России для отыскания отечественных и татарских древностей»), 4 сочинения — на латыни. В переводах на татарский Фуксу помогли преподаватели Н. Ибрагимов и И. Хальфин.

Первая публикация Фукса на русском языке вышла из типографии университета в 1810 г. Это редкая ныне брошюра «Сергиевские минеральные воды», ее экземпляр имеется в Отделе рукописной и редкой книги БАН.

В 1812 г. газета «Казанские известия», издававшаяся университетом, впервые в истории края начала публиковать статистические наблюдения Фукса о здоровье жителей Казани, направлении и свойствах ветров, показаниях барометра и термометра, прилете птиц, появлении бабочек и др.

Война 1812 г. прервала изыскания Карла Федоровича. Уже в начале осени в город буквально хлынули беженцы, спасавшиеся от Наполеона, раненые ополченцы и пленные французы.

По свидетельству современников, Казань временно сделалась как бы второй столицей: сюда по высочайшему повелению были переведены некоторые правительственные учреждения (например, московские департаменты Сената и Опекунский совет с казной), в сентябре 1812 г. — Александровский и Екатерининский институты. В результате население города увеличилось более чем вдвое (с 17 до 40 тыс.). Начались повальные болезни. Борьбу с ними возглавил К. Ф. Фукс. Его коллега и ученик доктор Скандовский писал, что самыми трудными для Фукса были 1812–1814 гг., когда он был занят «денно и ночью», так как свирепствовал тиф, жертвой которого едва не стал сам Фукс. При университете был создан комитет по борьбе с

гнилой горячкой. Общий патриотический подъем охватил всю страну. Немецкая колония Казани решила составить особую кассу для снабжения медикаментами бедняков «без различия религии». Восемь врачей-лютеран (в том числе и Фукс) согласились врачевать малоимущих безвозмездно. Помимо этого, два казанских аптекаря вызвались ежегодно отпускать бесплатно медикаментов на 500 рублей, да еще и за половинную цену, если требовалось более назначенного.⁶

Но победы русской армии, изгнание французов постепенно возвращали жизнь в норму. Ученики Фукса становятся магистрами и адъюнктами. Так, один из первых его любимых студентов Василий Ильич Тимьянский с 1811 г. начинает занятия по естественной истории, Николай Иванович Лобачевский и Иван Михайлович Симонов также приступили к преподавательской деятельности в университете и, хотя они отдали предпочтение точным наукам, до конца жизни сохранили глубокий интерес к естествознанию.

Карл Федорович продолжает изучать историю местного края, публикует результаты своих наблюдений за жизнью казанских татар, чувашей, мордвы, описывает их быт, обряды, народные и религиозные праздники, увлеченно собирает коллекцию российских монет, приобретает и изучает русские, а также татарские летописи, рукописи местных раскольников.

В 1819 г. проездом в Сибирь Фукса посетил граф М. М. Сперанский, который так отозвался о нем в своем дневнике: «Профессор один, Фукс — чудо! Многообразность его познаний. Страсть и знание татарских медалей. Знание его в татарском и арабском языке. Благочестивый и нравственный человек. Весьма деятелен. Большое его влияние на татар в медицине».⁷

Результатом многолетних исследований Карла Федоровича стали две его работы, которые и ныне не утратили научной ценности. Впервые главы книги «Краткая история города Казани. Из русских и татарских летописей собрал статский советник К. Ф. Фукс» появились в газете «Казанские известия» в 1817 г.⁸ Ученый систематизировал документальные источники с древнейших времен до 1782 г.: русские и татарские летописи, монеты, тексты надписей на старых надгробиях. В небольшой по объему работе более 110 ссылок на источники, в примечаниях автора приводятся весьма любопытные наблюдения. Вторая публикация книги «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях» (Казань, 1844) стала итогом более 30-летней работы Карла Федоровича по изучению местного населения. Характеристику этнографических исследований Фукса дал казанский ученый Н. И. Воробьев: «До Фукса быт казанских татар описывали знаменитые академики — Георги, Паллас, Лепехин, но их описания поверхностны, отрывочны... Фукс жил среди татар 40 лет,

он знает и любит этот народ. Он одинаково просто отмечает как хорошие, так и дурные стороны быта и характера татар».⁹ Оценивая книгу в целом, автор отмечает, что для одних исследователей она будет служить богатейшим источником фактов, для других — поводом для полемики, но вызывать интерес будет у всех.

Весьма плодотворной была поездка К. Ф. Фукса для обозрения уральских горных заводов с сенатором Соймоновым в 1823 г. Именно тогда казанский ученый впервые высказал мысль, которую развил затем А. Гумбольдт, о том, что хребет Уральский — неисчерпаемое дно благородных металлов, возможно, не уступающее Ю. Америке. Тогда же Фукс собрал большую часть своей богатейшей минералогической коллекции (топазы, изумруды, аметисты из Мурзики и других рудников).

Поездка на Урал дала материал для ряда статей, опубликованных в университетском журнале «Казанский вестник»: «Уральские леса», «Об уральских золотосодержащих песках», «О городе Екатеринбурге», «О политическом (санитарном. — Н. П.) состоянии золотого промысла по хребту Уральских гор». Даже спустя 170 лет эти публикации о природных богатствах России и их хищнической эксплуатации, о нищенском состоянии горнозаводских рабочих вызывают большой интерес.

Искренняя доброжелательность Карла Федоровича проявлялась во всем. Так, после пожара в сентябре 1815 г., уничтожившего в Казани 70 жилых кварталов, когда на Воскресенской улице, где находится университет, уцелело лишь 10 домов, Фукс поселил у себя в доме семью инспектора гимназии Николая Мисаиловича Ибрагимова. Впоследствии Карл Федорович трогательно заботился о детях Ибрагимова, скончавшегося в 1818 г. от чахотки. Деятельное участие принял Фукс в судьбе крепостного художника Льва Крюкова, устроив его на службу в университет, а также в научной карьере Александра Казембека, впоследствии известного российского ориенталиста. По инициативе Карла Федоровича в Казани в 1844 г. на средства купцов Юнусовых открылся первый мусульманский детский приют.

Фукс был членом Казанского общества любителей отечественной словесности (в его составе он был единственным иностранцем) и Казанского комитета императорского человеколюбивого общества.

Неудивительно, что при такой разносторонней плодотворной деятельности Карл Фукс стал одной из самых притягательных фигур интеллигентной Казани, особенно после его женитьбы на умной и обаятельной местной дворянке поэтессе Александре Андреевне Апетиной (состоявшей в родстве с Ганнибалами). Дом Фуков на Сенной

улице современники сравнивали с музеем, храмом науки, где находилась прекрасная библиотека, включавшая русские и татарские рукописи, среди которых были и раскольничьи, богатое собрание живописи, редких книг (в числе которых была и Острожская библия, множество сочинений иностранцев о России), различные коллекции, в основном собранные самим Карлом Федоровичем.

Фуксовские коллекции, по свидетельствам весьма авторитетных его современников (сенатора В. Ю. Соймонова, А. Гумбольдта, барона Гакстгаузена, Кастрена, А. С. Пушкина и др.), представляли собой редчайшие по полноте и ценности собрания. Но до нас дошли лишь две из них, еще при жизни Фукса приобретенные Казанским университетом: нумизматическая, куда вошли монеты времен Золотой Орды и разных восточных народов (куплена в 1825 г. за 12 тыс. рублей), и коллекция фауны Казанской губернии (куплена в 1837 г. за 1,5 тыс. рублей). Известно, что во время посещения А. Гумбольдтом Казани и Булгар в 1829 г. щедрый Фукс подарил ему для музея в Берлине свою коллекцию болгарских монет. Немецкий ученый писал потом об интереснейшем своем пребывании у разносторонне образованного Фукса.

Карл Федорович был знаком и с А. С. Пушкиным, посетившим в 1833 г. Казань. Фукс возил его по местам, связанным с восстанием Е. Пугачева, они встречались со старожилами-суконщиками (один из них В. Бабин), купцом Л. Крупенниковым, бывшим в плену у Пугачева 17-летним юношей. Фукс подарил Пушкину на прощанье оттиск своей статьи «Путешествие по башкирскому Уралу» и обещал помочь в сборе материалов для «Истории Пугачева». В примечаниях к «Истории пугачевского бунта» А. С. Пушкин писал: «Слышано мною от К. Ф. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанском университете, человека столь же ученого, как и любезного и снисходительного. Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных».¹⁰

Особенно прославился Фукс как самоотверженный и искусный врач в период эпидемии «первой холеры», унесшей жизни более полутора тысяч казанских жителей. В «Замечаниях о холере, свирепствовавшей в г. Казани в течение сентября и октября месяцев 1830 г.», опубликованных в апрельском номере «Казанского вестника» 1831 г., Фукс дал описание развития эпидемии, признаков болезни, рецептов ее лечения и санитарных мероприятий, применявшихся тогда. Заметки о способах борьбы с этой страшной болезнью были напечатаны и в приложении к «Казанскому вестнику». Их переписывали от руки, присылали в Москву, Петербург и другие города. В 1831 г. по высочайшему повелению Фукс был командирован в Новгород для борьбы с возобновившейся там холерой. Слава его как искусного вра-

чевателя способствовала тому, что в 30-е годы резко возросло число желающих поступить на медицинский факультет.

В 1833 г. К. Ф. Фукс получил почетное звание заслуженного профессора и вышел в отставку, подготовив себе достойную смену на медицинских кафедрах и всецело отдавшись врачебной практике. Первая медицинская знаменитость в городе, действительный статский советник и кавалер орденов — он для всех был доступен. Зная его доброту, люди всех сословий не стеснялись приглашать его. У него всегда был один ласковый ответ: «Карашо, карашо, приеду через маленький часочик». Правда, как замечает его коллега и ученик Китер, этот «часочик» тянулся иногда довольно долго, но это потому, что в Казани не осталось почти ни одного семейства, ни одного дома, в который бы когда-нибудь не приглашали Фукса на помощь.

Рабочий день Карла Федоровича был распланирован с немецкой пунктуальностью: вставал в шесть часов утра и занимался приемом бедных больных, которых неизменно величал на «вы» и усаживал в кресло. Зная предубеждение простого народа к лекарствам, он старался лечить травами, которых у него был большой запас. Если же кто-нибудь из крестьян предлагал ему «благодарность» за лечение, он деликатно просил набрать какой-нибудь травы и давал образец, способствуя таким образом знакомству местного населения с лекарственной флорой края.

Доктор Скандовский следующим образом характеризовал своего учителя: «К. Ф. Фукс принадлежал к редким преподавателям и был украшением как университета, так в особенности врачебного его отделения. Помня уроки его, я могу сказать, что преподавание его было живо, увлекательно... Карл Федорович Фукс любил на лекциях приводить примеры и наблюдения из своей обширной практики. Мы их тщательно записывали и дорожили ими, как дорожим своим заветным наследием отца... Никто в Приволжском крае не мог оспорить у него пальму первенства в лечении внутренних болезней».¹¹

Выйдя в отставку, Фукс все свое свободное от врачевания время посвящает обобщению своих исторических и этнографических наблюдений, продолжая оставаться в центре интеллектуальной жизни города. Особой популярностью в 30–40-е годы пользовались литературные вечера Фуксов, о которых вспоминали современники.¹²

В 1842 г. недалеко от дома Фукса начался пожар и Карл Федорович бросился спасать свои драгоценные коллекции. Это спровоцировало апоплексический удар, после которого ему так и не удалось оправиться, хотя спустя некоторое время он продолжал посещать своих больных. 24 апреля 1846 г. весь город был потрясен известием о кончине любимого профессора. За гробом Фукса шла буквально вся

Казань: губернатор, все университетское начальство во главе с попечителем, студенты, купцы, ремесленники, раскольники, татары. На Арском лютеранском кладбище находится могила прекрасного человека, ученого, редкого врача, сердце которого «не знало различия между людьми и равною, неугасимую любовью теплилось ко всем».¹³

- ¹ Биографические сведения о К. Ф. Фуксе (С. Fuchs) см.: *Лаврский К. В., Пономарев П. А.* К. Ф. Фукс и его время // Казанский литературный сборник. 1878. Казань, 1878. С. 223–538; *Булич Н. Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Казань, 1887; 1891. Т. 1, 2; *Загоскин Н. П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования (1804–1904). Казань, 1902–1904. Т. 1–4; *Гарзавина А. В.* В Казань, профессору К. Ф. Фуксу. Казань, 1987.
- ² Русский архив, 1877. Кн. 2. С. 347.
- ³ Казанский литературный сборник, 1878. С. 370.
- ⁴ *Васильев А. В.* Николай Иванович Лобачевский (1792–1856). М., 1992. С. 23.
- ⁵ Наиболее полный перечень трудов К. Ф. Фукса составлен М. Н. Петровским и П. А. Пономаревым. Он опубликован в приложении к статье А. Штукенберга: К. Ф. Фукс (С. Fuchs) — старейший натуралист Казани // Протоколы заседаний общества естествоиспытателей при имп. Казанском университете. 1892–1896. Казань, 1897.
- ⁶ «Казанские известия». 1814. № 7.
- ⁷ *Фабер-Цявловский Т.* Русский биографический словарь. СПб., 1901. С. 247.
- ⁸ Об истории издания этой работы см.: *Загоскин Н. П.* История... Т. 2. С. 659–666; Предисловие Н. Катанова к 5 изд. Истории города Казани. Казань, 1914.
- ⁹ *Воробьев Н. И.* К. Ф. Фукс — первый исследователь быта казанских татар // Вестник научного общества татароведения. Казань, 1927. № 6.
- ¹⁰ *Пушкин А. С.* ПСС. [В 6 т.]. М., 1950. Т. 6. С. 216.
- ¹¹ О медицинской деятельности Фукса см.: указ. выше статью Лаврско-го К. В. и Пономарева П. А.
- ¹² О литературных вечерах А. А. и К. Ф. Фуксов см.: «Казанские губернские ведомости». 1843. №№ 43, 47, 50; 1844. № 15, а также указ. выше монографию *Гарзавиной А. В.*
- ¹³ Надгробные речи на похоронах К. Ф. Фукса опубликованы в «Казанских губернских ведомостях» 1846. №№ 21 и 22.

Г. (Б.) П. ВИЛЛЕВАЛЬДЕ — РУКОВОДИТЕЛЬ
БАТАЛЬНОГО КЛАССА АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Имя Г. (Б.) П. Виллевальде — известного художника-баталиста второй половины XIX в., академика и профессора Императорской Академии художеств — занимает достойное место в истории русской культуры. Диапазон творчества Виллевальде был очень широк — он писал монументальные композиции грандиозных сражений, сцены батально-жанрового и жанрового характера, портреты. Его живопись всегда отличалась особой достоверностью. Большие батальные полотна обычно создавались художником на основе собственных впечатлений от пребывания на театрах военных действий, а живопись малых форм — военно-жанровые сценки из времен походов русской армии 1813–1815 гг. — появлялись в результате изучения мемуаров и рассказов участников и очевидцев этих событий. Талантливый рисовальщик и неплохой колорист, Виллевальде вполне владел композиционным разнообразием, его произведениям была свойственна богатая гамма различных эмоциональных оттенков — от некоторого драматизма до заметного юмора или явных сентиментальных ноток.

В дореволюционные годы имя Виллевальде было достаточно известно широкой публике — оно часто появлялось на страницах периодической печати, как и репродукции с его картин. В наше время ни одна выставка, посвященная русской батальной живописи, не обходится без его полотен, имеющих во многих крупных художественных собраниях страны. Однако до сих пор почти неизученной оставалась не менее важная сторона творчества Виллевальде — его педагогическая деятельность в Академии художеств.

С его именем неразрывно связана вся история становления и существования батального класса Академии второй половины XIX в., которым он руководил более чем 45 лет (1848–1894). И хотя в целом жизнь класса вполне гармонично вписывалась в общую схему академического образования этого периода, она имела свои особенности, во многом определенные влиянием незаурядной творческой личности профессора Виллевальде.

На всем протяжении руководства Виллевальде батальной мастерской она была чрезвычайно популярна у академической молодежи. Общее число занимавшихся у Виллевальде в 1848–1894 гг. лишь приблизительно можно установить по спискам медалистов, частично сохранившихся в экзаменационных ведомостях художественных классов, и финансовым отчетам батального класса. Из них следует, что

собственно батальной живописью, т.е. созданием композиций в этом жанре, занималось около 160 человек, еще большее количество учащихся, около 220 (в том числе и из других художественных классов), работали в мастерской с дополнительной натурой — писали этюды с лошадей.

Более точные данные имеются за период с 1848 по 1859 гг., когда существовала система прикрепления учеников к профессорам-руководителям. Известно, что в 1848/49 учебном году в мастерской Виллевалде занималось всего 3 человека, в 1850/51 — уже 11, а в последующие годы — от 20 до 30, что превышало число учеников таких популярных профессоров, как Ф. А. Бруни и П. В. Басин.¹

Чем же привлекал академическую молодежь батальный класс? Безусловно, большое значение имела сама специфика батального жанра с присущими ему точностью деталей, четкой конкретностью и даже документальностью. Популярность этого жанра была вызвана возросшим к середине XIX в. (в связи с общим процессом демократизации культуры) интересом к изображению реальной действительности. Не менее важным явилось и то, что руководить батальной мастерской стал человек, характер индивидуального творчества которого наиболее соответствовал самому духу батальной живописи этого времени. Кроме того, академический Совет был особенно пристрастен к баталистам — при награждении их медалями внеклассные работы фактически приравнивались к программам. Однако постепенно существовавшие при поощрении баталистов преимущества исчезали в соответствии с общим ужесточением академических правил. К тому же со второй половины 1860-х гг. усиление политической реакции в стране стало сказываться и на внутренней жизни Академии художеств — Совет начал приоритетно поощрять историческую живопись, противопоставляя ее другим жанрам.

По этим причинам значительно сократилось число баталистов, выходявших на конкурс и тем более удостоившихся высших наград. Но и в столь неблагоприятных условиях не уменьшалось число учеников Академии, посещавших батальную мастерскую. Нередко в 1870–1890-е годы на ежемесячные экзамены батальные композиции представляли не менее 10 человек, а один раз в три месяца этюды лошадей — не менее двадцати человек. Более 50 человек, занимавшихся у Виллевалде в этот период, окончили Академию со званиями художников различных степеней.

Несомненно, чрезвычайно притягательной для будущих баталистов была сама фигура руководителя класса. Надо сказать, что на Виллевалде как на личность большое влияние оказал К. П. Брюллов, мастерскую которого он посещал, являясь официально учеником профессора А. И. Зауервейда. Удивительную доброжелательность

Виллевальде неоднократно отмечали его современники.² Один из учеников Академии, А. Г. Сластионов, так вспоминал о Виллевальде: «Мы все его уважали за его необычайную доброту и щедрость, хотя вид у него был суровый; многим ученикам батального класса он выдавал из своих средств стипендии и разные вспоможения, не говоря уже о красках, холсте, кистях и пр. Он всегда заботился об учениках не только своего, но и других классов».³

Неоднократно хлопотал Виллевальде за своих учеников перед академическим Советом, иногда по таким весьма серьезным поводам, как, например, присвоение звания художника Г. Шукаеву⁴ и А. Кен-Каптереву⁵, и обычно его просьбы не оставались без ответа. Он постоянно привлекал своих учеников к совместной работе над заказами императорского двора, тем самым давая им реальную возможность дополнительного заработка, а главное, делая их имена известными высочайшим заказчикам, что было немаловажно для будущих баталистов, в силу особенностей жанра почти всегда обреченных на получение крупных заказов именно от официальных кругов. Ответственные работы по снятию копий батальных композиций также поручались по представлению Виллевальде кому-либо из его учеников и выполнялись под его наблюдением.⁶

Весьма любопытна история назначения Виллевальде на пост руководителя батального класса. С того времени, когда по уставу 1830 г. в Академии был учрежден класс «живописи животных для баталий и других родов», деятельность этого класса протекала под пристальным вниманием Николая I. Этим был обусловлен и особый порядок назначения руководителя, которым в январе 1831 г. стал почетный вольный общник Академии художеств А. И. Зауервейд, получивший художественное образование в Германии. Среди его учеников были такие известные впоследствии художники, как А. Е. Коцебу, В. Ф. Тимм, Г. (Б.) П. Виллевальде. Последний по окончании Академии был командирован в октябре 1842 г. за границу на три года для написания картины «Сражение при Гисгюбеле» и дальнейшего усовершенствования в живописи в Берлине, Мюнхене и Париже. Однако по семейным обстоятельствам художник задержался в России и прибыл в Дрезден только в октябре 1843 г.⁷ Едва он успел устроить там свою мастерскую и приступить к работе, как неожиданное событие навсегда изменило его творческую судьбу.

25 октября 1844 г. скоропостижно скончался Зауервейд, а уже 29 октября Канцелярия Министра Императорского двора сообщила вице-президенту Академии, что государь повелел вызвать Виллевальде в Россию для завершения начатых Зауервейдом картин с выдачей ему из Государственного казначейства содержания в размере 500 рублей серебром в год.⁸

20 ноября Виллевалде прибыл в Санкт-Петербург⁹, где и получил «во владение мастерскую покойного Зауервейда со всеми находящимися в ней вещами».¹⁰ Над завершением трех его картин Виллевалде работал до конца января 1847 г.,¹² затем он окончил свою собственную картину «Сражение при Гисгюбеле», кулленную для Эрмитажа в марте 1848 г.¹³ за 8 тысяч рублей серебром. Несмотря на то, что государь приказал продлить ему содержание до конца текущего 1848 г., со всей очевидностью встал вопрос о положении художника в Академии и дальнейшем финансировании его творчества.

В течение 1844–1848 гг. Виллевалде работал непосредственно в мастерской Зауервейда, не являясь официальным руководителем батального класса, однако фактически, видимо, он курировал оставшихся в Академии учеников-баталистов. Например, Г. Шукаев в апреле 1845 г. подал в Совет прошение о выплате ему пособия для окончания «обучения своего под руководством художника Виллевалде».¹⁴ И как только завершенные Виллевалде картины получили полное одобрение государя, состоялось и официальное назначение художника на столь ответственный пост. В журнале предварительного заседания Совета Академии от 30 сентября 1848 г. отмечено: «Принимая в уважение особенное искусство и отличные познания в живописи баталической академика Готфрида Виллевалде, доказанные написанными им картинами Сражение при Гисгюбеле и Париже и другими работами... решено возвести в профессора без исполнения программы».¹⁵ 17 декабря 1848 г. Виллевалде был определен на имевшуюся в Академии вакантную должность профессора батальной живописи.¹⁶

К тому времени Виллевалде уже успел накопить некоторый педагогический опыт — в 1840–1842 гг. он, будучи учеником Академии, преподавал в Рисовальной школе ОПХ, а в декабре 1844 г., по возвращении из-за границы, был назначен учителем великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича.¹⁷

Виллевалде во многом продолжил достаточно самостоятельную линию поведения своего покойного учителя как на педагогическом поприще, так и в отношениях с руководством Академии. Он неоднократно подчеркивал, что «батальный класс составляет при Академии совершенно особую часть, уставом неопределенную», и имеет «совершенно отделенное от прочих частей Академии устройство».¹⁸ Такой независимости, безусловно, способствовали личные контакты художника с Николаем I, а затем Александром II, неоднократно посещавшими его мастерскую, что, кстати, нашло отражение в ряде полотен Виллевалде.¹⁹ Любопытно, что последний раз Николай I нанес художнику визит всего за две недели до своей смерти.²⁰

Возглавив батальный класс, Виллевалде с чисто немецкой основательностью в первую очередь обратился к административно-хозяйственной стороне дела — необходимо было капитально отремонтировать здание батальной мастерской, расположенной на Литейном дворе. Она сильно пострадала от пожара в начале 1840-х гг.²¹ и находилась в аварийном состоянии. Академический архитектор И. П. Скотти составил два варианта проекта мастерской, из которых Совет Академии выбрал более дешевый — деревянное сооружение на деревянном фундаменте.²² Строительство началось в апреле 1850 г., а к концу 1853 г. было завершено.²³ В последующие годы в мастерской неоднократно производились текущие ремонты²⁴, и она еще долго благополучно простояла бы на старом месте, но в связи с развернувшимися во второй половине 1880-х гг. на территории Академии большими строительными работами это место понадобилось для размещения новых служб. Поэтому по проекту академического архитектора В. А. Кенеля и под неусыпным надзором Виллевалде под здание мастерской были перестроены четыре каретных сарая и конюшни, принадлежащие дому на углу 4-й линии и Большого проспекта²⁵, в первом этаже которого находилась и служебная квартира Виллевалде. Работы были завершены в мае 1888 г.²⁶

Не менее важным моментом, чем строительство новой мастерской, было для Виллевалде сохранение финансовой независимости батального класса. При жизни его предшественника по устному повелению Николая I в личное распоряжение Зауервейда отпускалось авансом 1028 рублей 57 копеек серебром в год «на вознаграждение сотрудников его при производстве батальных картин, исполняемых по воле государя-императора».²⁷ Отпуск денег был продолжен и после смерти Зауервейда.²⁸ В дальнейшем в переписке с Правлением Академии Виллевалде неоднократно подчеркивал, что, «составляя как бы собственность батального класса, эта сумма не может подлежать правилам о единстве кассы»,²⁹ т.е. возможный остаток от этой суммы не должен был возвращаться в общую кассу Академии, а мог быть использован по усмотрению Виллевалде в следующем учебном году. Такая экономическая обособленность батального класса нередко вызывала недовольство вышестоящих инстанций,³⁰ однако Виллевалде отстаивал это положение, и лишь в 1890 г. Правлению Академии удалось добиться прекращения выплаты специальной суммы для батального класса.³¹

А ведь именно то, что все эти долгие годы деньги находились в полном распоряжении Виллевалде давало ему возможность всячески поддерживать своих учеников — выплачивать им ежемесячное содержание, оплачивать билеты в рисовальные классы (когда не удавалось добиться бесплатных), финансировать покупку необходимых

материалов — холста, красок, кистей, выдавать единовременные пособия особо нуждающимся и производить разовые выплаты за лучшие ученические и пенсионерские работы, а также вознаграждать за совместную работу над высочайшими заказами. В денежных делах Виллевальде отличался особой щепетильностью и кристальной честностью, нередко, когда денег не хватало, он добавлял из собственных средств.³²

Очень серьезно подходил Виллевальде к обеспечению своих учеников пособиями и инвентарем. При мастерской содержали собственную кавалерийскую лошадь,³³ кроме того, лошадей для работы с натуры брали напрокат в гвардейских полках, расквартированных в столице.³⁴

После смерти Зауервейда Виллевальде принял на хранение всё имущество, находившееся в его мастерских в Академии, Петергофе и Царском Селе, где по трем описям числилось 286 предметов — обмундирование и амуниция более чем 20 гвардейских и армейских полков, оружие, конная и артиллерийская упряжь, предметы искусства, гипсовые слепки, а также мебель и специальное оборудование.³⁵ В дополнение к столь солидному арсеналу заведующий костюмным классом по просьбе Виллевальде для занятий баталистов регулярно брал напрокат амуницию, упряжь и модели орудий: старинные — в Музее военной хроники, а современные — в частях Петербургского гарнизона.³⁶ В 1885 г. с Окружного артиллерийского склада были переданы в Академию образцы оружия 1825–1870 гг., вышедшие из употребления.³⁷

Много внимания уделял Виллевальде пополнению собрания анатомических пособий и слепков, хранившихся в мастерской. В 1850–1870-е годы для нужд баталистов неоднократно изготавливались новые и чинились старые анатомические пособия.³⁸ В 1865 г. была куплена большая коллекция слепков у художника В. Гаазенбергера.³⁹ После смерти скульптора профессора П. К. Клодта Академия приобрела коллекцию лошадей его работы, и один экземпляр ее был отформован специально для батального класса.⁴⁰

Батальная мастерская имела даже свое собственное книжное собрание — специально приобретались книги по профилю, не относившиеся к основной тематике большой академической библиотеки, например труды по военной истории, мемуары выдающихся полководцев и т. д.⁴¹

Таким образом, на протяжении многолетнего пребывания на посту руководителя батального класса Виллевальде скрупулезно выстраивал повседневную жизнь своей мастерской, создавал материальную базу для беспрепятственного течения учебно-художественного процесса и всестороннего развития своих учеников.

Этому же способствовали и основные педагогические принципы профессора Виллевальде. Он, сохраняя традиционную обособленность батального класса, вполне сознавал необходимость широкой всесторонней подготовки баталистов с учетом общих методических установок академического преподавания. Его ученики постепенно все более подчинялись единым условиям, предъявляемым Советом Академии в плане занятий рисунком и живописью в натурном и этюдном классах. В самой мастерской они ежедневно работали с натурой, необходимой для будущих баталистов, сеанс обычно длился 4–5 часов.⁴² Но главным моментом в подготовке художника-баталиста была, естественно, работа над созданием батальных композиций.

В 1850–1860-е годы среди учеников Виллевальде был особенно велик интерес к батально-жанровым сюжетам, насыщенным элементами бытового жанра. Такого рода полотна более всего соответствовали духу батальной живописи самого Виллевальде. Однако он всячески поощрял и композиции, в которых его ученики напрямую обращались к современным событиям своего времени — Крымской кампании и заключительным сражениям Кавказской войны, позже русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Совершенно необходимым для будущих баталистов считал Виллевальде личное присутствие на театрах военных действий и сам подавал тому пример. Он был участником и очевидцем многих кампаний: в 1849 г. — Венгрия, в 1854–1855 гг. — Дунай, Севастополь и Азиатская часть Турции, в 1860 г. — Кавказ, в 1877–1878 гг. — вновь Азиатская часть Турции и Дунай. Любопытно, что Виллевальде практиковал выезд на позиции вместе с учениками — в мае 1854 г. с К. Филипповым⁴³, в августе того же года с Тотлебенем.⁴⁴ Особый интерес представляют рисунки с натуры и картины К. Филиппова, основанные на личных впечатлениях от обороны Севастополя, и кавказские этюды С. Шукаева. Неудивительно, что именно в работах учеников Виллевальде (К. Филиппова, Н. Зауервейда, П. Грузинского) произошел качественно новый сдвиг в русской батальной живописи середины XIX в. — переход от прославления индивидуального героя в исключительных обстоятельствах к изображению массового героизма в условиях военных будней.

Виллевальде прививал своим ученикам интерес к отечественной истории, к славным победам русской армии. Таковы полотна Н. Зауервейда, М. Микешина, А. Шарлеманя, посвященные ярким эпизодам из времен Северной войны, походов А. В. Суворова, Отечественной войны 1812 г.

Среди композиций, выполненных учениками Виллевальде в чисто бытовом жанре, появились работы с социально-злободневным содержанием. Их авторы — Н. Шильдер, К. Пржецлавский, П. Косолап —

стремились средствами жанровой живописи вынести на суд широкого зрителя противоречия тогдашнего общественного устройства.

Со второй половины 1860-х гг. правила обучения в Академии заметно усложнились, темы для программ баталистов задавались Советом в обязательном порядке и были строго регламентированы, в результате удостоенные медалей работы носили сугубо официальный характер. Казалось, в таких условиях интерес баталистов к непосредственному отражению реальной действительности должен был исчезнуть, однако во многом благодаря усилиям Виллевальде этого не произошло. В 1876 г. в Академии был учрежден специальный класс композиции, весной 1877 г. после введения дополнительных правил в нем стали заниматься баталисты под руководством Виллевальде.⁴⁵ Ежемесячно задаваемые Виллевальде темы, связанные с конкретными историческими событиями или повседневной жизнью армии, давали широкий простор для воображения будущих художников. Занятия в классе композиции проводились до конца 1893 г.⁴⁶ и были прекращены в связи с реформой Академии и последовавшим за этим уходом Виллевальде с поста руководителя батального класса.

В целом ученики Виллевальде получали в мастерской универсальную подготовку, что позволяло им после окончания Академии работать не только в батальном и бытовом жанрах, но и в историческом, пейзаже и портрете.

Виллевальде старался сохранить традиции класса-мастерской, предполагающие особую духовную близость учителя и учеников, утраченные в Академии после реформы 1859 г. и вновь возобновленные реформой 1893 г., но получившие творческое развитие уже в современном художественном образовании. Неудивительно, что батальная мастерская Виллевальде стала той плодотворной почвой, на которой расцветали многие таланты, впоследствии ярко проявившие себя в русском искусстве второй половины XIX — начала XX в. Среди его учеников такие известные имена, как М. О. Микешин, Н. Г. Шильдер, И. П. Трутнев, А. И. Шарлемань, К. Н. Филиппов. Двое из них — П. О. Ковалевский и Н. С. Самокиш — стали руководителями батальной мастерской уже в послереформенной Академии, развили и обогатили педагогические принципы Виллевальде и, в свою очередь, воспитали плеяду талантливых учеников.

¹ Отчеты ИАХ: за 1848/49 г. СПб., 1849. С. 19;
за 1850/51 г. СПб., 1851. С. 15;
за 1851/52 г. СПб., 1852. С. 16;
за 1852/53 г. СПб., 1853. С. 16;
за 1853/54 г. СПб., 1855. С. 13;
за 1854/55 г. СПб., 1855. С. 15;

- за 1855/57 г. СПб., 1857. С. 14;
за 1857/58 г. СПб., 1858. С. 3;
за 1858/59 г. СПб., 1859. С. 13.
- ² *Стасов В. В.* Вячеслав Григорьевич Шварц. СПб., 1884. С. 41.
- ³ Цит. по: *Савинов А. Н.* Н. Г. Шильдер // Русское искусство: Очерки о жизни и творчестве художников. Середина XIX в. М., 1985. С. 568.
- ⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 80-III. Л. 1, 13, 19.
- ⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 14-К. Л. 7.
- ⁶ Там же. Оп. 1, ч. II. Д. 3357. Л. 14-16; Оп. 10, 1879 г. Д. 140. Л. 25-27, 29.
- ⁷ Там же. Оп. 1, ч. II. Д. 2886. Л. 2.
- ⁸ Там же. Л. 1, 3.
- ⁹ Там же. Л. 2.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1, ч. II. Д. 2883. Л. 25, 25 об.
- ¹¹ Там же. Оп. 1, ч. II. Д. 2886. Л. 13, 15, 17, 17об., 32, 33, 33об., 35.
- ¹² Там же. Оп. 1, ч. II. Д. 3487. Л. 2, 6.
- ¹³ Там же. Оп. 1, ч. II. Д. 2886. Л. 42, 43.
- ¹⁴ Там же. Оп. 14. Д. 80-III. Л. 5.
- ¹⁵ Там же. Оп. 1, ч. II. Д. 3437. Л. 5.
- ¹⁶ Там же. Л. 5, 8.
- ¹⁷ Там же. Оп. 14. Д. 42-В. Л. 3об., 4.
- ¹⁸ Там же. Оп. 7, 1870 г. Д. 117. Л. 8об.
- ¹⁹ «Император Николай I с цесаревичем Александром Николаевичем в мастерской художника в 1850 году». См.: *Булгаков Ф. И.* Наши художники. Т. 1. СПб., 1889. С. 97; «Император Николай I с цесаревичем Александром Николаевичем в мастерской художника в 1854 году». ГРМ Ж-2923.
- ²⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 80-III. Л. 60об.
- ²¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1 ч. II. Д. 2742. Л. 1.
- ²² Там же. Оп. 2, 1850. Д. 41. Л. 32об., 45, 47об.
- ²³ Там же. 1854. Д. 149. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Оп. 4, 1863. Д. 122. Л. 2.
- ²⁵ Там же. Оп. 11, 1887. Д. 15. Л. 1об., 85Б, 155.
- ²⁶ Там же. Л. 175.
- ²⁷ Там же. Оп. 1. ч. II. Д. 2998Б. Л. 1.
- ²⁸ Там же. Л. 3, 3об.
- ²⁹ Там же. Оп. 7. 1870. Д. 117. Л. 9.
- ³⁰ Там же. Оп. 5. 1866. Д. 235. Л. 24, 24об.; Оп. 7, 1870. Д. 117. Л. 5, 6, 10, 17.

- 31 Там же. Оп. 11. 1890. Д. 13. Л. 2, 2об., 3, 3об.
- 32 Там же. Оп. 9. 1875. Д. 19. Л. 40.
- 33 Там же. Оп. 14. Д. 133-К. Л. 1; Оп. 15. Д. 282. Л. 1.
- 34 Там же. Оп. 8. 1872. Д. 30. Л. 5.
- 35 Там же. Оп. 1. ч. II. Д. 2883. Л. 31, 32–35об., 35Б, Д. 2886. Л. 8, 9.
- 36 Там же. Оп. 7. 1871. Д. 74. Л. 2, 2об.
- 37 Там же. Оп. 8. 1873. Д. 270. Л. 122–124об.
- 38 Там же. Оп. 2. 1854. Д. 44. Л. 1; Оп. 4. 1863. Д. 122. Л. 1; Оп. 7, 1871. Д. 112. Л. 11.
- 39 Там же. Оп. 5, 1866. Д. 235. Л. 7.
- 40 Там же. Оп. 7, 1870. Д. 114. Л. 2.
- 41 Там же. Оп. 7. 1871. Д. 112. Л. 7, 8.
- 42 Там же. Оп. 7. 1870. Д. 117. Л. 18об., 19.
- 43 Там же. Оп. 2. 1854. Д. 76. Л. 2–4.
- 44 Отчет ИАХ за 1854/55 г. СПб., 1855. С. 13.
- 45 РГИА. Ф. 789. Оп. 10, 1877. Д. 178. Л. 1. 1об., Оп. 19. Д. 850. Л. 12.
- 46 Там же. Оп. 19. Д. 965. Л. 153об.

В. В. Чепарухин

П. Б. СТРУВЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Представители рода Струве оказали серьезное влияние на нашу историю, органически войдя в состав интеллектуальной и управленческой элиты России XIX–XX вв., среди них Петр Бернгардович Струве — звезда первой величины. «Он был бесспорно самой выдающейся личностью русской общественной и научной мысли последних лет XIX века и первых десятилетий XX-го века».¹

Одна из линий весьма разветвленного немецкого рода Струве обособилась в России в начале XIX в.² Старинное протестантское семейство из Шлезвиг-Гольштейна прославил математик Якоб Струве (1755–1841). Его сын Вильгельм Якоб (1793–1864) с молодых лет связал свою судьбу с Россией, где его стали называть Василием Яковлевичем. Окончил Дерптский университет, профессорствовал в нем, оснастил астрономическую обсерваторию в Дерпте первоклассными инструментами. Завоевал репутацию одного из лучших астрономов

Европы, стал создателем и первым директором Пулковской обсерватории (1839). Сын Василия Яковлевича, Отто Васильевич, наследовал его дело и стал вторым директором Пулковской обсерватории. Эти знаменитые астрономы были соответственно родной дед и родной дядя Петра Бернгардовича. Многодетность была традиционной в семье П. Б. Струве: у него было пять братьев (Василий, Николай, Федор, Александр и Михаил) и пять собственных детей. Этнические немецкие корни П. Б. Струве прослеживаются и по линии его матери, прибалтийской немки баронессы А. Ф. Розен.

Включенность П. Б. Струве в немецкую культуру была естественной. Из первых 35 лет своей жизни он провел непосредственно в Германии не менее 10 лет — периоды учебы в школе (Штутгарт с 7 до 12 лет) и в университете в Граце, когда закладывались и формировались основы его личности, а также годы первой эмиграции. И в то же время именно атмосфера семьи, круг ее интересов и связей сформировали Струве как русского националиста и западника, этатиста и демократа, типичного представителя русской интеллигенции и патриота-монархиста. Он стал образцовым русским в привязанностях, стиле жизни, самоощущении, привычках. Более того, он прошел через славянофильство и панславистские увлечения, первой его любовью в мире идей были славянофилы и особенно, по его собственному утверждению, Иван Аксаков.³ Самый известный исследователь жизни и творчества П. Б. Струве Ричард Пайпс назвал Аксакова ключом к политической мысли Струве.

П. Б. Струве «всегда, во всех обстоятельствах, оставался верен своим ...убеждениям, не отказывался от своих... устоев миропонимания, сложившихся у него как у личности, сформировавшейся очень рано. Этот тип мышления был принципиально открытым и для его оппонентов с догматическим типом ментальности был неприемлемым и чуждым».³ Его приход к марксизму обусловлен скорее этическими причинами. Кроме того, марксизм конца 90-х гг. был, по словам Н. Бердяева, несомненно, «процессом европеизации русской интеллигенции, приобщения ее к западным течениям, выходом ее на большой простор». Именно на русской почве марксизм Маркса и Энгельса превратился в марксизм «критический», «легальный», т.е. в обычном научном толковании эволюционный, безусловным лидером которого был П. Б. Струве. Идеи его имели плодотворное значение для германской социал-демократии, «взявшей на вооружение концепцию этического социализма и постепенно из антисистемной силы превратившейся в силу системопреобразующую».³ П. Б. Струве был автором ряда немецких статей и пользовался уважением в среде немецких социал-демократов.

В литературе знаменитым его сделала книга «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» (1894), вышедшая одновременно с книгой Г. В. Плеханова, в то время эмигранта.

Вернувшись в Россию после выхода Манифеста 17 октября 1905 года, он включается в политическую деятельность. Следует учесть, что предложение вернуться из эмиграции и принять участие в строительстве новой России было сделано ему автором Манифеста С. Ю. Витте. Начинает редактировать «Полярную звезду», становится членом ЦК КДП, депутатом II Гос. Думы (1907), где преимущественно работал в финансовой и бюджетной комиссиях, не ораторствовал. Но уже с 1906 г. он практически отходит от активной, напряженной политической деятельности (в КДП в том числе). Становится преподавателем, штатным доцентом, затем профессором Санкт-Петербургского политехнического института, редактирует «Русскую мысль». ^{4,5}

Именно работа в Политехническом институте, этом «крупном достижении русской культуры начала XX века», была наиболее эффективным спокойным и счастливым периодом его жизни. Интересно высказывание Петра Бернгардовича о Политехническом институте: «СПб Политехнический институт возник на гребне хозяйственных успехов России на рубеже XIX–XX вв. и сам стал фактором этого развития... Он стал специальной и первоклассной по своим качествам школой государственных чиновников. В этом отношении в лице экономического отделения нашего Политехнического института новая Императорская Россия эпохи Николая II создала учреждение, аналогичное для прежних эпох Императорским Александровскому Лицею и Училищу правоведения и (учитывая короткий срок существования Института)... могущее по своему историческому значению смело быть поставленным рядом с названными привилегированными учреждениями старой Императорской России». ⁶ Высокой репутации Политехнического института в большой мере, наряду с замечательной плеядой столичной либеральной профессуры, способствовал и П. Б. Струве.

О значении института в его собственной судьбе П. Б. Струве сказал: «Позвольте ...сделать личное признание. Моя преподавательская деятельность не могла бы вообще осуществиться, если бы меня в свое время не подхватил благожелательный взгляд ...А. С. Посникова, М. М. Ковалевского, А. А. Чупрова ...А без моей преподавательской работы большая часть и моей научной работы не была бы произведена. Вот почему я лично чувствую себя не то что питомцем, но более того, прямо созданием Политехнического института. И вы понимаете, какие чувства к Институту рождает и поддерживает во мне это ощущение».

В атмосфере близких отношений, сложившихся здесь между студентами и преподавателями, необычных для традиционных учебных заведений, никто из профессоров не посвящал столько времени студентам, сколько Струве. «Всегда бурливший П. Б. С. и Нина Александровна носились с чужими им студентами-техниками ... в итоге этого общения в институте создалось студенческое издательство «Народ и свобода», где под редакцией Струве, Гессена, Фридмана студенты составляли популярные брошюры общеобразовательного характера».⁶

Как личность, как тип ученого-исследователя он был совершенно уникален. Видная деятельница кадетской партии А. В. Тыркова-Вильямс отмечала, что «он первый находил объяснение, оправдание, выражение для еще не оформившихся изменений в общественных настроениях, облекал их в слова, часто очень убедительные и острые, как лозунги».

Знания Петра Бернгардовича были энциклопедичны и буквально безграничны, при этом он не подавлял слушателей (студентов) своим превосходством, а щедро делился этими огромными знаниями со всеми, кто с ним соприкасался. Внимательно выслушивал студентов, беседовал с ними как с равными и затем, не указывая на их необоснованные или даже абсурдные соображения, излагал свою точку зрения. «Эти практические занятия были лабораторией экономического мышления. Казалось, он находил особое удовольствие в таком общении с молодыми экономистами, никогда не показывал, что мы «надоели» ему, что он устал от наших ребяческих разговоров. Если не хватало установленного для занятий времени, он продолжал их где-нибудь в другом месте». Его лекции отличались глубоким смыслом, знанием предмета и большим количеством афоризмов. П. Б. Струве — «блестящий импровизатор-мыслитель, творец новых понятий, облеченных в ясную и четкую словесную форму».⁷ Незаменимым был в качестве руководителя научного семинара.

П. Б. Струве постоянно становился объектом для карикатур, шуточных фельетонов в стихах («Лирические портреты» и т. п.) в институтской печати и вне ее. «Анекдотически рассеян, от мира зримо-далек, карикатурами осмеян и вкривь, и вкось, и поперек. Идет, вперивши очи в землю, тербит злато бороды, прохожие сие приемлют, раскрыв испуганные рты»). О его рассеянности во время лекций ходили анекдоты, возможно, несколько приукрашенные фантазией, но содержавшие и долю истины.

Обладая редким даром научной интуиции, он, однако, остерегался сам и внушал студентам не делать поспешных обобщений, учил, что основой всякого научного труда должно быть детальное и критическое изучение фактов: «там, где высшая школа правильно ор-

ганизована и где ее личный преподавательский состав стоит на известной высоте, преподавание науки всегда тесно связано с научным исследованием. Политехнический институт явился научной школой не только как учреждение, в котором учили, но и как учреждение, в котором научно работали... Его руководители и основатели повсюду искали и подхватывали научные силы и предоставляли им широкую возможность и наилучшие условия научной работы. Ученые силы Политехнический институт не только поощрял, он их взращивал».⁶ Годы работы в институте были для него временем размышлений, выработки позиции на будущее. Он задумал книгу, в которой хотел «подвести итоги нашего культурного и политического развития и дать оценку пережитой нами революцией». набросок к главе этой так и ненаписанной книги под названием «Интеллигенция и революция» вошел в сборник «Вехи» (1909). В этой программной работе Струве «формулирует новое видение исторического процесса в России и исследует поведение главных действующих лиц — интеллигенции, народа, власти».³ В 1908 г. он становится доцентом кафедры политической экономии Санкт-Петербургского политехнического института, преподает также на Бестужевских курсах. В 1908–1912 гг. выезжал в зарубежные командировки.⁵

В 1911 г. его публицистические статьи за пять лет выходят отдельным сборником под названием «Patriotica», чем восстановил против себя «прогрессивные» круги русского общества. Он был искренним русским патриотом (как и многие немцы в России) и в политической борьбе отказывался пользоваться какими-либо сомнительными средствами.

В 1913 г. на звание магистра защищена в Московском университете диссертация «Хозяйство и цена» (ч. 1). Неодобрительно относился к двухступенчатой системе присвоения ученых степеней, принятой в российской науке, предпочитая ей германскую.

15 января 1914 г. П. Б. Струве единогласно избран Советом института по кафедре политической экономии экстраординарным профессором. Из представленного в Совет отзыва следует, что «П. Б. С. является одним из выдающихся представителей современной экономической науки... целый ряд работ его посвящен выдвигаемым жизнью вопросам хозяйственной политики... останавливал свое внимание на выяснении общих положений теории социальной науки... Труды Струве характеризуются широтой философской культуры, оригинальностью и глубиной мысли, обширной и разносторонней эрудицией... труды по истории хозяйственного быта имеют крупное научное значение. Значительный научный интерес представляют исследования Струве по истории экономической мысли, в особенности марксизма, пользующиеся известностью и за пределами России. ...В

лице П. Б. С. институт приобретает крупного ученого, уже в течение 20 лет обогащающего экономическую литературу своими ценными трудами». ⁴ Отзыв подписан лучшими представителями русской экономической мысли того времени: В. Э. Деном, М. И. Фридманом, А. А. Чупровым, В. Бернацким, В. Н. Твердохлебовым. Летом 1914 г. с научной целью посещает сталелесарные промыслы Нижегородской и Владимирской губерний, а также фабричные производства в Западной России (Ковно, Рига, Митава и др.). ⁴

Во время первой мировой войны П. Б. Струве стал одним из руководителей созданного в помощь армии «Земского союза», возглавил Комитет по ограничению торговли неприятеля (Комитет блокады) и был назначен членом Особого совещания по продовольствию, оставаясь профессором Политехнического института.

Показательна одна дискуссия на квартире Петра Бернгардовича в Сосновке в 1916 г. Обсуждался вопрос об отношении к войне, ее смыслу и «оправданию». Привлеченный Струве к сотрудничеству в «Русской мысли» за интересные, «еретические» для обычного «интеллигентского» миропонимания, мысли о национализме, национальном чувстве малоизвестный ныне писатель-философ Д. Муретов защищал теорию о сверхэтическом оправдании национализма. Он считал национализм самоудовлеющей ценностью в жизни человека, находящуюся «по ту сторону добра и зла». Сам П. Б. Струве сформулировал свою позицию так: «Я не испытываю ни малейшей ненависти к немцам и именно в этом ощущаю свою патриотическую силу». Не разделяя позиции Д. Муретова и даже полностью расходясь с ним по очень многим вопросам, Струве-редактор ценил в нем талант и проявления оригинальной мысли. Он обладал редким даром поощрять и привлекать к сотрудничеству в журнале самых разных, но обязательно талантливых людей.

П. Б. Струве беспокоила судьба России. Тот же Муретов, как человек крайне правых убеждений, заметил, что империя невозможна без императора, а потому его имя должно уважаться даже в частных беседах. Петр Бернгардович возразил с необычной горячностью: «Вы правы, но только за исключением одного случая, когда сам император изменяет своему долгу быть вождем Империи» ¹. Струве был страстным государственным и превыше всего ставил долг гражданина по отношению к своей стране

Осенью 1916 г. Петр Бернгардович созвал на своей квартире частное совещание членов Экономического отделения Института, где внес предложение учредить штатную кафедру философии и на ее заведование выдвинул кандидатуру С. Л. Франка как единственного русского философа, обладающего соответствующим образованием в

области общественных наук. Он считал необходимым расширить научный горизонт студентов-экономистов солидной философской подготовкой. Предложение было отклонено, большинство членов отделения не имели никакого интереса к философии, для них более важным было открытие новых специальных кафедр.

В 1917 г. Струве предложил реформировать Экономическое отделение — первую высшую экономическую школу России, которая, с его точки зрения, имела научный характер. Его проект был продуман и соответствовал мировоззрению автора. Он исходил из того, что «в хозяйственной и социальной жизни нашего времени регулирование отношений властью получает все большее значение», что «в ближайшем будущем в новой России» развитие органов государственной власти и местного самоуправления, перед которыми открываются «безграничные возможности», сильно пойдет вперед. Поэтому Струве хотел продвинуть и развить Отделение, упрочить тот принципиальный путь, по которому оно изначально исторически развивалось, «извлекая отсюда все необходимые выводы», а не просто вернуться к первоначальному плану, как это предлагал А. С. Посников. По проекту Петра Бернгардовича со второго курса экономический факультет должен был иметь два отделения — государственное и экономическое.⁸ Этим разделением и широким развитием альтернативно-обязательных курсов предполагалось преодолеть многопредметность и многоэкзаменационность и добиться большего соответствия факультета своему предназначению в новых складывающихся условиях, когда потребность в экономически широко образованных государственных и муниципальных служащих стала наиболее актуальной.

Проект Струве встретил возражение многих профессоров, появились другие проекты. В итоге созданная по этому поводу комиссия решила упразднить в качестве обязательных естественнонаучные и технические дисциплины и сократить юридические науки. Таким образом, возникла обязательная специализация и утрачивалось первоначальное своеобразие Отделения. Однако вопрос решен не был, а в 1918 г. перешел уже в совершенно иную плоскость. Разруха текущей учебной жизни все более усугублялась.

12 февраля 1917 г. П. Б. Струве в качестве докторской диссертации защищает небольшую по объему вторую часть работы «Хозяйство и цена» в провинциальном тогда Киевском университете. 13 мая его избирают действительным членом РАН по политической экономии и статистике. 11 июля этого же года утвержден министром торговли и промышленности России и на очередное пятилетие ординарным профессором Петроградского политехнического института одновременно с Н. Д. Зелинским и С. П. Тимошенко.⁵ Его творче-

ская жизнь никогда не укладывалась в рамки только научной и преподавательской деятельности. Можно только предполагать, каких высот он мог бы достичь в своей научной деятельности, отдавшись ей целиком и безраздельно.

Политика также была его жизненной потребностью. С 17 апреля по 20 мая 1917 г. Струве работал в должности директора Экономического департамента МИД в правительстве П. Н. Милюкова, покинул этот пост вместе с отставкой последнего. Принимал участие в Московском совещании. Создал «Лигу защиты русской культуры». Это его последняя в России общественная акция — попытка оградить русские культурные ценности от надвигавшегося хаоса в государственном режиме.

В ноябре 1917 г. П. Б. Струве покинул Петроград и, как оказалось, навсегда. Во время своей длительной второй эмиграции он возвращался к преподавательской и научной работе, но это было уже не то, чем занимался он в Политехническом институте, о котором всегда вспоминал с благодарностью и волнением.

В обширной профессорской квартире на территории Петроградского политехнического института, предоставленной ему в 1916 г., осталась его любимая библиотека, которая обрела свое пристанище именно в Политехническом институте. Надо сказать, что сам факт существования этой библиотеки медленно воспринимается научной общественностью, воспитанной без обращения к ней как источнику. Более того, небольшая, но а priori любопытная часть ее, по имеющимся сведениям попавшая в РНБ, до сих пор не выявлена. Библиотека, конечно, пострадала и понесла потери, однако все книги снабжены аккуратным штемпельным экслибрисом с указанием нумерации, позволяющей оценить ее численность в 13 500 томов. Из них в Политехническом институте сохранилось около 9000 книг, в том числе около третьей части книг — на русском языке, остальные — на общеупотребительных европейских языках: немецком, французском, английском; значительная часть книг — на латыни и греческом; были книги и на польском языке. Примерно 2000 книг из приведенного количества вошло в огромный фонд библиотек. В протоколах Ученого совета института есть запись от 1952 г.: «...лежат неразобранными 10000 томов библиотеки Струве». Конечно, все оценки достаточно приблизительны. Тем не менее основная часть собрания хранится в Политехническом институте. На протяжении долгих десятилетий она была скрыта от исследователей, размещалась в отдельном служебном помещении Фундаментальной библиотеки и только в конце 70-х г. была каталогизирована. Для истории культуры библиотека Петра Бернгардовича Струве в 80-е гг. «нашлась». ⁹ Струве создавал свою библиотеку на протяжении всей жизни, и она была

для него творческой лабораторией, необходимейшим инструментом мыслителя-ученого, каким он был по своей сути. Она была его полновластным творением и особым, закрытым для других миром.

Сегодня ближайшей задачей-минимумом являются создание полного каталога библиотеки П. Б. Струве с учетом всех возможных сохранившихся частей собрания и исследование маргиналий на имеющихся экземплярах. Биографы Струве, несомненно, нашли бы здесь немало интересных подробностей. Следовало бы реконструировать библиотеку и создать на ее основе мемориальный музей П. Б. Струве в Санкт-Петербургском техническом университете (нынешнее название Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого). Сегодня удалось установить адреса, по которым проживал П. Б. Струве в Петербурге: Таврическая, 23 (1906); Лесное, Б. Спасская ул., д.5 (1906–1913); Нюстадская ул., д.6 (1913–1916); Лесное, Дорога в Сосновку, 2-й профессорский корпус (1916–1917). Пока же только установлена памятная доска на доме в Перми, где родился П. Б. Струве. Очевидна актуальность и востребованность его трудов в нашей стране. Переиздаются его работы, защищаются диссертации с переоценкой его творческого наследия.

- ¹ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова. 1956.
- ² Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 62.
- ³ Пивоваров Ю. Крестоносец русской свободы // Литературное обозрение. 1990, № 12.
- ⁴ ИДА. СПб. Ф. 3121. Оп. 12. Д. 673.
- ⁵ РГИА. Ф. 25 Оп. 1. Д. 5345.
- ⁶ СПб. Политехнический институт Имп. Петра Великого: Юбилейный сб., 1952.
- ⁷ СПб. Политехнический институт. Сб. № 2. Нью-Йорк; Париж, 1958.
- ⁸ Петров Е. Н. Очерк истории экономического факультета Политехнического института за 25 лет // Известия экономического факультета. Вып.1. 1928.
- ⁹ Чепарухин В. В. Искатель истины и его собрание // Библиотека. 1995. № 7.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ
П. Ф. ЛЕСГАФТА

Имени П. Ф. Лесгафта в России повезло намного больше, чем именам многих достойных ученых немецкой национальности. Его опередившие время достижения использовали в своем научном и практическом опыте тысячи его последователей в XIX в., а также на протяжении всего XX в. И даже годы сталинской реакции, перечеркнувшие или искажившие учения многих прогрессивных деятелей, не только не уничтожили научные и практические результаты деятельности П. Ф. Лесгафта, но и дали мощный толчок для развития новых научных направлений, с одной стороны, и небывалых массовых физкультурно-спортивных достижений, с другой.

Петр Францевич Лесгафт родился в 1837 г. в Санкт-Петербурге. С серебряной медалью он закончил и гимназию в 1856 г., и Медико-хирургическую академию в 1861 г. В Академии молодой ученый начал работать у известного анатома профессора В. Л. Грубера. Здесь он защитил в 1865 г. диссертацию на степень доктора медицины и в 1868 г. — на степень доктора хирургии.

В 1868 г. Лесгафт приглашается в Казанский университет в качестве экстраординарного профессора и заведующего кафедрой физиологической анатомии. Первые занятия со студентами определили их отношение к молодому профессору. Он стал одним из авторитетных и любимых наставников.

После увольнения из Казанского университета за критические выступления в печати, направленные против реакционной профессуры, в 1871 г. Лесгафт вернулся в Петербург. Его интересует проблема образования взрослых, и он приступает к руководству кружком женщин, впервые допущенных к занятиям в Медико-хирургической академии.

В 1874 г. уже как крупного авторитетного ученого его приглашают на работу в Главное управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ) с целью улучшения работы по физическому воспитанию. Для выполнения научно-педагогического задания этого управления Лесгафт был командирован в 1875–1876 гг. в учебные заведения различных типов Западной Европы, где он посетил 26 городов в тринадцати государствах. Результаты этой командировки позволили ему сравнить немецкую и шведскую системы физического воспитания с

собственной системой, которая апробировалась им во 2-й Петербургской военной гимназии, а также написать серьезный труд «Приготовление учителей гимнастики в Западной Европе».

Впервые в 70-х годах П. Ф. Лесгафтом было проведено исследование физического состояния воспитанников петербургских военных гимназий, где использовали его работу «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста».

В 1877 г. П. Ф. Лесгафт продолжает свою деятельность по образованию взрослых. В соответствии с планом ГУВУЗа он организовал при 2-й Петербургской военной гимназии двухгодичные учебно-гимназические курсы. Значимость этих курсов трудно переоценить. Ученый обеспечивал переподготовку педагогов на основе последних достижений в области естественных наук и в связи с этим новых подходов к физическому развитию подрастающего поколения.

В 1885–1886 гг., наряду с теоретической работой и написанием новых книг, Лесгафт принимает ведущее участие в организации шестимесячных курсов «фехтовально-гимнастического кадра» для офицеров и врачей русской армии (войск гвардии и Петербургского военного округа), где три раза в неделю читал «Теоретический и практический курс гимнастики для военных».

Передового ученого и практика, помимо его теоретических работ, волнует проблема физического воспитания детей и подготовка к этой деятельности воспитателей и семьи. В 1896 г. он открывает Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования. В программу обучения, кроме лекций самого Лесгафта, для расширения кругозора слушателей и гармонического их обучения вводились лекции выдающихся ученых и общественных деятелей того времени: А. Ф. Иоффе, М. М. Ковалевского, Н. М. Книповича, А. А. Ухтомского, Е. В. Тарле и др.

В 1905–1906 гг. после закрытия курсов Лесгафт создал Вольную высшую школу, которая продолжила традиции заложенной системы образования взрослых в России.

Проблема образования взрослых касалась почти всех аспектов исследовательской и практической деятельности П. Ф. Лесгафта. Медик по образованию, он с первых шагов своей научной деятельности заявил о себе как о педагоге, умеющем донести новые знания до широких кругов специалистов и общественности в любых формах (лекции, привлечение к исследовательской работе, новые образовательные структуры, печатные органы и т.д.).

Отработанное им учение позволяло комплексно взглянуть на человека (с учетом данных наук того времени), увидеть его физическую, духовную, нравственную сущность, определить возможные пути развития внутренних сил личности. При этом для П. Ф. Лесгафта

та было характерно использовать принцип непрерывности в образовании, без соблюдения которого невозможно постоянное совершенствование человека. Ученый являлся инициатором всестороннего и глубокого исследования вопросов физического воспитания в Санкт-Петербургской военной гимназии, главным из которых был вопрос о динамике развития личности.

П. Ф. Лесгафт считал, что в образовании взрослых людей важное значение имеют два аспекта: во-первых, знания, необходимые воспитателю, учителю, офицеру, родителю для их работы с молодыми людьми на основе новых данных об их физическом развитии, нормативах, соответствующих возрасту, и т.д.; во-вторых, знания, необходимые взрослому для его собственного совершенствования, которое далеко выходило за рамки только физического развития, в значительной степени оно было связано с ориентацией на труд, самовоспитанием, осмыслением жизненного пути и высокого назначения человека.

П. Ф. Лесгафт выработал наиболее адекватный механизм для реализации своих идей в системе образования того времени. В его научной и практической деятельности можно выделить следующие этапы: исследование физического развития человека (в том числе и в сравнении с западно-европейскими показателями); определение путей возможного совершенствования физического развития личности на протяжении всей жизни; разработка нормативной базы, позволяющей учебным заведениям руководствоваться современными для того времени стандартами и создавать соответствующие условия внутри учреждений; подготовка воспитателей, офицеров, медиков, выполняющих педагогические (воспитательные) функции в учебном заведении; расширение базы исследований по физическому развитию (Санкт-Петербургская биологическая лаборатория); пропаганда нового опыта не только в Санкт-Петербурге, но и за его пределами.

Наряду с тщательной вертикальной проработкой механизма реализации концептуальных положений его деятельности, определением путей прохождения идеи от высокой теории до практического осуществления П. Ф. Лесгафт четко выделял горизонтальные связи с другими науками и образовательными структурами с учетом специфики учреждений, обслуживающих разные возрастные группы, а также другими государственно-общественными организациями.

Создавая собственные программы обучения, П. Ф. Лесгафт с первых шагов преподавательской деятельности занимался отбором передовых достижений анатомии, физиологии, гигиены, психологии, педагогики, подчиненных определенным целям. При этом предусматривалось обязательное всестороннее внимание к человеку и гуманное к нему отношение.

Анализируя образовательную деятельность П. Ф. Лесгафта со взрослыми с современных позиций, можно сказать, что при отборе содержания обучения им использовался дифференцированный подход, учитывающий функциональные обязанности (учителей гимнастики, воспитателей, офицеров), базовое образование (педагогическое, медицинское, военное), а также степень тяготения к дальнейшей исследовательской и практической деятельности.

Центром специальных образовательных структур, которые создавались по инициативе П. Ф. Лесгафта, была Петербургская биологическая лаборатория, оборудованная с учетом требований того времени, имевшая свой музей и печатный орган «Известия Санкт-Петербургской биологической лаборатории», сорок выпусков которых были отредактированы П. Ф. Лесгафтом.

Созданное «Общество содействия физическому развитию» ориентировало население всех возрастов на новые образовательные и досуговые формы жизни. В год смерти П. Ф. Лесгафта (1909) было получено разрешение на открытие при Санкт-Петербургской биологической лаборатории Естественно-исторических курсов общества народных университетов.

Медико-педагогические основы образования взрослых и исследования в области физического воспитания были разработаны настолько глубоко и с учетом перспективы, что после смерти Петра Францевича многочисленные последователи продолжали развивать его учение.

Сказал свое слово П. Ф. Лесгафт и в области организационных форм образования взрослых. Наряду с лекциями, которые были особенно актуальны в связи с необходимостью усвоения слушателями нового теоретического материала в достаточно большом объеме, усиливалось внимание к различным практическим занятиям и эксперименту. При этом использовались разработанные им классификации и нормативы, что обеспечивало фундаментальную подготовку слушателей к практической работе. Это обстоятельство делало в целом учение Лесгафта жизненным и перспективным.

Однако следует отметить, что не все в его учении однозначно оценивалось официальной наукой в последующие годы. Гипертрофированный интерес именно к проблеме физического образования человека оставлял в тени такой ценный в общепедагогическом плане аспект его учения, как гармоническое развитие личности на протяжении всего жизненного пути. В меньшей степени использовались его идеи о роли методов и средств физического развития, обучения и воспитания личности, начиная с младенчества, роли взрослого в развитии ребенка и в силу этого необходимости его постоянного самосовершенствования и др.

Заслуженный успех П. Ф. Лесгафта был во многом обусловлен особыми качествами его личности. Острый ум, инициативность, глубокая заинтересованность в деле, потрясающее трудолюбие и доброжелательность, умение служить людям заставляли его, крупнейшего ученого, заниматься организационными делами, без чего вряд ли была возможна реализация его идей в России на таком высоком уровне. Его интересовало все: принципы организации учреждений, разработка учебных программ, активность и вовлеченность слушателей в педагогический процесс.

Общественный резонанс, который вызвало учение П. Ф. Лесгафта, был связан с особым проявлением интереса к нему специалистами военной педагогики. Работа в области образования взрослых свидетельствовала о больших возможностях для подготовки как военно-педагогических кадров, так и специалистов непосредственно для армии.

Можно предположить, что государственный интерес к П. Ф. Лесгафту в советский период, начиная с 20-х годов, был связан с возможностью иметь еще один стимул для массового сплочения народа на определенной идеологической платформе, а также для физкультурно-спортивной подготовки населения, что всегда являлось основой для совершенствования боеспособности любой армии.

Актуальны разработки Лесгафта и в настоящее время в связи с подготовкой спортсменов разного уровня, в том числе и международного класса, а также педагогов-практиков. Центром исследовательских работ и практической деятельности является Государственный институт физической культуры и спорта имени П. Ф. Лесгафта, который был создан на базе Санкт-Петербургской биологической лаборатории.

Е. П. Миклашевская, Я. А. Шнейберг

К. А. КРУГ — ОСНОВАТЕЛЬ МОСКОВСКОЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В старинном историческом районе Москвы Лефортово (Немецкая слобода), который в конце XVII — начале XVIII вв. был известен как центр деловой и культурной жизни иностранцев, а позже как месторасположение императорских резиденций, в XX в. стал формироваться центр электротехнической науки и промышленности. Зарождение московской электротехнической школы относится к 1905 г., когда в Московском высшем техническом училище, размещавшемся

в бывшем Слободском дворце Немецкой слободы, появился курс электротехнической специализации, который в 1918 г. оформился в электротехнический факультет. Первым деканом этого факультета стал уже тогда известный ученый и педагог, выпускник МВТУ 1898 г. Карл Адольфович Круг. В 1930 г. на основе этого факультета был создан новый специализированный энергетический институт. По ходатайству группы видных ученых во главе с К. А. Кругом этому институту в 1934 г. были выделены средства и земля здесь же в Лефортово для строительства современного учебно-научного центра, ставшего впоследствии известным во всем мире высшим учебным заведением под названием МЭИ (Московский энергетический институт). Рядом расположился всемирно известный научный центр — Всесоюзный электротехнический институт. В Лефортово возникло и первое в Москве промышленное кабельное предприятие — завод «Москабель», который был построен в 1910 г. и назывался до 1933 г. «Рускабель». В становлении и развитии всех этих и многих других учреждений электротехнического профиля в Москве самое непосредственное и деятельное участие принимал профессор К. А. Круг — ученый с мировым именем и безупречной репутацией. На одном из корпусов МЭИ установлена мемориальная доска с надписью: «Здесь работал профессор Карл Адольфович Круг (1873–1952 гг.), выдающийся деятель советской электротехники, один из основоположников МЭИ». Судьба ли, случай ли распорядились так, что выходец из немецкой семьи стал основателем московской электротехнической школы.

Чрезвычайно интересна родословная К. А. Круга.* Он родился в маленьком украинском городке Немирове в семье агронома Адольфа Карловича Круга (1824–1877), который в поисках работы приехал сюда в 1872 г. Предки его жили в прусской провинции Саксонии, где-то в районе Торгау, Лейпцига и Биттерфельда, но в каком месте точно К. А. Круг не знал. Однако стараниями профессора МЭИ Л. Д. Белькинда (*Белькинд Л. Д.* Карл Адольфович Круг. М., 1956.) удалось обнаружить сведения о прадеде К. А. Круга, которые он разыскал в издании Meyers Konversations-Lexikon, 6. Vorlage. В. XI. Leipzig, 1904. Вот эти интереснейшие данные, которые приводятся дословно: «Вильгельм Трауготт Круг родился 22 июня 1770 г. в м. Радисток, Гrefенхайнинхен, это место и сейчас существует на ж.д. линии Берлин-Галле, примерно в 25 км от Биттерфельда, на таком же расстоянии от Виттенберга и в 50 км от Торгау. [Таким образом, место рождения В. Т. Круга соответствует тем отрывочным

* Авторы признательны доценту кафедры теоретических основ электротехники МЭИ Л. П. Соболевой за предоставленную возможность воспользоваться материалами ее личного архива.

сведениям, которые дошли до нас.] Он скончался 13 января 1842 г. в Лейпциге. Он был профессором философии и в 1801–1804 гг. состоял в университете во Франкфурт-на-Одере. В 1804 г. после смерти Канта он был приглашен в Кенигсберг, где занял бывшую кафедру Канта и пробыл профессором философии до 1809 г., когда переезжает в Лейпциг. Это было время Наполеоновских войн, и В. Т. Круг, будучи почти 40 лет от роду, вступает в армию, получает чин ротмистра саксонских конных егерей и участвует в войне за освобождение. Он оставался некоторое время на военной службе, но в 1834 г. уходит от всех дел и сосредотачивает свое внимание на философии, которой отдает полностью последние 8 лет жизни. Находясь на военной службе, он не покидал занятий философией и много публиковал трудов философского, публицистического и теологического направления». В. Т. Круг был популяризатором критической философии с точки зрения «здорового смысла», ревнителем свободомыслия и просвещения, полемизировал с Фихте, Шеллингом, Гегелем и левыми гегельянцами (Руге). Из множества его сочинений наиболее значительны «Logik oder Denklehre», (3-е издание 1828 г.) и «Handbuch der Philosophie» (3-е издание 1827 г.).

Естественно, что столь знаменитые предки определили традиции и нравственные устои последующих поколений. К сожалению, отец Карла Адольфовича умирает в 1877 г., когда мальчику было всего 4 года. Мать Леония Федоровна — по происхождению прибалтийская немка — занимается преподаванием немецкого языка (кстати, в семье всегда говорили по-немецки). После смерти мужа она, получив приглашение работать бонной, перевозит семью в Москву, где и поселяется на одной из Гороховых улиц бывшей Немецкой слободы. Вторым браком Л. Ф. Круг была замужем за Шмидтом, умерла в 1937 г. и похоронена на Немецком кладбище в Лефортово.

После окончания в 1892 г. гимназии Карл Адольфович поступает на механическое отделение Московского высшего технического училища и уже в студенческие годы проявляет интерес к электротехнике, участвуя в разработке проектов электрического освещения московских предприятий. Ему приходилось жить на собственные средства — он давал уроки по физике и математике, работал токарем в механическом цехе Мытищинского вагоностроительного завода.

После успешного окончания МВТУ в 1898 г. Карл Адольфович был командирован в Германию для ознакомления с состоянием электропромышленности за рубежом и подготовки к преподаванию электротехники. После года упорной работы в Дармштадском высшем техническом училище Кругу было присвоено звание инженера-электрика и выдан диплом. На следующий год он вначале обучался в Шарлоттенбургском высшем техническом училище, а затем почти

полгода работал монтером на одном из берлинских электромеханических заводов.

После возвращения в Москву Карл Адольфович около 5 лет работал преподавателем физики и лаборантом физического кабинета (электротехническая лаборатория находилась еще в стадии становления) и одновременно экстерном сдавал экзамены на физико-математическом факультете Московского университета. В 1903 г. получил третий по счету за 5 лет диплом. Блестящее образование и необыкновенная работоспособность позволили К. А. Кругу стать не только виднейшим ученым и педагогом в области электротехники, но и инженером государственного масштаба.

Одним из центральных событий в творческой жизни Карла Адольфовича было участие его в разработке и реализации Государственного плана электрификации России — ГОЭЛРО. Он член комиссии, руководимой Г. М. Кржижановским, активный разработчик нескольких разделов этого плана и член Госплана СССР с 1921 по 1930 гг. К этой деятельности К. А. Круг был серьезно подготовлен своим участием в работе Топливного комитета, который решал задачи, связанные с недостатком топлива и электроэнергии для промышленности. Результатом его работ в теплосиловом хозяйстве была монография «Электрификация центрального промышленного района России», изданная в 1918 г.

Карл Адольфович понимал, что для решения задач электрификации необходима подготовка молодых специалистов, и поэтому очень много времени отдавал педагогической работе. Он не только организатор электротехнической высшей школы — декан первого электротехнического факультета, а затем один из создателей первого энергетического института страны, но лектор и методист. Поистине энциклопедические знания Карла Адольфовича позволили ему многие годы читать такие разнообразные дисциплины, как «Электрические машины», «Электрические измерения», «Техника высоких напряжений», «Радиотехника». До последних дней своей жизни он руководил в МЭИ кафедрой теоретических основ электротехники. Эта учебная дисциплина сложилась в высших учебных заведениях СССР в значительной мере под влиянием известной книги Карла Адольфовича «Основы электротехники»: первое издание книги вышло в свет в 1916 г., она переиздавалась в течение 30 лет еще 5 раз, каждое последующее ее издание значительно перерабатывалось. Этот фундаментальный учебник — настольная книга многих поколений студентов, аспирантов и инженеров-электриков. Учиться у Карла Адольфовича было всегда интересно, потому что он не только знал современное состояние электротехники, но и умел «заглянуть в будущее»; одним из первых начинает научную разработку проблем передачи электро-

энергии на сверхдальние расстояния. Член-корреспондент Академии наук СССР Карл Адольфович Круг с 1937 г. заведует лабораторией, а затем электротехническим отделом Энергетического института АН СССР, по его инициативе в 1947 г. организовывается Научно-исследовательский институт постоянного тока.

Карл Адольфович имел безупречный авторитет ученого и педагога, и это прекрасно сочеталось с его доброжелательностью, мягкой неторопливой речью, вниманием к словам собеседника, желанием помочь, особенно тому, кто брался за новую и нелегкую работу. Глядя на монументальную фигуру Карла Адольфовича, с трудом можно было представить себе, что он очень любил спорт, был неплохим фигуристом и лыжником, увлекался альпинизмом. В 20-х годах, уже в зрелом возрасте, получает права мотоциклиста — по тем временам это вызывало крайнее удивление. Спорт, конечно, помог Карлу Адольфовичу сохранить великолепную работоспособность до последних дней жизни, а он чуть-чуть не дожил до 80-ти лет.

Большой и красивый человек К. А. Круг оставил на земле такое же красивое потомство — сына и двух дочерей, передав им свою увлеченность электротехникой. Герман Карлович Круг — крупный ученый в области автоматики и вычислительной техники, доктор технических наук профессор МЭИ, до последних дней заведовал кафедрой автоматики МЭИ. Наталья Карловна Круг работала на кафедре теоретических основ электротехники, основанной ее отцом, доктор технических наук. Елена Карловна Круг также доктор технических наук, электротехник, успешно трудится в Российской Академии наук. Такова жизнь, деятельность и судьба замечательного русского немца Карла Адольфовича Круга — основателя московской электротехнической школы, прожившего всю свою жизнь в Лефортово (Немецкая слобода) и много сделавшего для славы России. Прах К. А. Круга покоится на Немецком кладбище в Лефортово.

НЕМЕЦКИЕ ШКОЛЫ И УЧИТЕЛЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Н. П. Ульянов

ПЕТРИШУЛЕ — СТАРЕЙШАЯ ШКОЛА ПЕТЕРБУРГА

Среди многообразных частных учебных заведений старого Петербурга особое и весьма заметное место занимали училища при лютеранских церквях. Они были собственностью церковных общин, создавались и содержались исключительно на их средства. Не без основания эти училища назывались немецкими, ибо именно немцы составляли большинство прихожан.

Таких училищ, или школ, было четыре. В порядке возникновения: при Petrikirche на Невском, при Annenkirche на Кирочной, при Реформатской церкви на Мойке и при Katharinenkirche на Большом пр. Васильевского острова. По названию церкви соответственно назывались и школы.

Они были похожи по структуре и методике преподавания, но у каждой были характерные черты, свой путь развития. Все они могут считаться главными точками приложения немецкой педагогики в столице России — педагогики, оказавшей значительное влияние на школьное дело в XVIII, XIX и начале XX в. не только в нашей стране.

Почти 300-летнюю историю имеет первая из них — Petrischule, которая по праву считается старейшей школой города.¹ Она всего на шесть лет моложе Петербурга. Первое упоминание о ней найдено в письме адмирала К. Крюйса к царю Петру, датированном 1709 годом. Адмирал, приглашенный из Голландии в 1697 г., был одним из главных помощников царя в деле создания русского флота. В этом письме и других документах он пишет о том, что школа и деревянная церковь в честь св. Петра, стоящая на его участке, устроены на его собственные средства. Участок с домом адмирала находился на месте, где позднее был построен Новый Эрмитаж.

Крюйс как глава первой в городе лютеранской общины, согласно европейской традиции, заботился о нуждах прихожан. Одной из

главных забот было обучение детей моряков и корабельных мастеров, составлявших значительную часть общины. В созданной им начальной школе их обучали чтению, письму, счету и закону божьему. С самого начала ее посещали также и русские дети. История сохранила имя первого учителя — им был боцман голландского, а потом и российского флота Корнелиус Корнелиссен. В расходной церковной книге за 1710-й год записано, что он получил 40 рублей годового жалования.

Первые годы и десятилетия были для школы весьма трудными. Учителями оказывались случайные люди. Не было своего помещения, школа ютилась то в доме пастора, то в частных домах немецкой слободы. Только в 1735 г., после отвода нового участка для церкви между Большой и Малой Конюшенными улицами, был построен небольшой деревянный дом для школы и учителей, на том углу, где сейчас аптека (Невский, 22). Но это мало изменило положение. По-прежнему прихожане-родители были недовольны школьными порядками: беднейшие жаловались на высокую плату за обучение, а состоятельные — на скудость даваемых школой знаний. Постоянные раздоры между пасторами, хотевшими подчинить себе школу, и учителями не способствовали ее благополучию. К середине XVIII в. школа пришла в упадок, хотя в ней уже было четыре класса. Учителей, вместе с ректором, было столько же. Некоторое время ректором был Иоганн Литке (дед будущего адмирала и Президента Академии наук Ф. П. Литке), но и он вскоре оставил школу из-за разногласий с пасторами. Церковный совет принял меры к исправлению положения: была составлена новая учебная программа, а в 1760 г. на участке за кирхой начата постройка двухэтажного каменного школьного здания. Из Геттингена на должность пастора был приглашен доктор теологии Антон-Фридрих Бюшинг, которому поручили возгласить школу. Будучи весьма разносторонним человеком с энциклопедическими знаниями (он известен как основоположник экономической географии), Бюшинг внес много нового и полезного в учебные планы, в частности преподавание естествознания, физики, основ гигиены, домоводства и, что особенно знаменательно, русского языка для всех учащихся. Он считал, что иностранцы, живя в России, должны чувствовать себя гражданами этой страны. Преподавать закон божий он поручил русскому священнику. Позднее для учеников католического и иудейского исповедания приглашались ксендз и раввин. За особую плату детей обучали музыке, танцам, пению и рисованию.

В 1762 г. было закончено новое здание школы, основная часть его существует до нашего времени. В издававшихся Бюшингом на немецком и русском языках бюллетенях жителям столицы сообщалось о нововведениях в школе, которую он назвал «Школа языков, худо-

жеств и наук» („Die Schule der Sprachen, Kunste und Wissenschaften”). Большое место было уделено языкам — немецкому, русскому, французскому, латыни. Пригласив опытных учителей — русских и из Германии, Бюшинг заложил фундамент той Петришуле, которая стала потом широко известна. Его труды вскоре были замечены Екатериной II, издавшей в 1764 г. указ о принятии школы под свое покровительство. Бюшинг пробыл директором недолго. В 1765 г. из-за конфликта с фельдмаршалом Б. -Х. Минихом, несмотря на просьбу Екатерины II остаться, Бюшинг уехал на родину и вскоре стал директором гимназии в Берлине. Умер он в 1793 г., оставив после себя много научных трудов и благодарную память.

Важной датой в истории школы стал 1783-й год, когда школа была включена в общероссийскую систему народного образования и стала называться «Главным немецким училищем» („Die deutsche Hauptschule zu S-t Petri”). Училище должно было стать ведущим для всех школ России, где учились немцы. С этого времени школа находилась в двойном подчинении — церковному совету и Министерству просвещения России — в части учебных программ. Все кандидатуры учителей подлежали утверждению в С. -Петербургском учебном округе.

На рубеже XVIII и XIX вв. школу возглавлял опытный педагог из Ревеля Йоганн Филипп Вейссе. В Петербургском историческом архиве хранится рукописный журнал, где его рукой внесены почти 4000 фамилий учеников и учениц, принятых в школу за 30 лет — с 1788 по 1818 г. Изучение этого уникального списка позволяет сделать вывод, общий для всей истории Петришуле: это была школа многонациональная и демократичная по составу учащихся. Большинство — дети выходцев из Средней и Северной Европы, а около одной четверти — дети народов, населяющих Россию, в основном русские. Было также много детей от смешанных браков. Ограничений в приеме по национальному или религиозному признаку не было. Как пример можно указать, что здесь в конце XVIII в. учился мальчик Василий Али — сын придворного арапа, т.е. негра. В графе „Stand der Eltern” кратко записано: „Mohr bei Hofe”. В списках встречаются все звания и сословия, кроме крепостного. Большинство составляли дети ремесленников, купцов, служивых людей. Есть и дворянские фамилии, как немецкие, так и русские. За одной партой сын портного мог сидеть с сыном статского советника, дочь полковника — с дочерью унтер-офицера или пивовара.

Сохранились воспоминания о пребывании в школе на рубеже XVIII в. Федора Шуберта, ставшего впоследствии генерал-лейтенантом русской армии, участником войн с Наполеоном, начальником Корпуса военных топографов. Он благодарит школу за вос-

питание и полученные знания, описывает школьные порядки, отличавшиеся гуманностью. Поэтому не кажется случайным, что среди выпускников школы мы находим имена тех, кто спустя 20 лет станут декабристами. Их было пятеро: Фонвизин, Бригген, Вадковский и братья Крюковы. Здесь же учились Горчаков, Данзас, Комовский, Кюхельбекер — братья лицейских товарищей Пушкина и младший брат поэта — Лев. Не означает ли это, что в неписаной «табели о рангах» столичных школ Петришуле стояла рядом с Царскосельским лицеем?

В это время в школе преподавали русскую словесность поэты-радищевцы Попугаев и Борн, литератор Греч, а латынь — учитель Пушкина Александр Галич. Приглашение опытных учителей, многие из которых стали впоследствии видными учеными, профессорами, академиками, обеспечило школе авторитет и известность. В 1832 г. из 25 педагогов 12 были родом из России, 8 — из Германии, 5 — из других европейских стран. Число учащихся за 50 лет увеличилось вдвое и достигло 500. Школа успешно конкурировала с другими учебными заведениями, имея в своем составе мужское и женское отделения. Мужское делилось на гимназическое и реальное подотделения. Кроме того, была начальная школа — *Elementar- или Gemeindeschule*, где обучение для детей членов общины было бесплатным. Такая структура сохранялась до 1918 г., придавая школе универсальный характер. Была еще и коммерческая специализация в составе реального отделения, что делало школу весьма популярной среди русского купечества столицы, так как она давала хорошее знание иностранных языков. На мужском гимназическом отделении изучали пять языков: русский, немецкий, французский, латынь и греческий.

С 1832 г. оканчивающие школу с отличием награждались золотым перстнем вместо медалей, выдаваемых в правительственных учебных заведениях. На синей эмали перстня выделялась монограмма из букв „SP” — „Schola Petrina”, на внутренней поверхности были выгравированы слова: „*diligentiae et probitati*” — «усердию и честности».

В 1836 г. школу приравнивали к государственным гимназиям и училищам, учителя получили право на награды и пенсии, а выпускники — равные со всеми возможности при поступлении в высшие учебные заведения и призыве на военную службу.

С начала XIX в. складывается добрая традиция школьного товарищества, уважения к школе и учителям. Создаются общества взаимопомощи учителей, бывших питомцев. Здесь сказалась немецкая, или вообще европейская, корпоративность учебных заведений.

Устраиваются ежегодные встречи. Они проводились, подобно лицейским, в октябре — в годовщину постройки школьного дома. В 1862 г. был отпразднован его столетний юбилей. Фактически это совпало с 150-летием школы. К этой дате были изданы история школы и список учеников за 100 лет. Такой же список был выпущен в 1912 г. к 200-летию. Кроме того, в 1887 г. был издан список всех учителей начиная с 1710 г. Вряд ли какая-либо школа России может похвастать столь подробными данными о своем прошлом.

Здесь невозможно перечислить имена всех выпускников, оставивших заметный след в истории науки и культуры. Вот только некоторые из них (в хронологическом порядке): известный в Германии литератор Форстер, зодчие Росси и Тон, партизан 1812 г. Фигнер, историк генерал-лейтенант Михайловский-Данилевский, академик живописи Сверчков, врач и педагог Лесгафт, врач Раухфус, композиторы Мусоргский и Шенк, ваятели Бах и Залеман, исследователь Африки Юнкер, химики Меншуткин и Бейльштейн. Перечислить имена средней величины нет возможности, скажем только, что за 200 лет (до 1912 г.) школа дала России много тысяч хорошо подготовленных к жизни молодых людей. Вот дарственная надпись выпускника 1912-го года Г. Крыжицкого на книге его воспоминаний: «Школе, которая приучила меня к труду». Хотя в те времена она не называлась «трудовой», учителя хорошо владели искусством воспитания и обучения!

Напомним имена выпускников, которые сами стали потом незаурядными педагогами. Это директора известных петербургских учебных заведений: Карл Май, Эмилия Шаффе, Вильгельм Лемониус, Максимилиан Месмахер — директор Училища Штиглица (он же строил здание музея училища), Петр Мухачев — директор Харьковского технологического института, Петр Паутов — директор Уральского горного училища.

Большой материал по истории школы мы находим в издававшихся с 1857 по 1913 г. годовых отчетах — „Jahresberichte der deutschen Hauptschule zu S-t Petri”. Они содержат подробнейшие статистические сведения, списки учителей, а также интересные рефераты педагогов. Например, в 1875 г. физик Миттеллахер излагает теорию строения материи, знакомит с миром атомов и молекул, происхождением небесных тел, энергией солнца.

В 1870-х г. число учащихся достигло тысячи. Архитектору академику Александру Пелю (выпускнику 1826 г.) был поручен проект надстройки 4-го этажа, а также пристройки флигеля со стороны внутреннего двора, где разместились: внизу гимнастический зал, выше — двусветный актовый, украшенный уникальными изразцовыми

печами XVIII века, над ним — на 4-м этаже — конференц-зал и библиотека. Архитектор выполнил эту работу безвозмездно, в 1877 г. строительство было завершено. В этом новом облике школа вступила в XX век, став самой большой школой России, о чем поведал в 1906 г. на торжественном акте директор А. Натинг. Тогда в ней было более 1600 учеников и учениц и до 80 учителей.

Особо следует сказать, что с начала XIX в. школа была вовлечена в интеллектуальную жизнь столицы. В ее стенах с 1800 г. проводились заседания Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Несколько учителей школы были его членами. В актовом зале проходили многолюдные собрания, концерты, вечера. В 1861 г., когда правительство закрыло Петербургский университет, историк Костомаров читал здесь лекции студентам. Здесь же проходили заседания Общества немецких врачей, на которых с докладами много раз выступал хирург Пирогов. На концертах бывали Чайковский, другие известные музыканты. Зал, обладающий прекрасной акустикой, использовали Немецкое хоровое общество и Общество любителей духовой музыки «Геликон».

Кульминацией развития Петришуле можно считать ее 200-летие в 1912 г. Праздник длился несколько дней. Ставились спектакли силами учащихся, на трех языках. Был торжественный вечер и бал в дворянском собрании (теперь — Большой зал Филармонии). Присутствовали сотни бывших учеников, учителя, представители лютеранской церкви и петербургской общественности.

А через два года грянула мировая война. По-разному, иногда трагично, складывались судьбы питомцев школы. Подданные Германии и Австро-Венгрии, выехавшие до войны на родину, были призваны в армию и воевали против России, в которой выросли и которую считали своей второй родиной. Те из них, кто остался в России, были интернированы до конца войны. В то же время многие бывшие выпускники школы, потомки немцев, издавна служивших на «государевой службе», призванные в русскую армию, доблестно сражались против немцев, воевавших на стороне кайзера Вильгельма. (На этих примерах, когда «выполняя долг», «уничтожая коварного супостата», по ту и другую сторону фронта сражались немцы-петринеры, видна абсурдность и преступность кровавых трагедий — войн, особенно «мировых», дважды полыхавших на земле в XX веке.)

Мне довелось встречаться и переписываться со многими из них. Вспоминая школу, они с благодарностью называли имена своих учителей, в том числе тех, кто научил их любить великую русскую литературу, историю России, любить многоязычное сообщество россиян, народ, населяющий огромную страну. В свою очередь русские

ученики помнили всю жизнь учителей, открывших им богатства западноевропейской культуры — немецкой, французской, английской.

С началом первой мировой войны жизнь школы изменилась. Все предметы должны были преподаваться только по-русски. Для некоторых учителей это оказалось трудно. Небольшая часть учащихся покинула школу из-за вспышки антинемецких настроений. Вместо них стали поступать дети беженцев из западных губерний. Но учебный процесс не прерывался — ни до, ни после 1917-го года. Директор Эрих Клейненберг (с 1916 г.) сумел провести школу через все трудности военных и революционных лет. Педагогический состав, в основном, сохранился, хотя кое-кто уехал в Прибалтику, спасаясь от голода и разрухи. Были приглашены учителя других немецких школ, оказавшихся в худшем положении, — их здания были заняты лазаретами или воинскими частями.

С осени 1918 г. школа перешла в ведение Наркомпроса, была национализирована. Ее посещал Луначарский. Восстановили преподавание на немецком языке. Изменились программы, вводилось совместное обучение мальчиков и девочек. Все это на фоне огромных трудностей того времени. Не было топлива, мерзли даже в пальто и шубах, чернила замерзали. Случались голодные обмороки. Учитель И. Карлблом умер во время урока. Но делалось все возможное, чтобы занятия не прерывались.

В 1920 г. школу, как одну из немногих действующих, показывали Герберту Уэллсу, стараясь убедить его в том, что жизнь в России продолжается. Затем, в 20-е гг., школа, получившая наименование «единая советская трудовая» (под № 4, затем — № 41), считалась «образцовой» — было тогда такое понятие. Это заслуга директора Э. Клейненберга и инспектора А. Вульфуса, а также результат мастерства, честности и верности долгу всех учителей. Школа, насчитывавшая порой до 2000 учащихся, состояла из двух отделений — немецкого и русского. Но это было деление не по национальному признаку — дети разных национальностей были и тут, и там. Но на русском отделении немецкий язык преподавался как иностранный.

Такое положение сохранялось до 1928 г., когда началась политическая кампания борьбы с «буржуазным западным влиянием и национализмом». Хотя никакого «национализма» ни в немецких, ни в других подобных школах отнюдь не было. Была развернута в печати злонамеренная критика школьных порядков, носившая клеветнический характер. Школу «преобразовали», уподобив всем остальным. Вновь назначенный директор Елецкий начал с того, что уволил более 10 учителей, которые в прошлом учились в Петришуле. Делалось все, чтобы вытравить память о старой школе, ее славном прошлом. Ученики иностранного происхождения могли перейти в другую, вновь

созданную школу с невразумительным названием «Комбинат национальных школ», на Крюковом канале, 15. Там были отделения: немецкое, польское, еврейское и русское. «Комбинат» этот не просуществовал и 10 лет.

Немало учителей Петришуле в 1930-х гг. разделили печальную судьбу многих сограждан — провели годы в ссылке, лагерях и тюрьмах. Вернулись далеко не все. Побывали в «местах, не столь отдаленных», и выпускники, в особенности с немецкими фамилиями.

Но школа в старых стенах жила. Пришли новые учителя, также щедро отдававшие знания и опыт ученикам. Труд их не пропал даром — школа и в 30-е гг. дала многих хорошо подготовленных абитуриентов, ставших затем прекрасными специалистами. Среди них ученые, инженеры и педагоги, артисты, моряки, лауреаты государственных и иных премий, умелые рабочие, изобретатели, врачи, архитекторы, художники, герои труда и войны. Многие питомцы сложили головы на бескрайних полях кровавых битв в 1941–45 гг.

Особо следует выделить выпускников школы разных лет, хорошо владевших немецким языком. Они становились переводчиками, учителями иностранных языков, филологами. В той или иной степени они способствовали воссозданию мирных отношений между русским и немецким народами. Первым Генеральным Консулом Германии (ФРГ) в Петербурге был бывший ученик школы Альфред Блюменфельд, недавно скончавшийся.

Сегодня старая школа на Невском проспекте переживает второе рождение. Восстанавливается преподавание некоторых предметов на немецком языке. Налаживаются контакты со школами Германии, обмен учащимися, взаимная стажировка учителей. Оживают традиции Петришуле, которые не удалось вычеркнуть из истории и жизни. У входа можно увидеть старинное название школы — на русском и немецком — ПЕТРИШУЛЕ!

¹ ЦГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 6. Л. 123, 123 об., 124.

² Büsching A. F. Nachricht von der neuen Schulanstalt beyder hiesigen evangelischen St. Peters-Kirche. SPb., 1762.

³ Büsching A. F. Eigene Lebenserinnerungen. Halle, 1789.

⁴ Lemmerich C. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden St. Petri in St. Petersburg. Band II. Die Schule. SPb., 1862.

⁵ Collins u.a. Namensverzeichnis der Schüler und Schülerinnen der deutschen Hauptschule St. Petri. SPb., 1862.

⁶ Iversen J. Das Lehrpersonal der St.Petrischule, 1710–1887. SPb., 1887.

⁷ Смирнов В., Ульянов Н. Старейшая школа // Ленинградская панорама. 1985. № 6.

⁸ Петербургский гор. ист. архив. Ф. 272 — Петришуле.

⁹ Там же. Ф. 708 — Петрикирхе.

¹⁰ A. Steinberg. Geschichte der Schulen bei der lutherischen St.Petri-Kirche in St.Petersburg. SPb., 1912.

Ю. У. Раковский

Ю. Ф. АДЛЕРБЕРГ —
НАЧАЛЬНИЦА СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА

В 1994 г. Императорскому воспитательному обществу благородных девиц, созданному указом Екатерины Великой и известному как Смольный институт, исполнилось 230 лет. Это было первое государственное женское учебное заведение России, по образцу которого в дальнейшем стали организовываться другие подобные учебные заведения.

В работах по истории женского образования в России, в том числе и Смольного института, изданных до 1917 г., существовали различные оценки роли этого учебного заведения в развитии образования в России — от восторженных отзывов до резкой критики. Отмечалось, что «серьезных знаний у институток не было», что «целые поколения институток отличались наивностью и болезненной сентиментальностью», что, «не получив ни дома, ни в институте никаких прочных знаний, а лишь болезненно настроив свою нервную систему, женщины вступали в жизнь без разумной подготовки, и многие из них представляли каких-то флюгеров, поддавшихся каждому дуновению окружающей их обстановки».¹ В других работах выражалось иное мнение. Отмечалось, что «характер преподавания в Смольном не был сухим и педантичным, уроки были скорее беседами между учителями и воспитанницами. Если русские не могли, — подчеркивал один из авторов, — а некоторые не хотели в силу личных соображений, рисовки или из духа отрицания оценить Смольный, — иностранцы, жившие в Петербурге при Екатерине или приезжавшие в Россию, проявляли к нему огромный интерес и часто давали восторженные отзывы о нем. Они (отзывы. — Ю. Р.) были даны, — замечает автор, — людьми, имевшими возможность сравнивать Воспитательное общество с женскими учебными заведениями на Западе».²

В советское время отношение к Смольному институту было особое. О нем упоминали лишь тогда, когда освещалась история архитектуры Петербурга или «штаба революции», а весьма скромные

сведения об истории Смольного как учебного заведения были исключительно резкого, критического содержания. «Образование, полученное там, — отмечалось в одной из работ, — было вообще слабое, но особенно плохо было поставлено нравственное воспитание... весь дух, царивший в заведении, развивал в детях прежде всего тщеславие и светскость, как с нравственной, так и с физической стороны весь режим был отвратительным».³ Не только искажались первоначальные цели образования и воспитания, но и умалчивались имена руководителей и выпускниц этого учебного заведения.

Между тем в Смольном институте длительное время служили преподавателями и воспитателями представители разных национальностей (в основном французы и немцы), так как опытных национальных кадров преподавателей в то время в России было недостаточно. В Воспитательном обществе благородных девиц, например, первые учителя появились только через восемь лет после основания учебного заведения, т.е. в 1772 г.

В начале XIX в. ведущее место среди преподавателей и воспитателей Смольного института занимали немцы: Амалия Кремпин — инспектриса Смольного института и директриса училища Ордена Святой Екатерины, инспектрисы Смольного — Екатерина Осиповна Крафт, Наталья Карловна Бельгард, сестры Зильберейзен, а также Карл Федорович Герман, генерал Клингер и др. Все они в разной мере внесли свой вклад в становление и укрепление авторитета учебного заведения.

Особое место среди них занимала Юлия Федоровна Адлерберг и не только потому, что она более тридцати лет была начальницей Смольного института, но и в силу своих личных качеств. Именно Адлерберг сумела осуществить замыслы императрицы Марии Федоровны в области реформ образовательных учреждений.

Юлия Федоровна Адлерберг (урожденная Багговут) родилась 15 октября 1760 г. в Ревеле. Известно, что муж ее — полковник Адлерберг — состоял на русской службе, был командиром полка в Выборге, где супруги познакомились с бароном Николаи — доверенным секретарем великого князя Павла Петровича. Данное обстоятельство сыграло в дальнейшем решающую роль в судьбе Юлии Федоровны и ее детей. Рано овдовев, она была рекомендована бароном Николаи ко двору в качестве одной из воспитательниц великих князей — Николая Павловича и Михаила Павловича, оставив о себе, по воспоминаниям современников, добрую память внимательным и заботливым отношением к своим воспитанникам. Следует, правда, заметить, что исследователь царствования Николая I Н. К. Шильдер был другого мнения. Он считал, что Ю. Ф. Адлерберг играла второстепенную роль в начальном воспитании Николая Павловича.⁴ Думается, что

этот вывод историка был связан не с личными качествами Юлии Федоровны, а, возможно, с тем, что дальнейшее образование великих князей после четырех лет, в течение которых Юлия Федоровна была их воспитательницей, было поручено другим лицам.

1802-й год был важным этапом в жизни Юлии Федоровны Адлерберг. Именно в этом году, 12 апреля, по высочайшему указу она была назначена начальницей Общества благородных девиц в Санкт-Петербурге, «с присвоением ей по сему звания, титула превосходительства и с преимуществами ея предместницы».⁵ В 1823 г. она одновременно исполняла еще и обязанности начальницы Санкт-Петербургского училища Ордена Святой Екатерины.

По характеру своему Ю. Ф. Адлерберг не была инициативной, но, будучи человеком слова и долга, она до конца исполнила волю императрицы Марии Федоровны и участвовала в осуществлении реформ женского образования в России.

Императрица Мария Федоровна осталась в истории России как организатор широкой просветительской и благотворительной деятельности. Ее именем впоследствии назван фонд (фонд императрицы Марии, Мариинский фонд и т.д.). Не случайно И. А. Крылов сравнивал деятельность этой императрицы с благодатным солнцем, чьи лучи проникают повсюду.

Нововведения императрицы Марии Федоровны, касающиеся женских учебных заведений России, в том числе и Смольного, с которыми была солидарна Ю. Ф. Адлерберг, ставили целью изменить сам характер воспитательного и образовательного процесса. Если Екатерина II, учреждая сословное женское воспитательное общество, мечтала о новой «породе людей» с четкой общественной ориентацией и поэтому выдвигала на первый план задачи общего, а не профессионального (как при Петре I) образования, ибо была уверена, что необходимо не только развивать науки и искусство, но и «вкоренять в сердца добронравие, произвесть новое порождение, от которого бы прямые правила воспитания непрерывным потоком в потомство переходить могли и создать народное умоначертание»,⁶ являющееся залогом всех политических реформ, то императрица Мария Федоровна имела иное представление об этом. Она считала, что выпускницы женских институтов должны быть хорошими женами, матерями и хозяйками. «Прошу инспектрис, — писала императрица Юлии Федоровне, — приглашать девиц, особенно способных, употреблять эти способности не только для образования ума, но работать для образования сердца и характера».⁷ С этой целью в женских учебных заведениях стали изучать книгу Кемпе «Отеческие советы моей дочери», переведенную с немецкого, заменив книгу его «О должностях

человека и гражданина», рекомендованную с этими целями в екатерининское время. В книге Кемпе прямо заявлялось, что «БОГ и человеческое общество хотели, чтобы женщина зависела от мужчины, чтобы ограничила круг своей деятельности домом. Вообще для женщин, — подчеркивалось в работе, — а для супруги и хозяйки в особенности, совсем не нужны науки и ученые сведения, если она не хочет навлечь на себя справедливое нареkanie и презрение».⁸

Таким образом, мысль императрицы Екатерины, что в воспитанницах «надо посеять любовь к учению», была отодвинута на второй план. При ней женские институты превратились как бы в «профессиональные» учебные заведения, ставящие целью подготовку «женской профессии» — матери, воспитательницы детей, хозяйки дома.

Все эти принципиально новые цели воспитания старались закрепить в лучших женских учебных заведениях России и прежде всего в Смольном институте, которому Комитетом по образованию России отводился особый статус — учебного заведения первого разряда (в дальнейшем этот статус был несколько понижен), в связи с чем значительно изменился сословный характер этого и ему подобных учебных заведений.

В новых условиях изменился и сам подход к принципу сословности. Если Екатерина II придерживалась принципа сословности в проведении своих реформ, но не всегда следовала ему в образовательных начинаниях, учреждая, например, при Воспитательном обществе благородных девиц училище для девушек недворянского происхождения с одинаковыми учебными программами, то императрица Мария Федоровна, внося некоторые изменения в правила приема и организацию учебного процесса Смольного, оказалась последовательным сторонником принципа сословности в деле женского образования и в дальнейшем неуклонно ему следовала. В своих разъяснениях она уточняла: «Признаюсь, что вижу больше неудобства в смешении благородных девиц с мещанскими, ибо несомненно, что обязанности и назначения последних во многих отношениях различествуют от обязанностей и назначения благородных девиц. Приобретение талантов, — продолжает автор, — и приятных для общества искусств, которое существенно в воспитании благородной девицы, становится не только вредным, но и пагубным для мещанок, ибо это ставит ее вне своего круга и заставляет искать опасного для ее добродетели общества... Стало быть, непременно надо их (т.е. благородных и мещанок) разделить».⁹

Следует заметить, что ни то, ни другое направление в воспитании не нашло, да и не могло найти адекватного отражения в выпускниках Смольного института. Они были разные и проявляли себя

по-разному после выпуска и в семье, и в общественной деятельности, а также в науке, культуре, искусстве.

Что же касается Смольного института, то он продолжал оставаться ведущим женским учебным заведением России даже тогда, когда с годами начали открываться подобные учебные заведения в других городах России. Заслуга в этом всецело принадлежала наставницам, которым удавалось в каждой из воспитанниц найти и развить индивидуальные качества. Обязанности Ю. Ф. Адлерберг в этих условиях как начальницы Смольного института были довольно сложными. Ей приходилось долгое время заниматься и воспитательными, и хозяйственными вопросами. Только через десять лет после вступления Юлии Федоровны в должность хозяйственные дела Смольного стали поручаться одному из членов Совета института (некоторое время их выполнял Ф. И. Клиnger, о котором уже упоминалось выше), учебные же дела были в ведении инспектора классов. Это позволило Юлии Федоровне сосредоточиться на кадровых и воспитательных проблемах института.

Однако главная трудность положения Ю. Ф. Адлерберг заключалась в том, что все направления ее служебной деятельности находились под постоянным контролем императрицы Марии Федоровны. Она обязана была в точности выполнять инструкцию, где особо отмечалось, что начальница института должна всегда иметь в виду те условия, в которых придется жить воспитанницам после выхода из учебного заведения, чтобы они не привыкали к мечтательности, не строили иллюзий о будущем, а смотрели здраво и прямо на жизнь и вступали в нее с твердыми нравственными правилами. Юлия Федоровна часто бывала у императрицы с докладами о делах в Смольном, а письменные подробные донесения направлялись в тот же адрес до десяти раз в месяц.

Ю. Ф. Адлерберг точно следовала всем положениям инструкции, но не была простым ее исполнителем. Она отличалась сердечной добротой, находчивостью, жизнерадостностью, верой в свои силы и в возможности своих воспитанниц. Пройдя суровую школу жизни, она искренне любила своих подопечных и те отвечали ей взаимностью.

Юлия Федоровна Адлерберг пользовалась полным доверием императрицы и удостоилась ее дружбы, но данное обстоятельство никак не влияло на решение важных вопросов жизни института. С особой осторожностью, например, Юлия Федоровна подбирала кандидатов на должность классных дам, понимая насколько это важно, и если кандидатура не отвечала ее требованиям, она высказывалась против нее, была тверда даже тогда, когда эту кандидатуру выдвигала сама императрица.

Ю. Ф. Адлерберг не терпела верхоглядства, разболтанности в своих воспитанницах. Она строго следила за тем, чтобы ее подопечные работали в полную силу. «В третьем отделении голубого класса, — писала она в 1833 г., — арифметика шла нехорошо, три воспитанницы были невнимательны, все третье отделение старшего возраста мещанской половины заслужили порицание своею невнимательностью».¹⁰

После кончины императрицы Марии Федоровны опеку над образовательными учреждениями приняла императрица Александра Федоровна. Она с большим уважением относилась к Ю. Ф. Адлерберг, дорожила ее мнением, предоставила ей большую самостоятельность в делах управления Смольным институтом.

В конце жизни, чувствуя, как уходят силы, и беспокоясь о будущем института, которому посвятила жизнь, Юлия Федоровна настойчиво искала преемницу и нашла ее в лице выпускницы Смольного — Марии Павловны Леонтьевой (урожденной Шиповой), которая в 1839 г., после смерти Ю. Ф. Адлерберг, вступила в должность начальницы Смольного института и достойно продолжала традиции, заложенные ее предшественницей.

В память о Юлии Федоровне Адлерберг в 1864 г. (к 100-летию Смольного института) сквер около Смольного был назван ее именем.

¹ *Зинченко Н.* Женское образование в России: Ист. очерк. СПб., 1901. С. 20–21.

² *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц: Ист. очерк. В 2-х томах. Т. 1. Петроград, 1914. С. 290.

³ Смольный: Краткий ист. очерк. Л.: Лениздат, 1965. С. 20–21.

⁴ *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. В 2-х томах. Т. 1. СПб., 1903.

⁵ *Карабанов Н. Ф.* Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII и XIX столетиях // Русская старина. 1871. Т. 3. С. 277.

⁶ *Черепнин Н. П.* Указ. соч. С. 29.

⁷ *Малиновский Н. П.* Очерки по истории женского образования в России // Русская школа. 1914. № 9–10. С. 135.

⁸ *Каптерев П. Ф.* История русской педагогики. СПб., 1910. С. 143.

⁹ Там же.

¹⁰ *Малиновский Н. П.* Указ. соч. С. 144.

В. Г. фон БООЛЬ — ОФИЦЕР И ПЕДАГОГ

Среди многочисленных воспоминаний бывших воспитанников военно-учебных заведений, в большинстве своем профессиональных военных, воспоминания Владимира Георгиевича фон Бооля интересны тем, что их автор — офицер-педагог. Его «Воспоминания педагога» дают историку крайне редкую возможность взглянуть на систему военного образования с позиций не только воспитанника, но и воспитателя. В знаменитом указателе П. А. Зайончковского упоминаются лишь два источника такого рода — воспоминания И. Р. Тимченко-Рубана и Г. Д. Щербачева, но оба названных автора служили на преподавательских должностях относительно недолго, тогда как В. Г. фон Бооль посвятил этой деятельности большую (и лучшую, по его собственным словам) часть своей жизни.

Если в других изданных воспоминаниях круг вопросов обычно ограничивается характеристиками директора корпуса, офицеров и воспитателей, педагогов, описанием кадетского быта и нравов, то в записках В. Г. фон Бооля все эти моменты освещаются одновременно с нескольких сторон. Это и ретроспективный взгляд бывшего кадета, и точка зрения педагога, и профессиональная оценка военного.

Биография В. Г. фон Бооля интересна как достаточно типичная для военного, а затем государственного чиновника, чей формулярный список не содержит данных о головокружительных карьерных взлетах и падениях. Выходец из небогатой семьи эмигрантов из Германии, в раннем детстве оставшийся без отца, он к концу жизни достиг звания генерала от инфантерии и поста члена Государственного Совета.

Свой обширный жизненный и служебный опыт В. Г. фон Бооль попытался отразить в воспоминаниях, которые были подготовлены им к печати и опубликованы уже после смерти автора в журнале «Русская старина» в 1904 г. Тщательная подготовка, стремление акцентировать внимание читателя на наиболее существенных чертах эпохи выгодно отличают его воспоминания от разрозненных дневниковых записей, которые нередко отражают сиюминутные состояния и впечатления человека. Все сказанное свидетельствует об уникальности нашего источника в рамках поставленной проблематики.

В. Г. фон Бооль родился 51 марта 1836 г. (по другим данным, в 1835 г.).¹ В августе 1841 г. он поступил в Александровский малолетний сиротский кадетский корпус. С этого момента и начинается его военно-педагогическая стезя. «Почти всю свою жизнь я провел

в военно-учебных заведениях. С 6 до 20 лет я был кадетом сперва в малолетнем Александровском корпусе в Царском Селе, потом в 1-м Кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, затем два года я пробыл в Артиллерийской академии, потом был на службе в 1-м Кадетском корпусе, в двух военных училищах, в различных военных гимназиях и снова в кадётском корпусе, последовательно в различных должностях». ² Осенью 1859 г. В. Г. фон Бооль после успешного окончания Михайловской артиллерийской академии поступает репетитором физики в 1-й Кадетский корпус и тем самым делает нетрадиционный шаг. По распространенному в те годы мнению, служить в корпусе могли только «слабые», «неспособные» к военной службе или обремененные семьей офицеры. Столь же скептические отзывы у современников получали и офицеры-преподаватели. ³ Этот поступок В. Г. фон Бооля разрушает весьма распространенное представление о свойственном офицерам-немцам стремлении занять высшие должности в армии и в российском государственном аппарате. (Широко известно высказывание прославленного генерала А. П. Ермолова на вопрос о награде: «Государь, сделайте меня немцем».) ⁴ Надо отметить, что сам В. Г. фон Бооль не делал акцента на своем немецком происхождении, а считал себя русским офицером. Что же побудило его избрать столь непопулярный путь? Мы можем назвать несколько причин.

Первой оказалось моральное неприятие одной из неотъемлемых черт строевой службы николаевского времени. В июле 1857 г., в чине прапорщика после окончания 1-го Кадетского корпуса, В. Г. фон Бооль для прохождения службы прибывает в лейб-гвардии Волынский полк, стоявший в то время лагерем под Красным Селом. Командовал полком генерал-майор Дараган. Здесь на молодого офицера удручающее впечатление произвела экзекуция над солдатом, и он, взявшись за книги, принимает решение «держаться экзамен в старший курс артиллерийской Академии и затем более не служить в строю». ⁵

Окончательное же решение о переходе на службу преподавателем его заставила принять «любовь к предмету физики», которым он «особенно занимался еще в корпусе, затем в Академии», и любовь к 1-му Кадетскому корпусу, где будущий наставник кадетов воспитывался в течение 10 лет и «всегда мечтал служить именно в этом заведении и непременно преподавателем». ⁶ Между тем, вступив в должность, В. Г. фон Бооль был поражен словами своих бывших «гражданских» учителей, выражавших ему свое сочувствие: зачем он «променял строевую карьеру на скромную учительскую должность». (Жалованья офицер-преподаватель получал всего 26 рублей в месяц.) ⁷

В. Г. фон Бооль начинает преподавательскую карьеру в сложное, противоречивое время и для России в целом, и для военно-учебных заведений. Оказавшись в корпусе через 3 года после окончания, он обнаруживает в нем резкие перемены: падение дисциплины, открытое неуважение начальства, общая деморализация воспитанников, когда считалось возможным не выполнять даже приказы Государя Императора. Сам В. Г. фон Бооль связывает эти перемены с расколом в обществе после смерти Николая Павловича, с поражением в Крымской войне, изменившим привычный пиетет перед армией и военными и неумением военных педагогов найти правильное решение в деле обучения и воспитания кадет.

Вся служба автора воспоминаний проходила между двумя реформами: 1862–63 гг., получившей название «милютинской», и реформой 1882–83 гг., известной как «контрреформа» П. С. Ванновского. Будучи человеком прогрессивных воззрений, отрицательно относясь к телесным наказаниям и другим жестким мерам воздействия, он тем не менее не все одобрял и в реформе военно-учебных заведений. Взгляд Бооля крайне интересен для нас: не будучи политическим или общественным деятелем, не участвуя в спорах между «либералами» и «консерваторами», он рассматривал результаты реформ с точки зрения профессионала. Его характеристики конкретны и личностны, они лишены идеологизированной абстрактности, а потому крайне убедительны. Для него очевиден факт, что прежнее воспитание, основанное на одном страхе, оказалось никуда не годным, как только этот страх стал ослабевать, и требовались радикальные меры, чтобы привести корпуса в порядок. Но скептически Бооль оценивал и воцарившееся в обществе в середине 60-х гг. стремление к изменениям ради изменений, своеобразную моду на реформы, активно пропагандировавшуюся либеральной журналистикой. Вспоминая это время, один из современников и коллег Бооля впоследствии писал о нем, как об эпохе, которая «принесла с собой немало колебаний, увлечений и ошибок, способных затруднить спокойный ход всякого дела и особенно вредных именно в деле воспитания подрастающих поколений».⁸

Частично он согласен с Александром II, который выслушав доклады о неудовлетворительном состоянии корпусов, сказал: «Не знаю, почему теперь корпуса так дурны, при мне они были в отличном состоянии, если преобразования так необходимы, делайте это, хотя я этому не сочувствую».⁹ Сам В. Г. фон Бооль главные недостатки прежних кадетских корпусов видит в следующем: 1) неуместность совместного воспитания детей с юношами, готовившимися вступить в жизнь; 2) неуместность в детском возрасте военной дисциплины, заменившей нравственное воспитание; 3) большое

число воспитанников, собранных в одном заведении; 4) почти полное отсутствие понимавших дело воспитателей, так как дежурные офицеры и ротные командиры по большей части не имели понятия о нравственном воспитании и передали его в руки унтер-офицеров, еще менее их способных понимать и вести это дело, требующее серьезной подготовки.¹⁰

Одобрив концепцию реформы кадетских корпусов, автор воспоминаний отмечает почти полное нарушение этих принципов на практике. Так, один из главных принципов, по которому предполагалось, что директор военной гимназии должен быть только старшим воспитателем, дающим советы младшим, остался на бумаге. Еще одной из причин неудачи проведения реформы он считает, что проводить ее в жизнь было поручено генерал-майору Н. В. Исакову, человеку некомпетентному и не заинтересованному в этом деле. Он приводит высказывание Александра II, посетившего осенью 1864 г. 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию: «Государь нашел все грязно, неряшливо, воспитанники не умели даже прилично стоять перед ним: Государь уехал и сказал Милютину: Может быть то, что я видел, так и должно быть, только больше я туда не поеду».¹¹

Столь негативную характеристику получает реформа военных учебных заведений во многом потому, что В. Г. фон Бооль не только был ее очевидцем, но и вынужден был претворять в жизнь те решения, которые ему с точки зрения и военного, и педагога представлялись неверными. Надо отметить и определенную сложность в отношениях с П. С. Ванновским, бывшим в то время директором 1-го Кадетского корпуса, хотя именно он пригласил В. Г. фон Бооля на место библиотекаря и учителя физики.

Даже много лет спустя он находит преобразование 1-го Кадетского корпуса «поистине ужасным» и считает недопустимым «изгнание из исторического здания» первого «светского училища в России, давшего стране много военных, государственных и литературных деятелей».¹² В. Г. фон Бооль отмечает такие негативные стороны проведения реформы, как «совершение преобразования без твердой установки, без всякого внимания к судьбе несчастных детей, которые, перемещаясь с места на место, привыкали к бродячей жизни».¹³ В примечаниях к своим «Воспоминаниям» он пишет, что эта часть записок была им составлена в период проведения реформы кадетских корпусов и при публикации он старался смягчить свои слишком резкие оценки происходивших событий. Но и из этого варианта явствует возмущение приказанием Н. В. Исакова о необоснованном перемещении 1-го Кадетского корпуса в здание Павловского кадетского корпуса и наоборот. Это создало массу лишних неудобств: во-первых, из-за хлопот, связанных с переездом, воспитанники отвыка-

ли учиться, упала дисциплина; во-вторых, самому В. Г. фон Боолю пришлось проделать огромную работу по передаче Павловскому кадетскому корпусу библиотеки, фортификационного, физического, артиллерийского кабинетов, химической лаборатории, всех учебников по военным наукам, затем принять от Павловского кадетского корпуса физический и естественно-исторический кабинеты и в то же время перевезти на Петербургскую сторону зоологический кабинет и все учебные пособия.¹⁴

Возмущение Бооля по поводу переезда на новое место объяснимо: он воспитывался в 1-м Кадетском корпусе, и оставлять многие вещи новым владельцам было просто жаль. Несомненно, Бооля беспокоила судьба поистине уникальной библиотеки 1-го Кадетского корпуса, насчитывавшей около 10 тысяч томов на иностранных языках. Эта библиотека, состоявшая из книжных собраний Эггерса и Любераса, заботливо пополняемая графом Ф. Е. Ангальтом, считалась в XVIII в. одной из достопримечательностей Санкт-Петербурга. И неизвестно было, как новые хозяева отнесутся к ее судьбе.

В то же время Боолю пришлось принимать «наследство» от Павловского кадетского корпуса, оказавшееся в «полном неустройстве». Здесь автор с горечью пишет о судьбе библиотеки Павловского кадетского корпуса: «К счастью моему, уже успели назначить нового библиотекаря поручика Загорского, а то бы мне пришлось разбирать и библиотеку, которая оказалась также в полном беспорядке. По поручению Ванновского до 5000 книг были вынуты как негодные и свалены в библиотеке в угол».¹⁵ Для педагога, искренне заботящегося о нравственном воспитании детей, понимающего огромное моральное воздействие книги, роль книги в формировании личности, распоряжение П. С. Ванновского представляется кощунственным.

Эта история имела продолжение. Имея в виду недостаток места в библиотеке, П. С. Ванновский распорядился вынуть книги из шкафов и составил комиссию для удаления из библиотеки негодных книг для продажи с аукциона. Но, видимо, «эксперты» не сумели должным образом оценить достоинство книг, и, «судя по каталогу, выкинуты были, хотя и очень старые, но весьма редкие книги, так, например... знаменитый энциклопедический словарь д'Аламбера и Дидро: правда, их было в библиотеке два экземпляра, и выкинут был один из них, как дубликат, но и это непростительно: можно было его передать в другое военно-учебное заведение».¹⁶ Кроме того, в «кучу» попали ценные математические книги и около 3000 томов старых книг на латинском и польском языках, доставшихся Павловскому кадетскому корпусу от Калишского корпуса, закрытого после польского восстания 1863–1864 гг. В. Г. фон Бооль советовал своему преемнику, учитывая «драгоценное качество» многих из этих книг,

не принимать их в виде «кучи», где могло лежать не то, что указано в каталоге. Однако старому библиотекарю Павловского кадетского корпуса полковнику Руктешелю удалось разжалобить Загорского, и тот библиотеку принял, но по своей беспечности не составил описи. А через год директором корпуса становится генерал-майор Е. К. Баумгартен, который не пожелал исключить книги из библиотеки. Он поручил Загорскому их разобрать и поставить на места. За это время до 20 процентов книг, по всей вероятности, было расхищено.

Возмущает Бооля и тот факт, что при переустройстве 1-го Кадетского корпуса все памятники корпуса, и даже мраморный бюст великого князя Михаила Николаевича, были заброшены, мраморные доски с именами первых выпускников корпуса оставлены на складе. И как заключает Бооль, «таким образом, одним ударом были разбиты все хорошие традиции 1-го Кадетского корпуса». Много подобных явлений Бооль встречает и при переустройстве других корпусов. Тем не менее, подводя итог реформе, В. Г. фон Бооль отмечает не только недостатки. По его мнению, главным достижением против прежних кадетских корпусов было то, что воспитанников окружали лица более образованные, чем прежде.

Вторая половина служебной карьеры В. Г. фон Бооля совпала с так называемой «контрреформой» П. С. Ванновского, ставшего к этому времени военным министром. В этот период Бооль, уже в чине генерал-майора, проходил службу в должности инспектора классов 3-го Александровского военного училища в Москве. Результатом реформы П. С. Ванновского были крупные изменения в Управлении военно-учебных заведений: с должности начальника военно-учебных заведений был смещен Н. В. Исаков, «вместо которого опять на удивление всей русской армии был назначен генерал-майор Н. А. Махотин, человек, никогда не стоявший около учебного и воспитательного дела».¹⁷ Для Бооля и его коллег, давно уже служивших в ведомстве военно-учебных заведений и хорошо знавших Ванновского, было ясно, что министр желает иметь начальником военно-учебных заведений покорное ему лицо. Новый начальник, по словам Бооля, «прослужил 5 лет, но не знал никого из служащих (1886 г.)» и далее «прослужил уже 17 лет, и все-таки никого и ничего не знает (1898 г.)».

Военные гимназии были в 1882 г. вновь преобразованы в кадетские корпуса. В корпусах опять появились строевые офицеры на должностях воспитателей, которым они явно не соответствовали. Таким образом были сведены на нет даже те положительные начинания, которые удалось провести в 60-е гг. Прежние ревностные сторонники системы военных гимназий не выступили в защиту того здравого, что в ней было. Характерен ответ одного из них, генерала

Даниловича, на вопрос о том, почему он не отстаивает своей прежней позиции: «Да, в то время это было увлечением...».

Посвятив всю свою жизнь военной педагогике, даже не создавший собственной семьи, В. Г. фон Бооль скончался 23 декабря 1899 г. Обстоятельства его смерти нам неизвестны. Воспоминания — это единственное, что он оставил после себя. При очевидной субъективности автора, сказывающейся даже в мелочах, они остаются важным, не оцененными до сих пор по достоинству, свидетельством его эпохи. Этнический немец и русский по духу человек, Бооль оказывается жестким критиком реформаторской лихорадки, и эта его позиция особенно понятна нам, живущим в такое беспокойное время.

- 1 Русская старина (далее — РС). 1903. Т. 117, № 3. С. 615; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 2, ч. 1. М., 1976. С. 157.
- 2 РС. 1903. Т. 117, № 3. С. 616.
- 3 Щербачев Г. Д. Идеалы моей жизни: Воспоминания из времен царствований императоров Николая I и Александра II. М., 1895; Яковлев Р. Н. О воспитании в военно-учебных заведениях // Воспитание. 1862. Т. 12. С. 26–27; Крылов Н. А. Калеты сороковых годов: (Личные воспоминания) // Исторический вестник. 1901. Т. 85, IX. С. 962; Драке Л. Л. Калетский быт 50-х гг. СПб., 1911. С. 7–8.
- 4 Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 276.
- 5 Бооль В. Г., фон. Воспоминания педагога // РС. 1904. Т. 119, № VIII. С. 287.
- 6 Там же. С. 296.
- 7 Там же. С. 297.
- 8 Лалаев М. С. Наши военно-учебные заведения под главным начальством Великого Князя Михаила Николаевича. 1860–1863 гг. СПб., 1898. С. 19.
- 9 Бооль В. Г., фон. Воспоминания педагога // РС. 1904. Т. 119, № VIII. С. 300.
- 10 РС. 1904. Т. 120, № XI. С. 305.
- 11 Там же. С. 309.
- 12 Бооль В. Г., фон. Воспоминания педагога // РС. 1904. Т. 120, № IX. С. 77.
- 13 Там же. С. 100–101.
- 14 Там же. С. 303.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 РС. 1904. Т. 119, № IX. С. 587.

ШКОЛА К. И. МАЯ

В начале второй половины XIX в. около 16% населения Васильевского острова в С.-Петербурге составляли лица немецкой национальности.¹ По роду занятий многие из них принадлежали к преподавательскому составу высших учебных заведений, находившихся на острове, таких, как Университет, Академия художеств, Горный институт. Другая часть немцев занималась биржевой и купеческой деятельностью. Среди некоторых представителей последней постепенно образовалась глубокая неудовлетворенность существовавшей в те годы системой школьного образования России, носившей во многом отвлеченный, схоластический характер, тем самым затруднявшей их детям будущую практическую деятельность. В этих условиях в группе знакомых между собой предпринимателей созрела мысль о создании собственной частной школы, в которой их дети могли бы получать прикладное, в отличие от казенных школ, образование. Возглавить новое учебное заведение было предложено молодому, но уже хорошо зарекомендовавшему себя педагогу Карлу Иоганну Маю. Выбор этот был неслучаен.²

К. Май (1820–1895), выходец из бедной немецкой петербургской семьи, еще в школьные годы начал проявлять педагогические способности, когда, вынужденный помогать многодетной семье, стал давать частные уроки своим малоспособным или ленивым товарищам. Впоследствии, в 1838 г., он с отличием окончил Петришуле, а затем, в 1845 г., столь же успешно и историко-филологический факультет Петербургского университета.

В первые годы своей самостоятельной жизни К. Май «был учителем в шведской школе, в детском заведении Штюрмера, в школе для девочек фрау Рехенберг и, кроме того, в различных частных домах».³ Затем до 1859 г. он работал в Лесном институте. Все это время он изучал труды как зарубежных прогрессивных педагогов того времени — А. Дистервега, И. Песталоцци, Ф. Фребеля, — так и новаторов отечественного образования — К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова, постепенно формируя на этой основе собственный взгляд на методику и систему работы школьного учителя. Соглашаясь возглавить новую школу, К. Май исходил из того, что, по его собственному признанию, он «чувствовал потребность применить некоторые теоретические вопросы педагогики к делу, некоторые опыты, произведенные ранее, произведенные при одиночном обучении... произвести в более широких размерах».⁴

Новая частная немецкая школа была открыта 10 сентября (по ст.ст.) 1836 г. в надворном флигеле д. № 60 по 1-й линии Васильевского острова, вблизи Тучкова моста. Десять мальчиков в возрасте до десяти лет, носивших фамилии Амбургер, Банг, Блессинг, Брандт, Геймбюргер, Гютшой, Гротен, Штейнер, Тишбейн, были ее первыми учениками. При этом непременным условием зачисления было отсутствие до этого влияния каких-либо учителей, т.е., как говорил К. Май, дети должны быть «из детского сада».

При создании школы и формировании ее педагогического коллектива большую помощь оказали действительные члены Санкт-Петербургской Академии наук физик Л. Д. Кемп, филолог А. К. Наук и профессора университета. Так преподавание древней истории взял на себя профессор К. Я. Люгебель, всеобщую историю и литературу вел профессор А. Брюкнер.

В качестве основы своей первой учебной программы К. Май использовал учебный план, составленный для реальной гимназии города Эйзенаха.⁵ Особенностью этого плана было сбалансированное сочетание реальных (прикладных) и классических (гуманитарных) предметов. Главным педагогическим девизом новой школы К. Май избрал провозглашенное основателем современной педагогики Я. А. Коменским изречение: «Primum amare — deinde docere» («Сперва любить — потом учить»). Именно по этому принципу во все годы существования школы подбирались педагоги, строилась вся ее жизнь. К. Май считал, что учителю «не следует говорить «docere», если он в то же время с полным правом не может сказать «amo».⁶ Соблюдение столь высоких требований к принимаемым в школу учителям позволило ее выпускнику, писателю Л. В. Успенскому, написать в своих воспоминаниях: «...у Мая нет и быть не может педагогов-мракобесов, учителей-черносотенцев, людей «в футляре», чиновников в вицмундирах. Преподаватели, поколение за поколением, подбирались у Мая по принципу своей научной и педагогической одаренности».⁷

Вся деятельность педагогов основывалась на нескольких, возможных и очевидных, но неуклонно соблюдавшихся положениях:

— индивидуальный подход к каждому ученику, как к будущей личности, стремление развить в нем природные способности только строго соответствующими его силам заданиями по отдельным предметам;

— постоянное взаимодействие с семьей каждого ученика, ибо одна школа не в состоянии воспитать достойного члена общества;

— непременный повседневный контроль за усвоением учеником урока именно в классе и на протяжении всего учебного года, что

приучает к постоянному труду и помогает равномерному усвоению предметов;

— наглядность и прикладной характер изложения всех дисциплин;

— развитие кругозора учеников посредством разнообразных внеклассных занятий — творческих кружков, тематических экскурсий, школьных спектаклей, благотворительных акций;

— воспитание высоких нравственных качеств — трудолюбия, честности, благородства, милосердия, патриотизма, веротерпимости;

— полное отсутствие сословных и национальных различий в учебно-воспитательном процессе;

— каждодневная забота о физическом развитии учеников как посредством ежедневных занятий гимнастикой, так и организацией подвижного отдыха на переменах.

В результате воплощения в жизнь коллективом преданных педагогов вышеназванных положений в школе образовался особый, почти семейный, впоследствии названный «майским», дух дружелюбия и взаимоуважения, что дало основание одному из выпускников, известному публицисту Д. В. Философову, назвать это учебное заведение «островом, отделенным бесконечным океаном от казенщины».⁸

Первый выпускник школы Р. Тишбеин в 1863 г. был без экзаменов принят в Высшее политехническое училище в г. Карлсруэ, что свидетельствовало о высоком уровне полученных знаний. И в дальнейшем многие выпускники школы продолжали свое образование в высших учебных заведениях Германии.

До 1882 г. все предметы, кроме русского языка, литературы и истории, преподавались на немецком языке, а большинство учащихся было выходцами из немецких семейств. В то время школа носила весьма необычное название «Реальное училище на степени гимназии» и состояла из гимназического, реального и коммерческого отделений. Наряду с приходящими учениками были пансионеры и полупансионеры. Годовая плата за обучение составляла 160 руб. для приходящих и 600 руб. для пансионеров.⁹

С 1882 г. школа получила права правительственной гимназии и стала именоваться «Гимназией и реальным училищем К. Мая». Особым рескриптом императора в ней в виде исключения было сохранено преподавание на немецком языке древних языков — греческого и латинского, а также всеобщей истории и географии. Кроме того, в ряду с общепринятыми дисциплинами в школе К. Мая преподавались и такие необычные предметы, как философская пропедевтика, выразительное чтение, история искусств. Помимо уроков рисования

были отдельные уроки лепки в специальном кабинете, давались уроки танцев и фехтования.

Территориально большую часть своей жизни — с 1861 по 1910 г. — школа находилась в специально приобретенном и реконструированном для учебных занятий доме № 13 по 10-й линии Васильевского острова. К. Май возглавлял созданное им учебное заведение до 1890 г., после чего, вплоть до своей кончины в 1895 г., продолжал лишь вести уроки своей любимой географии и одновременно работал над составлением учебника экономической географии.

С 1890 по 1906 г. директором школы был ученик К. Мая — В. А. Кракау (1857–1935), достойно приумноживший педагогические традиции своего учителя. При нем получило дальнейшее развитие реальное отделение, обучение в котором стало вестись по отдельной от гимназии программе, с прохождением полного курса, окончание которого давало возможность поступать в высшие учебные заведения. В. А. Кракау создал ряд новых лабораторий и кабинетов, библиотеку, улучшил методику преподавания, в большей степени чем раньше дифференцируя ее в зависимости от возраста обучаемых.

Последним директором школы К. Мая, с 1906 по 1918 г., был А. Л. Липовский (1867–1942), талантливый филолог-славяновед, вдумчивый педагог-методист. Благодаря его инициативе и энергии удалось собрать достаточные средства и выстроить на участке N 39 по 14-й линии прекрасное здание школы, открытие которого состоялось осенью 1910 г. Проект нового школьного дома выполнил выпускник гимназии, академик архитектуры Г. Д. Гримм. Из старого, давно ставшего тесным здания свыше 600 учеников перешли в светлые, просторные классы (каждый площадью 72 кв. м, с высотой потолка 4, 5 м) с соответствующей возрасту мебелью в каждом. Было оборудовано 12 специальных предметных кабинетов, часть из которых имела вид амфитеатра. Библиотека насчитывала больше 10 тысяч книг на шести языках. Гимнастический зал, столоярная мастерская и врачебный кабинет достойно завершали перечень основных помещений школы. В этих условиях преподаватели, среди которых было по-прежнему много особо одаренных педагогов, таких, как будущий член-корреспондент АН, математик Н. М. Гюнтер, будущий академик, химик И. В. Гребенщиков, физик, автор популярного учебника, Ф. Н. Индриксон и другие, могли трудиться с еще большей отдачей. И их подвижнический труд не пропал даром. Питомцы школы К. Мая, кем бы они ни стали впоследствии, достойно служили отечеству, и ни один из них, по выражению выпускника Д. П. Семенова-Тян-Шанского, «не пал нравственно».

Из стен школы вышла целая плеяда видных деятелей науки и культуры. Среди них: крупнейший германский языковед ака-

демик М. Фасмер, опубликовавший одну из первых своих статей «Смещение языков и заимствование в языке» еще в гимназическом отчете; филолог, академик Д. С. Лихачев; физики — академик О. Д. Хвольсон, член-корреспондент АН Я. И. Френкель; химик, член-корреспондент АН Н. Н. Качалов; художники А. Н. и Н. А. Бенуа, Н. К. и С. Н. Рерихи, К. Сомов, И. Пуни, А. Яковлев; ректоры С.-Петербургского университета Д. Д. и Э. Д. Grimm; архитекторы Ю. Ю. Бенуа, А. А. Оль, Г. Д. Grimm, Ф. Ф. Постельс, И. И. Фомин; авиаконструкторы И. В. Фаусек и В. Л. Кербер; гистолог, академик А. А. Заварзин; невропатолог А. Бари; окулист Э. Блессиг; хирург В. Зендер; энтомолог А. А. Штакельберг; путейцы Э. Глезер и М. Гротен; педагоги Л. Глезер, В. А. Краснов, В. И. Умнов; писатели Л. В. Успенский, Т. Эйбаум. Этот список можно продолжать долго, ведь выпускниками школы стали около 1000 ее учеников. «Майские жуки», как они себя именовали, «разлетелись» по всему свету. В день школьного праздника, 29 октября (день рождения К. Мая), приветственные телеграммы приходили отовсюду: из Южной Америки и Испании, из Китая и Южной Африки, не говоря уже о почти всех странах Европы.

Несмотря на «революционное» преобразование школьных программ после 1918 г., предполагавшее почти полное прекращение преподавания языков, немецкий язык был все же сохранен. Его уроки до войны вела любимая многими поколениями учительница Э. Н. Галлер.

«Майские» традиции сохранялись в школе до 1929 г., когда очередным партийным решением «буржуазный майский дух» был изгнан поборниками новой власти¹⁰ и некогда славное учебное заведение постепенно превратилось в типовую среднюю, позже восьмилетнюю школу.

В 1976 г. школа была закрыта. Нуждавшееся в срочном ремонте здание передали АН СССР, которая разместила в нем свой научно-исследовательский институт. В результате многочисленных перепланировок были утрачены прекрасные кабинеты, классы, рекреационные залы. Казалось, история детища К. Мая закончилась на печальной ноте. Но вот недавно занимающий здание Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации возглавил новый директор, заслуженный деятель науки и техники РФ, профессор Р. М. Юсупов. Благодаря его активной поддержке, нашедшей отклик и у администрации Василеостровского района, в старых стенах 12 мая 1995 г. открылся музей школы К. Мая, вернулась на фасад уникальная эмблема школы — барельеф майского жука, установлена мемориальная доска, напоминающая о существовании замечательно-го учебного заведения.

Хочется верить, что инициатива общественности будет поддержана властными структурами города и в недалеком будущем в этом здании вновь откроется школа имени К. Мая, учителя которой по старой традиции будут «сперва любить — потом учить».

- ¹ Юзнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 188.
- ² Лизачев Д. С., Благово Н. В., Белодубровский Е. Б. Школа на Васильевском. М., 1990. 190 с.; ЦГИА, ф. 144.
- ³ Пятидесятилетие школы К. Мая. СПб., 1907. С. 79.
- ⁴ Двадцатилетие существования учебного заведения К. Мая в С. -Петербурге. СПб., 1882. С. 6.
- ⁵ Пятидесятилетие школы К. Мая. С. 15.
- ⁶ Там же. С. 19.
- ⁷ Успенский Л. В. Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 211.
- ⁸ Речь. 1910. 17 октября.
- ⁹ Пятидесятилетие школы К. Мая. С. 45.
- ¹⁰ Во многих газетах, в том числе и в «Ленинградской правде» (15 января 1929 г.), появились статьи с требованием «орабочить учащихся и учащихся» школы К. Мая.

М. Г. Козырева

ГИМНАЗИЯ Э. П. ШАФФЕ

15 января 1858 г. в Петербурге был открыт скромный частный пансион для девочек. Вряд ли кто-нибудь, кроме родителей учениц и немногих знакомых основательницы пансиона, заметил это событие. И уж, конечно, никто не мог предположить, что это второразрядное учебное заведение превратится в одну из самых известных женских гимназий Петербурга. Все это время во главе его стояла замечательная женщина-педагог Эмилия Павловна Шаффе, воспитавшая не одно поколение учениц, многие из которых впоследствии стали известными учителями. До самой смерти Э. П. Шаффе в 1906 г. и даже много позже школа несла яркий отпечаток ее индивидуальности и до самой революции заслуженно называлась ее именем.

Эмилия Павловна Шаффе родилась 25 сентября 1827 г. в Петербурге в немецкой семье. Она была младшей дочерью банковского чиновника, отец которого приехал в Россию с герцогом Голштинским, будущим Петром III, и служил при Екатерине II в пограничных войсках. Родители оказали сильное влияние на формирование личности

Э. П. Шаффе. В семье царила атмосфера разумной строгости, безусловной порядочности и справедливости. Детей любили, но не баловали, воспитывали их в любви к труду и неприязни к праздности. Несмотря на скромный достаток семьи, родители Эмилии Павловны, имея трех собственных детей, усыновили еще четверых и воспитывали всех одинаково, не делая между ними различия. И отец, и мать были людьми образованными, начитанными и стремились дать своим детям доступное по тому времени образование. В семье много читали, занимались музыкой и говорили на трех языках (позднее Эмилия Павловна выучит еще два).

В 1839 г. девочку отдали в знаменитую в Петербурге школу — Петришуле — на церковный «кошт». Вскоре она стала первой ученицей, но закончить школу ей не удалось. В 1841 г. неожиданно умер отец. Все другие дети к этому времени уже выросли и разъехались, и пятнадцатилетняя Эмилия решила зарабатывать деньги, чтобы помогать матери. Девушка стала давать частные уроки.

Занимаясь преподаванием в семьях, юная учительница постепенно приобретала педагогический опыт и начала размышлять о женском образовании вообще. Со временем ее мысли сформировались в некие общие идеи, и появилось желание открыть собственную школу. Ее поддержали и родители ее учениц. Это оказалось не слишком простым делом, но все-таки, преодолев определенные трудности, Э. П. Шаффе открыла школу-пансион.

Педагогические идеи Эмилии Павловны Шаффе были таковы. Она полагала, что женщине в обществе отведена важная роль — быть воспитательницей следующих поколений, а для этого женщина сама должна быть хорошо образованной и иметь обо всем свое собственное, независимое суждение. Воспитание девочек должно быть постоянным, и для этой цели больше подходит пансион, а не школа с проходящими ученицами. Образование детей должно соответствовать реалиям окружающего мира, а потому следует воспитывать в них практичность и приучать к посильному физическому труду и умению быть самостоятельными в любых житейских ситуациях. Девочкам нужно научиться «рассуждать обо всем здраво и логически и сравняться с мужчинами в самостоятельности своих суждений».¹

Исходя из этих принципов, Э. П. Шаффе и пансион свой назвала «Maison d'Education», т.е. «Дом образования». В первое полугодие в доме было всего 4 ученицы, через полгода добавилось еще 10.

Жизнь пансиона была совершенно семейной. Утром дети сами приводили свои комнаты в порядок, по очереди ходили на рынок с матерью Эмилии Павловны и участвовали в ведении хозяйства. В 10 часов начинались уроки. Большинство уроков Эмилия Павловна вела

сама. Кроме того, она пригласила законоучителя и преподавательниц французского и английского языков. Каждый предмет изучался в классе со слов учителя, а затем материал закреплялся письменными упражнениями. Учебники и руководства практически не использовались, чтобы «приучить детей к живому обмену мыслями с преподавателями». Кроме уроков много времени уделялось прогулкам по городу, намеченным заранее по плану Петербурга. Дети посещали музеи, осматривали памятники и здания. Ботанику изучали в Ботаническом саду, а географию — на Петровском острове и у Петропавловской крепости, отыскивая на местности «заливы», «острова» и «полуострова», а дома вычерчивали карты. Занимаясь арифметикой, дети не только решали задачи, но и сами составляли их. Для более успешного усвоения иностранных языков каждой ученице выдавалась маленькая книжечка, которую она переводила на родной язык. С детьми постоянно разговаривали по-немецки и по-французски мать Эмилии Павловны и ее сестра. Этот первый период существования школы может быть назван романтически-патриархальным.

Но реальная жизнь вносила свои коррективы. Расходы по содержанию пансиона были велики, и часто в свободное от занятий время, оставив детей на попечении матери и сестры, Эмилия Павловна уходила давать уроки музыки. Однако денежные затруднения вынудили ее открыть двери для проходящих учениц. В основном это были уже большие девочки, и многие из них хотели стать домашними учительницами. Занятия с ними заметно изменили характер школы и сам «семейный» стиль жизни ее обитателей: приходилось тратить много времени на занятия в старшем классе в ущерб свободному общению и прогулкам.

После окончания учебы большинство девушек успешно сдавали экзамен на звание «домашней учительницы». Учебное заведение Э. П. Шаффе приобретало известность, и количество учениц стало увеличиваться. Пришлось пригласить новых учителей. Нельзя сказать, чтобы Эмилию Павловну это очень радовало. Тратя много сил на подготовку старших учениц к экзаменам, она вынуждена была частично отступать от своих педагогических принципов. Например, она считала, что сдача экзаменов должна основываться на солидной и длительной подготовке, а не на «натаскивании» учениц за сравнительно короткий срок.² Не все учителя и родители с ней соглашались, и ей было нелегко в эти годы.

Но постепенно все налаживалось. Начал складываться дружный коллектив педагогов-единомышленников, которых Эмилия Петровна умело подбирала и буквально «заряжала» своей энергией и своими педагогическими идеями. Количество классов увеличилось с двух до четырех. Однако не все первоначальные замыслы удалось сохранить.

В старших классах у детей практически не оставалось после занятий свободного времени. В младших же классах девочки по-прежнему ходили на длинные прогулки-экскурсии с учителями и занимались хозяйством под руководством матери Э. П. Шаффе. В 1864 г. бывшие ученицы Эмилии Павловны поступили к ней в школу учительницами в младшие классы. Этот первый опыт, оказавшийся успешным, навел Э. П. Шаффе на мысль специально готовить из своих наиболее способных учениц воспитательниц и учительниц для своей школы.

В первые годы школа Шаффе имела гуманитарный характер. Основное внимание в ней уделялось преподаванию иностранных языков, истории, литературы и т.д. Из точных наук девочки обучали только арифметике. Но это было распространенным явлением: даже в женских гимназиях в то время не преподавали ни алгебру, ни геометрию, ни физику. Однако постепенно Эмилия Павловна убеждалась в необходимости преподавания точных наук и наконец, в 1865 году, решила попробовать: в программу был введен курс физики, который стал вести профессор университета П. А. Хлебников, а позднее — О. Д. Хвольсон. Они старались привлечь внимание учениц к явлениям природы, рассказывали о влиянии атмосферы и земной поверхности на жизнь и развитие человека и многом другом. Часто эти занятия посещали сама Эмилия Павловна и ее молодые учительницы. После того, как физика прочно вошла в курс обучения, появилась необходимость в алгебре и геометрии, которые были введены в школе в 1869 г.³

Однако Э. П. Шаффе не оставляла своих идей о всестороннем воспитании детей. И в 1866 г. при школе открывается подготовительный класс для малышей. В нем был осуществлен, в частности, первый опыт «предметного» обучения: детей, еще не умеющих читать, обучали французскому языку по картинкам. В 1868 г. этот класс целиком перешел к двум воспитанницам школы Шаффе, и они вели его самостоятельно. Тем самым Эмилия Павловна воплотила в жизнь одну из своих идей: ученицы старших классов должны не только учить, но и воспитывать малышей, готовя себя к высокой миссии женщины в обществе.

В те годы стали очень популярными идеи немецкого педагога Ф. Фребеля о дошкольном воспитании. Для знакомства с ними Шаффе за свой счет отправила в Германию одну из своих бывших учениц. После ее возвращения при школе был открыт детский сад (в него принимались и мальчики). А позднее, когда в Петербурге открылось Фребелевское общество, многие ученицы Эмилии Павловны посещали курсы, открытые при нем.

В 1869 г. школа Шаффе получает статус перворазрядного заведения. Она теряет в какой-то степени свою независимость, вынужден-

ная подчиниться определенным учебным стандартам, и все дальше отходит от идеи «семейного пансиона». Однако эти годы не прошли даром. Приобретался опыт, и появлялись новые идеи, обогащавшие систему преподавания в школе Шаффе. Эмилия Павловна начинает признавать необходимость обучения точным наукам и умению «отвлеченно мыслить»; шире становится ее представление о практической подготовке учениц к жизни. Кроме того, она на практике убеждается, что для подготовки учителей нужны специальные знания, а потому в старшем классе вводится преподавание педагогики и психологии.

В 1882 г., под давлением родителей и некоторых учителей, Э. П. Шаффе обратилась в Министерство народного просвещения с просьбой о преобразовании ее первообразного заведения в гимназию. Просьба была удовлетворена: школа давно достигла гимназического уровня в преподавании, а кое в чем даже превзошла его. Надо сказать, что еще в 1864 г. Шаффе предлагали предоставить права казенного заведения для ее школы, но она неизменно отказывалась, так как стремилась сохранить возможность экспериментировать и не придерживаться строгой программы преподавания. Она считала, что программы «пишутся для живых людей и могут быть только примерными». Она предчувствовала и те сложности, которые возникнут при новом статусе школы. Так это и случилось. Можно сказать, что гимназический период школы Шаффе — это непрерывная борьба Эмилии Павловны «с врагами внешними за право самостоятельно вести созданное ею дело и с внутренними — за сохранение самобытности в стенах своей школы». Она постоянно вносила изменения в казенную программу, горячо и убедительно отстаивая свою правоту перед гимназическим начальством. Например, она настояла на введении в младших классах дополнительных уроков русского языка, так как в ее школе было много девочек из иностранных семей, а также на изучении алгебры в более раннем возрасте. Почти всегда ей удавалось убедить инспекторов в своей правоте. Гимназическое начальство уважало ее за прямоту и независимость суждений. Поэтому гимназия Э. П. Шаффе, придерживаясь казенных программ, тем не менее сохраняла определенную независимость.

Борьба с «врагами внутренними» была труднее. По Положению о гимназиях преподавать в старших класса должны были только учителя с университетским образованием. Но среди них было мало таких, которые удовлетворяли бы требованиям Эмилии Павловны. Многие из них смотрели на школу лишь как на ступень к государственной службе. Но если молодой человек проявлял неподдельный интерес к педагогической работе, то она не жалела времени и сил, чтобы помочь ему. Вообще Э. П. Шаффе умела собирать вокруг се-

бя людей увлеченных и талантливых. В разные годы в гимназии преподавали такие учителя, как И. В. Гревс (педагогика и психология), В. П. Острогорский (русская словесность), О. Д. Хвольсон и А. И. Садовский (математика и физика) и др.⁴

Гимназия Э. П. Шаффе стала одним из самых популярных средних учебных заведений Санкт-Петербурга. Нередко в разных классах школы учились девочки из одной семьи: Бенуа, Тизенгаузен, Авенариус, Бем и др. Здесь учились дочери Д. И. Менделеева — Любовь и Мария (старшая окончила VIII класс гимназии в 1899 г. с серебряной медалью). Ученицами гимназии были дочери известного педагога-математика А. П. Киселева, в 1904 г. с дипломом «домашней наставницы» гимназию закончила Елена Кареева, дочь известного историка и сама в будущем известная писательница — Е. Н. Верейская. Многие из бывших учениц приводили к Шаффе своих детей, а затем и внуков.

После преобразования школы в гимназию Эмилия Павловна перестала быть ее владелицей, но продолжала заботиться об ее нуждах. Она входила во все хозяйственные и финансовые дела, которыми теперь занимался Попечительный совет. Денег часто не хватало. Эмилия Павловна платила за дрова для гимназии, давала деньги на переоборудование помещений, покупку учебных пособий, посылала на свои деньги учениц за границу для знакомства с новыми педагогическими идеями и методиками. Она заботилась о девочках из бедных семей: при гимназии было организовано Общество вспомоществования нуждающимся ученицам, устраивались благотворительные базары и лотереи. Эмилия Павловна была одной из учредительниц Общества помощи учительницам. Она сохраняла самые добрые отношения со всеми своими ученицами, помогала им, где бы они ни находились, была в курсе их семейных дел.

В течение почти полувека, до самой своей смерти, последовавшей в 1906 г. в Цюрихе, куда она поехала по педагогическим делам, она оставалась душой школы и ее бессменным директором. О ней знали и помнили даже ученицы, поступившие в школу уже после ее кончины.⁵

После смерти Эмилии Павловны ее приемный сын (она усыновила мальчика своей умершей ученицы) построил новое здание школы на части участка, принадлежавшего ей. Школа была построена по проекту архитектора К. К. Шмидта и отвечала самым современным воззрениям на школьное строительство.⁶

После революции, в 1918 г., гимназия Шаффе была национализирована. Но так как коллектив учителей отказался подчиниться указаниям большевиков, она была вообще расформирована.⁷ В начале 20-х гг. здесь разместилась 206-я единая трудовая школа I-й и II-

ступени (в 1935 г. она стала 5-й трудовой); в 1926 к ней добавились Государственный василеостровский вечерний промышленный техникум, Василеостровские курсы бухгалтерии и детский сад. После войны в этом здании разместилась — и поныне здесь находится — 21-я средняя школа.

До наших дней сохранилось не только само здание школы; в некоторых петербургских семьях еще хранят память о замечательной женщине-педагоге и неутомимой труженице Эмилии Павловне Шаффе.

¹ Э. П. Шаффе и ее школа. 1858–1908. СПб., 1908. С. 48–49.

² Указ. соч. .

³ Первые 25 лет существования учебного заведения. 1858–1889 / Сост. Э. П. Шаффе. СПб., 1883.

⁴ Гревс И. Долгая трудовая жизнь на пользу детей и учителей (памяти Эмилии Павловны Шаффе) // Русская школа. 1906. № 5–6. С. 238–254.

⁵ Лермонтова А. В. В гимназии Э. П. Шаффе // СПб. университет. 1994. № 14 (27) июня.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 1571.

⁷ Вестник народного просвещения Союза Коммун Северной области. 1918. № 2–3. С. 6–7; Вестник просвещения. 1917. № 6–8. С. 10.

Г. И. Смагина

НЕМЦЫ-УЧИТЕЛЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В конце XIX в. в Санкт-Петербурге проживало 50 тысяч немцев, что составляло 3,5% всего населения российской столицы.¹ Среди них были ученые, врачи, промышленники и, конечно, учителя. Деятельность петербургских учителей немецкого происхождения составляет одну из наиболее интересных страниц в истории школьного образования в Петербурге.

В статье я коснусь лишь некоторых моментов истории школьного дела в Петербурге, которые, на мой взгляд, наиболее ярко показывают роль немецких учителей в развитии образования в Петербурге и в России во второй половине XIX в.

Центральным событием в истории образования во второй половине XIX в. стала большая школьная реформа, которая была проведена в 60-х гг.² Реформа коснулась всех звеньев российского образования: начальной, средней и высшей школы. Были составлены

три основных документа: «Положение о начальных народных училищах», «Устав гимназий» и «Университетский устав». В подготовке и обсуждении этих документов приняли участие многие немецкие учителя, проживающие в Петербурге. Среди них Николай Александрович Вессель — советник при министре народного просвещения, Николай Александрович Корф — педагог и организатор сельских начальных школ в России, Петр Францевич Лесгафт — методист и организатор первых уроков физкультуры в школах, Вильгельм Христианович Лемониус — директор 3-й петербургской гимназии, Карл Якимович Люгебиль — профессор Петербургского университета, Александр Васильевич Зонн — учитель математики, Владимир Федорович Эвальд — директор 7-й петербургской гимназии, Федор Федорович Резенер — директор первой в России исправительной колонии для малолетних преступников и многие другие.³

Впервые в истории российской школы государственная реформа, которая обычно готовилась в глубокой тайне, широко обсуждалась не только в России, но и в Европе. В Министерство народного просвещения поступило 365 отзывов из гимназий и университетов России, были среди них и замечания, составленные учителями-немцами.⁴ Когда была закончена подготовка основных документов реформы, они были переведены на немецкий, английский и французский языки и разосланы во многие учебные заведения Европы. Было получено 43 иностранных отзыва, из них 24 из Германии — из университетов и гимназий Тюбингена, Дрездена, Галле, Берлина, Лейпцига, Мюнстера, Франкфурта-на-Майне, Штуттгарта. Свой отзыв прислал и великий немецкий педагог Адольф Дистервег. Все эти документы хранятся в Российском государственном историческом архиве в Петербурге. В 1863 г. иностранные отзывы были переведены на русский язык и изданы.⁵

Можно определенно сказать, что некоторые замечания, высказанные немцами-учителями Петербурга и Германии, например о системе управления народным образованием, о частных школах, о всеобщем обучении народа, оказали влияние на формирование окончательного варианта реформы.

В результате этой школьной реформы и последующих преобразований к XIX в. в Петербурге сложилась определенная система учебных заведений: начальное образование можно было получить в начальных училищах или начальных школах, среднее — в гимназиях и реальных училищах.

В начальных школах преподавали закон божий, русский язык, чтение, чистописание и основы арифметики. К концу XIX в. в Петербурге было 3328 государственных начальных школ.⁶ Преподавание в

них велось только на русском языке, и 95% учеников были русскими. В этих школах Петербурга не было учителей из немцев.

Состоятельные граждане и большинство немцев, проживающих в Петербурге, определяли своих маленьких детей в частные начальные школы, которых в Петербурге к концу XIX в. было 105; в них преподавали около тысячи учителей, из них 10% были немцами.⁷

Очень популярной была открытая 15 января 1858 г. частная школа для девочек Эмилии Павловны Шаффе. Но так как она считала, что воспитание девочек должно быть постоянным, то вскоре превратила свою школу в пансион, где воспитанницы не только учились, но и жили. Основное внимание в школе-пансионе уделялось преподаванию иностранных языков, истории и литературы. Дети много гуляли, посещали музеи, осматривали памятники Петербурга. Нередко в разных классах школы учились девочки из одной семьи: Бенуа, Авенариус, Бем и др. Здесь учились дочери великого русского химика Д. И. Менделеева.⁸

В конце 50-х гг. XIX в. в России было много неграмотных среди взрослого населения. Для обучения грамоте взрослого населения и работающих детей стали открываться школы. Их называли воскресными школами, так как занятия в них проходили по воскресеньям. В учебный план этих школ входило чтение, письмо, счет. Обучение в воскресных школах была бесплатным, а труд учителей добровольным. В 1861 г. в Петербурге насчитывалось 14 мужских и 5 женских воскресных школ.⁹ Учителями в воскресных школах были и немцы, например профессор Петербургского университета Орест Миллер и директор колонии для малолетних преступников Федор Резенер. Но правительство, обнаружив в воскресных школах революционную пропаганду, в 1862 г. закрыло их по всей России.

Среднее образование в Петербурге во второй половине XIX в. можно было получать в 30 заведениях: в государственных и частных гимназиях и реальных училищах, в гимназиях при церквях иностранных вероисповеданий. В этих 30 учебных заведениях преподавало около тысячи учителей, из них 40% были немцами.¹⁰ Основным типом среднего учебного заведения была гимназия, в которой детям давали общее образование, а желающих готовили к поступлению в университет. Принимались в гимназию дети всех сословий и вероисповеданий от 10 до 18 лет. Курс обучения был рассчитан на 8 лет. В гимназиях преподавали закон божий, русский, латинский, греческий, немецкий и французский языки, математику, физику, географию, биологию и историю. Главными предметами учебного курса были древние языки — латинский и греческий, на обучение которым отводилось 40% учебного времени. В 12 государственных гимназиях Петербурга преподавали 402 учителя, из них 28% были немцами.¹¹

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранятся списки учителей, служивших в петербургских гимназиях. Например, во 2-й гимназии в 60-х гг. XIX в. учителя-немцы преподавали математику — А. Зонн и М. Авенариус, латинский язык — Л. Радлов, немецкий язык — Е. Бюргерс, А. Фрей, Э. Лемм, Э. Годак, историю — Н. Авенариус, чистописание — Г. Кригер, И. Шульц, танцы — Ф. Эбергард; классными воспитателями служили Е. Миллер, Г. Шпангенберг, К. Эйхталь, А. Пранц, Ф. Лименталь; обучали лютеранскому вероисповеданию пастор Гигенсен, пастор Лукавдер, пастор Рихтер. Инспектором гимназии был Х. Пернер, а врачом — И. Барг.¹²

Немецкие учителя в гимназиях воспитали сотни замечательных русских ученых и деятелей культуры, которые сохранили самые добрые воспоминания о своих учителях. Это — В. И. Вернадский, ученый, основатель биогеохимии; А. А. Фридман — математик и геофизик; Ф. Ю. Левинсон-Лессинг — ученый-минеролог; А. А. Брянцев — режиссер, основатель первого детского театра; Е. А. Мравинский — крупнейший российский дирижер; С. Я. Маршак — поэт и переводчик и многие другие.

Самый большой процент немцев-учителей был в немецких школах. Их по традиции называли школами, хотя курс обучения в них был такой же, как в гимназиях. Эти учебные заведения были открыты при церквях иностранных вероисповеданий (Петришуле, Анненшуле, Катериненшуле и школа при реформатских церквях). Все предметы в этих школах, кроме русского языка и российской истории, преподавались на немецком языке. Из 168 учителей, трудившихся в этих четырех школах, 80% были немцами.¹³ Помимо обязательных предметов, которые преподавались в гимназиях, здесь дополнительно изучали историю, литературу, обучали детей музыке, танцам, пению, рисованию. Но главное, в этих школах была создана какая-то особая атмосфера доверия и уважения. Девизом учителей стали слова великого педагога Яна Амоса Коменского «Сперва любить — потом учить». Интересно, что, несмотря на обучение детей на немецком языке, эти школы были многонациональными, иногда процент русских детей доходил до 25.¹⁴

Самой известной и самой старой из немецких школ была Петришуле. Она открылась в 1709 г. В середине XVIII в. школу возглавил профессор Геттингенского университета Антон Фридрих Бюшинг. Он составил новый учебный план, пригласил опытных учителей из Германии и заложил фундамент той Петришуле, которая стала потом широко известна. Эта школа дала России несколько тысяч хорошо подготовленных к жизни молодых людей. В числе ее воспитанников, оставивших заметный след в истории науки и культуры, архи-

тектор К. И. России, архитектурные ансамбли которого украшают Петербург, композитор М. П. Мусоргский, врачи К. А. Раухфус и П. Ф. Лесгафт, химик Н. А. Меншуткин. Здесь учились замечательные педагоги Петербурга Карл Май, Эмилия Шаффе, Вильгельм Леониус, Максимилиан Месмахер и многие другие.¹⁵

Быстрое развитие экономики России во второй половине XIX в. настоятельно требовало организации не только общего, но и технического образования. В России начали открываться реальные училища, в которых не только давали общее образование, но и старались обучать техническим навыкам. Курс обучения был рассчитан на 6 лет. Основное место в учебном плане отводилось предметам естественно-математического цикла, обязательно изучали немецкий язык, английский и французский — по выбору. При реальных училищах создавались лаборатории и мастерские. В некоторых училищах открывался дополнительный 7-й класс, который состоял из трех отделений; первое отделение было общим и предназначалось для подготовки в высшие учебные технические заведения, второе отделение готовило механиков, третье — химиков. В реальных училищах, открытых при церквях иностранных вероисповеданий, где училось много немецких детей, седьмой, дополнительный, класс был, как правило, посвящен изучению коммерческих наук. В Петербурге было открыто 11 реальных училищ, в них преподавали 278 учителей, из них 40% были немцами.¹⁶

Число государственных учебных заведений было недостаточным для такого большого города, как Петербург. Это породило практику частных пансионов и школ. В начале XIX в. в Петербурге насчитывалось 26 частных пансионов, которые были открыты иностранцами — немцами или французами. После восстания декабристов правительство Николая I запретило открывать частные учебные заведения. И лишь в 1857 г., уже при Александре II, все запреты на открытие частных учебных заведений были отменены.¹⁷ К концу XIX в. в Петербурге было 219 частных пансионов и школ.¹⁸ Нелегко сказать, сколько учителей трудилось в частных пансионах и школах, сколько служило домашними воспитателями и гувернерами в петербургских семьях, так как в Историческом архиве почти не сохранилось материалов о частных учебных заведениях и домашних учителях. Можно лишь предположить, исходя из общего состояния дел в петербургских учебных заведениях, что в частных начальных школах было 10% немецких учителей; в пансионах, дававших среднее образование, — около 35%, среди гувернеров и домашних воспитателей около 40%.

Учителя-немцы чаще всего преподавали латинский, греческий, немецкий языки и естественные дисциплины. Некоторые из них мно-

гие годы руководили учебными заведениями: директором 3-й петербургской гимназии был Вильгельм Христианович Лемониус; директором 4-й — Иоганн Федорович Кнорринг; директором 6-й — Густав Густавович Зоргенфрей; директором 7-й — Владимир Федорович Эвальд; директором Петришуле — Эрих Карлович Клейненберг.

Среди немецких учителей, преподававших в гимназиях, было немало учителей, получивших образование в немецких университетах, что обеспечивало высокий уровень преподавания: учитель латинского языка 3-й гимназии Август Адольфович Гофман учился в Геттингенском университете, учитель немецкого языка 2-й гимназии Осип Осипович Кениг — в Гейдельбергском университете, учитель греческого языка 3-й гимназии Федор Федорович Гельбке и учитель арифметики училища при реформатских церквях Эрнст Беппель — в Берлинском университете, учитель естествознания Екатериненшуле Иоганн Минатек — в Галльском университете, директор реформатского училища Эрнст Шульц — в Иенском университете, учитель арифметики Рихард Гаге — во Фрейбергской горной академии и т.д.

Знакомство с послужным списком учителей петербургских гимназий позволяет говорить о том, что профессия учителя становится семейной традицией. В 3-й гимназии русский язык и словесность преподавал Франц Иванович Буссе, его сын Вильгельм Францевич Буссе обучал физике и математике. Александр Филиппович Постельс был членом Главного правления училищ, его брат Морис Филиппович Постельс — учителем естествознания в 3-й гимназии, а сын Фридрих Александрович Постельс — учителем математики в 6-й гимназии. Очень успешно обучали немецкому языку в 1-й гимназии отец и сын — Иоганн и Вильгельм Крейцеры. Более двадцати лет прослужил учителем физики в военном училище Федор Федорович Эвальд, два его сына — Владимир Федорович и Эдуард Федорович — обучали древним языкам учащихся 7-й гимназии.

Многие немцы-учителя параллельно с преподавательской деятельностью занимались научно-педагогическим и литературным трудом. Важную роль в распространении передового педагогического опыта сыграли переводы основных произведений выдающихся немецких педагогов и просветителей. В России всегда проявляли интерес к достижениям немецкой педагогической мысли. В XVIII в. были переведены и изданы сочинения философа и педагога Самуэля Пуфендорфа, Августа Франке, крупнейшего немецкого просветителя, создателя педагогики филантропизма Иоганна Базедова, автора методики быстрого обучения детей чтению Христиана Вольке, основоположника детской литературы Иоахима Кампе, воспитателя детей прусского короля Фридриха II Фридриха Рохова и других. В XIX в. эта добрая традиция была продолжена. Переводы выполняли,

как правило, немецкие учителя, жившие в Петербурге: Н. Х. Вессель, И. И. Паульсон, Ф. Г. Толль и другие. Во второй половине XIX в. были переведены и изданы: основной труд Фридриха Дистервега «Руководство к образованию немецком учителям» (СПб., 1913), два сочинения немецкого психолога и педагога Фридриха Бенеке «Руководство к воспитанию и учению» в двух томах (СПб., 1871) и «Основание психологии и логики» (СПб., 1871) и несколько книг немецкого педагога, теоретика дошкольного воспитания Фридриха Фребеля: «Новая система воспитания и обучения» (СПб., 1868), «Детские сады и методы воспитания» (СПб., 1887) и другие.

В период подготовки и проведения школьной реформы в России проявился особый интерес к системам школьного образования в Европе и особенно в Германии. В 60–70-х гг. XIX в. немцами из Петербурга были написаны несколько научных трудов по этой теме. Среди них книги Х. Х. Весселя («Училищные системы Пруссии и Австрии». СПб., 1869), Н. А. Корфа («Итоги народного образования в европейских государствах». СПб., 1879), где основное внимание было уделено школам Германии, П. Ф. Лесгафта («Приготовление учителей гимнастики в Германии, Франции, Австрии». СПб., 1877), В. Х. Лемониуса («Общеобразовательные и специальные женские учебные заведения в Берлине». СПб., 1871).

Начиная с XVIII в., когда только закладывались основы системы образования, многие предметы в российской школе изучались по немецким учебникам. Первыми учебными пособиями по географии, физике, геометрии, всеобщей истории были переводы с немецких учебников. Во второй половине XIX в. были переведены и изданы два учебника Фридриха Дистервега «Руководство к математической географии» (СПб., 1844) и «Элементарная геометрия» (СПб., 1870, 1876). Но в основном переводили учебники и пособия для университетов (например, сочинение профессора Юнкера «Дифференциальное исчисление» (Киев, 1893), Карла Снайдера «Картина мира в свете современного естествознания» (Одесса, 1889) и многие другие).

Во второй половине XIX в. родилась новая своеобразная форма перевода книг. Брели хороший немецкий учебник, но не переводили его дословно, а перерабатывали. И. И. Паульсон составил учебник арифметики по методу немецкого педагога Августа Грубе. Учебник был очень популярен и 12 раз переиздавался. Другой пример — «Практическое руководство к изучению русской стенографии по началам Штольца», этот учебник выдержал четыре издания. Таких примеров можно привести много.

Педагоги-немцы, проживавшие в Петербурге, активно участвовали в написании оригинальных учебных книг и пособий. Николай Александрович Корф, потомок барона Иоганна Альберта Корфа,

президента Петербургской академии наук, организатор сельских начальных школ, составил книгу для чтения «Наш друг», которая издавалась 19 раз, а для учителей написал методическое пособие «Руководство к обучению грамоте», которое переиздавалось семь раз.¹⁹

Самыми популярными книжками, по которым российское юношество училось читать и считать, была книга Иосифа Ивановича Паульсона, учителя арифметики и русского языка, эксперта Петербургской государственной думы по школам. Он составил два учебника для обучения русскому языку, которые печатались большими тиражами и переиздавались 17 раз. Он же подготовил два вида букваря, которые отличались разными методиками преподавания, и составил задачник по арифметике для начальной школы, который издавался шесть раз.

Феликс Густавович Толль, учитель географии, после того как два года и три месяца провел в Сибири на каторжных работах за участие в революционных кружках, составил и издал на свои средства, хотя его семья постоянно испытывала нужду, «Энциклопедический словарь для юношества по всем отраслям знаний» в 3-х томах (СПб., 1863). Толль, который впервые в России стал составлять ежегодные обзоры детской и педагогической литературы, считается основателем российской библиографии.²⁰

В русской педагогике второй половины XIX в. видную роль играл Петр Францевич Лесгафт — анатом и педагог. Он разработал теорию и методику физического образования, научно обосновал необходимость физических упражнений для гармонического развития личности. Лесгафт организовал в Петербурге несколько детских спортивных площадок и катков, проводил экскурсии и прогулки для детей. Он открыл в Петербурге в 1896 г. Курсы воспитательниц и руководителейниц физического образования. На базе курсов в 1919 г. был организован Институт физического образования, который носит его имя. Перед зданием института установлен памятник ученому. Лесгафт — автор трехтомного труда «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста», который трижды переиздавался.²¹

Заметное влияние на развитие российской школы и педагогической мысли оказала плодотворная деятельность педагога и публициста Николая Христиановича Весселя. Он окончил факультет восточных языков Петербургского университета. Начал свою педагогическую деятельность домашним учителем и закончил как член совета министра народного просвещения. Вессель редактировал журналы «Учитель» (1861–1864), «Педагогический сборник» (1864–1882), «Задушевное слово» (1885–1900). Он один из основателей Петербургского педагогического общества. Ученый-педагог уделял большое вни-

мание профессиональному образованию, он автор объемных трудов, которые с интересом читают и современные педагоги: «Профессиональные школы и обучение ремеслам» (СПб., 1881), «Реальные училища» (СПб., 1896), «Наша средняя общеобразовательная школа» (СПб., 1903) и «Руководство к преподаванию общеобразовательных предметов» (СПб., 1873).

Немецкие учителя старались улучшить преподавание немецкого языка в школах, разрабатывали и совершенствовали учебники по немецкому языку. Первый учебник немецкого языка был издан в Петербурге в 1730 г. Его автор Мартин Шванвиц, уроженец города Торна, был приглашен в Россию Петром I и в течение 15 лет работал учителем немецкого языка в гимназии Петербургской академии наук. Учебник, составленный Шванвицем, был очень популярен и переиздавался шесть раз. Второй и третий учебники немецкого языка были также составлены учителями немецкого языка Эренрейхом Вейсманом (СПб., 1731) и Франциском Гельтергофом (М., 1770). Во второй половине XIX в. И. И. Паульсон разработал новый учебник немецкого языка для российского юношества, который три раза переиздавался, и составил русско-немецкий разговорник.²²

Весьма охотно немцев приглашали в качестве домашних учителей и воспитателей в царскую семью. Наставниками царевича Алексея, сына Петра I, были воспитанник Лейпцигского университета М. Нейбауер, а затем барон Генрих фон Гюйссен; императору Александру I естественные науки преподавал известный ученый и путешественник Петр Симон Паллас, а детей императора Александра II русскому языку и словесности обучал профессор Петербургского университета Орест Петрович Миллер.

Немцы, жившие в Петербурге, занимались благотворительной деятельностью. Крупнейший финансист барон Александр Людвигович Штиглиц в 1876 г. передал один миллион рублей на организацию в столице училища технического рисования и еще пять миллионов на создание при училище музея. Училище технического рисования существует и сейчас и недавно ему присвоено имя барона Штиглица.²³ Значительные денежные пожертвования для открытия учебных заведений были сделаны принцами Ольденбургскими. По их инициативе были открыты педагогические курсы, женский институт принцессы Терезии Ольденбургской, два детских приюта, училище правоведения, детская больница, Институт инженеров железнодорожного транспорта, который существует и сейчас.²⁴

По мере развития школьного образования и формирования учительской интеллигенции прогрессивная часть учительства все более и более стремилась к организации собственных собраний, курсов, профессиональных объединений. В числе таких организаций

прежде всего следует назвать Петербургское педагогическое общество, которое возникло в 1859 г.²⁵ Общество состояло из 90 действительных членов, 32 из них были учителями-немцами. Среди них: Ф. И. Брандт, Е. Ф. Вегенер, А. В. Зонн, В. Х. Лемониус, К. И. Май, А. М. Шмидт, вице-президентом общества был И. Б. Штейман, секретарями И. И. Паульсон и Н. Х. Вессель.

В сообщении об учреждении Педагогического общества писалось, что оно представляет «почти всю наличность умственных сил, посвятивших себя в нашей столице практическому делу преподавания и воспитания, а также литературной разработке педагогических вопросов».²⁶ Общество поставило перед собой задачу сближения педагогов России и содействие развитию и совершенствованию воспитательно-учебного процесса. На собраниях, которые проходили регулярно, один раз в две недели, было прочитано и обсуждено 250 докладов и рефератов. Каждое сообщение вызывало оживленные прения, которые продолжались часто несколько заседаний подряд. Здесь обсуждались вопросы о постановке системы народного образования и перестройке училищ и учительских семинарий. Горячо обсуждался вопрос женского образования, ряд докладов был посвящен обсуждению учебных планов, учебников, учебных пособий, методик преподавания почти всех предметов, вопросам воспитания. С целью распространения профессиональных знаний среди учителей Педагогическое общество создало свою библиотеку, организовывало публичные лекции. Общество существовало в течение 20 лет и было закрыто за «вольнодумство».

Среди просветительских организаций второй половины XIX в. видное место занимают комитеты грамотности, которые ставили своей целью обучение грамоте и распространение полезных знаний среди сельского населения. Это было очень актуально: в 1857 г. среди сельского населения Европейской России только 19% мужчин и 10% женщин были грамотными.²⁷

Наиболее крупным комитетом грамотности в России был петербургский, который окончательно оформился в апреле 1861 г.²⁸ Из 35 организаторов комитета десять имели немецкое происхождение. Это видные петербургские педагоги Ф. Г. Толль, Н. А. Корф, Ф. Гилленшмидт, А. Дитерих, А. Зейдлиц. Комитет успел провести значительную работу по развитию народного образования, оказывал финансовую помощь сельским школам, организовывал читальни, народные библиотеки. На заседаниях комитета обсуждались такие важные вопросы, как введение обязательного начального обучения, необходимость преподавания на родном языке и другие. Было заслушано более 60 докладов, из них пять были сделаны немецкими учителями. Б. Э. Кетриц выступил с докладом «Общество распро-

странения народного образования в Германии и бесплатные народные библиотеки в Берлине».

С особой энергией комитет развернул работу в неурожайные 1891–1893 гг., провел сбор средств в помощь голодающим, организовал в 12 губерниях школьные столовые.

В декабре 1861 г. комитет по инициативе Ф. Г. Толля организовал специальную комиссию экспертов по одобрению книг, которая явилась первой в России библиографической организацией. Эта комиссия издавала рекомендательные каталоги книг для народного чтения, проводила конкурсы на лучшие учебники для начальных школ, содействовала созданию местных библиотек и книжных складов. За 35 лет деятельности петербургского комитета грамотности было издано и разослано бесплатно около двух миллионов книг. Комитет открыл в Петербурге школу для подготовки сельских учительниц.

В 1871 г. в Петербурге было основано Фребелевское общество, целью которого было распространение идей дошкольного воспитания немецкого педагога Фридриха Фребеля.²⁹ Из 22 членов — учредителей общества — 13 были немецкими учителями и врачами, среди них Е. А. Вертер, С. А. Миллер, М. К. Гессен, П. К. Задлер, К. А. Раухфус и другие.

Фребелевское общество организовывало лекции по дошкольному воспитанию, издавало книги, журналы, открывало для воспитателей и детских нянь двухгодичные курсы, которые существовали до 1917 г., а потом были реорганизованы в Институт дошкольного воспитания. В 1863 г. член общества Софья Андреевна Люгемилль открыла в Петербурге первый в России детский сад.

В заключение следует отметить, что деятельность немецких учителей в Петербурге была очень разнообразна, немцы-учителя поддерживали передовые педагогические начинания, способствовали распространению немецких педагогических идей в Петербурге и в России, участвовали в составлении и обсуждении проектов школьных реформ, воспитывали и обучали российское юношество в государственных и частных учебных заведениях, открывали новые школы и гимназии, составляли школьные учебники, осуществляли переводы лучших немецких педагогических трудов и учебных пособий для школы, издавали педагогические журналы, участвовали в деятельности педагогических обществ и комитетов.

К концу XIX в. российская школа достигла значительных успехов и заметную роль в развитии образования в России сыграли учителя-немцы.

¹ Югнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга второй половины XIX-начала XX в. Л., 1984. С. 181.

- ² *Ганелин Ш. И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. М., 1954; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902; *Смирнов В. З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954.
- ³ *Вессель Н. Х.* Очерки об общем образовании и системе образования в России. М., 1959; *Корф Н. А.* Русская начальная школа. СПб., 1879; *Корф Н. А.* Наше школьное дело. СПб., 1873; *Толль Ф. Г.* Проект устава низших и средних училищ // Воспитание. 1860. Т. 3. № II.
- ⁴ Замечания на проект устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных училищ. Ч. 1–6. СПб., 1862.
- ⁵ Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений Министерства народного просвещения. СПб., 1863.
- ⁶ Статистические сведения Комиссии по народному образованию о начальных училищах С.-Петербурга на 1 ноября 1895 г. // Известия С.-Петербургской городской думы. 1895. № 28. С. 1937; РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 733. Оп. 203. № 552–580.
- ⁷ Весь Петербург на 1898, 1899, 1900 годы. СПб.
- ⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 203. № 444. Л. 1–40.
- ⁹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 164.
- ¹⁰ Адресная книга С.-Петербурга на 1895 г. СПб., 1895; *Алешинцев И.* История гимназического образования в России. СПб., 1912; Статистические сведения по гимназиям и реальным училищам за 1900 г. СПб., 1900; РГИА. Ф. 733. Оп. 95. № 175; Оп. 203. № 332, 333, 430, 523.
- ¹¹ *Аничков Н. М.* Историческая записка 50-летия третьей петербургской гимназии. СПб., 1873; *Буткевич К. Ф.* Историческая записка, изданная ко дню 50-летия шестой гимназии. СПб., 1912; *Иванов К. А.* 50-летие пятой гимназии. СПб., 1896; *Соловьев Д. Н.* 50-летие первой гимназии. СПб., 1880; РГИА. Ф. 733. Оп. 95. № 174; Оп. 203. № 316.
- ¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 95. № 174. Л. 20–31.
- ¹³ Весь Петербург на 1900 г. СПб., 1900; *Amburger E.* Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Russlands. Wiesbaden, 1896. S. 63–68; РГИА. Ф. 733. Оп. 203. № 332. Л. 83–90; Оп. 203. № 581–589.
- ¹⁴ *Корнилов И.* Материалы для статистики учебных заведений С. Петербургского учебного округа. СПб., 1862.
- ¹⁵ *Смирнов В., Ульянов Н.* Старейшая школа // Ленинградская панорама. 1985. № 6.
- ¹⁶ Адресная книга С.-Петербурга на 1900 г. СПб., 1900; Историко-статистический очерк общего и специального образования в России. СПб., 1883; *Князев Г. М.* Исторический очерк петербургского первого реального училища. СПб., 1912; РГИА. Ф. 733. Оп. 203. № 396–398.

- 17 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 2. С. 205–209, 350–352, 473, 553–554; Т. 3. С. 155–158; *Лаурсон А. М.* Частные учебные заведения. СПб., 1912; РГИА. Ф. 733. Оп. 203. № 442, 447, 581.
- 18 РГИА. Ф. 733. Оп. 203. № 442.
- 19 *Песковский М. Л.* Барон Н. А. Корф. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893; *Смирнов В. З.* Н. А. Корф // Очерки по истории школы и педагогической мысли народов СССР. М., 1976. С. 313–320.
- 20 Документы следствия по делу Ф. Г. Толля // Дело петрашевцев. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 157–198; *Зиневич Н. А.* Ф. Г. Толль. М., 1964.
- 21 *Шабунин А. В.* Лесгафт в Петербурге. Л., 1989; *Плезанов А. В.* Лесгафт // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX–начало XX в. М., 1991. С. 232–237.
- 22 *Паульсон И. И.* Учебник немецкого языка для русского юношества. СПб., 1854; 1860; 1873. Русско-немецкое разговорное практическое руководство. СПб., 1854.
- 23 РГИА. Ф. 1091. Барон Штиглиц; Ф. 733. Оп. 203. № 607.
- 24 РГИА. Ф. 1106. Принцы Ольденбургские.
- 25 *Зикеев Н. В.* К истории возникновения Петербургского педагогического общества // Советская педагогика. 1938. № II; *Нефедова И. М.* Первое русское педагогическое общество. Фрунзе, 1960.
- 26 Отечественные записки. 1869. № II. С. 132–133.
- 27 *Миронов Б. Н.* История в цифрах. Л., 1991. С. 82.
- 28 *Диксон К.* Петербургский комитет грамотности (1861–1911). СПб., 1912; *Протопопов Д. Д.* История Петербургского комитета грамотности. СПб., 1898.
- 29 Краткий отчет деятельности Петербургского Фребелевского общества. СПб., 1881; *Чувашев И. В.* Очерки по истории дошкольного воспитания в России. М., 1955.

В. Н. Вологодина

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЫ В ЛЕНИНГРАДЕ В 20–30-х гг.

Широкая общественность нашего города знает о таких известных в прошлом немецких школах, как Петришуле и Анненшуле. Но в настоящее время мало кто знает о существовавшей 33-й средней немецкой школы, расположенной по Крюкову каналу, 15, и являвшейся как бы восприемницей всех ранее действовавших немецких школ. А было их в первые годы революции восемь: кроме вышеназванных и

наиболее известных — Реформатская, Катериненшule и некоторые другие, о которых я еще упомяну. И всех их закрыли или реформировали по причине якобы «несоблюдения школьной программы, утвержденной Народным комитетом просвещения».

История школы на Крюковом канале восходит к первой половине XVIII в. и берет начало от общества вспомоществования бедным слоям населения Коломны (окраина Петербурга, где селилась беднота). Специально построенное для этого общества здание (фамилия архитектора не сохранилась) включало в себя церковь, госпиталь и школу. В XVIII—XIX вв. здание неоднократно перестраивалось, расширялось (архитекторы Киннель, Трусов), но все время продолжало функционировать как учебное заведение. До революции, примерно со второй половины XIX в., здесь располагалась гимназия Императорского человеколюбивого общества, предназначавшаяся, в основном, для сирот, детей малоимущих родителей-военнослужащих. На стене здания красовалась мраморная доска в честь посещения гимназии Александром II. (Доска до войны находилась в одной из кладовок школы.)

После Октябрьской революции учебное заведение продолжало существовать как трудовая школа (всем школам в тот период давалось название «трудовая»). С конца 20-х гг. здесь обосновалась I-я Интернациональная школа, или Комбинат национальных школ, куда входили русское, немецкое, польское и еврейское отделения. Вскоре польское и еврейское отделения были закрыты, а с начала 30-х гг. немецкое отделение слилось с 33-й средней школой, переехавшей сюда из других зданий (наб. р.Мойки, 90, ул.Глинки, 8, и др.) и включавшей в себя «остатки» бывших немецких школ. Таким образом 33-я средняя школа по Крюкову каналу, 15, стала единственной немецкой школой в нашем городе. Предназначалась она для детей антифашистов Германии и Австрии (шуббундовцев), немецких специалистов, работавших в Ленинграде, российских немцев. Принимались туда также дети других национальностей (а их было большинство), успешно сдавшие вступительные экзамены по немецкому языку.

Работала школа в первую смену, во вторую учились начальные классы русского отделения. Ввиду большого количества учащихся по необходимости вводились параллельные классы (но не более трех). В начальных классах все предметы, в том числе русский язык, преподавались на немецком. В старших классах часть предметов (русский язык и литература, русская история, труд) преподавались на русском; учебники, по мере возможности, печатались на немецком языке. Недостатка в хороших учителях не существовало. Это были педагоги из числа петербургских немцев, работавших ранее в других немецких школах, в гимназии Императорского человеколюбивого

общества, уцелевшие после революции только потому, что одержимые идеей педагогического подвижничества, не требовали оплаты за свой труд и довольствовались малым. Часть педагогов приехала из Республики немцев Поволжья. Но были учителя и из числа немецких эмигрантов.

Ко всем без исключения педагогам требовалось обращаться: *genosse* или *genossin*. Звать по имени отчеству категорически запрещалось, поэтому многие имена наставников в памяти бывших учеников не сохранились. Упаси Боже было сказать «Негг». Это грозило дисциплинарными взысканиями вплоть до исключения из школы.

Опускаю подробности обучения, которое было весьма разносторонним. Скажу только, что школа была великолепно оснащена всевозможными учебными кабинетами (физики, химии, естествознания и др.), музыкальными классами, большим физкультурным залом, мастерскими. Помимо пения обучали танцам, девочек обучали домоводству, мальчики трудились в мастерских. Работали различные кружки, в том числе драмкружок, которым руководил педагог А. С. Лаянц.

С 1932 г. школа имела свой пионерлагерь на ст. Вырица. Официально он числился за Немецким клубом, находившимся на Красной улице (сейчас дом культуры «Маяк»). Шефствовала над ним и фабрика им. Володарского. Особенно активно в лагере работал кружок юных натуралистов, о чем писала газета «*Rote Zeitung*» (22. 07. 35 г.), издаваемая на немецком языке Областным советом профсоюзов с 1930 г. Помимо постоянного состава кружка в нем могли работать все друзья природы. Возглавлял его замечательный педагог — преподаватель естествознания Ф. Ф. Ауль, который всячески поощрял интерес к природе и биологии. Особенно гордились юные натуралисты, когда получили задание от Академии наук собрать коллекцию насекомых края. В лагерь могли поехать все желающие, и не делалось никакого различия между «щуцбундовцами» и русскими ребятами.

Передо мной старые фотографии. Вот группа из 16 «щуцбундовцев» сфотографировалась со своими русскими друзьями. Все очень довольны, а больше всех — их «заводила» Иоган Ханцличек, тринадцати лет (1931 г.). Пионервожатым в лагере был Ганс Лобес, ставший после окончания школы директором лагеря, а затем и директором Немецкого клуба. На посту директора лагеря его сменил младший брат Пауль Лобес.

Я успела закончить в немецкой школе первые два класса. С большой теплотой вспоминаю своих учителей: учительницу начальных классов Г. П. Вормсбехер, классную руководительницу Л. Э. Клайн,

преподавателя русского языка Е. И. Шухардт, преподавателя географии К. К. Мертенса, преподавателя рисования В. Г. Вагнера и др.

В 1937 г. немецкую школу закрыли. В официальных кругах посчитали, что школа является рассадником фашизма. И еще длительное время после закрытия немецкого отделения школа находилась под прицелом пристального внимания соответствующих организаций. Но все мы, ее бывшие ученики, с уверенностью можем сказать, что не встречались с какими-либо проявлениями расизма или национализма. Воспитанные в традициях доброжелательства, помощи, веротерпимости, интернационализма, передававшихся из поколения в поколение, мы дружно отрицали саму идею фашизма. А что такое фашизм, мы хорошо знали из рассказов наших одноклассников, испытавших его на себе.

Закрытие немецкой школы сопровождалось арестами педагогов-немцев. Это коснулось и части эмигрантов. Одной из первых жертв стал наш директор Мазер (впоследствии расстрелян). Были арестованы биолог Ф. Ф. Ауль, математик Дик, преподаватель немецкого языка С. Д. Кроль и многие другие. Сроки ареста были различные — от одного месяца до нескольких лет. После трехмесячного заключения отпустили Ф. Ф. Ауля, который перешел затем в другую школу. Ученики 254-й школы, где он стал работать сначала преподавателем, затем завучем школы, сохранили о нем добрую память как о справедливом, принципиальном человеке, всегда подтянутом, неизменно доброжелательном, прекрасном специалисте. А вот путь к школе учителя Дика длился несколько лет, но до конца его он так и не прошел — замерз в суровую зиму 1941/1942 гг.

После закрытия немецкого отделения школа стала целиком русской, 252-й средней школой. Но ставить точку на истории школы пока еще рано, ведь часть педагогов-немцев остались в ней работать, остались многие ученики-немцы, ну и мы, русские — питомцы бывшей немецкой школы. Судьба детей немецких эмигрантов нам не известна. Говорили, что большинству из них удалось выехать из Советского Союза.

Обрушившееся вскоре на нашу страну военное лихолетье разметало по разным городам и весям многих учителей и учеников. Кто уехал добровольно, кого выслали насильственно. Не всем было суждено выжить. Хочется рассказать о некоторых известных мне судьбах наших учителей.

На Левашовской пустоши были расстреляны Мертенс и Нагель — жертвы новой волны репрессий. От голода погибли В. Г. Вагнер, Ф. Ф. Ауль, А. С. Лалаянц, Д. Д. Шухардт, разделившие со всеми

ленинградцами тяготы блокады. Трагически погибла наша преподавательница русского языка и литературы О. К. Бондарева, работавшая еще в гимназии Императорского человеколюбивого общества. В одну из яростных ночных бомбежек, в аду грохота и огня, старенькая учительница, жившая в общежитии при школе, выбежав из комнаты, шагнула в разбитое окно третьего этажа, приняв его за дверь.

К сожалению, мне не известны судьбы большинства ушедших на фронт. Знаю, что мальчики, окончившие 10-й класс в 1941 г., ушли в народное ополчение, затем на фронт. Среди погибших был Ю. Повозков — председатель учкома школы.

С начала войны полностью проявились все душевные качества нашего завуча, преподавателя физики и астрономии Давида Давидовича Шухардта (по паспорту Шухгардта), оставшегося в русской школе. Интересна его биография. Родился он в Республике немцев Поволжья в 1895 г. в одном из сел, отец его был мельником. Закончил Саратовскую гимназию, затем физико-математический факультет Саратовского университета, Московские центральные курсы длительной переподготовки. Учительствовал с 1922 г. в Саратове, в своем родном селе Красный Кут, где был директором школы, в других городах и селах Республики немцев Поволжья.

В конце 1930 г. вместе с семьей — женой Елизаветой Ивановной (девичья фамилия Фогель) и двумя маленькими сыновьями Эдвином и Гельмутом — переехал в Ленинград. Жена, тоже педагог, преподавала русский и немецкий языки в начальной школе. Вот что говорится в характеристике, выданной Д. Д. Шухардту перед войной директором школы Г. О. Руткевичем: «...В 33 средней школе работает с 1930 г., преподает физику в VI–X классах. Прекрасно подготовленный серьезный преподаватель, учащиеся получают у т. Шухгардта глубокие и прочные знания по физике. Тов. Шухгардт уделяет большое внимание отстающим учащимся. Дисциплина на уроках хорошая. Тов. Шухгардт активно работает в городском объединении физиков, в школе ведет работу по ПВХО как инструктор. Посещает кружок по истории ВКП (б)». (Последняя приписка — обязательная дань времени.) Что еще прибавить к этой краткой характеристике? Разве что с 1931 по 1935 г. он по совместительству преподавал в Военной электротехнической академии.

С первых же месяцев войны Д. Д. Шухардту пришлось исполнять обязанность директора школы. Вся подготовка к эвакуации детей целиком легла на его плечи. Несмотря на большую занятость в школе, Давид Давидович принимал участие в оборонных работах — выезжал на рытье окопов. Благодаря его стараниям в школу завезли дрова (которых, правда, хватило не надолго), налажено было регулярное питание школьников в столовой, которую он расположил в

подвале. В этих больших сводчатых подвалах он наладил и занятия, каждый класс имел свой отсек.

Давид Давидович приходил в школу каждый день, несмотря на то, что путь от дома до школы был не малый, а транспорт зимой 1941/42 гг. не работал. Бомбежки и обстрелы были ему не помехой. Большие страдания доставлял наступивший голод. Было больно видеть, как он, весь опухший от голода, не стесняясь нас, учеников, подбирал случайные объедки. Говорили, что дома они сварили все кожаные ремни в надежде как-то утолить голод. А там его ждали два голодных подростка — Эдвин и Гельмут — и маленький Арнольд — ученики нашей школы; о жене говорить не приходится, женщины терпеливее, считалось, что мужчины и подростки особенно чувствительны к голоду. Но никто никогда не видел, чтобы он или его жена злоупотребляли своим служебным положением, прося себе дополнительные порции так называемого супа, или дуранды, или шрот (соевые жмыхи).

24 января 1942 г., выйдя утром из дома в школу, обратно он не вернулся. На следующий день Елизавета Ивановна и средний сын Гельмут с саночками пошли искать его, но не нашли. Больницы и morgи никаких справок дать не могли. Позже удалось разыскать двух свидетельниц, которые якобы узнали в одном из покойников, лежащих на улице, Давида Давидовича. Парадоксально, но факт: его смерть удалось зарегистрировать только в 1954 г. по определению суда.

Через несколько дней, 28 января, умер старший сын Д. Д. Шухардта — Эдвин. Помимо острой дистрофии у него было двустороннее крупозное воспаление легких. Ему только что исполнилось 16 лет, в 10-м классе мальчику учиться не довелось. Похоронили Эдвина через месяц, на Ново-Волковском кладбище в одной могиле с нашим учителем рисования В. Г. Вагнером. Я считала, что погибла вся семья, но вот совсем недавно узнала, что Елизавета Ивановна, Гельмут и Арнольд выжили. Сыновья живут в Подмосковье, Елизавета Ивановна умерла там же в 1987 г. Я немедленно связалась с Гельмутом и узнала всю дальнейшую судьбу семьи, которая прошла через многие мытарства войны и репрессий 50-х гг.

Школьная общественность не дала погибнуть мальчикам, их определили в разные детские дома в крайне тяжелом состоянии. Елизавета Ивановна тоже попала в больницу. Немного поправившись, Гельмут поступил в ремесленное училище. Работала его слесарная группа на заводе подъемно-транспортного оборудования, выполняя заказы для нужд обороны.

Долгое время семья ничего не знала друг о друге. Арнольд был эвакуирован из Ленинграда в июле 1943 г., Елизавета Ивановна и

Гельмут уехали в конце лета. Только через год семье удалось воссоединиться. Елизавета Ивановна работала в детском доме в Чувашии, куда эвакуировали ленинградских детишек.

В 1948 г. Гельмут вернулся в Ленинград и поступил в Институт авиаприборостроения, жил в общежитии. В 1953 г. на V курсе его исключили из института и выслали в Чебоксары; причиной послужило нарушение правил режима спецпоселения его родной теткой, вздумавшей поехать без разрешения в Москву искать правду-матку. На обратном пути она навестила свою сестру — Елизавету Ивановну, сестры поговорили на родном языке, кто-то донес. А результат таков — тетя получила 25 лет каторжных работ в каменоломнях (так назывались трудовые лагеря), где и погибла. Пострадали все родственники: Елизавета Ивановна и Арнольд, ученик 9-го класса, получили статус спецпоселенцев (т. е. были лишены свободы передвижения и находились под постоянным наблюдением). Затем добрались до Гельмута. Уже в одном из сел Чувашии Елизавета Ивановна стала вести занятия в детском доме для глухонемых, Гельмут — работать в колхозе. В 1954 г. семья была реабилитирована. Гельмут вернулся в Ленинград, где ему с большим трудом удалось восстановиться на V курсе института. После окончания ЛИИПа по заявке из Московского центрального института авиационного машиностроения стал работать там сначала в должности инженера, затем и ведущего инженера. Здесь стал работать и Арнольд после демобилизации из армии и окончания Саратовского электротехнического техникума.

Я позволила себе вкратце рассказать историю семьи Шухардтов — она типична для многих немецких семей. И таких историй можно было бы рассказать немало.

Теперь вернемся снова к школе.

Жизнь в школе, несмотря на тяжелые времена, все же не гасла, она была одной из немногих школ Ленинграда, проработавших всю блокаду. Естественно, что в нее стали приходиться учителя и ученики из других не функционировавших в блокаду школ микрорайона. Но это уже другая история. Скажу только, что мы и учились, и охраняли ее, спасая от зажигательных бомб, последствий артобстрелов и т.п. За свою работу по охране школы, а также по очистке пришкольной территории, в том числе и от трупов, которые надо было на санках отвозить в районный морг, мы получали по две тарелки блокадного супа, которые, может быть, многим спасли жизнь в суровую зиму 1941–1942 гг.

Большим ударом для нас явилось введение в 1943/1944 учебном году раздельного обучения; 252-я школа стала мужской, девочкам

пришлось перейти в другую, тоже «блокадную» школу. Ушли и наши мальчики, но в школу другого района, для них в Октябрьском районе десятилетки не было. С учениками ушли многие педагоги, и, к сожалению, оборвалась история этой замечательной школы. А мы, бывшие ученики, до сих пор остаемся ее горячими приверженцами.

Остается добавить, что мужская школа просуществовала не долго. Ее сменила школа взрослых, затем ПТУ. Правда, в настоящее время здесь опять школа (№ 262), но связь учебных заведений оказалась полностью нарушенной. Истории 252-й (бывшей 33-й) школы сейчас уже никто не знает.

Желание вывести из незаслуженного забвения историю школы заставило меня взяться за более детальное ее изучение. Кое-что в этом направлении уже удалось сделать. В частности, удалось связаться с некоторыми бывшими учениками школы, более старшими по возрасту, которым не безразлична история школы и которые сумели бережно сохранить все, что с ней связано — фотографии, вырезки из газет, имена и адреса некоторых педагогов и учеников. Это прежде всего Ю. Ф. Ауль (сын преподавателя Ф. Ф. Ауля), О. Ф. Тарасов, В. А. Шермушенко (сын учительницы А. В. Шермушенко, нашей доброй хранительницы в блокадное время) и др. Они любезно предоставили мне свои материалы, за что я им чрезвычайно благодарна. От них я узнала, что из среды питомцев нашей школы вышли такие всемирно известные ученые, академики, как Б. В. Раушенбах, работающий в области космонавтики, он же является председателем Союза немцев СНГ; С. Ковалев — кораблестроитель, дважды Герой соц.труда, его бюст установлен в Парке Победы; С. Шварц — эколог; С. Тихвинский — востоковед; В. Пашута — историк и многие, многие другие.

Да и сами Ю. Ф. Ауль, О. Тарасов, В. Шермушенко — заслуженные люди. За их плечами фронт и многолетний труд, они до сих пор полны творческой активности.

Работа по воссозданию истории школы общими усилиями только начинается. Было несколько выступлений, небольших публикаций. Но планов много, хотелось бы опубликовать коллективный труд по истории немецких школ в Петербурге. Есть идея наладить контакты с новой школой в нашем здании с целью сохранения традиций.

Хочется надеяться, что, прочитав эту статью, кто-то откликнется и поможет восстановить забытые или неизвестные страницы истории этой школы.

* * *

Уже после того, как эта статья была подготовлена, идея установления контактов с новой школой стала осуществляться. 17 мая сего

года состоялась встреча учеников 262-й школы с бывшими воспитанниками немецкой школы. Встреча прошла очень интересно. Ребята подготовили небольшой музыкально-литературный концерт, а мы рассказали об истории нашей школы, о судьбах некоторых учителей и учеников, передали имеющиеся у нас фотографии для будущего школьного музея. Ребята побывали на экскурсии в Музее антропологии и этнографии, где работают несколько бывших учеников 252-й школы, в том числе и автор этих строк. Договорились, что с нового учебного года в Музее будет работать школьный кружок. Таким образом мы надеемся помочь восстановлению преемственности поколений учащихся нашей общей школы.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЦЕВ В РОССИИ

Е. Б. Яковлева

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕМЬИ ОЛЬДЕНБУРГСКИХ В РОССИИ В XIX в.

В начале Литейного проспекта находится Мариинская больница, в ограде которой на постаменте возвышается чаша со змеей. Этот аполитичный символ медицины заменил здесь памятник принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. На постаменте памятника была помещена надпись: «Просвещенному благодетелю». Так благодарные современники оценили широкую благотворительную деятельность принца.

Ольденбургские узами близкого родства связаны с домом Романовых. Германский род принцев Ольденбургских принадлежит к младшей, Гольштейн-Готторпской, линии Ольденбургской династии. Легендарным предком Ольденбургских по женской линии считался вождь саксов Витекинд, боровшийся против агрессии Карла Великого. Династия Ольденбургских возвысилась с конца XIV в. Один из представителей этого рода был избран королем Дании. Впоследствии он присоединил к своим владениям Швецию и Норвегию. Его потомки оставались монархами до середины XIX в.¹

С течением времени от Ольденбургского дома отделилась гольштейн-готторпская ветвь, представители которой стали известны в России под титулом принцев, или герцогов, Голштинских. Один из этих принцев состоял на русской службе при Петре I. Дочь последнего Анна была выдана замуж за герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского. От этого брака родился Карл-Петр-Ульрих, который после смерти Елизаветы Петровны взошел на русский престол под именем Петра III. С ним герцогство Голштинское на некоторое время перешло во владение Российского императорского дома.

Один из принцев Ольденбургских — Петр-Фридрих-Георг (русское имя Георгий), состоя на службе при Александре I, в 1809 г. женился на сестре императора вел. княжне Екатерине Павловне. После

этого принц Георгий Петрович (как его именовали по-русски) развернул широкую деятельность на служебном поприще. Будучи тверским, ярославским и новгородским генерал-губернатором, он явился учредителем в Петербурге Экспедиции водных сообщений, а впоследствии и Экспедиции об устройстве дорог. Став своеобразным министром путей сообщения, принц за три года службы успел проинспектировать основные гидротехнические системы Европейской части России. Вершиной его недолгой государственной деятельности стало учреждение в Петербурге Генерального корпуса инженеров — будущего Института путей сообщения — учебного заведения, столь необходимого для необъятной России.²

Во время Отечественной войны 1812 г. принц Георгий Петрович при посещении одного из госпиталей заболел и вскоре скончался. Незадолго перед тем у него и вел. княгини Екатерины Павловны родился второй сын — Петр (немецкое имя — Константин-Фридрих-Петр), будущий известнейший благотворитель. Екатерина Павловна вторым браком вышла замуж за принца Вюртембергского, который после ее смерти в 1818 г. отправил своих пасынков в Ольденбург для получения образования.

Уже в семнадцать лет принц Петр начал свою благотворительную деятельность. После смерти любимого брата Александра, с которым он вместе воспитывался и учился в Ольденбурге, принц Петр приказал похоронить его без всякой пышности, по простому обряду, что соответствовало желанию самого Александра. Сэкономленные таким образом одиннадцать тысяч талеров принц пожертвовал институту глухонемых в одном из соседних немецких городов.³

В 1830 г. принц Ольденбургский был вызван Николаем I на русскую службу. Здесь принц неожиданно стал популярной политической фигурой, как наиболее вероятный претендент на греческий престол после обретения Грецией независимости. Однако этим планам не суждено было осуществиться.

До 1834 г. принц Петр Георгиевич служил в Преображенском полку, где учредил первую в России школу для солдатских детей — так называемую школу кантонистов. Такие школы широко распространились в русской армии и просуществовали до военных реформ.⁴

В 1834 г. двадцатидвухлетний принц вышел в отставку. Его уход из армии был, по-существу, актом протеста против того, свидетелем чего по долгу службы ему пришлось быть: на его глазах наказанию шпицрутенами была подвергнута женщина — ее прогнали сквозь строй.

Петр Георгиевич перешел на службу в I департамент Сената, осуществлявший надзор за правительственным аппаратом, обнаружением законов и пр. Это поприще не было случайным. Еще состоя

на службе в армии, он усиленно занимался юриспруденцией. Видя на практике колоссальный разрыв между деятельностью центральных органов власти и формами осуществления власти на местах, принц пришел к выводу о необходимости создания в России прослойки государственных чиновников, знающих всю специфику делопроизводства и способных достаточно квалифицированно исполнять свои обязанности в уездах и губерниях. Проект принца Ольденбургского получил высочайшее одобрение. Из своего капитала Петр Георгиевич пожертвовал 1 300 000 рублей на создание в Петербурге училища правообразования. Для этой цели был куплен дом на углу Фонтанки и Сергиевской улицы, разработана программа, подобраны штаты.⁵

Училище было открыто 15 декабря 1835 г. Первый набор составили сто учащихся. Преподававший в Училище правообразования с 1876 по 1882 г. Анатолий Федорович Кони вспоминал, что «курс был разработан с любовью и вниманием и принимался моими слушателями, из которых некоторые теперь уже сенаторы, с видимым интересом. На экзамены являлся принц Петр Георгиевич Ольденбургский, а иногда он заходил и на мои лекции».⁶ Выпускниками Училища правообразования были многие деятели русской культуры: П. И. Чайковский, А. Н. Серов, В. В. Стасов, А. Н. Апухтин и многие другие.

Помимо Училища правообразования, содержавшегося на его средства, принц Ольденбургский был попечителем С.-Петербургского коммерческого училища и Александровского лицея. Деятельность Петра Георгиевича в области просвещения позволила поднять женское образование в России на качественно новую ступень. В 1844 г. по его инициативе при IV отделении Собственной е.и.в. канцелярии был учрежден специальный Комитет — центр по управлению учебным процессом в женских учебных заведениях. Вскоре этот Комитет преобразовался в Главный совет (под председательством принца П. Г. Ольденбургского), игравший роль министерства женского образования в России. В 1855 г. вышел устав женских учебных заведений, а через три года открылось первое в России семиклассное «училище для приходящих девиц», названное Мариинским. Вскоре по всей России стали открываться подобные женские гимназии. Женское образование становилось открытым. Через почти шестьдесят лет, к моменту Октябрьской революции, систему образования в России уже нельзя было представить без женских гимназий.

Кроме общеобразовательного направления в женском просвещении принцем Петром Георгиевичем были созданы и первые профессиональные женские училища. Так, в 1844 г. появились первые в России двухгодичные педагогические курсы при Александровских женских училищах в Петербурге и Москве. В 1863 г. были созданы

специальные женские педагогические курсы, а через восемь лет — двухлетние курсы учительниц французского языка.

В 1860 г. П. Г. Ольденбургский становится главноуправляющим IV отделением Собственной е.и.в. канцелярии, и вскоре при контрольной экспедиции этого учреждения открываются курсы практического счетоводства для девиц. Через четыре года, в 1864 г., был сделан большой шаг в расширении профессиональных возможностей для детей-сирот. При С. -Петербургском воспитательном доме открылась учительская семинария, подобие современного педагогического училища. Вскоре в России открылись двадцать начальных школ, где трудились выпускники семинарии.

Проживая в С. -Петербурге, принц также принимал участие и в Московском воспитательном доме. По его инициативе при этом заведении было открыто ремесленное училище, преобразованное в 1868 г. в Императорское московское техническое училище. Дело обучения сирот в этом училище было поставлено столь хорошо, что многие иностранцы, особенно американцы, приезжали перенимать опыт.⁷

Таким образом, в большой и многогранной педагогической и просветительской деятельности принца П. Г. Ольденбургского наиболее ценной частью было создание системы женского образования в открытых учебных заведениях.

Общественная деятельность принца не ограничивалась сферой просвещения. На его средства были созданы два детских приюта на 450 мест. Известная всем ленинградцам и петербуржцам детская больница им. Раухфуса — это построенная и оборудованная на средства принца П. Г. Ольденбургского больница «для детей преимущественно недостаточных родителей». Больницы Маринская, Обуховская, Петропавловская также состояли под попечительством принца Петра Георгиевича.

Скончался П. Г. Ольденбургский в С.-Петербурге в 1881 г. Его многосторонняя деятельность принесла три главных плода: создание системы открытого женского общего и профессионального образования, подъем дела профессионального образования сирот и создание высшей школы правоведов в России.

Деятельность сына П. Г. Ольденбургского Александра Петровича в области благотворительности не была столь широкой, как деятельность его отца. Но и она имела «свое лицо». Любимый миллионами наших соотечественников курорт Гагра — детище Ольденбургского. В 1900–1901 гг. началось освоение болотистых субтропических мест под Гагринскую климатическую станцию, как тогда называли будущий курорт. Он создавался на земле Гагринской лесной дачи, принадлежавшей Департаменту уделов и пожалованной Александру Петровичу. После вырубки леса, мелиорации, строительства дорог и

проведения электричества, строительства гостиниц и создания, говоря современным языком, инфраструктуры сюда в 1902 г. начали приезжать первые отдыхающие. Особой заботой создателей курорта была его общедоступность.

Из архивных дел фонда принцев Ольденбургских, хранящегося в Рос. государственном архиве (фонд № 552), видно, что поначалу «климатическая станция» была убыточна. Финансовые потери пытались компенсировать за счет продажи участков под строительство дач частным лицам.⁸

Жена А. П. Ольденбургского, принцесса Евгения Максимилиановна, также внесла свой заметный вклад в дело благотворительности. Она основала и была попечительницей Калинкинской больницы. Ею была также основана амбулатория для бедных, куда они могли обращаться за бесплатными лекарствами и медицинской помощью. Сегодняшние петербуржцы знают эту амбулаторию как Максимилиановскую поликлинику.

Вместе с Александром Петровичем в создании Гагринской климатической станции деятельное участие принимал его сын Петр Александрович. Но все же главной сферой его деятельности была армия, а не благотворительность. Эстафету благотворительной деятельности приняла его жена, вел. княгиня Ольга Александровна, сестра последнего русского императора.

Представляется правомерным говорить здесь о благотворительной деятельности и Ольги Александровны, так как, с одной стороны, она была женой последнего в России принца Ольденбургского, а с другой — материалы, освещающие ее широчайшую деятельность, отложились в упоминавшемся фонде № 552 в РГИА.

Знакомство с характером и масштабом благотворительной деятельности Ольги Александровны приводит к выводу о том, что вопросы, которые только в последние годы стали подниматься как большие и животрепещущие, уже находили свое отражение в ее деятельности.

В фонде Ольденбургских большим комплексом выделяются документы Комитета по увековечению памяти русских воинов сухопутной армии, павших на войне 1904–1905 гг., состоявшего под председательством великой княгини.⁹ Задачей этого Комитета, куда входил и принц П. А. Ольденбургский, было приведение в порядок и создание вновь кладбищ русских воинов в Южной Манчжурии и на Квантунском полуострове. По всей России открывались отделения этого Комитета для сбора средств. Была составлена специальная инструкция о переносе останков русских воинов. В Мукдене открылся православный храм. Работа Комитета продолжалась с 1909 по 1915 г. За это время было создано десять кладбищ русских воинов.

Другим большим разделом деятельности Ольги Александровны была помощь материнству и детству, как говорим мы сегодня. Так, под покровительством ее состояло Общество защиты детей от жестокого обращения, существовавшее с 1896 г. и имевшее свои капиталы и дачу.¹⁰ Ольга Александровна была главой и деятельной участницей Общества по борьбе с детской смертностью в России, созданного в 1904 г. Одним из разделов работы этого Общества стало создание сети детских яслей по всей России.¹¹

Перед самым началом первой мировой войны целый коллектив под руководством Ольги Александровны приступил к разработке устава Комитета по охране детства. Многочисленные учебные заведения, детские приюты, больницы, склады одежды для помощи нуждающимся детям, дети-стипендиаты — все это также входило в сферу благотворительной деятельности Ольги Александровны, у которой от брака с А. П. Ольденбургским детей не было.

В годы войны Ольга Александровна служила сестрой милосердия в г. Ровно, причем не номинально, а вполне конкретно участвуя в операциях, ухаживая за ранеными. Бедствия войны произвели на нее такое впечатление, что она организует Общество для восстановления трудоспособности увечных.¹² Таким образом, проблема общественной реабилитации инвалидов также была поставлена Ольгой Александровной.

В мае 1917 г. Ольга Александровна сложила с себя все благотворительные функции, а после октябрьского переворота уехала за границу.

Даже краткое знакомство с просветительской и благотворительной деятельностью принцев Ольденбургских и вел. княгини Ольги Александровны позволяет говорить о них, как о крупнейших, наряду с вел. княгиней Еленой Павловной, благотворителях — достойных преемниках императрицы Марии Федоровны.

¹ *Сюзор Г.* Памяти друга человечества: К столетней годовщине со дня рождения е.и.в. принца П. Г. Ольденбургского (1812–1912). СПб., 1912.

² *Русский биографический словарь.* Т. 12 «Обезьянинов-Очкин». СПб., 1905. С. 246–251.

³ *Папков А. А.* Жизнь и труды Петра Георгиевича Ольденбургского. СПб., 1885.

⁴ *Шрейер Ю. Р.* 50-летний юбилей е.и.в. принца Петра Георгиевича Ольденбургского. СПб., 1881. С. 35.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ *Кони А. Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич // А. Ф. Кони. Избранное. М., 1989. С. 406.

- ⁷ Подробнее об этом см.: *Анненкова Э. А., Голиков Ю. П.* Русские Ольденбургские и их дворцы. СПб., 1997.
- ⁸ РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 49–51; Д. 502 (1901–1902).
- ⁹ Там же. Оп. 1, раздел IV «По Комитету по увековечению памяти русских воинов сухопутной армии, павших на войне 1904–1905 гг.». Д. 241–274 (1906–1914).
- ¹⁰ Там же. Д. 412 (1903–1917).
- ¹¹ Там же. Д. 426 (1906–1917).
- ¹² Там же. Д. 468 (1915–1917).

М. Ш. Файнштейн, А. А. Стриженко

К. И. ЯНИШ — ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР
«ДЕМИДОВСКОГО ВЫСШИХ НАУК УЧИЛИЩА»

8 сентября 1802 г. был издан Манифест об учреждении в России министерств, заключавший в себе между прочими положениями и призыв к пожертвованиям на дело российского просвещения. Одним из первых откликнулся на него Павел Григорьевич Демидов (1738–1821), один из трех братьев — представителей этой славной фамилии. На пожертвованные им средства было решено основать в Ярославле «Демидовское высших наук училище». Теперь необходимо было найти преподавателей. В этом помог Московский университет. В начале 1804 г. им были «отряжены» в Ярославль профессорами: естественной истории, химии и технологии — Карл Иванович Яниш; словесности, древних языков и российского красноречия — магистр Иван Евсевьевич Срезневский, избранный затем первым инспектором; математики — Василий Осипович Шишацкий — первый секретарь совета; прав естественного и народного — кандидат Иван Давидович Вильке и философии — магистр Фридрих Андреевич Шмидт.

В те годы в Ярославле трудно было найти подготовленных студентов. Поэтому Московский университет прислал в училище и первых студентов. Это были: Васюков Петр — сын сотенного хорунжего, Поспелов Андрей — сын губернского секретаря, Симонтовский Алексей — сын унтер-полнера десятого класса, Соц Василий и Чанов Федор — сыновья поручиков.¹

В начале 1805 г. был принят устав училища. Управление им вверялось проректору, избранному из числа профессоров. Первым стал Карл Иванович Яниш. Сведения о нем скудны. В 1800 г. судьба привела молодого человека, выпускника медицинского факультета

Лейпцигского университета, в Москву. В 1801 г. двадцатипятилетний ученый выдержал экзамен на звание врача в Государственной медицинской коллегии и был определен на должность ординатора в палатах Главного московского военного госпиталя. В 1803 г. по Высочайшему указу, данному Государственной медицинской коллегии, он получил «докторское достоинство и позволение отправлять вольную практику в России».² В том же году он защитил докторскую диссертацию. Она называлась «О болезни век».

Впрочем, практическая медицина мало занимала молодого человека. С января 1804 г. он уже числился адъюнктом философского факультета Московского университета, а в феврале прибыл в Ярославль. В двадцать девять лет он стал проректором Демидовского училища.

29 апреля 1805 г. состоялось освящение нового учебного заведения. Торжественное заседание открыл проректор. Он познакомил присутствующих с уставом и задачами, стоящими перед училищем. Оно должно было готовить выпускников для практических профессий: статистиков, законоведов, специалистов-естественников.

Преподавали здесь словесность, древние языки и «российское красноречие», философию, право «естественное и народное», математику, естественную историю, химию, статистику и финансовое дело. Студенты учили также иностранные языки и закон божий. По традиции, заимствованной в Московском университете, в Демидовском училище «академические» курсы не ограничивались семестрами: каждый мог продлить свои занятия на столько, на сколько ему позволяли средства, обстоятельства и способности. Правила внутреннего распорядка для студентов были достаточно суровыми, почти монастырскими. Они гласили: «Инспектор, имея в ведении своем воспитанников и комнатных надзирателей одного училища, должен наблюдать следующее: 1) Обязан иметь вообще наблюдение за чистотою воздуха в спальнях детей так, как и за порядком оных. 2) Обязан быть как можно чаще при репетициях и при приуготовлении детей к классам, как поутру, так и после обеда, и помогать своими сведениями в их упражнениях; также при утренней и вечерней молитве. 3) После нравственного детей воспитания и образования характера их должен он смотреть и за физическим их состоянием, наблюдая всякий раз, чтобы не было неопрятных или больных; сих последних посылать немедленно в больницу, если без того обойтись не можно, и тотчас дать знать о том проректору. 4) Смотреть при столе за доброю кушанья и за тем, чтобы ни в чем не было недостатка; в противном случае относиться к проректору или совету. 5) Наблюдает, чтобы служители не приносили детям лакомств и прочих покупок, также чтобы не ходили к ним разносчики и продав-

цы. 6) Он бывает в церкви, когда воспитанники слушают литургию. В летнее время может отпускать их прогуливаться под присмотром комнатного надзирателя. 7) Отпускает в праздники к родственникам тех только воспитанников, за которыми будет прислано, не позволяя отлучаться одним. 8) Должен наблюдать, чтобы о всех посетителях, приходящих к воспитанникам, ему сказывали немедленно и никого без позволения его к ним не допускали. 9) Он бывает при встрече знаменитых посетителей и ведет записку оных, которую представляет совету. 10) Нерадивых воспитанников инспектор исправляет увещаниями, выговорами. В случае же повторения проступков оных может он запретить им обедать, где таковым, сидящим с прочими вместе или особо в столовой, подается по приказанию его хлеб и вода; в важнейших преступлениях относится к проректору. 11) Вообще проректор и инспектор воспитанников Демидовского училища вышних наук, что касается до воспитания юношества, руководствуются правилами, предписанными уставом Московского Императорского университета г-ну ректору сего университета и инспектору казенных студентов».³

Занятия в училище начинались в 8 часов утра и длились до 12 часов дня. Затем наступал трехчасовой перерыв. Завершались занятия в 7 вечера. К. И. Яниш преподавал по понедельникам, средам и пятницам с 5 до 7 часов. Постигать науки студентам было не просто. Профессора читали лекции только на латинском языке. Это объяснялось и тем, что некоторые из преподавателей по-русски говорили очень плохо.

Карл Иванович руководил училищем недолго — до 1808 г. За это время полный курс окончили только шесть человек. Упомянем лишь одного — Василия Ивановича Сопа (1788–1841). После завершения курса с 1805 по 1807 г. он преподавал математику, географию, русскую историю и словесность в «альма матер», затем переехал в Петербург, где служил в цензурном комитете. Известен он и как автор оригинальных сочинений и переводов, библиографических справочников. Немалую роль в развитии способностей этого выпускника сыграл и сам проректор.

Как высшее официальное лицо в училище Карл Иванович открывал все годовые торжественные заседания. Так было 29 апреля 1805 г. — в год освящения училища. А в 1807 г. на очередном юбилее он прочел научный доклад «Замечания о материи света», опубликованный в типографии Московского университета. В тот год в семье Карла Ивановича произошло событие, увековечившее его имя не как ученого. У него родилась дочь Каролина — впоследствии знаменитая поэтесса Каролина Карловна Павлова.

Первый ярославский период жизни К. И. Яниша длился около четырех лет. В 1808 г. он с семьей перебрался в Москву — по видимому, жизнь в провинции не отвечала честолюбивым помыслам ученого. В белокаменной ему предложили профессорскую кафедру при Медико-хирургической академии. Но наполеоновское нашествие прервало спокойную жизнь Янишей. Спасаясь от военной угрозы, они, как и многие москвичи, покинули старую столицу России. И вновь Ярославль приютил семью бывшего директора Демидовского училища.

Через год вернулись в Москву, Карл Иванович восстановился в академии, а затем был приглашен и в университетский госпиталь. К началу 1820-х гг. дом Янишей на Мясницкой стал широко известен как один из оазисов культурной жизни города. Здесь бывали ученые, литераторы, артисты. Многие стремились сюда из-за обожяемой родителями Каролины — она уже была восходящей звездой поэтического Олимпа Москвы. В 1826–1828 гг. у Янишей часто бывал Адам Мицкевич, в ту пору он был влюблен в дочь профессора. Их дом посетил и знаменитый Гумбольдт — в августе 1829 г. он возвратился из научной поездки на восток России. Маститого ученого здесь ждали не только беседы собрата по науке — Каролина читала ему свои стихи. Особенно преуспела она как переводчица. В 1833 г. в Дрездене и Лейпциге вышел ее первый сборник «Das Nordlicht» («Северное сияние»), где она познакомила немецких читателей с поэзией Пушкина, Жуковского, Дельвига, Языкова, со своими стихотворными опытами. Видимо, у истоков переводческой деятельности Каролины стоял отец — первый свой труд она посвятила Карлу Ивановичу.

В 1830-е гг. профессор уже в отставке. Теперь его занимали заботы о семье дочери (в 1837 г. Каролина Карловна вышла замуж за известного литератора Н. Ф. Павлова). Не забывал он и о науке, занимался математикой и физикой. Пробовал себя и как художник-любитель.

Финал жизни Карла Ивановича трагичен. В январе 1854 г. Яниши вместе с дочерью и внуком перебрались в Петербург. Здесь семью ожидало несчастье. В столице свирепствовала холера — и через две недели профессор умер. Семья в ужасе бежала в Дерпт. Яниша похоронили на средства прихода в общей могиле. Так печально завершилась жизнь этого замечательного человека.

¹ Головищков К. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886). Ярославль, 1887. С. 57, 62, 63.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 73–74.

И. В. Ерофеева

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЦЕВ
НА ЮГЕ СИБИРИ И В КАЗАХСТАНЕ
В XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Укрепление международных позиций России как европейской державы в XVIII — начале XIX в. повлекло за собой кардинальные изменения в социально-культурном развитии страны и духовной жизни ее населения. Определяющей тенденцией развития российского общества с этих пор становится трансформация средневекового конфессионально-теологического мышления, утверждение науки, просвещения и искусства в русле европейской культуры того времени.

Одной из ведущих движущих сил процесса, модернизации России, особенно на первых его этапах, были высокообразованные специалисты из многих западноевропейских государств, перед которыми впервые широко открыл двери страны Петр Великий. Среди них были ученые, полководцы, инженеры, врачи, педагоги, артисты, мореплаватели. Особенно много таких специалистов приезжало в Россию из соседних германских государств, разделенных долгое время религиозными, экономическими и историческими обстоятельствами.

Воспитанные в интеллектуальной атмосфере европейского Просвещения, на рационалистических понятиях европейской культуры, многие специалисты периода XVIII — начала XIX в. самым характером своей профессиональной деятельности и своими печатными произведениями способствовали утверждению в русской провинциальной среде нового типа мировоззрения и социального поведения, росту общеобразовательного уровня русских людей, распространению среди них передовых естественнонаучных и гуманитарных знаний, внедрению в исследовательскую практику научных методов познания природы и общества, а также становлению других прогрессивных социокультурных явлений.

В начале 20-х годов XVIII в. в России насчитывалось примерно 143 тыс. немцев, а в 60-е гг. того же столетия — свыше 160 тыс. человек. Самая крупная группа немцев (53,1 и 65,2 тыс. человек) размещалась в это время в Прибалтике.¹ Кроме того, много немецких иммигрантов было сосредоточено в Петербурге, Москве и Киеве. На остальных территориях России их численность была невелика.

Во второй половине XVIII — середине XIX в. в результате иммиграционных мероприятий Екатерины II количество немецких переселенцев в стране заметно возросло. Большие группы немцев были по-

селены в Поволжье, на юге Украины, в Молдавии и на Волыни. Много немцев разместилось также в Петербурге и небольшая часть — на Южном Урале и в восточных регионах России.²

Появление немцев на азиатской периферии страны относится к 30–60-м гг. XVIII в. Важное военно-стратегическое значение южных регионов Урала и Западной Сибири обусловило специфические особенности присутствия здесь немецких мигрантов и особый социальный статус первых групп немцев, разместившихся на этих территориях. Подавляющее большинство из них составляли урбанизированные балтийские немцы, находившиеся на русской регулярной службе.

В середине XVIII в. около 30 немцев проходили воинскую службу в Омском гарнизоне и в крепостях на сибирских пограничных линиях, 50 немцев, в том числе 10 горных офицеров, проживали в Барнауле, 14 семей, составляющих в совокупности около 60 человек, — в Оренбурге и приблизительно 20–25 офицеров немецкого происхождения с их семьями были рассредоточены по крепостям и форпостам Оренбургской пограничной линии.³ Судя по отдельным фрагментарным данным, на протяжении почти всего XVIII в. немцы были численно преобладавшей этнической группой в составе офицерского корпуса российских пограничных войск. Ввиду отсутствия в русской армии высококвалифицированных военных специалистов из среды этнических россиян, высшие должностные места в системе регулярной воинской службы продолжительное время занимали почти исключительно лица немецкого происхождения.

Командование русскими войсками на сибирских пограничных линиях осуществляли в XVIII — первой четверти XIX в. генералы Х. Х. фон Киндерман (1744–1752), И. И. Крафт (1752–1756), Ф. Ридлер (1756–1757), Ф. И. Дегаррис (1756–1764), К. Л. фон Фрауендорф (1757–1760), Г. фон Веймарн (1760–1763), И. фон Шпрингер (1764–1768), П. А. Девинц (1767–1768), И. А. Деколонг (1774–1777), Г. Э. фон Штрандман (1787–1800), Д. Н. Юргенц (1787–1793), Г. И. Глазенап (1807–1819) и некоторые другие. В их компетенцию входило, наряду с мероприятиями по укреплению обороноспособности российских границ, развитие внешних контактов с сопредельными азиатскими странами и народами.

В составе высших военно-административных органов Оренбургского края, ведению которых подлежали северо-западные регионы Казахстана, немецкие мигранты также имели высокий удельный вес по сравнению с представителями других этносов России. В середине XVIII — первой трети XIX в. среди 13 генерал-губернаторов Оренбургского края было 5 немцев: И. А. Рейнсдорп (1769–1781),

И. В. Якоби (1781–1783), Г. О. фон Игельстром (1785–1800), А. А. Петулинг (1790–1794), П. К. Эссен (1817–1830), что составило 38,4% числа лиц данной должностной категории.⁴

Еще более широко были представлены немцы в правлении Кольвано-Воскресенского горного округа, юрисдикция которого распространялась на всю правобережную часть современной Восточно-Казахстанской области. С 1747 г. до середины XIX в. в числе 11 начальников Кольвано-Воскресенских заводов было 7 немцев (63,6%).⁵ Немецкие специалисты численно доминировали в округе и среди горных офицеров среднего звена, что обусловило создание на его территории немецкой горнозаводской школы (указ Кабинета от 17/XII 1750 г.) и отдельного церковного прихода для местных чиновников-лютеран.

Помимо немцев — военнслужащих и офицеров горного ведомства на юге Сибири и в северных приграничных районах Казахстана поселялись по долгу службы либо по собственному призванию гражданские чиновники, врачи, фармацевты, учителя, ремесленники, протестантские и католические священники и представители многих других профессий. Все они концентрировались преимущественно в административных центрах Западной Сибири (Тобольск, Омск, Оренбург, Барнаул) и сибирских линейных крепостях (в основном Орская, Петропавловская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Железинская), где возникали небольшие немецкие общины. Многие немцы прослужили в приуральских, прииртышских и приишимских степях большую часть своей сознательной жизни и впоследствии обрели здесь свою вторую родину.

В последнее время, в связи с усилившейся реэмиграцией российских немцев с территории СНГ на их историческую родину, в российской историографии заметно актуализировалась проблема исторического вклада немецкого этноса страны в развитие отечественной экономики и культуры и, в особенности, специфики влияния немецких поселенцев на процесс модернизации социокультурного облика дореволюционной России. При этом в работах многих как зарубежных, так и российских авторов характер этого влияния интерпретируется несколько упрощенно, главным образом как прямое заимствование и копирование западных образцов. Между тем, было бы неправомерным, на наш взгляд, однозначно идентифицировать слово «влияние» с механическим внедрением структурных компонентов одной культуры или ее видимых внешних форм в другую культуру. Думается, что в более широком и, по-видимому, более точном понимании этимологии этого слова оно означает: 1) диффузию культур — растекание из одного центра культурных новаций в социокультурном пространстве континента и их усвоение разными культурами; 2) прямое заимство-

вание, то есть сознательную и дискретную инкорпорацию некоторых элементов одной социокультурной системы в другую систему; 3) формирование традиции — спонтанный и длительный по времени процесс восприятия ценностей чужой культуры, протекающий на межпоколенном уровне в пределах смены нескольких поколений; 4) осмос — заимствование социокультурными организмами друг от друга по параллельным каналам разнородных элементов культуры; 5) конвергенцию — параллельное развитие во времени и в пространстве разных социумов, культурные элементы которых в процессе своей эволюции обнаруживают тенденцию к сближению; 6) мидральное, или опосредованное, влияние или заимствование, при котором новации, воспринятые социумом от какой-нибудь соседней культурной системы, для последней являются также гетерогенными, т.е. заимствованными в свое время от другой или других культур, либо же, что еще сложнее, бывают конвергентными у нескольких культурных сообществ, самостоятельно развивающихся в геополитическом пространстве, но близких друг к другу по способу производства, социальной организации культурного пространства, конфессиям и прочим системообразующим признакам. В последнем случае определить источник культурного влияния особенно непросто.

В исторической ретроспективе культурных отношений русского народа с немцами и другими европейскими народами можно обнаружить все вышеперечисленные варианты взаимовлияния культур, но вместе с тем нельзя не видеть, что доминанта каждого из них, преобладающий вектор влияния, плотность и динамика информационных потоков, объем заимствований и глубина проникновения в культуры заметно изменялись в каждую эпоху в зависимости от многих факторов, в том числе и от степени глубинных цивилизационных различий между двумя культурно-историческими мирами.

Для традиционно аграрной цивилизации России XVIII — первой трети XIX в., с ее сословно-корпоративными видами собственности, отсутствием развитой социально-институциональной, коммуникативной и информационной инфраструктуры, слабо освоенным геополитическим пространством, устойчивыми традициями конфессионально-этнократического изоляционизма, религиозно окрашенным менталитетом подавляющего большинства населения и пр., первое столетие тесного и интенсивного общения русских людей с урбанизированными переселенцами из германских государств и остзейских провинций империи было эпохой преимущественно прямой ретрансляции тех или иных элементов западных культурных систем на уже во многом подготовленную русскую почву. Не случайно десятилетия правления Петра I, его ближайших преемников,

включая Екатерину II и Александра I, вошли в отечественную историографию как период «европеизации» России.

В то же время по мере ускорения темпов общественного развития страны, дальнейшей трансформации и европеизации русской культуры происходило сокращение цивилизационной дистанции между ней и культурными сообществами Западной Европы, что влекло за собой уменьшение удельного веса прямых заимствований извне за счет возрастания доли других, более усложненных форм взаимовлияния культур, и в первую очередь — процессов конвергенции элитных компонентов культурных систем русского и немецкого народов.

В этой связи широко употребляемое в западной научной литературе понятие «ассимилированные немцы» по отношению к урбанизированной части немецкого этноса России нам представляется не совсем удачным с научной точки зрения, поскольку, во-первых, этимология данной формулы вступает в известное противоречие с проводимой авторами мыслью об ассимилированных, т.е. утративших европейскую идентичность, городских поселенцах как ретрансляторах собственно европейских культурных ценностей на русско-азиатский Восток; и, во-вторых, потому, что она не адекватно отражает гораздо более сложную и многомерную культурно-историческую картину. Городские немцы предстают здесь в основном принимающей, но не дающей стороной, а следовательно, в качестве только объекта, а не одновременно субъекта и объекта трансформирующего воздействия. При этом фактически ускользает из поля зрения такой важный момент, как постепенная европеизация социокультурного облика самого русского городского населения, вследствие чего процессы «облучения» иноэтнической культурой в российской урбанизированной среде по мере своего развития и углубления приобретали отчетливо просматриваемый характер взаимности.

Появление урбанизированных групп немцев в XVIII — начале XIX в. на обширных и слабозаселенных пространствах азиатской России имело несомненно важное значение для хозяйственного и культурного развития Сибири, принимая во внимание, что численность более или менее образованных людей за Уралом в то время была крайне невелика.

Наличие постоянных контактов с соотечественниками, проживавшими в германских княжествах, Прибалтике, Петербурге и Москве, позволило части сибирской колонии немецких военнотружущих и гражданских чиновников выполнять функцию необходимого коммуникативного звена в механизме распространения важных культурных новаций и европейского Просвещения в Юго-Западных районах Сибири и на сопредельных территориях Казахстана. Большую роль в этом процессе играла культурно-просветительская деятельность

таких немецких дворян, как генералы Ганс фон Веймарн (1722–1792), Карл фон Фрауендорф, Густав-Эрнест фон Штрандман (1742–1803) и, особенно, командующий войсками на Сибирской линии в 60-е гг. XVIII в. генерал-поручик Иоганн фон Шпрингер (ум. 1771) — один из активнейших сторонников просветительского курса Екатерины II, имевшего целью подъем общей культуры российского дворянства.

В первой половине XVIII в. на культурном пространстве Западной Сибири и сопредельных территорий не существовало сколько-нибудь широкой и разветвленной светской информационно-образовательной инфраструктуры. Практически отсутствовали здесь общеобразовательные начальные и средние школы. Для большинства военнослужащих и гражданского населения этих регионов единственным способом получения начального образования служило частное обучение. В 1713 г. одна из первых частных школ на востоке России была основана в Тобольске пленным шведским капитаном Ф. Ф. фон Врехом для обучения своих соотечественников. Наряду со шведами здесь занимались и дети отдельных сибирских чиновников. Благодаря финансовой поддержке московских и зарубежных немцев школа хорошо обеспечивалась — имела пансионат, квартиры для учителей и воспитателей, собственную больницу с аптекой.⁶

Кроме Вреха в Тобольске обучали детей частным образом и некоторые другие учителя. Так, известно, что в середине XVIII в. дети сибирских дворян, офицеров и чиновников изучали немецкий язык, музыку, математику и другие предметы у российского немца по фамилии Сильвестрович, который в 1749 г. был обращен из лютеранства в православную веру и наречен митрополитом Сильвестром. В 1750–1756 гг. в школе Сильвестровича занимались будущий видный сибирский историк и краевед капитан И. Г. Андреев (1743–ок. 1820) и его брат Александр, «выучившийся» у своего наставника «писать хорошо и чисто даже по-немецки».⁷ Однако немногие частные школы, рассчитанные, как правило, на небольшой контингент учеников, не могли удовлетворить возросшие социально-экономические и культурные потребности страны в образованных людях. Поэтому во второй четверти XVIII в. на территории Западной Сибири и Северного Казахстана стали постепенно возникать цифирные и гарнизонные школы. Основная масса их существовала в указанное время в северо-восточных и центральных районах Западной Сибири.

В середине XVIII в. начальные учебные заведения типа гарнизонных школ впервые появились в южной части Сибири, на Иртышской пограничной линии. Инициатором создания самой первой из них в 1758 г. стал командующий сибирскими линиями бригадир Карл фон Фрауендорф (1858–1859) — выходец из лифляндского дворянства. «Он, великий любитель наук, — пишет капитан Андреев, —

по прибытию в Омскую крепость, повелел находящемуся в крепости Св. Петра инженер-поручику Тренину обучать, выбрав из молодых солдатских детей, к которому по желанию моему, как уже был прежде учен, поступил и я для обучения арифметике и геометрии».⁸ Экзамен «многими задачами» по этим предметам и немецкому языку принимал у И. Г. Андреева и прочих выпускников петропавловской школы в 1760 г. новый командующий сибирскими линиями, также лифляндский дворянин генерал-поручик Ганс фон Веймарн (1760–1763),⁹ считавшийся в России одним из самых высокообразованных генералов того времени.¹⁰

В 1764 г. Г. Веймарна сменил в должности командующего Сибирским корпусом генерал-поручик Иоганн фон Шпрингер (ум. в 1771 г.; 1764–1768 гг. — нахождение в должности), имевший, как и его предшественник, репутацию высокообразованного офицера.¹¹ Отправление своих служебных обязанностей на новом посту последний начал с обследования подведомственной ему территории и создания здесь сети начальных образовательных учреждений в форме гарнизонных школ. По словам известного семипалатинского краеведа XIX в. П. А. Золотова, «первую свою поездку по Иртышу Шпрингер совершил не только как начальник, но и как ученый путешественник».¹² В течение всего периода службы на сибирских линиях он целенаправленно и последовательно поощрял тех офицеров, которые стремились к знаниям и интересовались искусством.¹³

В 1765 г. по распоряжению И. фон Шпрингера в Омской, Петропавловской, Ямышевской и Бийской крепостях были открыты гарнизонные школы на 450 мальчиков из солдатских детей. Согласно специальному циркуляру генерала, в них разрешено было принимать детей сибирских казаков, и уже в первый год существования линейных гарнизонных школ в иртышские крепости прибыло для учебы 306 казачьих мальчиков и 144 ребенка драгун и гарнизонных солдат.¹⁴ На протяжении всех последующих десятилетий XVIII в. и в начале XIX в. количество учеников, занимавшихся в этих школах, практически постоянно соответствовало утвержденному штату (450 мест) и было для того периода весьма значительным.¹⁵ Несмотря на элементарность образования и суровый казарменный режим, гарнизонные школы давали большой процент грамотных людей и играли положительную роль в развитии народного просвещения.

Наряду с начальными школами предшественник Шпрингера генерал Г. фон Веймарн попытался еще в 1760 г. создать на границе Западной Сибири и казахских степей учебное заведение повышенного типа для детей линейных офицеров. Однако на его предложение о присылке детей в Омск для повышения их образования силами инженерных офицеров Кузнецкой и Колыванской линии командующий

этими линиями полковник Франц Иосиф Легаррис ответил, что в подчиненных ему войсках «читать и писать гораздо умевших и арифметики знающих и желающих к той науке никого не оказалось».¹⁶ Тем не менее какое-то количество «любителей наук» все же нашлось. В частности, вышеупомянутый капитан Андреев после сдачи экзамена Веймарну был взят в Омскую крепость «для обучения к команде инженерной», а четыре года спустя (1765 г.), когда он совершал служебную поездку по Кузнецкой линии, вместе с ним находились еще два ученика «инженерной науки».¹⁷ В 1764 г. Андреев продолжил свои учебные занятия в области военно-инженерного дела в Усть-Каменогорской крепости у инженера-майора Малма, который, по словам будущего автора «Домовой летописи», обучал его «для своего увеселения практике, хотя с инструментом и по колышкам разные задавая нравоучения».¹⁸ В этой связи один из первых биографов И. Г. Андреева справедливо заметил, что именно «благодаря любознательности и образованию, которые развивали начальники-немцы по своим ведомствам», Андреев стал широкообразованным человеком и неоднократно направлялся в «разные экспедиции для описания трактов, съемок, составления карт», а «впоследствии ему поручались даже ученые и литературные работы».¹⁹

В конце XVIII–начале XIX в. в южных районах Западной Сибири и приграничных территориях Северного Казахстана возникают первые специальные учебные заведения и народные училища. Одним из наиболее престижных заведений этого типа было открытое 12 мая 1813 г. в Омске училище Сибирского казачьего войска, образованное в 1853 г. в Сибирский кадетский корпус. В него принимались дети военнослужащих, преимущественно казаков. Семи-летний курс нового учебного заведения равнялся гимназическому, а в точных науках даже превосходил его. Главная заслуга в создании и организации учебно-воспитательной деятельности Сибирского казачьего училища в первые шесть лет его существования принадлежит выходцу из Лифляндии широкоэрудированному генерал-лейтенанту Григорию Глазенапу (1751–1819), который, по отзывам современников, «во все время управления своего сибирским корпусом (1808–1819 гг. — *И. Е.*) неусыпно занимался устройением его», т. е. училища.²⁰ Училище казачьего войска Глазенап посещал практически ежедневно и, пребывая в стенах этого учебного заведения, обращал особое внимание на методику преподавания разных предметов. Примечательно, что еще в 1810 г. он одним из первых в стране применил в учебных заведениях сибирских линий метод взаимного обучения А. Белла (1753–1832) и Дж. Ланкастера (1778–1838),²¹ тогда как на европейской территории России ланкастерская система стала использоваться в школах не ранее 1818–1825 гг. За первые

десять лет существования Омского казачьего училища на воинскую службу из его стен были выпущены «первыми офицерскими чинами» 12 учеников.²² Взыскательный сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский, осматривавший это училище вскоре после кончины генерала Г. И. Глазенапа, нашел его состояние превосходным.

Во второй половине XVIII в. развитие системы светского образования в азиатской части России сделало возможным становление традиции обучения иностранным языкам и расширение сферы обращения западноевропейской книги на юге Сибири. Преподавание в местных учебных заведениях иностранных языков во многом обуславливалось практическими запросами. В это время ввиду численного преобладания этнических немцев в составе офицерского корпуса сибирских линий и Колывано-Воскресенских горных заводов одним из профилирующих предметов для учеников гарнизонных и горнозаводских школ был немецкий язык, ставший важной предпосылкой для распространения в сибирском обществе иностранных изданий.²³

В конце XVIII в. немецкий язык преподавался в качестве обязательной учебной дисциплины в образовательных заведениях разных уровней на сибирских и Оренбургской пограничных линиях, а также в ведомстве Колывано-Воскресенских горных заводов, где он наряду с русским широко использовался в служебном делопроизводстве и при географо-топографических и статистических обследованиях подведомственных территорий. Утверждению на юге Сибири и в Северном Казахстане данного высокого статуса немецкого языка способствовали (помимо фактора немецкого присутствия в структурах среднего и высшего звеньев местной администрации) крайняя скудость русскоязычной и переводной специальной литературы в России, а также приоритетная значимость трудов немецких специалистов в области горного дела, минералогии, геодезии, картографии и инженерной фортификации по сравнению с работами других европейских ученых и инженеров того времени. Последнее обстоятельство, в свою очередь, стимулировало утилизацию немецкого языка малочисленной русской интеллигенцией на азиатских окраинах страны и в более широких образовательных целях.

Известно, что в заводскую канцелярию Колывано-Воскресенского горного округа уже с 1763 г. поступали из Петербурга периодические издания на немецком, латинском и других европейских языках. Кроме того, в библиотеки заводов вливались в это время немецкоязычные книги и журналы из частных собраний местных горных чиновников. Примером такого частного собрания может служить библиотека инженера Карла Бера, в посмертной описи имущества которого значилось 15 разных немецкоязычных книг.²⁴

В 1809 г. в Барнаульской городской библиотеке, по ведомости начальника Кольвано-Воскресенских горных заводов П. К. Фролова, находилось 6414 экземпляров разных изданий, из них — 2602 книги (т. е. 40,5% всего книжного собрания) на немецком языке. В числе их было 473 издания по естествознанию, 276 беллетристических произведений, 198 книг по богословию, 113 — по истории; остальную часть фонда составляли издания и рукописи по многим другим отраслям научных знаний.²⁵ За хранение книг и рукописей на заводах и распространение их среди населения Кольвано-Воскресенского округа отвечали горные чины, а также церковно-приходские служащие, среди которых во второй половине XVIII — начале XIX в. были гиттерфервальтер Ган, инженер Ф. В. Геблер, лютеранские пасторы Э. Г. Лаксман и Лейбе.²⁶ Благодаря активной культурно-просветительской деятельности этих и некоторых других лиц немецкого происхождения, находившихся на службе в ведомстве Кольвано-Воскресенских горных заводов, были подготовлены необходимые интеллектуальные условия для проникновения европейских книжных изданий и журналов в сибирскую читательскую среду.

Об относительно широком обращении европейских, и в первую очередь немецких и немецкоязычных книг, в южных районах Сибири и в Северном Казахстане свидетельствует наличие сотен томов на иностранных языках в фондах гарнизонных, школьных, семинарских и личных библиотек и 3618 экземпляров — в книжном собрании Кольвано-Воскресенских заводов, где в начале XIX в. при реорганизации библиотеки специально выделяются немецкий, французский, латинский и английский отделы иностранных книг. Читательские пометы на книгах, бытовавших на юге Западной Сибири во второй половине XVIII в.,²⁷ — наглядное свидетельство того, что уже к тому времени в данном регионе появилось определенное количество читателей иноязычной западноевропейской книги, причем не только из среды иностранных горных и гражданских чиновников, но и из образованных слоев русского городского населения.

Немецкие военнослужащие стояли также у истоков театрального движения в Сибири и Казахстане. В 1764 г. генерал-поручик Иоганн фон Шпрингер, зарекомендовавший себя в Сибири как большой поклонник наук и искусств, поддержал инициативу офицеров Омского гарнизона о создании любительского театра. «В сию ж зиму, — пишет капитан Андреев, — учрежден от генерала был в чертежной для полирования молодых людей оперный дом, где и чинили представления разных трагедий и комедий под предводительством моим». ²⁸ С тех пор 1764-й год считается официальной датой рождения светского театра в азиатской части России. Омский театр был первым в Сибири и вторым провинциальным театром во всей Российской им-

перии после знаменитого Ярославского театра, открытого в 1750 г. выдающимся театральным деятелем Ф. Г. Волковым. Культурно-просветительское значение этого события трудно переоценить: оно дало толчок развитию театрального искусства на всей огромной территории Сибири и Казахстана.²⁹

С именами военных чиновников немецкого происхождения связаны также становление и начальный период деятельности Петропавловского театра (90-е гг. XVIII в.). В одном из фондов Омского областного архива сохранилась переписка генерал-губернатора Тобольского наместничества А. Г. Толстого с комендантом Петропавловской крепости немцем Г. Г. Шрендером (1792 г.). Из нее мы узнаем в частности, что у Шрендера были в употреблении тексты двух опер «Козарара» и «Дианино дерево» итальянского композитора В. Мартини и экстракт из музыки «Волшебной флейты» Моцарта.³⁰ Названные оперы, по-видимому, имели на сибирской сцене большой успех, что и побудило главу тобольской администрации обратиться с просьбой о предоставлении нотных записей этих произведений петропавловскому чиновнику.

Продолжительная служба российских немцев на границах Сибири и казахских степей обязывала их хорошо знать географию, историю, этнографию края и казахский язык. Это было одной из причин целеустремленной исследовательской деятельности многих военных и гражданских чиновников-немцев на территории Казахстана.

Местное сибирское краеведение, хотя и было вызвано к жизни прагматическими обстоятельствами и носило на себе сильный отпечаток политической конъюнктуры, тем не менее было далеко не чуждо научно-познавательным интересам и задачам. Появление во второй половине XVIII в. этого вида исследований в Казахстане и Сибири положило начало характернейшей черте российской историографии вообще, состоявшей в том, что «именно местные работы, выполненные местными авторами, составили затем в русской науке ведущий этнографический жанр».³¹

В XVIII — первой четверти XIX в. важную роль в разностороннем изучении региона играли поездки линейных офицеров в Казахскую степь и Среднюю Азию с дипломатическими и торговыми поручениями. Косвенным образом они содействовали накоплению историко-этнографической информации о казахском народе. В этом отношении наибольший научный интерес представляют дипломатические миссии майора Пензенского гарнизонной пехотного полка Карла Миллера в Ташкент (1738–1739) и Джунгарию (1742–1743),³² поездки инженер-поручика Александра Ригельмана к хану Младшего жуза Нуралы (1749),³³ капитана сибирской службы Гавриила Лилиенгрейна к хану Аблау в Средний жуз (1779),³⁴ майора Оренбург-

ского гарнизона Александра Бланкеннагеля в Хиву (1793–1794)³⁵ и лекаря Омского гарнизонного полка Зибберштейна в Старший жуз и Северную Киргизию. Они доставили русской администрации, а позднее и русской науке важные сведения о кочевых маршрутах казахов Младшего и Среднего жузов, их родоплеменной структуре, взаимоотношениях с Джунгарией, Хивой, аральскими узбеками и с некоторыми другими соседними народами.

Немало других пограничных чиновников немецкого происхождения отправлялись в Верхнее Прииртышье и Казахскую степь для изучения их природных богатств и хозяйственных занятий местного населения. В 1764 г. поездку к оз. Зайсан и на Черный Иртыш совершил с разведывательной целью поручик Луцкого драгунского полка Генезер.³⁶ В 60–70-е гг. XVIII в. по Иртышской линии путешествовали военные врачи Тилле и Беренс, которые изучали алтайскую флору и способы ее использования в хозяйственных и лечебных целях. Дивизионный медик Тилле отсылал собранные им гербарии и свои заметки известному шведскому ученому Эрику Лаксману (1737–1796) в Барнаул,³⁷ а его коллега доктор медицины Рейнгольд Беренс (1745–1823) на основе собственных исследований подготовил и опубликовал в 1803–1804 гг. в рижском журнале «*Nordisches Archiv*» три оригинальные статьи, посвященные хозяйственно-культурному развитию обследованных территорий. В двух статьях — «*Ueber einem neuen Industrie-Zweig im Südlichen Sibirien*» и «*Bemerkungen über die letzte Hauptgrenzfestung der sibirischen Linie gegen die chinesisch-singorische Wüste, welche Buchtarma genannt wird*» — рассматривались совершенно новые для сибирской историографии темы, такие, как первые опыты разведения медоносных пчел в Азиатской России на примере русских прииртышских селений Секисовки и Бобровки и политико-экономическое значение вновь построенной в верховьях Иртыша на границе с Китаем крепости Бухтарминской. Первая из статей Р. Беренса через семнадцать лет после ее появления в печати была замечена видным российским археологом Г. И. Спасским (1784–1864), который, сознавая большую научно-практическую значимость этой работы как первого специального исследования по истории пчеловодства на Рудном Алтае, переиздал ее в 1820 г. в русском переводе на страницах редактируемого им журнала «Сибирский вестник».³⁸

История горнодобывающей промышленности и перспективы разработки месторождений полезных ископаемых на Алтае особенно интересовали российских краеведов-исследователей. В XVIII в. изучением этих вопросов непосредственно на местах занимались ранее упомянутый генерал-поручик Ганс фон Веймарн,³⁹ начальник Екатеринбургских горных заводов Бенедикт-Франц-Иоганн фон Герман

(1755–1815), совершивший пять продолжительных путешествий на Казахский Алтай,⁴⁰ служавшие Колывано-Воскресенских горных заводов Иоганн Михаил Ренованц (1744–1798)⁴¹ и Фридрих Вильгельм Геблер (1782–1850).⁴² Они были авторами обстоятельных монографий и статей, в которых дан историко-экономический очерк Колывано-Воскресенских заводов, описаны алтайские рудники, горные и плавильные работы, приведены статистические сведения о количестве выплавленных руд с 40-х по 90-е годы XVIII в.

Некоторые немцы, преимущественно из среды линейных офицеров, собирали разнообразные материалы о коренном и пришлом населении близлежащих территорий. Так, командующий сибирскими линиями в 1744–1752 гг. генерал-лейтенант Христиан фон Киндерман занимался сбором демографических сведений о русских переселенцах на правобережье Иртыша.⁴³ Лингвистические материалы о казахском языке в левобережной части Прииртышья собирал для видного петербургского ученого Гартвига-Людвига-Христиана Бакмейстера (1730–1806) омский лютеранский пастор Лютер.⁴⁴ Историко-этнографическими документами о казахах интересовался капитан Гаврила Лилиенгрейн, который, по всей видимости, и доставил один экземпляр ценнейшей рукописи капитана И. Г. Андреева «Описание Средней орды киргиз-кайсаков» (1785 г.) в Петербург.⁴⁵

Разнообразные статистические, топографические и этнографические материалы, поступавшие в сибирскую канцелярию, некоторые администраторы-немцы использовали в качестве источников для подготовки оригинальных исследовательских трудов. По методике описания, приемам и структуре работы они вплотную подошли к собственно научным исследованиям. Сочетание личных наблюдений с документальными данными, строгое следование фактам и объективизм, лежащие в основе местных топографических и этнографических описаний, составляют наиболее ценные черты этих трудов как научных произведений. К числу таких исследований следует отнести опубликованное в 1786 г. на русском и немецком языках «Краткое топографическое описание Тобольского наместничества» Иоганна Германа,⁴⁶ где впервые по сравнению с топографическими описаниями Сибири 30–60-х гг. XVIII в. в центре повествования находились не природа и география, а город (в том числе крепости Верхнего Прииртышья) как сложный объект взаимодействия природы, истории, экономики и демографии.

По своей жанровой принадлежности к исследованию Германа примыкает объемный рукописный труд Ганса фон Веймарна «Записка об эксплуатации природных богатств Сибири и ее управлении, также о пограничных с Сибирью народах».⁴⁷ Эта работа примечательна тем, что ее автор одним из первых в России помимо раз-

нообразных сведений по географии Восточного Казахстана привел массу этнографических сведений о казахах Среднего жуза и сделал ценные психологические зарисовки наиболее крупных политических деятелей казахского общества середины XVIII в. Однако рукописное исследование Веймарна, написанное готической скорописью на немецком языке, не стало достоянием российской науки XVIII–XIX вв. и до сих пор еще не введено в научный оборот.

Труды и многочисленные материалы сибирских краеведов-немцев XVIII — первой четверти XIX в. довольно широко использовались представителями академической науки двух государств, к которым они попадали в разное время путем личных контактов, а также по служебным, издательским, семейно-родственным и прочим каналам. Из работ местных авторов Г. Ф. Миллер, И. П. Фальк, И. Г. Георги, Г. -Ю. Клапрот, Э. Лаксман, Г. Л. -Х. Бакмейстер, А. Гумбольдт, К. Риттер и многие другие черпали богатый фактографический материал для своих научных сочинений, которые расходились большими тиражами по всей Европе. В результате этого бесценные плоды скрупулезных творческих поисков скромных чиновников Оренбургского края и Юго-Западной Сибири становились достоянием европейской науки и культуры.

Местные краеведы-немцы проделали огромную работу по выявлению, сбору, первичной статистической обработке, верификации и систематизации разнообразных исторических фактов, подготовили много географических карт, путевых дневников, топографических, историко-экономических и этнографических описаний казахстанских территорий и одними из первых в этом регионе и в целом по Сибири поставили изучение истории и этнографии тюрко-язычных народов на рационалистическую основу. Педантизм, усердие и кропотливость в черновой исследовательской работе были присущи в силу целого ряда факторов именно немцам-географам и историкам.⁴⁸ Этими обстоятельствами в значительной мере и определяется непреходящая научно-практическая ценность их творческого наследия для историографии Казахстана.

Особую категорию письменных материалов, оставленных в наследство немецкими чиновниками-краеведами XVIII-первой четверти XIX в., составляют разработанные ими в разные годы проекты социально-экономических и культурных преобразований в Казахстане. Продолжая традиции европейской просветительской философии, они отдавали известную дань идее «просвещенного монарха» и рассматривали с помощью институтов авторитарного элитистского государства совершенствовать образ жизни, нравы и ритуал «диких» народов. В специальных записках, адресованных российским императорам и Коллегии иностранных дел, Ганс фон Веймарн в 1761 г.,⁴⁹

а командир Ишимской дистанции сибирских линий генерал-майор Яков Боувер в 1795 г.⁵⁰ предлагали русскому правительству шире привлекать казахских султанов, биев и старшин для охраны торговых караванов, строить им на зимовках хуторы и загоны для скота, приучать казахов к сенокосению и земледелию, упорядочить территориальное размещение кочевков и способы управления родоплеменными коллективами. Кроме того, Боувер считал необходимым открывать в казахских волостях мечети, назначать туда мулл из российских татар, возложить на них помимо богослужения обязанность обучать казахских детей грамоте. Конкретные шаги в этом направлении предпринимались уже на рубеже 80–90-х гг. XVIII в., о чем наглядно свидетельствует опыт просветительской деятельности среди казахов Младшего жуза оренбургского военного губернатора Густава Отто Андрея фон Игельстрема (1737–1817), который построил в 1785 г. две мечети — в Оренбурге и Троицке и открыл при первой из них специальную школу для казахских детей (1789 г.).⁵¹

В свою очередь оренбургский генерал-губернатор Иоганн Рейндорп предлагал широкие мероприятия по заселению удобных для хлебопашества земель, развитию товарного земледелия и упорядочению лесного хозяйства в Оренбургской губернии.⁵² Проекты командующих войсками на сибирских линиях И. Шпрингера, Г. Штрандмана и Г. Глазенапа помимо перечисленных выше положений предусматривали также для обеспечения интересов России в регионе и насущных нужд самих казахов-кочевников «учредить в степи какое-нибудь правительство, которое завело бы порядок, спокойствие и земледелие».⁵³ Даже краткое изложение содержания упомянутых документов позволяет убедиться в том, какое видное место в социально-политических воззрениях российских немцев занимали проблемы роста производительных сил региона, поиск причинно-следственных связей в области экономических, политических и социально-культурных отношений, искренняя заинтересованность в подъеме общеобразовательного и культурного уровня казахского населения. Впоследствии многие из генерированных ими идей были основательно изучены и учтены выдающимся русским юристом и государственным деятелем М. М. Сперанским (1772–1839) при разработке «Устава о сибирских киргизах» (1822 г.)⁵⁴ и позднее воплотились в административной практике Сибирского ведомства (20–40-е гг. XIX в.).

Культурно-просветительская деятельность первых поколений немцев на юге Западной Сибири и в соседних регионах Казахстана явилась важным элементом процесса цивилизационного преобразования социального организма азиатской России. Все те области образования, науки и искусства, в которых они трудились, не без их вли-

яния становились очагами распространения новых знаний, светских форм идеологии и духовной культуры, передовых естественнонаучных и гуманитарных идей.

Продолжительное, многостороннее и заинтересованное знакомство с огромной страной, ее разнообразной природой, самобытной историей и культурой восточных народов в свою очередь расширяло интеллектуальный кругозор самих немецких переселенцев, обогащало их новыми знаниями, формировало у них новое восприятие пространства, чувство свободы от сковывавшей узости географических и социальных рамок тогдашней немецкой действительности. Благодаря такому влиянию азиатских регионов России исследования и материалы немецких гражданских и военных специалистов, «пересаженных» на русскую почву, выступали не только ретрансляторами западноевропейской просветительской мысли, но и нередко сами становились первоисточником новых гуманитарных идей, которые обогащали мировую науку и культуру.

Значение культурно-просветительской деятельности немцев на востоке России можно определить также тем, что у них появилось немало последователей из числа русских людей, которые стремились внести свой вклад в развитие производительных сил страны и ее духовной культуры.

- ¹ Кабузан В. М. Немецкое население в России в XVIII– начале XX в. // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 22.
- ² Там же. С. 23–24.
- ³ Подсчитано по: Домовая летопись Андреева // ЧОИДР. М., 1871. Кн. 4. С. 63–176; Письма, относящиеся до Сибирского края, от Линнея к Лаксману и от Лаксмана к Шлеперу и Бекману // Сибирский вестник. 1820. С. 9, 15; Фальк И. П. Записки путешествия // ПСУП. СПб., 1824. Т. 6. С. 240; *Basiner Th.* Naturwissenschaftliche Reise durch Kirgisen Steppe nach Chiva // Beitrage zur Kenntnis des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Band. XV. SPb., 1848.
- ⁴ Подсчитано по: Лобысевич Ф. Главные начальники Оренбургского края // Военный сборник. 1872. Т. 1 (XXXV), № 5. С. 40–64.
- ⁵ См.: Троицкий. Сибирская администрация в середине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 300–301, 306–314; Подсчитано по: Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1. Топчиха, 1995. С. 15–16.
- ⁶ Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVIII– нач. XIX в. Новосибирск, 1974. С. 101.
- ⁷ Старинный тобольский учитель Сильвестрович и ученик его Мирovich // Тобольские губернские ведомости. 1871. № 26. С. 168.
- ⁸ Домовая летопись Андреева. С. 67–72.

- 9 Там же. С. 74.
- 10 Там же. С. 75.
- 11 Военная энциклопедия. Т. 5. СПб., 1911. С. 275.
- 12 *Золотов И.* Генерал-поручик Иван Иванович фон Шпрингер. Омск, 1877. С. 22.
- 13 Знатные земляки / Сост. Э. Д. Соколкин, Г. С. Долгова. Павлодар, 1971. С. 9.
- 14 *Катанаев Г. Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII–XVIII столетиях // Записки ЗСОРГО. 1893. Кн. XI, ч. 1. С. 13–14.
- 15 *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири. С. 64.
- 16 Там же. С. 65; Из истории Омска (1716–1917): (Очерки, документы, материалы). Омск, 1967. С. 99.
- 17 Домовая летопись Андреева. С. 15, 18.
- 18 Там же. С. 79.
- 19 Сибирский дворянин прошлого столетия (Домовая летопись Андреева) // Сибирский вестник. 1867. № 8.
- 20 Из истории Омска. С. 107.
- 21 Русский биографический словарь. Т. Герберский-Гогенлоз. М., 1916. С. 261.
- 22 Из истории Омска. С. 108.
- 23 *Ситников Л. А.* Западноевропейская книга в Сибири во второй половине XVIII в. // Книга в Сибири XVII — нач. XX в. Новосибирск, 1980. С. 81–82.
- 24 *Гузнер И. А., Ситников Л. А.* Библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов в XVIII в. // Вопросы истории книжной культуры / Тр. ГПНТБ СО АН СССР. Вып. 19. Новосибирск, 1975. С. 22.
- 25 Подсчитано по ведомости П. К. Фролова // Там же. С. 27–28.
- 26 Там же. С. 18; *Русский М. А.* Фридрих Вильгельмович Геблер (1782–1850). М., 1940.
- 27 *Ситников Л. А.* Западноевропейская книга в Сибири... С. 83–84.
- 28 Домовая летопись Андреева. С. 80.
- 29 *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири. С. 228.
- 30 Там же.
- 31 *Косвен М. О.* Местная этнография Сибири // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Т. 102, вып. VI. М., 1974. С. 7.
- 32 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: (Сб. документов и материалов) (далее КРО-1). Алма-Ата, 1961. С. 258–262.
- 33 Там же. С. 514–519.

- 34 Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.: (Сб. документов и материалов) (далее КРО-II). Алма-Ата, 1964. Док. № 49. С. 96–98.
- 35 Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793–1794 гг. с примечаниями В. В. Григорьева // Вестник РГО. 1852. Ч. 22. С. 87–116.
- 36 Рапорт поручика Генезера о результатах поездки на оз. Зайсан и Черный Иртыш 23 августа 1764 г. // Гос. архив Омской области (далее ГАОО). Ф. 366. Оп. 1. Д. 57. 3 л.; Дневник Генезера (со вступ. статьей Б. Герасимова.) // Записки СП ЗСОРГО. Вып. VI. Семипалатинск, 1912. С. 1–51.
- 37 Письма, относящиеся до Сибирского края. С. 157.
- 38 Беренс Р. О состоянии новых поселений в Южной Сибири и о тамошнем пчеловодстве // Сибирский вестник. 1820. Ч. 10. С. 293–305.
- 39 Веймарн Г. Историко-статистическое описание Кольвано-Воскресенских заводов / Гос. архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. 163. Оп. 1. Д. 65, 31 л.; Он же. Кольвано-Воскресенские заводы. СПб., 1766.
- 40 Герман И. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. Ч. 1. СПб., 1797. 289 с.
- 41 Ренованц И. М. Минералогические, географические и другие смешанные известия об Алтайских горах. СПб., 1792. 28 с.
- 42 Камбалов Н. Исследователи Алтая. Барнаул, 1959. С. 53–54.
- 43 Сведения о числе жителей в Западной Сибири в первой половине XVIII столетия // Вестник РГО. 1860. Ч. 29. № 8.
- 44 Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1982. С. 89.
- 45 Домовая летопись Андреева. С. 120.
- 46 Историко-географический календарь на 1786 и 1787 гг. СПб., 1787.
- 47 ЦГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 822. Л. 15–81; Впервые выявлено М. О. Косвеном. См. его «Местную этнографию Сибири» (с. 15–18).
- 48 Бисх И. Я. История исторической мысли в Новое время: (Западная Европа: XVIII в. — 90-е годы XIX в.). Иваново, 1983. С. 34.
- 49 КРО-I. С. 630–632.
- 50 КРО-II. С. 143–148.
- 51 Гос. архив Оренбургской области (далее ГАОрО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–6 об., 30–30 об., 80–101.
- 52 Вестник РГО. СПб., 1859. Ч. 27. Отд. II. Кн. 1. С. 90–104; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4, ч. 2. М., 1956. С. 473–484.
- 53 Шпрингер И. И. Деловые бумаги по освидетельствованию Сибирской линии // Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее РО РНБ). Ф. 550. IV–261; Штрандман Г. Э. Сибирь и ее нужды в 1801 г. // Русская старина. 1879. Т. 29. С. 150–151.
- 54 РО РНБ. Ф. 731. Д. 490. Л. 1–3.

О. О. БУКСГЕВДЕН И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА
КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX в.

Отто Бальтазар Буксгевден, известный Петербургу, да и всей России, как Отто Оттович Буксгевден, родился 5 декабря 1839 г. на о. Моон в Лифляндии, в семье приходского судьи 1-го округа провинции Эзель Отто Матиаса и Жанетты Вильгельмины, урожденной фон Гюне. В 1861 г., окончив училище правоведения, Отто Оттович для завершения образования был отправлен за границу, слушал лекции в Лейпциге, а затем посетил Англию, Шотландию и Францию.¹ По возвращении, в 1863 г. барон был приписан к 3-му отделению департамента Министерства юстиции, в 1864 г. высочайшим приказом по Морскому ведомству переведен в штаб Главного командира Кронштадтского порта обер-аудитором, а через два года принял участие в кампании на фрегате «Ослябя» при штабе начальника судов свиты вел. князя Алексея Александровича контр-адмирала К. Н. Посыета. В 1867 г. барон был назначен помощником прокурора при Военно-Морском суде Кронштадтского порта, а через год стал прокурором этого же ведомства.²

Начало благотворительной деятельности Отто Оттовича приходится на 1881 г., когда совет Андреевского приходского попечительства избрал его председателем комиссии по сбору пожертвований для устройства Кронштадтского дома трудолюбия. Барон очень серьезно отнесся к своему назначению и употребил более 70 дней на сбор пожертвований в Петербурге и 13 дней — в Москве.

Два года спустя Отто Оттович был переведен в Собственную его величества канцелярию по учреждениям императрицы Марии, а через месяц был назначен вел. княгиней Екатериной Михайловной состоять при герцоге Карле-Михаиле Мекленбург-Стрелицком во время занятий его в заграничных университетах.³ По возвращении из-за границы барон Буксгевден был причислен к Министерству внутренних дел и с 1887 г. неоднократно выполнял поручения этого ведомства, связанные с организацией общественного призрения в России. Так, в 1887–1888 гг. Отто Оттович совершил путешествие по городам внутренних губерний России для собрания сведений по общественной и частной благотворительности, а с марта 1888 г. был назначен членом высочайше учрежденного комитета для разбора и призрения нищих.

В 1890 г. барон Буксгевден приказом по Министерству юстиции был назначен членом С. -Петербургской судебной палаты, однако не

прошло и года, как он подал прошение о переводе обратно в свое родное Морское ведомство.⁴ Прошение было удовлетворено назначением на пост товарища главного военно-морского прокурора. Тем не менее и в этой должности он пробыл недолго. Состоя почетным членом С.-Петербургского совета детских приютов, членом попечительства о домах трудолюбия и работных домах, председателем комитета по размещению детей в крестьянских семьях, председателем Евангелического дома трудолюбия, членом ревизионной комиссии общества попечения о семьях ссыльно-каторжных, Отто Оттович практически все свое время отдавал благотворительности, что не могло не раздражать главного военно-морского прокурора К. Ф. Виноградова. В 1896 г. морской министр Н. М. Чихачев обратился к министру юстиции Н. В. Муравьеву с просьбой назначить барона Буксгевдена к присутствию в Правительствующем Сенате, однако прошение это не было удовлетворено, так как упомянутое назначение лица, занимающего должность V класса, явилось бы первым случаем в практике этого ведомства.⁵ Выходом из сложившейся ситуации стало назначение барона в том же году членом консультации при Министерстве юстиции. Вся дальнейшая деятельность Отто Оттовича была так или иначе связана с благотворительностью.

Занимаясь организацией общественного призрения в России, Отто Оттович опирался на опыт английской, итальянской, французской и немецкой благотворительности. Для обогащения своих знаний по зарубежной филантропии он неоднократно совершал поездки по странам Западной Европы. В Италии его интересовали детские приюты-корабли, в Англии — Союз детской помощи, Детская Лига, учреждения доктора Барнардо, в Германии и Франции — исправительные заведения для несовершеннолетних, работные дома.

Состоя членом приходского совета церкви Св. Марии в Петербурге, при поддержке пастора А. Мазинга, Отто Оттович основал в 1886 г. Евангелический дом трудолюбия (Б. Сампсониевский пр., 97) на средства, собранные у лютеранского купечества.⁶ Появление подобного благотворительного учреждения в столице Российской империи тесно связано с новым направлением филантропической деятельности в Германии, точнее с появлением в 1882 г. колонии рабочих в Пруссии, основанной пастором фон Больдешвингом. Колония населялась добровольцами, которые могли оставаться в ней до получения более выгодного занятия или до тех пор, пока не провинились. Идея эта получила такое широкое распространение, что уже к 1891 г. в Германии существовала 21 колония («Arbeitkolonie») и центральное управление, координировавшее их работу, организовывавшее конгрессы и занимавшееся изданием ежегодника «Die Arbeitkolonien».⁷ Для петербуржцев Евангелический дом трудолюбия не был новин-

кой, так как еще в 1833 г. А. Н. Демидов основал «Дом для призрения трудящихся» в Петербурге.

Цель учрежденного бароном заведения состояла в предоставлении «нуждающимся лицам евангелическо-лютеранского и реформаторского вероисповеданий работ с необходимыми материалами и инструментами и сбыте их произведений».⁸ Надзор за работниками в нравственно-религиозном отношении возлагался на пастора Мазинга. Средства попечительного общества при доме трудолюбия составляли членские взносы, пожертвования, доходы от чтений, лекций и концертов.

Среди призываемых дома трудолюбия четко выделялись три группы. Первую группу составляли рабочие, получавшие стол, квартиру, рабочее платье и вознаграждение за работу. Труженики этого типа подолгу не задерживались в доме трудолюбия: стоило им получить деньги, как они исчезали, тратили накопленное, а затем, не найдя работы, возвращались обратно. Многие из лиц более зрелого возраста особенно страдали слабостью воли и не могли удержать заработанные деньги. Среди призываемых встречались и такие, которые поступали в дом трудолюбия и 23, и 25 раз. Ко второй группе относились труженики, не изучившие определенного ремесла или же не нашедшие в доме трудолюбия работы по своей специальности. Такие рабочие использовали на вспомогательных работах в мастерских и в хозяйстве, получали только стол и квартиру и обычно оставались в учреждении не надолго. Третью группу образовывали люди, неспособные к труду.⁹ Для того, чтобы деятельность дома трудолюбия соответствовала букве устава, т.е. заключалась в оказании трудовой помощи, для призываемых третьей группы было организовано вспомогательное заведение под Петербургом — отделение для престарелых в Ново-Саратовской колонии.

Следует отметить, что Евангелический дом трудолюбия оказывал помощь всем нуждающимся, а не только петербуржцам. Любопытно, что число приезжих призываемых преваляло, колеблясь в пределах от 50 до 70% от общего количества. Среди приезжих тружеников было немало иностранных подданных, особенно германских, благодаря которым дом трудолюбия имел поддержку в лице Германского благотворительного общества. Что касается профессионального состава филантропического учреждения, то больше всего было ремесленников, однако попадались призываемые, имевшие редкие специальности, такие, например, как скульптор. Труженикам предлагались столярные, слесарные, картонажные, переплетные и обойные работы. Наиболее прибыльными были столярные работы, но так как рабочих, владевших этой профессией было немного, то и значительного дохода не было. Так, в 1902 г. дом трудолюбия был вынужден

отказаться от очень выгодных заказов за неимением тружеников, готовых выполнять работы такого типа. Неравномерное соотношение различных профессий, а также приток и отток рабочих не способствовали увеличению дохода. В первый год своей деятельности дом трудолюбия давал работу 181 труженнику, а к 1907 г. количество призываемых увеличилось только на 50%. За все время существования дома трудолюбия здесь была предоставлена помощь 6951 человеку, из которых 825 получили работу в других учреждениях. С каждым годом число пожертвований уменьшалось, однако к 1905 г. Евангелический дом трудолюбия имел такой доход, что на две трети содержал себя сам.

В рассматриваемом благотворительном учреждении призывались только мужчины, однако были сделаны попытки открыть и женское отделение, не долго просуществовавшее из-за финансовых проблем.¹⁰ Понимая необходимость организации подобного учреждения, Отто Оттович в 1896 г. стал учредителем дома трудолюбия на Большой Охте (Большеохтинский пр., 52/5). Указанное благотворительное заведение в начале своей деятельности принадлежало «Обществу дешевых столовых и чайных и домов трудолюбия». В 1900 г. в связи с упразднением общества, дом трудолюбия на Большой Охте, оказавшись в подчинении у Санкт-Петербургского столичного попечительства об учреждениях такого типа, был переименован в 3-й дом трудолюбия.¹¹

Возрастного ограничения при приеме в дом трудолюбия не существовало, принимали девушек любого возраста, главным условием было желание заниматься производительным трудом. Однако не все женщины владели какой-либо определенной профессией. Работы в этом учреждении производились разнообразные: шитье белья и платья, метка гладью, вышивание. Девушки в возрасте от 12 до 20 лет имели возможность получать бесплатные познания в шитье, кройке настолько основательные, что по выходу легко находили в мастерских и частных домах хорошо оплачиваемую работу. В 1900–1903 гг. 28 человек получили свидетельства на звание подмастериц. Некоторым из них была предоставлена работа в других местах, кто-то остался в доме трудолюбия. Зарплата тружениц составляла 70% от денег, вырученных за продажу изготовленных изделий, что давало возможность девушкам одевать себя и платить за комнату.

Евангелический дом трудолюбия и дом трудолюбия на Большой Охте предоставляли работу труженникам разнообразных профессий, тем не менее Отто Оттович обратил внимание на отсутствие трудовой помощи образованным лицам. Понимая, что простые виды труда, предлагавшиеся в существовавших в то время домах трудолюбия, не привлекают образованных лиц, и желая оказать им посильную по-

мощь, барон Буксгевден основал в 1897 и 1899 гг. два совершенно новых типа домов трудолюбия: для образованных женщин на Знаменской, 28 (ныне ул. Восстания) и для образованных мужчин на Надеждинской, 17 (ныне ул. Маяковского).

Первое из указанных благотворительных заведений имело «назначение оказывать нуждающимся женщинам срочную, по возможности недолговременную, помощь посредством предоставления им труда и заработка впредь до более прочного устройства их судьбы — определением к постоянный занятиям».¹² Попечительное общество при доме трудолюбия, стремясь дать женщинам возможность получения специальности, пользующейся спросом в Петербурге, организовало обучение машинописи, занятия по кройке и шитью по методу Базаровой и бухгалтерские курсы. Средства, которые предполагалось расходовать на содержание дома трудолюбия, состояли из членских взносов и пожертвований. Однако, убедившись на опыте прошлых лет, что эти статьи дохода не всегда оправдывают ожидания, в 1898 г. барон исходатайствовал у комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах субсидию в 6000 руб.¹³ Необходимо также отметить, что немалую помощь оказали дому трудолюбия иностранные вложения. Так, в 1897 г. американский гражданин Стокс пожертвовал капитал в 5000 рублей в пользу дома трудолюбия, а в августе того же года пожертвованные Президентом Французской Республики Феликсом Фором 5000 рублей в пользу комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах были переданы дому трудолюбия для образованных женщин.¹⁴

Дом трудолюбия для образованных мужчин был организован благодаря кружку лиц во главе с бароном Буксгевденом. Первое совещание по учреждению указанного благотворительного заведения состоялось 11 ноября 1898 г. у Отто Оттовича на Кирочной, 48. Ко второму совещанию, состоявшемуся 25 ноября 1898 г., О. О. Буксгевден нашел квартиру для дома трудолюбия на углу Б. Ружейной (ныне ул. Мира) и Каменноостровского проспекта за 100 руб. в месяц. Желая как можно быстрее открыть дом трудолюбия, барон Буксгевден предложил собранию испросить разрешение на открытие «благотворительной мастерской для образованных мужчин» до утверждения устава,¹⁵ что и было исполнено. Освящение мастерской состоялось 26 декабря 1898 г. при деятельном участии О. О. Буксгевдена (рассылка приглашений и сбор пожертвований). Участие барона в организации дома трудолюбия было по достоинству оценено, и на IV совещании Отто Оттович был избран временным председателем — до открытия дома трудолюбия в 1899 г.

Призываемым дома трудолюбия для образованных мужчин предлагались работа в открытом, по примеру «Argus de la presse» в Па-

риже, бюро газетных вырезок¹⁶ и переводы с иностранных языков. Среди подписчиков на газетные вырезки были как российские граждане, так и иностранные. К 1907 г. число подписчиков достигло 774, а поступления за исполненные работы составили 8618 рублей. Эта сумма могла быть гораздо больше, если бы не было недобросовестных и неаккуратных подписчиков, которые задерживали плату за предоставляемые им услуги и даже вовсе отказывались их оплачивать.¹⁷ Поступления за исполненные работы были недостаточными для содержания дома трудолюбия. Это объясняется тем, что часть выплачиваемых труженикам вознаграждений была неравноценна их труду. Правление, желая упрочить положение и не получать жалоб от подписчиков за недоброкачественно выполненные работы, ввело образовательный ценз, определив таковой не ниже среднего учебного заведения.¹⁸

В 1900 г. правление, в целях расширения дела, обратилось в комитет попечительства о домах трудолюбия и работных домах за пособием в размере 5000 рублей для образования оборотного капитала. Однако у комитета возникли сомнения в целесообразности предоставления указанных денежных средств из-за неблагоприятного заключения экспертной комиссии, осмотревшей дом трудолюбия. Барон Буксгевден спас дело, возразив, что осмотр проходил в момент его отсутствия, когда он в качестве уполномоченного комитета находился в пострадавших от неурожая губерниях вместе с казначеем и секретарем дома трудолюбия, в котором, в связи со сказанным, не могло не ощущаться отсутствие надзора. Прояснив таким образом сложившуюся ситуацию, барон Буксгевден получил столь необходимую для дома трудолюбия субсидию.¹⁹ Понимая, какие неоценимые услуги оказал барон дому трудолюбия, правление в 1907 г. решило установить его портрет в этом благотворительном заведении.

В первых двух из рассматриваемых благотворительных учреждений — Евангелическом доме трудолюбия и доме трудолюбия на Большой Охте — не существовало возрастного ценза. Однако Отто Оттович понимал необходимость организации отдельных домов трудолюбия для детей. В 1897 г. барон стал учредителем дома трудолюбия для детей-подростков Галерной Гавани (В. О., 13-я линия, 8), а в 1898 гг. — детского приюта трудолюбия для детей Сенной площади и «дома Вяземского» (Фонтанка, 95, кв. 20).

В начале 1898 г. в доме трудолюбия для детей-подростков Галерной Гавани было 32 призреваемых, а к концу 1907 г. количество призреваемых увеличилось до 61. Мальчики обучались сапожному, столярному, токарному и слесарному мастерству. Предметы, изготавливаемые детьми, постоянно имели сбыт, а прибыль, вырученная от продажи, составляла около 400 рублей ежегодно. Отто Оттович для

увеличения средств дома трудолюбия прочитал лекцию о «Детской лиге», сбор с которой поступил в распоряжение этого благотворительного заведения, и кроме того, барон учредил при ней отделение Всемирной детской лиги.²⁰ В конце 1898 г. в виде опыта для поощрения детей к лучшему изучению ремесла правление разрешило выплачивать успевающим небольшую зарплату (от 3 до 5 копеек в день), выдаваемую по окончании обучения ремеслу или, в виде исключения, к праздникам. В доме трудолюбия велось также обучение общеобразовательным предметам: русской грамматике, чтению, письму, русской истории. Успехи дома трудолюбия были отмечены на Всероссийской кустарно-промышленной выставке, причем за работу постанолом дела и за хорошие картонажные и переплетные работы дом трудолюбия был награжден бронзовой медалью.²¹

Небольшой кружок благотворителей во главе с О. О. Буксгевденом обратили внимание на участь детей, находящихся в домах, бывших собственностью князей Вяземских. Таких детей не принимали ни в одно из учреждений С.-Петербурга, опасаясь их влияния на других призреваемых.²² Желая спасти детей, которых насчитывалось в Вяземских трущобах до 200, несколькими благотворителями был учрежден детский приют трудолюбия для детей Сенной площади и «дома Вяземского». Устав этого благотворительного заведения был составлен по примеру Ольгинского детского приюта трудолюбия в С.-Петербурге. Приют был разделен на три отделения. В первом мальчики от 7 до 16 лет обучались столярному и сапожному ремеслам. Наиболее способные переходили в хозяйские мастерские, а имевшие хорошие голоса поступали в музыкальную школу в Финляндии, где обучались до 21 года. В отделении для девочек многие из призреваемых не могли долго оставаться, так как должны были присматривать дома за маленькими детьми. О. О. Буксгевден, желая помочь труженицам, открыл третье отделение при приюте — «ясли», куда призреваемые могли отдать на время детей.²³ В течение шести лет существования детского приюта Отто Оттович был членом ревизионной комиссии этого благотворительного заведения. На заседании комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах 21 декабря 1904 г. было постановлено закрыть детский приют трудолюбия из-за неудовлетворительного состояния заведения.²⁴

В 1895 г. был учрежден комитет попечительства о домах трудолюбия и работных домах, в задачи которого входило координирование действий домов трудолюбия, оказание им финансовой поддержки и организация трудовой помощи нуждающимся. Отто Оттович, являясь членом комитета с момента его учреждения, в 1897 г. по поручению этого ведомства осмотрел дома трудолюбия во Владимире, Витебске, Смоленске, Минске и других городах России, а в 1899 г.

был направлен в Самарскую в Уфимскую губернии для организации помощи населению, пострадавшему от неурожая. В 1896 г. у членов комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах, в числе которых был и барон Буксгевден, возникла мысль об учреждении С.-Петербургского столичного попечительного общества о домах трудолюбия, которое должно было выполнять те же задачи, что и комитет, ограничивая свою деятельность Петербургом.

4 мая 1902 г. на 64-м заседании комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах барон Буксгевден предложил организовать в Петербурге во время предстоящей Всероссийской кустарно-промышленной выставки съезд с приглашением на таковой до 30 зрителей. Подобные съезды были чрезвычайно распространены за границей и должны были приобрести, по мнению барона Буксгевдена, важное значение в России, «где за отсутствием учреждений для теоретической подготовки зрителей является настоятельная потребность дать им возможность приобретать простейшие познания посещением лучших учреждений трудовой помощи».²⁵ Съезд проходил с 16 по 22 апреля. Совещание под председательством барона Буксгевдена обсудило предварительную программу съезда: все занятия зрителей и заведующих предполагалось ограничить обзором выставки, домов трудолюбия и обсуждением важнейших практических вопросов. На съезде рассматривались проблемы, накопленные в результате многолетнего опыта по устройству домов трудолюбия. Это организация работ на свежем воздухе, устройство контор по приисканию мест для детей, выбывших из приютов,²⁶ освобождение домов трудолюбия от нетрудоспособных и нравственно-испорченных лиц.²⁷

Не ограничиваясь организацией домов трудолюбия, Отто Оттович искал иные пути оказания помощи нуждающимся. 9 января 1887 г. барон Буксгевден для Министерства внутренних дел составил проект «общества дам для доставления провинции надежных учительниц и наставниц», получившее впоследствии другое название. Общество ставило перед собой задачу «содействовать бедствующим в Петербурге девицам к получению мест и занятий в провинции, где в них нуждались, где они могли бы с пользой для отечества применять свои познания и выполнять высочайшую задачу распространения просвещения и воспитания детей».²⁸ Общество, представлявшееся на первый взгляд дамским, тем не менее не отказывалось от помощи мужчин, желающих содействовать этому полезному делу.

Воодушевил барона на учреждение подобной конторы опыт берлинских обществ посредничества в трудоустройстве. Одно подобное общество, обладая капиталом не более 2000 марок годового дохода, доставляло тысяче лиц рабочие места в Германии и в других

странах.²⁹ 24 сентября 1888 г. эта организация открыла деятельность как Общество для доставления мест и занятий окончившим курс в женских учебных заведениях. Отто Оттович, в качестве управляющего делами общества, его помощник и две дежурные дамы принимали от лиц, ищущих места и занятия, заявления в форме письменных ответов на печатные вопросы, а именно: «где и когда просительница окончила курс, какие предметы она может преподавать и какой предмет считает своей специальностью».³⁰ Ответы давали возможность рекомендовать ту или иную особу.

Среди записавшихся для получения мест были как опытные преподавательницы, так и учительницы, которым не хватало знаний. Главным требованием, предъявляемым к претенденткам, было не только умение преподавать на русском языке, но и хорошее знание французского. Для повышения образования правление устроило для девушек курсы французского языка за небольшую плату. Однако проведенная мера не дала значительных результатов, так как, предъявляя высокие требования, работодатели предлагали мало вознаграждение.³¹ Таким образом каждая восьмая девушка получала место гувернантки, хотя предложений от работодателей было всего в два раза меньше, чем нуждающихся в работе.

В Петербурге находилось правление этого общества, собиравшее информацию о провинциальных работодателях. Ее получали от агентств, расположенных в крупных городах России. Средства общества, состоящие из членских взносов и пожертвований, к 1895 г. до того истощились, что если бы не субсидия, которую барон Буксгевден исходатайствовал у главноуправляющего Канцелярией по учреждениям имп. Марии, оно бы прекратило свое существование.³²

23 декабря 1892 г. в доме № 20 по Фурштатской улице открылось общество «Муравей», организованное по примеру существующей во Франции «Société des fourmis».³³ Барон Буксгевден был не только учредителем этого общества, но и 12 лет занимал пост казначея. В 1903 г. он вынужден был оставить эту должность ввиду многочисленных занятий, вызывавших частые отлучки из Петербурга.

Цель учрежденного общества заключалась в обеспечении бедных детей платьем на зиму или денежным пособием на приобретение его, причем одежда изготовлялась членами общества у себя дома, в свободное время, или на собраниях отделений. Не ограничиваясь такой помощью, общество занималось предоставлением работы родителям, а также организацией воспитания малолетних, помещая их в приюты и школы. Если в первый год существования общества таких детей было 8, то к 1906 г. их количество достигло 200.

Однако существовала и проблема переполнения приютов. Размышляя над этим вопросом, Отто Оттович снова обратился к опы-

ту Германии. В 1878 г. на состоявшемся международном конгрессе в Стокгольме было постановлено, что лучшее воспитание преступных и бесприютных детей обеспечивается помещением их в семью. Придерживаясь этого взгляда, прусские законодатели постановили, что «ребенок может быть отдан начальством в благонравную семью или в воспитательное или в исправительное заведение» (закон 13 марта 1878 г.).³⁴ Идея эта получила такое широкое распространение в Германии, что к 1900 г. вокруг Берлина призревало более 4000 детей за счет городского управления, а около Лейпцига существовало 250 колоний.³⁵ Ознакомившись с организацией помощи детям в Германии, барон Буксгевден предложил комитету общества попечения о бедных и больных детях, членом которого он в то время состоял, организовать комиссию, в задачу которой входило бы размещение детей в селениях, расположенных около Петербурга.

Комитет, учитывая переполнение детских приютов, а также достоинства деревенского воспитания, согласился на организацию комиссии, с учетом, что в дальнейшем она будет заниматься поиском священников, которые, как пасторы в Германии, согласились бы рекомендовать семьи своего прихода, готовые принять к себе на воспитание детей за плату.³⁶ Преимущества деревенского воспитания по сравнению с городским, по мнению барона Буксгевдена, состояли в том, что крестьянская среда более нравственная, жизнь на деревенском воздухе более здоровая, семейная жизнь приучает с ранних лет к борьбе за существование и к тому же сельское воспитание дешевле городского.³⁷ Комиссия под председательством Отто Оттовича содержала детей в трех колониях: в Московской Славянке около Царского Села, в селе Федоровском около Павловска и в немецкой колонии «Кипен» Петергофского уезда, размещению детей в которой способствовало Германское благотворительное общество. В первых двух из указанных колоний детей обучали грамоте местные священники, а в немецкой колонии занятия вел учитель местной церковной школы.

Оказывая поддержку детским благотворительным заведениям, Отто Оттович понимал необходимость в организации центрального учреждения. Мечта его сбылась 3 марта 1902 г., когда в зале Общества Красного Креста состоялось открытие Союза учреждений детской помощи в Петербурге.

Отто Оттович как учредитель союза выступил с докладом «О проблемах в деле детской помощи»: «Здесь в среде единомышленников каждый из нас отныне может высказаться, делиться своими сомнениями, своими заботами и надеждами, в уверенности встретить в Новом Союзе сочувствие и поддержку нуждающемуся в ней ребенку. Неотложным поэтому делом для нас должно быть совмест-

ное обсуждение вопроса: как лучше, как дешевле, как целесообразнее устроить призревание детей, куда направлять их, когда нет мест в заведениях, и что делать с теми, которых за дурное поведение из заведений исключили. Польза нашего объединения и будет, во-первых, состоять в том, что имеется центр, где сосредоточиваются сведения о вакансиях, мы всегда будем знать, есть ли в данную минуту возможность поместить нуждающегося в призрании ребенка где-либо в Петербурге или же надо его отправить за город в хорошую крестьянскую семью. У нас же таких заведений для малолетних, испорченной нравственности, но не совершивших преступления, вовсе не имеется. Вот и другая задача нового союза: обратить на эту проблему внимание благотворителей и побудить их взяться за основание подобных исправительных приютов, в которых чувствуется настоятельная потребность».³⁸ Отто Оттович принимал участие в разработке положения «О Союзе учреждений детской помощи», а затем представлял в собрании Союза вместе с Г. Н. Кохендерфер попечительное общество дома трудолюбия для детей-подростков Галерной Гавани и благотворительное общество «Муравей».

Стараясь привлечь внимание благотворителей к организации детских учреждений, барон Буксгевден неоднократно делал доклады на собраниях Союза о развитии подобных заведений за границей. Так, на общем собрании, состоявшемся 10 октября 1903 г., Отто Оттович сделал доклад «Детские учреждения доктора Барнардо в Англии». Учреждения эти, возникшие в 1863 г. по почину частного лица, получили такое широкое развитие благодаря энергии основателя и благотворительных обществ, что были в состоянии призывать более 7000 детей ежегодно.³⁹ На собрании 15 февраля 1905 г. барон Буксгевден привлек внимание слушателей к деятельности центрального бюро частной благотворительности во Франкфурте-на-Майне. Стремясь познакомить благотворителей с деятельностью филантропических обществ России и других стран, Отто Оттович сотрудничал с журналами «Трудовая помощь», «Вестник благотворительности», «Журнал Министрства юстиции» и «Детская помощь». По имеющимся сведениям, он являлся автором 66 статей и книги «Die Armenpflege Russlands», изданной в Лейпциге в 1886 г.

8 мая 1907 г. Отто Оттович был убит сыном Эдгаром. Тогда писали, что «барон О. О. Буксгевден пал жертвой своей гуманности, мягкосердечия и особой заботливой любви к своему нервнобольному сыну, оставляя его на свободе, доверяя ему».⁴⁰

7 декабря 1909 г. состоялось освящение Ольгинского детского приюта трудолюбия в память О. О. Буксгевдена, сооруженного на средства попечительства о трудовой помощи в Лесном, а через две недели был открыт детский приют в память О. О. Буксгевдена в Пе-

тергофе, учрежденный Главным попечительством детских приютов по почину английской благотворительницы графини Мийс, пожертвовавшей 500 фунтов стерлингов. Детский приют в Петергофе после революции был переименован в детский дом «Коммунар».⁴¹ Ольгинский детский приют также продолжил свою деятельность после 1917 г.: воспитание детей в этом учреждении отвечало «требованиям трудового начала, семейственности и общности».⁴²

- ¹ Барон О. О. Буксгевден // Исторический вестник. 1907. Декабрь. С. 1016.
- ² РГИА. Ф. 1405. Оп. 516. Д. 47. Л. 2–5.
- ³ Там же. Л. 7.
- ⁴ РГА ВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1662. Л. 6.
- ⁵ Там же. Л. 7.
- ⁶ Герье В. Что такое дом трудолюбия? // Трудовая помощь. 1897. № 1. С. 5.
- ⁷ Буксгевден О. О. Германия: сельскохозяйственные колонии для нуждающихся в заработке // Детская помощь. 1889. № 3. С. 76–77.
- ⁸ Устав Евангелического дома трудолюбия и попечительного при нем общества в С. Петербурге. СПб., 1890. С. 2.
- ⁹ Евангелический дом трудолюбия в С. Петербурге: Отчет за 1907. СПб., 1908. С. 8–9.
- ¹⁰ Швиттау Г. Г. Трудовая помощь в России. Пг., 1915. Ч. II. С. 196.
- ¹¹ С.-Петербургское столичное попечительное общество о домах трудолюбия за первые десять лет своего существования. СПб., 1908. С. 8.
- ¹² Устав Попечительного общества о доме трудолюбия для образованных женщин за 1911 год. СПб., 1912. С. 11.
- ¹³ Отчет правления Попечительного общества о доме трудолюбия для образованных женщин за 1911 год. СПб., 1912. С. 11.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 19. Д. 2288. Л. 1.
- ¹⁵ Дом трудолюбия для образованных мужчин в С.-Петербурге. СПб., 1899. С. 12–13.
- ¹⁶ Барон О. О. Буксгевден. С. 1023.
- ¹⁷ Отчет дома трудолюбия для образованных мужчин за 1906–1907. СПб., 1908. С. 5.
- ¹⁸ То же... за 1905–1906. СПб., 1907. С. 3.
- ¹⁹ Трудовая помощь. 1900. № 3. С. 48.
- ²⁰ Детская лига была основана в Англии пастором Риджвей при поддержке графини Мийс и имела цель приучать детей к благотворительной деятельности. Графиня Мийс предложила барону Буксгевдену устроить в России подобное учреждение, выделив для этого средства.
- ²¹ Трудовая помощь. 1902. № 4. С. 62.

- 22 Детский приют трудолюбия в Вяземском доме. СПб., 1898. С. 3–4.
- 23 Отчет о деятельности попечительного общества о приюте трудолюбия для детей Сенной площади и «дома Вяземского» за 1898–1900. СПб., 1901. С. 8.
- 24 Ольгинский детский приют трудолюбия в память О. О. Буксгевдена: Отчет за 1910. СПб., 1911. С. 3.
- 25 Журнал 64 заседания Комитета попечительств о домах трудолюбия и работных домах, состоявшегося 5 февраля 1902 года // Трудовая помощь. 1902. № 3. С. 37–38.
- 26 Съезд смотрителей домов трудолюбия и лиц, заведующих учреждениями трудовой помощи. Минск, 1902. С. 20, 33.
- 27 Съезд смотрителей домов трудолюбия и лиц, заведующих учреждениями трудовой помощи // Трудовая помощь. 1902. № 5. С. 83.
- 28 РГИА. Ф. 1287. Оп. 19. Д. 696. Л. 2.
- 29 Там же.
- 30 Детская помощь. 1888. № 21. С. 670–671.
- 31 Отчет общества для доставления мест окончившим курс в женских учебных заведениях за 1889–1891. СПб., 1892. С. 5.
- 32 То же... за 1907–1909. СПб., 1910. С. 2.
- 33 РГИА. Ф. 1287. Оп. 19. Д. 1099. Л. 4.
- 34 Там же. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1511. Л. 4.
- 35 *Буксгевден О. О.* Об организации призрения бесприютных детей в крестьянских семьях // Ведомство детских приютов и его задачи. 1905. Ч. 21. С. 5.
- 36 РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1511. Л. 5.
- 37 *О. Б.* Выселение сирот и бедных из городов в деревню, для воспитания их в крестьянских семьях // Детская помощь. 1891. N 13. С. 398.
- 38 Открытие Союза учреждений детской помощи в С. -Петербурге // Вестник благотворительности. 1902. № 3. С. 83–86.
- 39 РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 1542. Л. 174.
- 40 Котлин. 1907. 13 июня. С. 4.
- 41 ЦГА. СПб. Ф. 502. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.
- 42 Там же. Ф. 7405. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

НЕМЕЦКИЙ ДОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

Клубы — добровольные общественные организации, объединяющие группы людей в целях общения, связанного с различными интересами, а также для отдыха и развлечений, — были традиционно популярны в Санкт-Петербурге, в том числе и среди национальных меньшинств. Один из старейших клубов Петербурга — немецкий «Шустер-клуб» — был организован еще в 1772 г. и существовал до конца XVIII в. В 1880-е гг. действовал клуб «Первое Санкт-Петербургское общественное собрание» (Немецкий клуб), хотя немцы далеко не составляли там большинства. С середины XIX до начала XX в. работало общество немцев-ремесленников «Пальме», по форме также напоминавшее клуб. После Октябрьской революции клубы приобрели первостепенное значение в качестве культурно-просветительных учреждений национальных меньшинств, однако немецкое население Петрограда не сразу избрало именно клубную разновидность просветительной работы, а создавало с этой целью объединения и общества (Петроградский немецкий союз российских граждан немецкой национальности, Центральное общество немецких колонистов, Петроградское немецкое культурно-просветительное общество, Петроградское немецкое музыкальное общество). Эти организации объединяли на добровольной основе немцев из разных социальных групп, но в этом качестве не вполне удовлетворяли классовым требованиям советской власти, почему и были закрыты еще до конца 20-х гг. В противовес этим «аполитичным» культурным организациям создавались классовые.

Первый советский немецкий клуб для постоянного населения Ленинграда был учрежден летом 1925 г. В течение нескольких месяцев он находился при институте им. Толмачева на Тучковой наб., 2-б (ныне наб. Макарова), а в 1926 г. переехал на наб. Мойки, 76, где располагался три года. Немецкий клуб создавался под идейным патронажем губернского комитета ВКП(б) и под практическим руководством Совета по просвещению национальных меньшинств (Совнацмен) при Петроградском (Ленинградском) губоно, на бюджете которого он и состоял, а также городского Политпросвета. Политическая направленность работы клуба заявлена дважды в его названии: Немецкий коммунистический клуб им. Евг. Левине (в честь Эйгена Левине, главы исполнительного совета Баварской советской республики, расстрелянного по приговору военно-полевого суда в 1919 г.).

К началу 1926 г. в клубе насчитывалось 150–155 членов с «подходящими» социальными характеристиками — рабочие и совслужащие, в основном члены ВЛКСМ и ВКП (б). Для почти 17 тыс. немецкого населения Ленинграда — немного, но клуб был еще в самом начале пути. Деятельность его состояла прежде всего в политическом просвещении своих членов (немецкий клуб выделялся в этом отношении на фоне других национальных клубов), а культурно-просветительная работа отходила на второй план. В 1926 г. в клубе имелось 8 кружков: два кружка политграмоты и еще один, отдельно, для женщин (в каждом по 25 чел.), «марксистско-ленинский» кружок — 12 чел., антирелигиозный — 60 чел., драматический — 40 чел. и два хора (смешанный — 20 чел. и мужской — 10 чел.).¹ Таким образом, члены клуба должны были проявлять завидную активность, участвуя в его работе. В дальнейшем институт членства в национальных клубах был ликвидирован, вместо него введено понятие «актив клуба», а для оценки работы стали использовать показатели «охвата», или численности, посетителей клуба за разные промежутки времени (день, месяц, год).

В первые годы деятельности клуба его библиотека была невелика и насчитывала 600 книг, которыми пользовались 84 читателя (сведения начала 1927 г.).²

Условия для работы клуба были достаточно сложными: хотя здание находилось в центре города и под клуб было выделено 6 комнат, но при этом три из них еще в 1927 г. стояли пустыми, без мебели и необходимого инвентаря, так как бюджетных средств не хватало (причем львиная их доля — 5/6 — шла на зарплату и хозяйственные расходы), а заработать на платных мероприятиях, как это делали, несмотря на осуждение Горполигпросвета, некоторые национальные клубы, было невозможно из-за отсутствия киноустановки.³ И все же работа в клубе проводилась большая, хотя и однотипная — кружки, лекции, доклады и «художественные постановки». Клуб имел филиалы в Выборгском и Московско-Нарвском домах культуры, а также практиковал летние выезды в немецкие колонии губернии (с августа 1927 г. — области) для организации народных гуляний с концертами и спектаклями и выделял для сельского населения библиотеки-передвижки.⁴ В клубе сформировался крепкий актив из постоянных посетителей, активистов кружковой работы, членов совета клуба, без чего, силами только штатных работников, клуб не мог бы успешно функционировать.

В конце 20-х — начале 30-х гг. все клубы национальных меньшинств Ленинграда были преобразованы в национальные дома просвещения — домпросветы, или ДПР. Этой реорганизацией партийное и советское руководство города достигало не-

скольких целей: укрупнение национальных политико- и культурно-просветительных организаций при удешевлении их содержания (один, даже крупный, домпросвет обходился дешевле, чем несколько небольших), централизация всей работы с возможностью создания больших художественных коллективов и реализации крупных культурно-просветительных проектов, а также унификация всей, прежде всего политико-просветительной, деятельности национальных клубных организаций. Последнее в особенности позволяло партийно-политическим инстанциям контролировать всю работу, это было обязательным условием функционирования национальных ДПР. Максимальное их количество в Ленинграде было в 1932 г. — 12, а в дальнейшем их число уменьшалось.

В течение 1929–1931 гг. немецкий клуб имел переходный статус, именуясь в разных документах то клубом, то уже домпросветом. С 1929 г. он располагался на ул. Декабриста Якубовича, 4. Кроме помещений для кружковых занятий здесь находился и театральный зал на 110 мест, к сожалению, самый маленький из всех в национальных домпросветах, где были залы и на 500 мест. Даже в венгерском ДПР, обслуживавшем всего несколько сот человек, зал вмещал 120 чел. Но в целом условия для работы стали лучше, что отразилось и на успехах ДПР. В мае 1929 г. журнал «Рабочий и театр» поместил хороший отзыв о постановке драмкружка из немецкого коммунистического клуба — комедии Газенклевера «Браки заключаются на небесах». Критикой отмечалась «редкая в клубных постановках тщательная разработка речевой стороны спектакля» и работа режиссера Немиус, которая сумела подчеркнуть ряд «ударных» моментов (выходной полет господина бога под дробь барабана и плач флейты на «мещанский» мотив «Ах, майн либер Августин», сцены ссор шахтеров, финальную песнь небожителей). Имели также успех выступления двух клубных струнных оркестров, демонстрировавших прекрасную сыгранность, и хора, имевшего в репертуаре ряд революционных песен.⁵

Следует отметить, что работа в немецком клубе, затем ДПР, велась на двух языках — немецком и русском, причем практически вся политпросветработа — на русском, а художественные кружки функционировали на родном языке. Двухязычным был и библиотечный фонд.

Немецкий ДПР принимал участие и в интернациональных вечерах, проводившихся на больших концертных площадках Ленинграда. В мае 1930 г. в честь Дня международной солидарности трудящихся в Выборгском доме культуры был проведен общегородской «рапорт национальностей», на котором было представлено полтора десятка национальностей из проживающих в городе. Ленинградские немцы рапортовали о своих трудовых и культурных достиже-

ниях, используя диаграммы «на красных флагах, прикрепленных к рукам исполнителей». В конце номера демонстрировались кадры из киножурнала «Совкино» о разгоне полицией митинга «красных фронтовиков» в Германии. Крайне политизированное выступление немцев (как, впрочем, и представителей других диаспор) вполне соответствовало ожиданиям публики и имело большой успех «у тысяч рабочих зрителей, только начавших «потреблять искусство».⁶

В 1931 г. Домпросвет переселяется на пр.Маклина, 10 — это последний его «индивидуальный» адрес. В 1932 г. ДПП размещается на Литейном, 42, где уже находились польский и литовский домпросветы, а с 1933 г. — на наб. Красного флота (Английской), 34, деля здание еще с тремя национальными ДПП — литовским, венгерским и финским. Условия работы резко осложняются, кроме того, финансирование становится еще более скудным: городской бюджет выделял на скромное содержание национальных домпросветов от 60 до 75% необходимых средств (причем расходы на отопление и освещение вообще не учитывались), а остальное следовало получать из так называемого «спецфонда», гипотетически образуемого в результате «коммерческой» деятельности самих ДПП — платного гардероба, платных мероприятий, сдачи помещений, которых и так не хватало, в аренду сторонним организациям. Выделение средств «по минимуму» или «по максимуму» зависело не от количества населения соответствующей национальности и даже не от посещаемости ДПП, а по оцениваемому «сверху» качеству работы, то есть было практически субъективным.⁷

Финансирование национальных домпросветов могло бы улучшиться при изменении их статуса с городского на областной, однако этого не произошло, хотя такие попытки неоднократно предпринимались, в том числе и со стороны отдела культуры и пропаганды ленинизма обкома ВКП (б).⁸ Но и несмотря на это, большинство ДПП обслуживали не только ленинградцев, но и жителей области. Руководитель работы с нацменьшинствами в Ленинградской области Г. Сакс даже писал в 1931 г.: «Финский, эстонский, латышский и немецкий домпросветы имеют постоянное шефство над колхозами, оказывают им значительную помощь. Вообще эти четыре ДПП имеют полное право называться областными — политическое влияние их распространяется на все нацменьнаселение деревень области и даже вне ее».⁹

Зимой 1935 г. все колхозники немецкого колхоза им. Тельмана Тосненского района по несколько раз побывали в Ленинградском театре оперы и балета им.С. М. Кирова и на спектаклях и других массовых мероприятиях в немецком ДПП, причем все эти выезды организовал именно Домпросвет. Работники ДПП оказывали немец-

кому населению области помощь в организации массовых, тогда уже колхозных, праздников на местах, а лекторы ДПР выезжали в длительные командировки в область.¹⁰ Между тем немецкое население области весьма нуждалось в расширении и улучшении культурно-просветительной работы. В 30-е гг. здесь проживали около 13,5 тыс. немцев, было создано 5 немецких сельсоветов, 24 немецких колхоза, а «культочагов» было очень мало: 6 изб-читален (в основном при сельсоветах) и 9 красных уголков (в колхозах). Уровень подготовки избачей и «красноугольцев» был очень низкий, большинство имели только общее начальное образование, и лишь в одном сельсовете Пригородного района «избач» имела специальное образование — совпартшкола II ступени — и училась на первом курсе Комвуза.¹¹

Парадоксально, что уже в 1936 г. попытки национальных ДПР обслуживать область оценивались негативно. Руководитель работы с нацменьшинствами при горкоме ВКП (б) пишет 3 августа 1936 г., что руководство домпросветов (финского, эстонского, латышского, немецкого), «не справляясь с задачами работы среди национального населения города, не умея связаться с ним... пытается превратить дома в областные центры по работе среди населения области... посылают в ЛО докладчиков, организуют всевозможные вечера, и все это совершенно бесконтрольно».¹² Обвинения в плохой работе ДПР в городе в этот период озвучивали политической заказ на свертывание их работы и в дальнейшем — на ликвидацию этих просветительных институтов.

Пока же, несмотря на материальные трудности, жизнь в немецком ДПР шла своим чередом. В месяц проводилось 4–5 тематических вечеров, читалось 5–6 лекций. В середине 30-х гг. работали 6 кружков: политграмоты (руководитель — зав. массовой работой ДПР, член КПП, политэмигрант Дрешер), спортивный (руководитель — курсант летной школы Медведев), 3 языковых кружка — немецкого языка, под руководством выходца из колонистов, студента Пединститута им. Петровского Боркмана, английского, которым руководил Гогинки, студент Пединститута им. Герцена, и русского языка, который вел преподаватель немецкого языка Технологического института колонист Ган. Большим драмкружком руководил студент театрального техникума, комсомолец, «русский немец из мещан» Мюллер. Заведующий в то время Домпросветом Кац дал ему чрезвычайно выразительную, передающую дух времени, характеристику: «политически недостаточно развит и старается аполитизировать пьесы и членов кружка», хотя и «неплохой организатор».¹³

Лекции в ДПР читали профессора ЛГУ и ЛИФЛИ, а постоянными лекторами в 1936 г. были Соборовский, член ВКП (б), слушатель Академии им. Толмачева, приехавший в СССР из Германии в 1921 г.,

политэмигранты 30-х гг., члены КПГ, служащие Дидрих и Тотон. Другие лекторы не упоминаются, а подбор указанных явно тенденциозен — все эмигранты, а двое — даже не граждане СССР.¹⁴ Дело в том, что в этот период велась широкая кампания по проверке национальных домов просвещения и всякое лыко как раз и ставилось им в строку.

Немецкий Дом просвещения за несколько лет значительно пополнил свою библиотеку, и в 1936 г. в ней уже было 12 тыс. книг на русском и немецком языках. А вот сведения о количестве читателей весьма разноречивы — от 87 чел. до нескольких сотен.¹⁵ Возможно, этот разноречив связан с социальным заказом, но в определенной степени также и с частыми и продолжительными перерывами в работе библиотеки, книжный и журнальный фонды которой перманентно проверялись на идеологическое соответствие «линии партии» в ходе перерегистрации фондов. В одной из проверок было обнаружено, что библиотека «засорена книгами немецких буржуазных писателей и явно контрреволюционной литературой (журналы со статьями Троцкого, Зиновьева, Каменева и т.д.)», и из фонда было изъято 85 книг.¹⁶ Среди читателей было много учащихся, так как «их не обеспечивают свои учебные библиотеки». Наибольшей популярностью пользовалась художественная и учебная литература, а политическая часто проставалась, что считалось предосудительным: «хорошую характеристику всему читательскому составу дает то, что он политические книги почти не берет».¹⁷

В 1936 г. «охват» немецкого ДПР (то есть число посетивших ДПР) составлял в среднем в день 60 чел., в месяц — 1804 чел., а в массовых мероприятиях участвовало по 500–600 чел.¹⁸ При всей условности такой оценки работы все же ясно, что шла активная клубная жизнь.

Но уже стоит вопрос — быть или не быть немецкому ДПР? Заведующий ДПР в течение нескольких месяцев в 1936 г., отнюдь не дилетант в политпросветработе, Кац, представил в горком ВКП (б) докладную записку о работе Дома, завершавшуюся разделом «Перспективы». В нем аргументируется необходимость сохранения ДПР: поскольку немцев в Ленинграде (как советских граждан, так и «иноподданных») много, а в области имеются 24 немецких колхоза, в то же время кадров полит- и культурработников катастрофически не хватает, немецкий ДПР «должен не только существовать дальше, но он должен быть гораздо больше и лучше обставлен, чем до сих пор, укреплен соответствующими кадрами работников», одновременно в ускоренном темпе следует заняться подготовкой специалистов для немецкого населения области. Кроме того, особого внимания требует работа среди политэмигрантов, большинство из которых — чле-

ны КПГ, но «политуровень их очень неважен, так как они не проварились еще в русском котле и, кроме того, не прошли до сих пор хорошей школы политграмоты и марксистско-ленинского учения».¹⁹

Это последнее замечание напоминает о серьезной социально-политической проблеме, имевшей объективное содержание и вызывавшей субъективные опасения со стороны партийного руководства, — проблеме немцев-иностранцев в СССР. Только в Ленинграде в начале 30-х гг. работали 1400 иностранных рабочих и специалистов с семьями, большинство из них было из Германии и США (в целом по стране 20 тыс., из них более 10 тыс. — из Германии).²⁰ После прихода к власти в Германии фашистов усилился приток политэмигрантов, а в 1935 г. в Ленинграде появилось около 150 шуцбундовцев, многие с семьями.²¹ Большинство из этих категорий иностранцев не знало русского языка и нуждалось не только в особых бытовых условиях (спецы), но и в специальном культурном обслуживании. Кроме того, все эти люди со сложившимися в иных условиях взглядами и мировоззрением могли иначе, чем граждане СССР, оценивать происходящие в стране в 30-е гг. события и излагать свою точку зрения, причем наиболее благодарной аудиторией могла оказаться среда этнических компатриотов. Именно этого и опасались руководители страны, поэтому контакты иностранцев с гражданами СССР вне их профессиональной деятельности, на «культурном поле», были нежелательны и ограничивались в организационном плане. Культурное обслуживание всех иностранцев в Ленинграде осуществляли областной комитет МОПР и Инобюро Облсовпрофа. В 1930–1931 гг. работал Интерн-театр МОПР, ставивший спектакли на пяти языках, в том числе на немецком. После его закрытия (по идеологическим и художественным соображениям) специальные иностранные секторы были созданы в 1932 г. при Московско-Нарвском и Выборгском домах культуры, при последнем до 1937 г. работала немецкая театральная труппа. Координацию всей культурной работы с иностранцами осуществляла центральная база Инобюро Облсовпрофа, и на эту деятельность выделялись значительные средства из госбюджета, несоставимые с финансированием национальных ДПР.²²

Немцам-иностранцам было запрещено посещать немецкий Дом просвет, работа которого была ориентирована на советских немцев — граждан СССР. Но в 1936 г., в связи с отъездом почти всех иностранных специалистов по истечении контрактов, базы культуры Инобюро ликвидируются, запрет на посещение ДПР иностранцами снимается, и наиболее активная часть немцев — «иноподданных» (это в основном политэмигранты) становятся завсегдацами немецкого Домпросвета.²³ Этот факт расценивался партийными инстанциями негативно и вызывал по адресу ДПР обвинения в утрате

политической бдительности, национализме и даже... пропаганде фашизма! Отчеты о проверках Домпросвета в 1936–1937 гг. приводят следующие примеры: на портрете Тельмана обнаружен фашистский лозунг, аналогичные надписи и знаки — на библиотечных книгах, на стенах ДПР, в столе заведующего — листовки и плакаты из Германии, неизвестные лица приглашали посетителей ДПР на частную квартиру слушать радиопередачи из Германии, в самом ДПР устраивались коллективные прослушивания таких передач, наконец, в одном из столов в канцелярии обнаружено «неизвестно чье» незарегистрированное огнестрельное оружие.²⁴ Эти примеры повторяются почти слово в слово, без комментариев, хотя ясно, что коллективное прослушивание радиопередач, как и чтение и демонстрация плакатов и листовок могли производиться с контрпропагандистской целью, а бесхозное оружие скорее всего бывает подкинутым.

В 1936 г. произошел последний переезд немецкого Домпросвета — на ул. Красную (Галерную), 33, где в бывших театральные залах «Поллак» с 1925 г. размещался эстонский ДПР. В 1937 г. к двум ДПР присоединили еще два — польский и латышский. В многочисленных документах постоянно подчеркивалось, что при такой скученности помещения на Красной «совершенно не приспособлено для культпросветработы».²⁵ Но дело шло уже к закрытию всех национальных ДПР, и этот довод использовался не для создания нормальных рабочих условий в домпросветах, а как еще одно (кроме идеологических и политических) обоснование их ненужности.

Что же произошло?

К середине 30-х гг. в национальной политике ВКП (б) и советской власти завершается идеологический перелом: от концепции «коренизации», подразумевающей национальное укоренение советской власти, в том числе и в области национальной культуры, партия переходит к концепции унификации всех национальных культур на единственно возможной для этого в условиях многонационального СССР базе — базе великорусской культуры. Но если в союзных, автономных республиках и в автономных областях сохранялись значительные пласты национальной культуры, прежде всего родной язык, то национальные меньшинства были обречены на культурную ассимиляцию, подстегиваемую ликвидацией всех организованных форм национальной жизни, учреждений и организаций по работе с национальностями, которая в основном завершилась в 1938 г. Кроме того, все национальные меньшинства делились на так называемые «советские», чья этническая родина была на территории СССР, и «зарубежные», имевшие этническую родину и национальную государственность за пределами СССР, а их национальность «совпадала с национальностью враждебного СССР государства». Политика вла-

стей по отношению к ним была гораздо подозрительнее и жестче, и у них не оставалось надежды на нормальную социализацию внутри страны даже при полной национально-культурной ассимиляции — они были «виноваты» уже одной своей национальной принадлежностью. Именно против них были направлены так называемые «национальные» приказы НКВД лета — осени 1937 г. и решение политбюро ЦК ВКП (б) от 31 января 1938 г., предусматривающие массовые репрессии по национальному признаку.²⁶ Одним из первых был издан приказ НКВД №00439 о репрессировании германских подданных, подозреваемых в шпионаже против СССР.²⁷ Этот приказ развязывал руки и в отношении советских немцев, которых требовалось «лишь» обвинить в таком шпионаже.

Уже с 1936 г. немецкий Дом просвещения в Ленинграде характеризуется массовым отделом Ленсовета, в чьем ведении тогда ДПР находился, как «самый неудачный участок в системе национальных домпросветов и самый трудный по своим специфическим условиям». Отдел докладывает в горком ВКП (б), что в ДПР активно работают 10–12 «молодых людей, сохранивших, несмотря на 5–6 лет в СССР, германское подданство и несколько человек так называемого „актива“ — недавно приехавших из Германии людей без определенных занятий» (а ведь это говорится о политэмигрантах-антифашистах!) Из-за этого-де ДПР не выполняет своих прямых функций — быть культурным центром по политико-воспитательной работе среди немцев — граждан СССР, постоянно проживающих в Ленинграде и области. Вместо этого в ДПР якобы «возможна организация иноподданных в группы явно контрреволюционно настроенных лиц под видом „актива“ по массовой работе», «возможны группировки национально-шовинистических и классово-враждебных нам элементов». Поэтому необходимо реорганизовать ДПР в некий «культурный центр для немцев», для чего требуется отдельное помещение, «культурно-обставленное, богато декорированное, что вполне является законным, учитывая культурный уровень немцев», а также нужны дополнительные ассигнования на массовую работу.²⁸ Таким образом, авторы записки не только выполняют идеологический заказ, клеймя «опасный» политический характер немецкого ДПР, но косвенным образом подтверждают невозможность нормальной работы в сложившихся материально-финансовых условиях.

И вот на фоне высказываемых предложений о реорганизации ДПР, улучшении его работы, сомнений в целесообразности его существования 27 августа 1936 г. раздается голос только что назначенного, после нескольких месяцев чехарды со сменой временных заведующих, нового заведующего Л. Ратаушера, который предлагает Домпросвет... ликвидировать. Обоснованием этого неожиданного

в устах заведующего ДПР предложения служит отрицательная характеристика всех сторон деятельности Дома и условий его работы. Часть выводов вполне обоснована: у ДПР никогда не было ни помещений, ни средств для нормальной работы в Ленинграде, а уж тем более в области. С другими можно согласиться отчасти — об отсутствии связи с предприятиями, где работают немцы (иначе откуда бы тогда формировался контингент посетителей и кружковцев ДПР?), о «почти никакой работе» в немецких колониях и колхозах, о слабом участии в работе ДПР «большевиков-активистов» с предприятий. Однако основной пафос докладной записки Л. Ратаушера в массовый отдел горкома ВКП (б) состоит в обосновании политической вредности ДПР — ведь политической «беспособности» быть не может! ДПР, по мнению нового заведующего, превратился в «дом узкого кружка германских эмигрантов, из которых большинство вообще не желает ассимилироваться... а часть из них была, есть и будет враждебна нам». Одновременно ДПР будто бы «до сих пор не в состоянии привлечь хотя бы полсотни немцев, граждан СССР. Они любят свой русский коллектив и все культурные (не говоря уже о политических) учреждения больше, чем дом своих „соотечественников” по национальности». И вся работа ДПР, в том числе и политическая, была «низкопробной» и даже «часто враждебной нам».

Анализ и выводы явно соответствуют «политическому моменту» — не зря Л. Ратаушер имел почти два политических высших образования: окончил Комвуз им. Сталина и учился (до направления на советскую работу) в Институте красной профессуры в Ленинграде.²⁹

Итак, предложения Л. Ратаушера: немецкий Дом просвещения в Ленинграде ликвидировать, а вместо него «создать центральную базу для работы с теми немцами города, которые еще не ассимилировались, причем эта база должна получить все те права (и соответственно средства), которые были у Инобюро Облпрофсовета в культпроп. массовой области». Основные места приложения сил — дома культуры и предприятия, а для работы в 24 колхозах области при базе создать особый деревенский сектор. Работу вести на русском и немецком языках. Библиотеку ликвидировать, книги передать домам культуры, где будут концентрироваться немцы, и в колхозные библиотеки-передвижки, «а ту часть, которую по причинам невыдержанности (географич., историч. и др.) нельзя давать каждому читателю, а только специалистам и коммунистам, по разрешению», отдать в Публичную библиотеку, взамен пополнить немецкие библиотеки из ее фондов литературой на русском и немецком языках.³⁰

Значит, Л. Ратаушер предпринял попытку сохранить хоть в каком-то виде очаг немецкой национальной культуры, если «старая»

советская организационная форма — дом просвещения — отвергалась властями. Но культура национальных меньшинств была уже обречена.

В сентябре 1936 г. Наркомпрос РСФСР сообщает в Ленсовет, что в контрольных цифрах на 1937 г. «нацдома не предусмотрены».³¹ С этого же времени массовый отдел Ленсовета запретил популяризацию работы ДПР, мотивируя это их предстоящей реорганизацией.³² С ноября 1936 г. по октябрь 1937 г. состоялось несколько заседаний бюро и секретариата горкома ВКП (б), на которых заслушивался вопрос о национальных ДПР. Окончательное решение об их ликвидации было принято 4 октября 1937 г. при обсуждении вопроса «О политической и культурно-просветительной работе среди трудящихся нацменьшинств».³³ Но немецкий Домпросвет уже был закрыт к этому времени: по постановлению Ленсовета он прекратил свою работу 15 сентября 1937 г.³⁴

Судьба большинства немецких культурработников была трагической. Репрессии в области национальной культуры начались еще в 1934 г., и одной из первых жертв стал известный историк, первый заведующий немецким клубом, затем Домом просвещения в Ленинграде Вульфийус, бывший председатель немецкого общества «Бильдунг-Ферейн». В 1935 г. Домпросветом заведовал Гуменник, арестованный через год. Последним заведующим ДПР был Л. Ратаушер, его арестовали в разгар репрессий, осенью 1937 г. Были репрессированы и другие работники ДПР: заведующие массовой работой Дрешер, Г. Шрадер и Брустов (Брустовицкий), заведующие библиотекой Гиберт и Шрефф, библиотекари Золотницкая и Шрепфер, руководитель камерно-симфонического оркестра Вейс, а также 9 человек из актива ДПР, среди которых брат и сестра Г. и В. Кляйншмидты, «германские подданные», учащиеся 33-й школы, родившиеся в Берлине (брат в 1923 г., сестра — в 1921 г.).³⁵

Так трагически закончилась история первого советского немецкого клуба в Ленинграде. Но культура выжила и, пусть через полвека, дала зеленые ростки на берегах Невы — в новых формах и с новым содержанием и, будем надеяться, с другой, счастливой судьбой.

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга (далее ЦГАИПД СПб). Ф. 16. Оп. 11. Д. 10933. Л. 5; Д. 11008. Л. 2.

² Там же. Д. 11101. Л. 4.

³ Там же. Л. 1; Просвещение. [Л.], 1928. № 2. С. 27.

⁴ Просвещение. [Л.], 1927. № 6. С. 85.

⁵ Рабочий и театр. 1929. № 19. С. 7.

⁶ Там же. 1930. № 26. С. 4–5.

⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 16. Л. 41, 48–49.

- 8 Там же. Д. 112. Л. 26–28.
- 9 *Сакс Г.* Работа среди национальных меньшинств: Опыт Ленинградской области. Л., 1931. С. 41.
- 10 *Янсон П. М.* От угнетения и бесправия — к счастливой жизни. Л., 1936. С. 81.
- 11 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 16. Л. 24.
- 12 Там же. Оп. 2в. Д. 1611. Л. 7–8.
- 13 Там же. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 85.
- 14 Там же.
- 15 Там же. Л. 8, 35, 66 об., 86.
- 16 Там же. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1611. Л. 6.
- 17 Там же. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 67.
- 18 Там же. Л. 8, 35.
- 19 Там же. Л. 85, 87.
- 20 *Росенко И. А.* Интернациональные связи рабочих Ленинграда (1921–1937 гг.). Л., 1977. С. 116; *Воробцова Ю. И.* Интернациональная деятельность КПСС. 1895–1982. Л., 1983. С. 104.
- 21 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 9. Д. 13. Л. 4; Оп. 10. Д. 64. Л. 1.
- 22 *Росенко И. А.* Указ. соч. С. 122; Театральный Ленинград: Сб. статей и информационных материалов по ленинградским театрам. М.; Л., 1937. С. 112; *Смирнова Т. М.* Национальные театры Петрограда-Ленинграда. 1917–1941 гг. СПб., 1996. С. 100–102.
- 23 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 16, 35, 72–73, 66–67, 85; Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1611. Л. 6.
- 24 Там же. Ф. 25. Оп. 8. Д. 76. Л. 16, 24, 72; Д. 76. Л. 1, 8; Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1611. Л. 6.
- 25 Там же. Ф. 25. Оп. 8. Д. 76. Л. 25.
- 26 Центральный архив Министерства безопасности РФ: Перечень законодательных и нормативных документов, подлежащих рассекретиванию в соответствии с Указом Президента РФ от 23 июня 1992 г. Д. 72, 74, 76, 77, 92; Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 гг.: В 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 253.
- 27 Центральный архив Министерства безопасности РФ. .. Д. 72.
- 28 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 72–73.
- 29 Там же. Д. 76. Л. 109.
- 30 Там же. Д. 48. Л. 67–67 об.
- 31 Там же. Л. 13.
- 32 Там же. Д. 76. Л. 39.
- 33 Там же. Оп. 2. Д. 878. Л. 3–4.
- 34 *Михайленко В. В., Романова Н. М.* Национальные культурно-просветительные учреждения Санкт-Петербурга. (XVIII–XX вв.): Адресная книга. Вып. 4. СПб., 1993. С. 24.
- 35 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 76. Л. 1, 8–10, 24.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ

В. Зюсс

ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ГЕРМАНИИ КАК УСЛОВИЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ И ШКОЛ

Предметом нашего комплексного исследования является процесс образования и становления немецкой колониальной школы и различных типов учреждений по подготовке учителей для таких школ в России.

Существующая научная литература дает отрывочное представление о деятельности колониальной школы в различные периоды времени. Между тем мы полагаем, что архивные материалы позволят нам создать целостную пространственно-временную картину развития на примере двух значимых регионов — Поволжье и Причерноморье.

Цель исследования, во-первых, — выявить специфику процесса развития немецкой колониальной школы, обусловленную, с одной стороны, положением немцев-колонистов как национального меньшинства, а с другой — своеобразием связей между Германией и Россией в различные исторические периоды. Мы полагаем, что немецкая школа развивалась по-иному, чем любая другая инородческая школа, стремящаяся утвердить традиции и обычаи своего народа и вписаться в общую образовательную ситуацию России. Отличие выразилось в том, что на развитие немецкой школы влияли те политические, культурные, хозяйственные и образовательные связи, которые устанавливались между двумя государствами. Архивные материалы позволяют проанализировать эти связи и охарактеризовать логику развития колониальной школы.

Во-вторых, исследование должно показать своеобразие колониальной школы как учреждения, которое способствовало сохранению

менталитета немецкого народа, его нравов, обычаев и традиций и помогало ему органично интегрироваться в жизнь России. Нами найдены архивные культурологические материалы, содержащие описание школьного быта немецких колонистов и позволяющие делать выводы об устойчивости традиционных народных подходов к обучению детей в школе.

Задача данной статьи — представить эволюцию *социокультурных и образовательных связей России и Германии* с начала XVIII века по 1917 год, обусловивших становление и развитие немецких колоний. Важно было выделить периоды становления и развития колоний. Для этого необходимо было рассмотреть социокультурную ситуацию:

а) в Германии, которая побуждала людей временно или навсегда покинуть родину;

б) в России, которая или создавала положительные условия для иностранцев, или отторгала их, вынуждая покинуть страну;

в) одновременно и в России, и в Германии.

Но в связи с предметом исследования поиск был смещен в сторону анализа социокультурной ситуации в России, и поэтому обозначение периодов развития ситуации отражает российскую проблематику.

Временные периоды выделялись по совокупности обобщенных показателей. В поле нашего зрения находились:

а) социокультурные связи;

б) образовательные связи;

в) политика царского правительства в отношении инородцев;

г) отношение российской общественности к инородцам;

д) качественное своеобразие немецких колоний, возникающих на территории России.

Мы полагали, что данные показатели дают возможность:

а) охватить целиком каждый из выделяемых периодов;

б) выявить динамику социокультурных условий, обусловивших становление немецких колоний;

в) обрисовать всесторонние условия, в которых происходило развитие немецких колоний на каждом этапе.

Рассматривая тот или иной период, мы стремились выделить ключевое событие социокультурной ситуации, которое в наибольшей степени способствовало становлению и развитию немецких колоний. Совокупность таких событий выступало как обобщенный показатель. Своеобразие отдельных периодов заключается в том, что обобщенные показатели имеют разную степень развития и один из них может быть ярче, чем остальные. В этом случае он ведет за собой остальные показатели и становится главным фактором становления и развития колоний. Т. е., масштаб одного какого-либо события на

определенном этапе может перекрывать масштабы других событий. Если смотреть на проблему широко, то наиболее значимым выступает социокультурный показатель. В принципе он включает в себя все остальные показатели. С другой стороны, мы считали необходимым выделить понятие «политика царского правительства» как относительно независимый показатель. Она становится более значимой в плане непосредственного влияния на жизнь колонистов. В соответствии с такой логикой исследования, в каждом периоде раскрывается вся совокупность событий-показателей, но внимание сосредоточивается как бы на ведущем событии-показателе, от которого в тот или другой период зависит судьба колонистов и колонистской школы.

Анализ таких основных, наиболее значимых, событий позволил выделить четыре основных периода. В I периоде (начало XVIII века — 1763 г.) главным показателем выступили события в области социокультурных и образовательных связей. Именно они обусловили становление колоний. Во II (вторая половина XVIII века) и III (первая половина XIX века) периодах социокультурные и образовательные связи продолжали быть устойчивыми, они не подвергались изменениям, решающим фактором стала политика царского правительства, которая обусловила становление и развитие немецких колоний. И, наконец, в IV периоде (1860–1917 гг.) в силу некоторых общеевропейских процессов наиболее значимым фактором становятся преобразования в области политики царского правительства, которые повлекли за собою изменения социокультурных и образовательных связей и тем самым стимулировали своеобразие в развитии колоний.

Первый период. Эпоха Петра I: предпосылки возникновения немецких колоний в России. Приступая к анализу предмета исследования, мы обратились к эпохе Просвещения, полагая, что именно в ней мы можем найти истоки тех явлений, которые обусловили становление и развитие немецких колоний. Исследование предпосылок возникновения немецких колоний мы начинаем с анализа эпохи Петра I. В этот период времени наиболее зримо представлены интегративные связи между Россией и Западной Европой. Они обусловили формирование в этих странах совершенно уникальных социокультурных ситуаций.

Россия в силу некоторых особенностей собственного развития была в это время еще достаточно устойчивым, по сравнению с Западной Европой, феодальным государством. Однако идеи Просвещения захватывают своим крылом и эту страну. Интерес России и Германии друг к другу стал возможным именно в этот период.

Выразителем просвещенческих интересов в России выступил Петр I. Его потребность изменить строй и уклад своей страны нашел

благоприятную почву и отклик в Германии. На примере связей, которые начинают устанавливаться в тот далекий период, мы можем увидеть первые шаги к сближению двух стран или, говоря современным языком, к интеграции России со странами Западной Европы, для которой Петр I выступает как яркая фигура просвещенного монарха. Он становится своеобразным символом эпохи Просвещения и для последующих поколений просветителей (Вольтер, Дидро и др.) олицетворяет собою образ монарха, который, обладая властью и просвещенным умом, может значительно продвинуть вперед развитие целой страны. Начиная с эпохи Петра I Россия выступает для Западной Европы как полигон распространения просвещенческих идей, как страна, имеющая благоприятную почву для практического претворения этих идей.

Второй период. Век Екатерины II: становление и развитие немецких колоний. Мы считали необходимым выделить в качестве второго периода этап, связанный с царствованием Екатерины II и вошедший в русскую литературу как этап российского Просвещения. Этот период интересовал нас, поскольку именно тогда начинают возникать немецкие поселения, что стало возможным под влиянием:

- а) социокультурной ситуации, которая сложилась в России и была чрезвычайно благоприятной для массовой миграции иностранцев;
- б) особой социокультурной ситуации в Германии, которая в этот период времени значительно отставала в своем развитии, в силу раздробленности и междоусобных войн, от других стран Западной Европы, что способствовало иммиграции немцев в Россию.

Новизна ситуации, по сравнению с эпохой Петра I, заключается в том, что мы наблюдаем полнокровное функционирование социокультурных и образовательных связей и формирование в России определенного слоя людей, которые являются носителями западной идеи и видят историю дальнейшего развития России только на путях тесной интеграции России и Германии. В этот период просветительницей выступает сама Екатерина II, которая претендует на роль просвещенного монарха. Ситуация, возникшая на государственном уровне и в среде зарождающейся интеллигенции, является чрезвычайно благоприятной для более широких образовательных и культурных связей, которые осуществляются:

- а) по типу широкого обмена людьми;
- б) по типу создания различных культурных учреждений при непосредственном участии западноевропейских деятелей;
- в) по типу создания образовательных учреждений, в которых значимое место занимают идеи просветителей, в том числе и немецких.

Указанная ситуация становится благоприятной для широкого потока немецких переселенцев в Россию и образования первых немецких колоний.

Отметим еще одну своеобразную черту российской социокультурной ситуации, которая обеспечивает возможность формирования иностранных колоний. Россия этого периода остается мощным самодержавным государством. Крепостничество в России удерживает крестьян при наделах своих помещиков, поэтому необходимо нахождение другого пути заселения и освоения богатейших пространств страны. Не желая ослабить крепостное право, царское правительство находит его: это путь заселения поволжского региона иностранными переселенцами.

Следуя логике исследования проблемы, мы выделили в этом многогранном отрезке времени ключевое событие, которое послужило толчком к возникновению колоний. Несомненно таким толчком были два манифеста Екатерины II о вызове иностранцев, особенно манифест 1763-го года.

Третий период. Первая половина XIX века: органичное вращение немецких колоний в жизнь русского общества. Период времени с 1800 по 1860 г. характеризуется расширением и углублением связей двух государств и постепенным увеличением числа колоний, чему способствовала ситуация в целом. Весь этот период можно рассматривать как относительно стабильный в русско-немецких связях и отношениях. На протяжении всего периода взоры российской интеллигенции устремлены на Запад. Ее волнуют проблемы революции 1848 г., в решении которых она видит путь освобождения Западной Европы и условия ее ускоренного движения по пути капиталистического развития. Поскольку для дворян границы открыты, то идет широкий обмен культурными идеями Западной Европы и России. Россия выступает как страна высокой духовности. Это золотой век русской литературы, музыки и живописи. Писатели, музыканты и педагоги ищут пути соприкосновения двух культур на основе общечеловеческих ценностей и вместе с тем задумываются над проблемами национального характера.

Вместе с тем это период чрезвычайного торможения в области экономики и производительных сил. В России, которая все еще остается крепостнической страной, возникает глубокий интерес к элементам научного хозяйствования. Поэтому усиливается поток людей за рубеж, которые получают там естественнонаучное образование, а в российских университетах достойное место занимают преподаватели из Германии.

Отметим, что на протяжении всего этого периода ситуация была благоприятной для становления и развития немецких колоний и в

связи с общими тенденциями развития социокультурной и образовательной ситуации, и в связи с тем, что уже существующие колонии доказали, что они могут органично вписываться в социокультурную и хозяйственную жизнь страны и давать образцы высокого уровня быта свободных людей.

Таким образом, со времени Петра I и до 60-х гг. XIX столетия социокультурная ситуация благоприятно развивается, расширяются и углубляются культурные и образовательные связи России и Германии.

Политика царского правительства может быть охарактеризована как последовательная в создании условий для становления и развития немецких колоний. В целом устойчивая и положительно развивающаяся ситуация благоприятствовала проявлению положительного отношения обществу к формированию социокультурных и образовательных связей, к колониям как месту проживания колонистов и к самим колонистам. Территория колоний расширяется, увеличивается их число, завязываются и укрепляются контакты с местным населением. Возникают некоторые моменты отторжения, но они обычно были связаны с жизнью отдельной территории, на которой располагалась та или иная колония.

Четвертый период. Вторая половина XIX-начало XX века: русификаторство как особая политика царского правительства в отношении немецких колоний. В 60–70-е гг. XIX в. заканчивается относительно благополучное существование немецких колоний и начинается новый этап, который является совершенно особенным в их развитии. Из всех составных частей социокультурной ситуации особую значимость приобретает факт нестабильности и переменчивости во внешней политике российского государства. В этот относительно небольшой отрезок времени неоднократно менялись отношения между двумя государствами. Мы можем наблюдать периоды как усиления связей между Россией и Германией, так и их ослабления, что не могло не оказать влияния на развитие социокультурных и образовательных связей и на жизнь сформировавшихся немецких колоний. Нестабильность внутренней политики царского правительства и постепенное нарастание идей русификации создавали напряженную ситуацию в самих колониях. Относительно устойчивая жизнь здесь была нарушена, положение колонистов стало неустойчивым.

Можно выделить несколько основных ключевых событий, которые дают возможность разбить этот период на несколько значимых отрезков времени.

Прежде всего мы хотели бы выделить 60–70-е годы XIX века. Пик интереса к Германии можно отнести к 60-м годам. К тому есть

цельный ряд причин. В Германии завершается становление немецкой нации; в теоретических работах Лессинга, Гердера, Канта, Гегеля и др. представлена целостная теория развития науки, раскрыто соотношение общечеловеческого и национального в истории развития общества.

В России этого времени проводятся реформы, общественность начинает интересоваться путями пореформенного развития страны и нации. Поэтому проблема общечеловеческого и национального становится центральной темой в рассуждениях русской интеллигенции. Достаточно четко в этот период оформилось западническое крыло интеллигенции, которое ориентировалось на идеи, представленные в немецкой классической философии, и видело дальнейшее развитие России в тесной интеграции с Западом. Одновременно с этим растет и усиливается идея национального самосознания. В гуманитарных науках центральным понятием становится идея народности. Славянофилы, отстаивающие идею уникальности русского пути, утверждают, что каждая нация характеризуется качественным своеобразием и нельзя повторить путь Германии, Россия может идти только своим путем. Отметим, однако, что только очень крайне настроенные представители славянофильства отрицали возможность использования опыта Германии и других стран в развитии России. Для большинства славянофилов было характерно лояльное отношение к западноевропейской идее.

Идеи западничества и славянофильства своеобразно преломились в педагогической ситуации России, деятельности великих корифеев педагогики — Толстого и Ушинского. Толстой отстаивал русскую идею и говорил о создании национальной народной школы на русской основе. Для него вообще была неприемлема философия немецкой школы. Ушинский также отстаивал идею народной школы, но приводил аргументы из школьной практики Германии. Он открыто призывал учиться у немцев и науке, и практике воспитания детей. Отстаивая идею народности школы, он отмечал вклад выдающихся деятелей немецкой педагогики Базедова, Дистервега, Гербарта, Фребеля в становление начальной народной школы. (В главном труде Ушинского «Человек как предмет воспитания» существует около 90 ссылок на произведения Гербарта и более 45 ссылок на произведения Дистервега.)

Начиная с 1870 г. идет нарастание напряженности во внешних связях России с Германией. В области политики царского правительства можно выделить целую серию документов, основанных на идее русификаторства, которые к началу XX века набирают силу. (Франко-прусская война и образование Германской империи в 1871 г. послужили толчком к отмене колониального статуса немцев. Законы

2 мая и 24 сентября 1881 г. вводили как обязательный русский язык в церковных и колонистских школах.)

Анализ изданных и архивных материалов позволяет проследить логику развития социокультурной ситуации в России на протяжении двух столетий, которая обусловила возможность возникновения и развития в рамках этой страны немецких колоний и школ. Исследование показывает, что усиление и расширение социокультурных и образовательных связей позволили на протяжении длительного времени успешно развиваться немецким колониям, встать в русскую жизнь и сохранять свою самобытность.

О. А. Лиценбергер

ШКОЛЫ В ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКОМ ПРИХОДЕ СВЯТОЙ МАРИИ г. САРАТОВА

Евангелическо-лютеранский приход Святой Марии г. Саратова был третьим духовным центром лютеран России после Москвы и Санкт-Петербурга. Приход играл заметную роль в церковной жизни Поволжья.

Важной стороной деятельности Саратовского прихода являлась забота о воспитании и образовании подрастающего поколения. К началу XX в. приход содержал три школы: начальную церковную школу и высшее приходское училище в Саратове и начальную школу в Покровской слободе. В них в начале века обучалось около 1000 девочек и мальчиков; третья часть из них получала высшее школьное образование.¹

Лютеране в отличие от католиков сначала строили школу, а затем церковь. Так и поволжские лютеране, жившие в Саратове, уже в 1786 г. открыли школу для мальчиков и девочек, и только через четыре года началось строительство церкви, ставшей впоследствии церковью Св. Марии. Первое время школьный дом служил для молитв, а учитель управлял божественной службой. После открытия церкви в 1793 г. начальная школа стала ее неотъемлемой частью.

Первая церковная школа была небольшой, в ней работал только один учитель. Ученики обучались чтению (преимущественно по Библии и Евангелию), письму, счету, библейской и новозаветной истории. Главным их занятием было заучивание наизусть катехизиса, молитв, церковных гимнов, текстов из Библии и нравственных изречений.

Лютеранское духовенство предъявляло к учителям определенные требования. Стать учителем мог тот, кто не только знал подробно библейскую историю с катехизисом, умел читать с выражением и

писать без грубых ошибок по-немецки, но и играл на органе, знал хоральное пение, а также четыре арифметических правила до дробей. Эти требования были не очень высоки, но, как отмечает А. А. Клаус, автор статей «Наши колонии» и «Духовенство и школы в наших немецких колониях», который сам учился в Саратовской лютеранской церковной школе, а затем был ее директором с 1839 по 1850 г., католическое духовенство не ставило перед учителями и таких требований, поэтому уровень подготовки в лютеранских школах был значительно выше, чем в католических.² Но этого все равно было недостаточно для обучения детей. Чему могли научить преподаватели, знающие только Библию?

Недаром в отчете по ревизии учебного округа, проводимой Эрдманом в 1816 г., отмечалось «худое состояние саратовских немецких школ».³ В нем предлагалось подчинить школы непосредственно пастору. На что пастор саратовской церкви Иоганн Губер ответил, что «пасторы очень заняты и даже на учение собственных детей нет времени». Все же указом от 25 октября 1818 г. «заведование школами и наблюдение за учителями в колониях возложены на приходское духовенство».⁴ Результатом внедрения этого указа стало возрастание влияния духовенства на школу и уменьшение роли общины, школа становилась исключительно церковным учреждением.

Развивалась жизнь колоний, росли экономические и духовные потребности, а школа не изменялась. Община понимала, что главным средством достижения хозяйственных успехов может стать более высокий уровень школьного образования. Но в школах попрежнему царили удары палкой и бесконечная зубрежка. Каждую неделю в качестве домашнего задания ученик должен был выучить наизусть одну главу из малого катехизиса Лютера, одну церковную песнь из 3–12 стихов и несколько библейских текстов. Такое обучение было мучением и для учителя, и для учащихся.

В 1820 г. супер-интендант и вице-президент Саратовской евангелическо-лютеранской консистории Игнатиус Фесслер поднял вопрос о мерах по улучшению школьного дела. В своем обращении к консистории он потребовал расширения учительских прав и предложил учредить для подготовки преподавателей из среды колонистов «особую учительскую семинарию, для создания которой собрать по 54 коп. с души». Министерство внутренних дел отвергло это предложение, объяснив свое решение тем, что сбор денег будет обременителен для колонистов.

В конце 1820 г. в общине церкви Св.Марии был создан новый совет церковной школы, устав работы которого составил Фесслер. Он был заимствован из шведского церковного закона «Кирхрага» и утвержден протестантской церковью России. Этот устав содержал в

себе наставления церковному совету заботиться о воспитании детей и следить за прилежным посещением ими церкви. По новому уставу 1821 г. финансовая деятельность школы была отделена от церкви, были введены новые кассовые книги для школы, и она стала иметь собственный бюджет. С этого же года в саратовской лютеранской церковной школе вводится должность второго учителя.

Многие передовые люди, проживавшие в саратовских немецких колониях, уже тогда понимали, что обучение колонистов русскому языку — единственное средство для их включения в общественно-политическую и экономическую жизнь России. 3 октября 1828 г. Министрство государственного хозяйства выступило с предложением преподавать в немецких школах русский язык. Однако консистория отвергла предложение, сославшись на то, что, «во-первых, нет способных, знающих этот язык шувльмейстеров, а во-вторых, это бесполезно и будет во вред закону божию».⁵

Документы не сохранили точной даты введения русского языка в церковной школе. Первое упоминание об этом относится к 1852 г., может быть, это произошло несколько раньше.⁶

После вступления в должность в 1835 г. пастора Гросса школьное дело начало процветать. По предложению Гросса был создан новый школьный совет, президентом которого стал сам пастор. Он ввел хороший обычай проводить для детей бедных родителей бесплатный вечер посвящения в ученики. Его нововведения, однако, пришлось по душе не всем прихожанам, т.к. отныне каждый отец семьи ежемесячно должен был вносить в школьную казну 1 рубль за каждого ребенка, достигшего шестилетнего возраста, независимо от того, посещает он школу или нет.

В 1836 г. церковный совет был вынужден по желанию пастора Гросса уволить уже во второй раз с 1828 г. школьного учителя Айххофа, который в течение 20 лет был руководителем церковной школы. Причиной ссоры между учителем и пастором было стремление Айххофа не допустить усиления влияния Гросса на школу. Приход был недоволен увольнением любимого учителя, и с этого момента начались разногласия между пастором и общиной. К сожалению, в эти годы даже хорошие идеи пастора не находили поддержки у общины.

Церковная школа не только служила делу образования и воспитания детей, но и была своеобразным центром жизни общины. В школьном зале проводились собрания прихода, в 1847 г. школа была закрыта на несколько месяцев и превращена в больницу, т.к. в Саратове разразилась эпидемия холеры, от которой умерло 92 члена прихода.⁷ В 1876 г. из-за пожара в церкви богослужения в течение двух месяцев проходили в школе.

Церковь и школа играли важную роль в культурной жизни немецких колоний. Учителя и церковные деятели были наиболее образованными людьми того времени. Доказательством этого может служить, например, тот факт, что первый немецкий книжный магазин в Поволжье был открыт в 1858 г. учителем начальной школы и кистером Брауном.

В 1852 г. под руководством учителя немецкой гимназии Бауэра была открыта вторая церковная школа. Его помощниками были учителя Акст и Виноградов — учитель русского языка. Но эта школа просуществовала всего несколько лет и была закрыта из-за недостатка средств и учеников. В архивных документах, кроме краткого упоминания о ней, не имеется никаких данных.

В связи с постоянным увеличением числа прихожан росла необходимость открытия второй школы. Начальная церковная школа вмещала в то время не более 60 учеников. Она не отвечала требованиям образованных членов общины, которые хотели дать своим детям высшее школьное образование. Некоторые богатые прихожане отдавали своих детей в русские школы. Церковный совет, понимая необходимость создания нового учебного заведения, подал в декабре 1860 г. прошение саратовскому губернатору об открытии при церкви высшего немецкого училища.⁸ По проекту оно предназначалось для воспитания и образования мальчиков и девочек различного вероисповедания. В 1861 г. купец Карл Зайферт оставил по завещанию для основания высшей школы 1000 рублей. Попечителем строящейся школы стал его сын Иоганн Зайферт.

Новый церковный пастор Карл Коссмани при вступлении в должность в 1866 г. заявил, что ему больше нравится школьное дело, чем священнослужение, поэтому неудивительно, что он направил все свои силы на скорейшее открытие второй школы.

Школа была открыта 6 августа 1866 г. и получила название Александро-Марьянской школы, или училища в честь императора Александра II и церкви Св. Марии. В первые годы своего существования училище получило большой капитал от различных учреждений и частных лиц (например, 4965 руб. от конторы иностранных поселенцев, 10 тыс. руб. от Дамского евангелического общества, 5 тыс. руб. от колонистов на учреждение стипендий для детей бедных родителей).⁹

Обучение в училище было четырехлетним, не считая подготовительного класса. В первых и вторых классах ученикам преподавались закон божий для детей различного вероисповедания, немецкий язык, русский язык (наравне с немецким), география, естественная история, чистописание, арифметика, рисование. В третьих и четвертых классах к вышеперечисленным предметам прибавлялись француз-

ский и греческий языки, алгебра, геометрия, введение в химию. Обучение было платным.

Александро-Марьинское училище давало детям высшее школьное образование. Уровень преподавания в нем был значительно выше, чем в начальной церковной школе. Училище выписывало учебники из книжных магазинов Мюнкса, Глазунова, Риккера в Москве по древней, средней, новой, всеобщей, русской и библейской истории, географии, зоологии, физике, немецкому языку, грамматике и другим предметам.

Училище состояло под надзором церковного совета, в который входил пастор. Училищный совет подчинялся евангелическо-лютеранской консистории.

В 1868 г. возник конфликт между пастором Коссманном и президентом церковного совета Бюксховденом. Оба мужчины, одинаково деятельные, полные энергии и властные, потерпели поражение на выборах, и директором училища был выбран Бёме. К сожалению, как сообщают документы, ни он, ни его преемники Бандер и Маклер не были способными руководителями, и училище пришло в упадок. Число учеников с каждым годом уменьшалось, училищная касса была истощена. По решению прихода в мае 1871 г. были закрыты классы для девочек. Для церковного совета и прихода было обременительным содержать училище, в котором, например, в 1871 г. из 121 ученика 32 (то есть, 25%) были католиками и православными.¹⁰ Поэтому по решению прихода от 16 июня 1872 г. Александро-Марьинское училище было передано Казанскому учебному округу и преобразовано в реальную школу на следующих условиях:

— приход ежегодно будет перечислять школьному совету 500 рублей;

— почетный куратор школы и 3 члена школьного совета должны выбираться из прихода, а 2 — из колонистов;

— немецкий язык должен занимать в школе среди языков первое место;

— протестанты во всех классах должны иметь столько же уроков закона божьего, сколько и ученики других вероисповеданий;

— 6 детей колонистов и 6 детей прихожан должны обучаться бесплатно;

— здание школы остается собственностью церкви, а приход оставляет за собой право при наличии у него средств перевести школу обратно на свое содержание.¹¹

Министр народного просвещения утвердил условия данного договора, и с 1873/74 учебного года Александро-Марьинское училище перешло в ведение Казанского учебного округа.

Обучение в училище стало шестилетним, а в 1880 г. был организован специальный седьмой класс, дающий техническое образование. Его создание потребовало дополнительных средств — еще 8 тыс. рублей ежегодно. Приход не мог платить такую сумму, и первым последствием этого стало то, что в почетные кураторы школы и в школьный совет члены прихода больше не выбирались. Была изменена вся школьная программа, сократилось число уроков закона божьего для детей протестантов. Дети прихожан и колонистов, которые владели только немецким языком и не знали русского, теперь не могли учиться, а те, кто не являлись стипендиатами церковного совета, были отчислены. Таким образом, все условия договора 1872 г. были нарушены. Поэтому церковный совет прекратил выплачивать школе 1500 рублей, что он делал ежегодно на протяжении 6 лет. Но официальное разрешение на это приход получил только по указу императора Александра II в 1887 г.¹²

С этого времени община окончательно утратила свое влияние на Александро-Марьинское училище.

Теперь у прихожан осталась только начальная церковная школа, в которой обучались 60 мальчиков и девочек.¹³

Церковная община тяжело перенесла потерю Александро-Марьинского училища. Начальная школа не отвечала ее требованиям. Поэтому 13 января 1874 г. приход радостно принял великодушное предложение И. Зайферта построить на его средства двухэтажную кирпичную школу. Задачей такой школы должно было стать обучение тех детей, которые хотят получить высшее школьное образование, а затем поступить в средние учебные заведения. В благодарность община выбрала Иоганна Зайферта почетным куратором школы и пожизненным президентом церковного совета. Церковному совету было поручено разработать школьную программу и ходатайствовать об открытии школы перед Казанским учебным округом. В 1874 г. было начато строительство, а в августе 1876 г. школа была открыта как двухклассное училище для обучения детей обоого пола на правах частного учебного заведения, содержащегося на средства немецкой лютеранской церкви. Таким образом, помимо начальной церковной школы община имела теперь свою приходскую школу. Это был следующий шаг вперед в развитии образования детей прихожан.

При открытии школы И. Зайферт поставил условия, ограничивающие влияние церкви на школу и увеличивающие влияние прихода: учителя-кистеры и органисты должны выбираться приходом, а не назначаться пастором; экономические вопросы школьный совет должен решать совместно с церковным, церковный совет должен финансировать школу.

Однако уже с 1878 г. ни церковный совет, ни приход не помогали финансированию школы. Поэтому в 1882 г. Зайферт сообщил, что не может больше содержать школу на собственные средства. Он подарил построенное им здание церковной общине при условии, что оно будет служить только целям школы. Собрание приняло подарок Зайферта с благодарностью, но школа, которая существовала в течение 6 лет, к всеобщему сожалению была закрыта в конце учебного года, т.к. не было средств и, как считает летописец, потому, что «злые люди из-за личной корысти чинили препятствия».¹⁴ Можно предположить, что церкви невыгодно было содержать школу, которая не находилась полностью под ее влиянием и была более светской, чем церковной.

Однако условие И. Зайферта, в котором оговаривалось, что в приходе должна существовать высшая школа, необходимо было выполнить. Поэтому на собрании прихода в феврале 1889 г. было решено вновь возродить зайфертовскую школу в ее первоначальном виде. 12 ноября 1889 г. высшая церковная школа была открыта в своем прежнем здании. Казанский учебный округ признал школу учебным заведением II категории, частной прогимназией для мальчиков и девочек. Цель этой школы состояла в том, чтобы дать немецким детям возможность основательно изучить немецкий и русский языки, а также подготовить их к поступлению в высшие учебные заведения. В 1892/93 учебном году в школе училось более 120 учеников, а в начале XX века — более 200, что являлось лучшим доказательством необходимости этого учебного заведения.¹⁵

Учебный год длился с 16 августа по 16 мая. Плата за обучение составляла в первые годы 3 руб. в год, а в начале XX века — 45 руб.¹⁶ Многие ученики были освобождены от нее церковным советом. Так в 1911 г. из 23 человек старшего класса бесплатно учились 8, из 58 среднего 16, а из 41 подготовительного — 8 человек. Учительский штат в разные годы составлял от 5 до 10 человек. Предметы преподавались те же, что и в прежней высшей школе. Уроки закона божьего для детей лютеран вел пастор (такие же уроки у него были и в других саратовских школах). Для детей православного вероисповедания приход приглашал православного священника. Старший учитель школы получал жалованье в размере 75 руб., а остальные учителя по 30 руб. (данные на 1914 г.).¹⁷

Начальная церковная школа постепенно превратилась в «Арменшугле» — школу для детей бедных колонистов. В ней обучались дети чернорабочих, мастеровых, мелких служащих. И хотя плата за обучение в этой школе составляла всего 1 руб. в месяц (по сравнению с 4 руб. 40 коп. в высшей школе), более половины из них были не в состоянии вносить какую-либо плату за обучение и находились на

изживении церковного совета, который не хотел лишать детей возможности учиться. Содержание этой школы было невыгодным для церковного совета, но, открытая еще в 1786 г., она была необходима приходу. Церковный совет возмещал ежегодные недостачи школьного бюджета.

По сравнению с началом века в церковной школе, отметившей уже 100 лет со дня своего открытия, в эти годы преподавался не только закон божий (его уроки проходили два раза в неделю), но и немецкий и русский языки, арифметика, чистописание, история, география, пение. В школе была очень интересная, на современный взгляд, система оценок. Так, например, за ответ на уроке ученик мог получить такие отметки, как 0, $3\frac{3}{4}$, 3-, 2+, $2\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{4}$ и т. д.

Церковный совет ежегодно переводил 5–6 лучших учеников из числа беднейших детей в приходское училище и платил им стипендию 40 руб. в год. Он учредил стипендии и для детей бедных колонистов, учившихся в Александро-Марьинском училище после его передачи Казанскому учебному округу.

В 1900–1902 гг. земскому начальнику и даже в генеральную консistorию от колонистов поступали жалобы на неправильное расходование церковным советом процентов с пожертвований, сделанных колонистами в 60-е гг. на учреждение Александро-Марьинской стипендии для детей колонистов. Для рассмотрения спорного вопроса в марте 1902 г. состоялось общее собрание прихожан, на котором была избрана специальная комиссия, потребовавшая отчета от церковного совета. Сегодня трудно решить, кто был прав в той ситуации, но церковный совет доказывал, что проценты с капитала расходовались им только на обучение бедных детей в «Арменшколе» и в приходском училище, хотя колонисты считали иначе.¹⁸

Кроме начальной церковной школы и высшей школы-училища к саратовскому церковному приходу Святой Марии относилась еще начальная школа в Покровской слободе, в которой в начале XX в. училось около 130 учеников.¹⁹

Уровень преподавания в этих церковно-приходских школах был не ниже, чем в русских школах такого же типа. Единственное различие состояло в том, что обучение немецких детей строилось на глубоком изучении ими лютеранской религии и немецкого языка и проходил в традициях родной культуры.

К сож: лению, роль школы Зайферта в приходе постепенно уменьшалась. Церковь не могла, а может быть, не хотела выделять необходимые школе средства. Прихожане отдавали своих детей в другие школы с более высоким уровнем обучения. Число учеников школы упало с 208 в 1905 г. до 92 в 1915 г.²⁰ Школьная библиотека была растеряна. Дефицит бюджета ежегодно составлял до 1000 рублей.

Таким образом, обучение в данной школе уже не давало возможности обучающимся в ней детям поступать в высшие классы средних учебных заведений, как это предусматривалось при открытии школы в 1876 г. Поэтому 16 мая 1916 г. на заседании училищной комиссии было решено преобразовать школу Зайферта в высшее начальное училище, в котором дети должны были получать законченное начальное образование. Члены училищной комиссии — председатель церковного совета Борель и пастор Бенинг — разработали примерный устав училища. По проекту, предложенному ими, в училище могли учиться дети без различия вероисповедания, прошедшие курс низших начальных учебных заведений или сдавшие экзамен в училище.

Открыть училище вместо школы Зайферта было решено после окончания войны, так как помещение школы было занято солдатами. Высшее училище было крайне необходимо приходу. С первых дней своего существования приход постоянно заботился о детях. Образование и воспитание подрастающего поколения всегда было одной из основных сторон его деятельности.

С решением о преобразовании школы Зайферта в высшее начальное училище, одобренным церковным советом и прихожанами, община Святой Марии подошла к 1917 г., в котором она не только навсегда лишилась всех своих учебных заведений, но и который стал поворотным в ее судьбе.

¹ Die Ev.-Luth. Gemeinden in Rußland: Eine historische statistische Darstellung. St. Petersburg, 1909. Bd. I. S. 136.

² Клаус А. А. Духовенство и школы в наших немецких колониях // Вестник Европы. 1869. № 5. С. 239.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 246.

⁶ Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО).Ф. 852. Оп. 1. Д. 148. Л. 22.

⁷ Там же. Л. 21.

⁸ Там же. Д. 40.Л. 4.

⁹ Там же. Д. 71.Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 26.Л. 88.

¹¹ Там же. Д. 148.Л. 29–30.

¹² Там же. Л. 35.

¹³ Там же. Л. 31.

¹⁴ Там же. Л. 40.

¹⁵ Die Ev.-Luth. Gemeinden in Rußland. S. 136.

¹⁶ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 219.

¹⁷ Там же. Д. 236.

¹⁸ Там же. Д. 71. Л. 5–7.

¹⁹ Die Ev.-Luth. Gemeinden in Rußland. S. 136.

²⁰ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 259.

**АВТОНОМНОСТЬ ШКОЛЫ
КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКА
И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
НЕМЦЕВ В СИБИРИ**

По данным кафедры этнографии Омского университета, проводившей в 1989–1991 г. этносоциологические обследования немецкого населения Западной Сибири, языковая ситуация у немцев выглядит следующим образом: по степени употребления на первом месте стоят местные диалекты и говоры, на втором — русский язык и на третьем — немецкий литературный.¹ Следуя этим выводам, можно утверждать, что устойчиво сохраняются местные диалекты. Воспроизводятся они, прежде всего, в семье, а также в группах компактно проживающих соплеменников. В Сибири проживают носители трех ветвей немецкого языка (нижненемецкой, средне- и южненемецкой), и эти диалекты не смешиваются до настоящего времени. Однако напрашивается и другой, малоутешительный, вывод: немецкий литературный язык не стал консолидирующим фактором для сибирских немцев, носители разных диалектов чаще общаются между собой на русском. Это не столько следствие глубоких различий диалектов, сколько результат политики, проводившейся по отношению к немцам, — разорение и ссылка крестьян в годы коллективизации, невероятное демографическое смещение и смешение военных лет, запрет в 1938 г. национальных школ по всей стране и развитие всеобщей грамотности на русском языке в последующие годы. Из множества причин, породивших незнание немцами Сибири немецкого литературного языка, следует выделить роль национальной школы и языка преподавания в ней на всем протяжении ее существования в этом регионе (с конца XIX в. до конца 1930-х гг.).

Первые немецкие школы в Сибири появились в 1890-х гг. в Омском уезде одновременно с образованием колоний Александровка, Привальное, Сосновка, Новинка, Поповка, Красноярка. Эти поселки были основаны лютеранами — выходцами из Самарской и Саратовской губерний. Их школы были не только первыми немецкими школами в Сибири, но и одними из первых сельских училищ Омского уезда. В 1897 г. из 9 крестьянских школ уезда 6 были немецкими.² По мере переселения немцев в Сибирь росло число их школ. Почти с полной уверенностью можно утверждать, что год образования поселка — это и время появления школы в нем, т.к. детей начинали обучать уже в первую зиму с момента водворения на новом месте.

Официальная статистика не отражает истинного положения в деле образования немцев Сибири. Школы существовали задолго до официального разрешения попечителя учебного округа и дирекции народных училищ. На этапе домашнего обучения они вообще не поддаются учету, об их существовании известно из многочисленных воспоминаний очевидцев.³ Многие общины, сопротивляясь политике русификации, преднамеренно не регистрировали школы, в документах такие школы упоминаются как «тайные». В Томской губернии из-за позиции властей меннонитские школы не регистрировались до 1916 г. Так, по сведениям Министерства народного просвещения, в 1911 г. в Барнаульском уезде этой губернии не было ни одной немецкой школы.⁴ В то же время, по материалам обследования переселенческих хозяйств, собранным В. Я. Нагнибедой в Томской губернии в 1911–1912 г., школы действовали в 38 немецких поселках Барнаульского уезда.⁵

Школы у немцев в Сибири появлялись без участия учебного начальства, организовывались они в силу необходимости подготовки детей к конфирмации. К этому времени ребенок должен был овладеть минимумом знаний и умений, основными положениями христианства. Дети школьного возраста обязаны были посещать школу. Такая традиция существовала у всех немцев России. Она была перенесена из Германии, где принцип обязательности обучения впервые был сформулирован в 1619 г. в Веймарском школьном уставе.⁶ В Сибири эта традиция строго соблюдалась: за посещением школы детьми следил школьный совет (общественный выборный орган), а нерадивых родителей штрафовали, если их дети пропускали уроки.

На первых порах школа носила форму домашнего обучения. Общество нанимало грамотного односельчанина на роль учителя, занятия проводились в частных домах. При полном отсутствии учебников детей обучали чтению по Библии, кое-как писать и простейшим арифметическим действиям. О такой школе сообщает, например, сельский староста из Новинки Омского уезда в августе 1899 г.⁷ С полной уверенностью можно сказать, что первые школы были школами чтения, в них не было профессиональных учителей. В силу того, что жители первых поселков говорили на средненемецких диалектах, наиболее близких к литературному языку, они понимали письменный литературный, но в полной мере им не владели.

В начале XX в. в Сибири появляются и меннонитские школы, которые изначально во многом отличались от лютеранских и католических как по материальной обеспеченности, так и по постановке преподавания, уровню подготовки учителей. Первыми стали школы в колониях Чунаевка (образована в 1900 г., раннее упоминание о

школе относится к 1902 г.) и Чукреевка (детей начали обучать зимой 1905/1906 г.).

В первые годы существования школы оставались автономными: не было жесткого контроля ни со стороны административных органов, ни со стороны учебного начальства. Все расходы на строительство и содержание школы и учителя несло общество, и, главное, учителя определяла сама община. Выбор делался не только по признаку грамотности, прежде всего это был «свой» человек по вероисповеданию, по языку, по духу и традициям, т.е. тот человек, которому доверяли. Отмечая в целом положительные стороны такого отношения к учителю, следует, однако, заметить, что при отсутствии системы подготовки учителей материальная зависимость от общины мешала развитию учителя и, в целом, школы. Учитель вынужден был подстраиваться под запросы общества, а оно требовало от школы, особенно лютеранской и католической, не так уж и много, главное — подготовить ребенка к вступлению в церковную общину.

Автономность немецкой школы в Сибири в первые годы ее существования является особенностью ее развития в этом регионе. В конце XIX в. все колонистские (с 1881 г.), лютеранские (с 1890 г.) и католические (с 1896 г.) школы России были подчинены Министерству народного просвещения. В 1891 г. был нанесен решающий удар по автономности немецких школ: учителей в колонистские школы назначали теперь исключительно инспектора народных училищ.⁸ Делалось это в целях улучшения постановки учебно-воспитательного дела и более успешного преподавания русского языка. 3 августа 1892 г. Министерство запретило учителям немецких народных училищ вступать в переговоры о размерах жалования с обществами и учреждениями, кроме учебного ведомства.⁹ В силу различных причин эти указания не всегда выполнялись.

В Сибири учебный округ был создан лишь в 1885 г. К началу XX в. институт инспекторов народных училищ был развит слабо. Так, Асмолинскую область обслуживал один инспектор, в Тобольской и Томской губерниях они появились лишь с 1 января 1900 г.¹⁰ При таком положении дел не было даже физической возможности обследовать огромные пространства. В этот период шло активное заселение Сибири, и ни у Министерства народного просвещения, ни у Переселенческого управления не хватало средств на поддержание школьного дела в этих районах. К тому же в это время правительство проводило политику развития прежде всего православных церковно-приходских школ. Немцы же строили и содержали школы на собственные средства. Видимо, как слабость управленческого аппарата, так и недостаток средств у государственных структур определяли политику лояльности к немецким школам в Сибири в конце

XIX в. Независимость школы в этот период позволяла обществу сохранять и устоявшиеся традиции: обязательность и конфессиональность обучения на родном языке.

Недолгий период самостоятельности школы сменился длительным этапом борьбы за сохранение автономности, который продолжался вплоть до 1930-х гг. Если царское правительство проводило жесткую политику русификации, но сохраняло незыблемость ее религиозной основы, то в годы советской власти главная борьба развернулась за безбожие немецкой школы. Для немцев же во все времена школа воплощала в себе неразрывное единство родного языка преподавания и религиозности обучения и воспитания. Пока центральные и сельские училища находились в ведении министерств госимуществ и внутренних дел, дело обучения находилось всецело в руках общин. Ситуация стала резко меняться в конце XIX в.: школы оказались не просто под государственным контролем, началось наступление на саму традиционную систему обучения. Лишь религиозное воспитание оставалось прерогативой немецкого духовенства.

Школа была плотью и кровью общины. Это был не просто институт обучения детей — школа была неотъемлемой частью жизни общины, показателем ее нравственности. Теснейшая связь школы и общества, школы и церкви проявлялась во многом. Учителем в лютеранской школе был, как правило, кистер — помощник пастора, у меннонитов учитель был одновременно и проповедником. Лютеранские и католические школы размещались в молитвенных домах, меннониты при строительстве школы предусматривали в ней зал для собраний, когда же позволяли средства, в поселке возводились и молитвенный дом, и школа. Так или иначе, но церковь и школа часто оказывались под одной крышей. Школа выполняла важнейшую функцию общины — готовила новое пополнение в ее ряды. Нравственное воспитание контролировалось духовенством.

Учитывая слаженность действия такого организма как «школа — общество», можно объяснить негативную реакцию общества при любых попытках государства что-либо изменить в школе. Именно поэтому немцы в Сибири на протяжении многих лет отстаивали независимость своей школы. Победить общину в этой борьбе одними запретами было нельзя, надо было разложить, уничтожить саму общину, что и было сделано в годы коллективизации. Однако первые попытки подавить немецкий сепаратизм относятся к дореволюционному периоду.

В начале XX в. власти развернули широкую кампанию по русификации немецких колоний в Сибири, прежде всего путем насаждения в школе преподавания на русском языке. Прямым каналом осуществления такой политики стало открытие министерских училищ

вместо церковно-приходских. Это были русские школы для инородцев: основные занятия вел русский учитель, языком преподавания также был русский. На немецком языке велись занятия по родному языку и закону божьему. Первые такие школы для немцев Сибири были открыты в старейших селах Александровка (1900 г.) и Новинка (1902 г.), в которых до этого уже существовали лютеранские школы. Часть школьных средств выплачивало государство: на содержание учителя, приобретение учебных книг и пособий. Такую школу обществу было легче содержать, тем не менее, население бойкотировало так называемую «русскую» школу, т.е. занятия по русскому языку и арифметике, которые вел русский учитель. Детей отпускали лишь на уроки, которые вел законоучитель.¹¹

Наряду с министерскими продолжали существовать лютеранские и меннонитские школы, которые полностью содержались общинами. Однако русификаторская политика распространялась и на эти учебные заведения. В них внедряли русский язык как язык обучения и министерские программы. Население сопротивлялось этому, избегая регистрации школ или организуя альтернативные школы, где преподавание велось исключительно на немецком языке. В 1910–1911 гг. в Сибири развернулась кампания по борьбе с «тайными» школами. В Акимолинской области ее возглавлял сам военный губернатор. По его распоряжению был закрыт ряд школ в Омском уезде, действующих без надлежащего разрешения. Наличие «тайных» школ было зарегистрировано и на Алтае. Разумеется, ничего тайного в них не было, это была форма протеста против государственной политики.

Как ни сопротивлялись немцы учреждению в их поселках министерских школ, все же к 1917 г. в самых крупных лютеранских и католических селах они были открыты. В Омском уезде они существовали в Александровке (1900 г.), Новинке (1902 г.), Поповке (1910 г.), Сосновке (1911 г.), Побочном (1911 г.), Привальном (1913 г.), Новоскатовке (1915 г.). В 1912 г. открылась министерская школа в пос. Второ-Фоминовка Тюкалинского уезда Тобольской губернии, в 1913 г. — в крупнейшем лютеранском селе Алтая Подсосново (Барнаульский уезд Томской губернии). В Змеиногорском уезде работала такая школа в католическом селе Мариенбург. Решения об открытии школ принимали сельские сходы.¹² Главной причиной такого изменения в отношении к министерским школам, на наш взгляд, была бедность и густонаселенность лютеранских и католических поселков. В лютеранских поселках Омского уезда на одного учителя приходилось до 80 и более учеников. Так, сосновскую школу в конце 1910 г. посещало 100 детей (45 мальчиков и 55 девочек), а цветнопольскую — 85 (55 мальчиков и 30 девочек).¹³ Переориентации немцев на русскоязычную школу способствовала начавшаяся война.

Наиболее активно отстаивали автономию своих школ меннониты. Эта часть немецкого населения Сибири была более зажиточной, получала ссуды из материнских колоний. Помощь была не только материальной: в Сибирь приезжали учителя, окончившие центральные школы на юге России и владевшие как немецким литературным, так и русским языком. Жалованье меннонитских учителей Омского уезда в 1910 г. составляло 400–600 рублей, а лютеранских — 120–300 рублей.¹⁴ На 1 января 1913 г. ни в одной из лютеранских школ не было библиотек, дети же меннонитских школ были обеспечены учебниками, в школах имелись учебные пособия.¹⁵ Уровень грамотности у меннонитов был выше. Когда в первые годы советской власти организовывались пункты ликбеза для взрослых, то открывались они исключительно в лютеранских селах, например в Александровке, где министерская школа работала непрерывно с 1900 г. Ни в одном меннонитском поселке не было необходимости в ликпункте — население было сплошь грамотным.

После принятия закона о сектантах 17 октября 1906 г. меннонитам в Сибири, особенно на Алтае, запрещалось открывать собственные школы, т.к. закон распространялся лишь на секты, отпавшие от православия. Во все предыдущие годы меннониты не встречали препятствий в открытии школ, да и новый закон открыто не запрещал таковые, однако местные власти трактовали его как запретительный. В связи с законодательной неразберихой меннониты Омского уезда пошли на некоторую хитрость: они зарегистрировали в 1910 г. свои школы как лютеранские, а уже через год повели кампанию за переименование школ в меннонитские.¹⁶ Так были разрешены школы в Новоалександровке, Чунаевке, Чукреевке. Переименование не было простой формальностью: меннониты опасались вмешательства в дела школы лютеранского духовенства, а также важно было, чтобы дети к моменту крещения имели свидетельства об окончании меннонитского училища.¹⁷ Сложнее складывалась ситуация с регистрацией меннонитских школ в Томской губернии. Лишь в 1915/16 учебном году на Алтае было открыто 17 таких училищ (16 — в Барнаульском и 1 — в Змеиногорском уезде).¹⁸

Сибирские меннониты предпринимали попытки открыть свои училища для подготовки учителей. В 1911 г. им было отказано в открытии школы повышенного типа на станции Омск-Пост ввиду того, что меннонитское население в поселке было незначительным, к тому же у русских здесь не было даже начального училища.¹⁹ Попечитель Западно-Сибирского учебного округа писал по этому поводу: «...в Омском уезде сравнительно за небольшой промежуток времени открылась масса меннонитских и других инородческих школ, совершенно обособленных от русских. Меннониты, мало того что откры-

вают церковно-приходские школы, ходатайствуют уже об открытии школ повышенного типа, как двухклассные со своими преподавателями, и, таким образом, получается совершенно обособленная школа, и инородцы являются как бы особым государством в государстве. Такое положение вещей считаю ненормальным». ²⁰ В 1914 г. меннонитам было отказано в открытии частной школы в Славгороде, которая по своему уровню соответствовала бы двухклассному министерскому училищу. Свой отказ попечитель учебного округа мотивировал тем, что меннониты могут учиться в православной школе. ²¹

Вопреки запрету школа на станции Омск-Пост все-таки работала до лета 1915 г., затем она была преобразована в обычное высшее училище для всех вероисповеданий. Осенью 1917 г. меннониты вновь открыли на свои средства школу повышенного типа в с. Маргенау, она работала и в годы гражданской войны. В годы советской власти это была первая и единственная немецкая школа Сибири с педагогическим уклоном. Она спасала немецкие школы от катастрофического положения из-за отсутствия в них специалистов. Саратовский рабфак и ленинградский Немецкий педтехникум обслуживали всю страну и, конечно, не могли полностью удовлетворить запросов Сибири.

Оценивая дореволюционный период развития сибирской немецкой школы, следует констатировать, что ее становление искусственно сдерживалось политической русификации и административными запретами. Уровень подготовки учителей оставался невысоким, что, в свою очередь, сдерживало качественный рост обучения. Немецкое население упорно сопротивлялось русификации школ, отстаивая тем самым не только язык преподавания, но и сами традиции школьного образования.

Свержение царизма и провозглашение советской власти породило надежды немцев-колонистов на скорейшее открытие своих школ. В протоколах собраний колонистов Новинской волости, сел Князь-Трубецкой, Зеленополье, направленных в Омскую уездную земскую управу в 1917–1918 гг., обосновывалась необходимость открытия двухклассных училищ с соответствующим штатом учителей, планировалось устраивать при школах спальни и столовые для детей с хуторов. Общества готовы были пойти на любые издержки для скорейшего открытия школ, однако к будущим учителям предъявлялись прежние требования: они должны знать немецкий язык и быть соответствующего вероисповедания. ²²

Постановление Наркомпроса от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств» наконец-то предоставило всем национальностям право обучения на родном языке, школы объявлялись государственными. ²³ Реальное осуществление этого закона началось

в Сибири лишь после изгнания белогвардейцев. В 1920–1921 гг. наблюдался бурный рост числа немецких школ. Только в Омском уезде в декабре 1920 г. их насчитывалось 65 (в 1917 г. официально действовавших было 17),²⁴ в Славгородском уезде в апреле 1921 г. — 82.²⁵ В этом факте проявилось доверие немецкого населения к советской власти и тяга к образованию. Теперь были зарегистрированы все бывшие так называемые «тайные» школы.

Вместе с тем в этот период развернулась непримиримая борьба со старой церковной школой, какой была и стремилась остаться немецкая школа. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (20 января 1918 г.) имел самое разрушительное действие для немецкой, особенно меннонитской, системы образования. В школах не только было запрещено преподавание закона божьего, началось отстранение от педагогического процесса, а позже и уничтожение старого учительства как бывших проповедников. Новой школе нужен был лишь учитель-марксист, государство рассматривало школу как центр атеистической работы среди немецкого населения. В октябре 1920 г. заведующий Славгородским уездным отделом образования сообщал о трудностях работы с немцами: «Благодаря исключительно почти меннонитскому населению, упорно придерживающемуся своего вероучения, работа подотдела особо трудна. Проведение в немецкой школе принципов Советской власти до сего времени мечта неосуществимая... Немецкая секция не может сказать, чтобы хоть в одной школе все обстояло благополучно. Обеспечиваемое до максимумом населением учительство покорно идет на поводу населения и выполняет все его требования, включительно до применения в школе давно запрещенных наказаний и преподавания закона божьего... Немецкую школу можно без особого риска назвать антисоветской».²⁶

Наступление на немецкую школу началось с переподготовки учителей. Анализ программ летних учительских курсов 1920-х гг. свидетельствует, что 50% запланированных часов отводилось политическим вопросам.²⁷ А ведь среди этих курсантов не было или почти не было людей с педагогическим образованием, и нуждались они прежде всего в методической помощи.

Борьба за безбожие в немецких, особенно меннонитских, школах Сибири велась последовательно и неустанно. Не случайно, что в числе причин, побудивших меннонитов эмигрировать в 1920 гг., были и школьные проблемы. В меморандуме съезда меннонитов 1925 г. были выдвинуты требования признать школу «нейтральной территорией, где изучаются науки без пропаганды за или против религии, учителям же предоставить право по своему усмотрению принимать или не принимать участие в жизни и строительстве общин».²⁸ На

протяжении всего довоенного периода немецкие школы страдали от острого недостатка национальных учебников, катастрофически не хватало учителей. Одновременно с этим учителя старшего поколения подвергались преследованиям, особенно усилившимся после 1934 г. в связи с массовыми репрессиями в Немецком районе на Алтае. В 1934/35 учебном году лишь в 87 немецких школах Сибирского края из 205 обучение велось на немецком языке, образование на родном языке получали только 41,7% учащихся (5551 человек).²⁹ В 1938 г. немецкие школы, как и вообще все национальные, были преобразованы в обычные общеобразовательные. Хрупкой системе немецкого национального образования в Сибири, складывавшейся с таким трудом, был положен конец.

- 1 Смирнова Т. Б. Диалекты немцев Западной Сибири // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995. С. 157.
- 2 Гос. архив Омской обл. (далее — ГАОО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 100. Л. 21. Здесь не учитываются школы Сибирского казачьего войска.
- 3 Например, Петр Ран собрал многочисленные свидетельства о бытовании школ у меннонитов Омского уезда в начале XX в.: *Rahn P. Mennoniten in der Umgebung von Omsk*. Winnipeg, 1975.
- 4 РГИА. Ф. 733. Оп. 187. Д. 1178. Л. 45 об.-46 об.
- 5 Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Вып. 1. Томск, 1913. С. 78.
- 6 Лискунов А. И. Очерки по истории прогрессивной немецкой педагогики конца XVIII—начала XIX века. М., 1960. С. 13.
- 7 ГАОО. Ф. 86. Д. 100. Л. 149.
- 8 ЦГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9137. Л. 20 об.; Настольная книга по народному образованию. СПб., 1904. Т. 3. С. 2189.
- 9 Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Томск, 1882. С. 190–191.
- 10 Настольная книга... С. 2125.
- 11 ЦГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3340. Л. 132 об.
- 12 ГАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 226–228, 234, 239.
- 13 Там же. Д. 6а. Л. 19.
- 14 Там же. Л. 76–83.
- 15 ГАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Л. 81 об.
- 16 Гос. архив Томской обл. (далее — ГАТО). Ф. 126, Оп. 2. Д. 2467. Л. 106, 109. 113; ГАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6а. Л. 19.
- 17 Там же. Л. 72–73.
- 18 Там же. Л. 362.
- 19 ЦГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2966; ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2467. Л. 135.

- ²⁰ ГАТО. Там же. Л. 122.
- ²¹ Там же. Л. 190, 203–204, 208.
- ²² ГАОО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 372, 376, 461, 500, 526.
- ²³ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 145.
- ²⁴ ГАОО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 517. Л. 114.
- ²⁵ Там же. Д. 101. Л. 33 об.
- ²⁶ Там же. Л. 15.
- ²⁷ Гос. архив Новосибирской обл. (далее — ГАНО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1627. Л. 13.
- ²⁸ *Рейнмарус А., Фризен Г.* Меннониты: (Краткий очерк). М., 1930. С. 83.
- ²⁹ *Гербер О. А.* Материальная база школьного образования сибирских немцев (1920–1935 гг.) // *Российские немцы: Проблемы культуры и образования.* Новосибирск, 1996. С. 112–113.

Т. А. Шрадер

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 20-х гг.

Вопрос становления в СССР школьного образования национальных меньшинств в 20-х гг. отражен в советской педагогической литературе слабо. Определенное представление о педагогической работе среди национальных меньшинств дает знакомство с опубликованными в разные годы протоколами совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик, в том числе с тезисами доклада председателя Совнацмена РСФСР Н. К. Мухитдинова о согласовании просветительной работы среди нацмен,¹ а также с резолюцией I Всероссийского совещания комитетов по просвещению национальных меньшинств.²

В 1917–1918 гг. в губерниях осуществлялись первые шаги по концентрации школ в руках советской власти, создавались коллегии по делам учащихся. После окончания гражданской войны и периода военного коммунизма начался сложный процесс выработки единой государственной политики в области культуры и образования. В 1923 г. Советом народного комиссариата выносится решение о введении всеобщего обучения.³ На IV совещании наркомов просвещения союзных и автономных республик, состоявшемся в 1924 г., постановили организовать специальный культурный фонд в целях

расширения сети школ и политпросветительских учреждений среди национальных меньшинств и обеспечения их учебниками и литературой. После этого совещания началась работа на местах, в частности была введена должность инспектора по делам нацмен в уездных аппаратах.⁴ В 1925 г. состоялась Всесоюзная методическая конференция работников по ликвидации неграмотности, на которой был поставлен вопрос о необходимости урегулирования и объединения работы в области просвещения нацмен, о переводе обучения на родной язык, о соответствующей подготовке учителей, снабжении школ учебниками и т.д.⁵ В структуру созданного в первые годы советской власти Наркомпроса РСФСР входил Совет по национальным меньшинствам (Совнацмен), объединяющий 13 отделов — украинский, белорусский, польский, тюркский и другие, в том числе и немецкий.⁶ В губерниях РСФСР функционировали отделы народного образования, включавшие секции по работе с нацменьшинствами. В частности, в Петроградском (затем Ленинградском) отделе были эстонская, финская, немецкая и другие секции.

Цель данной работы — показать, каким образом вышеуказанные постановления, резолюции и деятельность Наркомпроса отразились на развитии школьного образования в немецких колониях Ленинградской губернии.

В Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга среди дел Ленинградского губернского отдела народного образования сохранились материалы немецкой секции, дающие представление о состоянии национальных школ в 1918–1927 гг. практически во всех немецких колониях губернии.

В 1921 г. в докладе подотдела при Наркомнаце о положении немецких колонистов Петроградской губернии указывалось на предвзятое отношение местных и губернских властей к немецкому населению. К примеру, при выполнении продналога картофельный налог на немецких крестьян был в три раза больше, чем на крестьян других национальностей. В ряде колоний отбирали земли на общественные нужды, с немецких крестьян требовали больше трудовых повинностей, чем с других.⁷ Поэтому немецким крестьянством советская власть воспринималась как власть русских.

Представители немецкого подотдела указывали на то, что проводить просветительскую и культурную работу среди немецкого населения без участия и помощи центральных органов трудно. Но тем не менее культурная жизнь в немецких колониях не прекращалась. Так, во многих крупных колониях Петроградской (позднее Ленинградской) губернии, а именно в Новосаратовской, Колпинской, Стрельнинской, Гражданской, Ново-Александровской, Кипенской,⁸ организацию культурной жизни взяли на себя местные клубы, в которых

были организованы кружки, ставились любительские спектакли, читались лекции по истории культуры.⁹ Например, на заседании совета политправления Новосаратовской волости 2 августа 1921 г. шел разговор о работе кружков — музыкального (фортепиано), в котором занимались 25 человек, научного, где читались лекции по географии, физике, сельскому хозяйству, — и группы по изучению эсперанто. Работали также литературный и драматический кружки, причем планировалось постепенно перейти к постановке пьес на немецком языке. Плата за посещение спектаклей шла в пользу клуба. А на заседании общего собрания членов Немецкого клуба в Стрельнинской колонии присутствовало 46 человек. Здесь сообщили, что библиотека открыта для читателей по понедельникам и пятницам, во время танцев рекомендовали танцевать по-старинному, соблюдая приличия.¹⁰

В июле 1921 г. в Губнаробразовании Петрограда, в немецкую секцию отдела национальных меньшинств, было направлено письмо из колонии Новая Саратовка с сообщением, что согласно постановлению бюро немецкой секции и собрания всех работников культпросвета в колонии решено создать «Дом просвещения», в котором работа должна будет проводиться под руководством членов немецкой секции и на немецком языке.¹¹

Но если культурно-просветительскую деятельность немецкие колонисты в послевоенный и послереволюционный период были в состоянии наладить самостоятельно, то положение со школьным образованием было более сложным. Так, например, в 1921 г. в колонии «Этюп» около Павловска на 117 учеников было всего три учительницы — одна немка и две русских, преподавание велось на русском языке, в школе не было библиотеки, имелась всего одна карта, помещение школы было в плачевном состоянии.¹² Немецкая школа в г. Ямбурге (Кингисепп) существовала до революции на протяжении многих лет. Эту школу посещали дети из Ямбурга, колоний Луцкая, Пороховская и Франкфуртская. В 1915 г. школа была закрыта по распоряжению царского правительства. Только в 1921 г. начались занятия в четырех классах этой школы. В ней были три учителя и 101 школьник, занимались дети в две смены. В школьный совет из четырех человек входили представители из Ямбурга и колоний. Уроки между учителями были распределены следующим образом: ведущий школой Ф. К. Феттерлейн вел математику, природоведение, ручной труд (38 уроков в неделю), учительница М. Э. Рунге — немецкий язык, географию, рукоделие (34 урока в неделю), учительница А. К. Сколковская — русский, обществоведение, пение — 33 урока в неделю. Среди немецких детей в связи с тем, что школа долго не работала, было много неграмотных. Не знали они и немецкого языка, со многими учителями приходилось начинать обучение языку с азбу-

ки. Старшие дети говорили по-немецки на особом жаргоне, мешая русские и немецкие слова, соединяя корни русских слов с немецкими окончаниями и наоборот.¹³

Преподавание в колонистских школах велось на русском языке, но когда в Петроградском уезде были сделаны попытки перевести эти школы на немецкий язык, немецкие же крестьяне, вероятно, после пережитого в годы войны, потребовали оставить все как было. Занятия на немецком языке проводились с теми учащимися, которые хотели продолжить учебу после окончания четырех классов.

Это время было тяжелым для всех начальных колонистских (так же, как, вероятно, и русских) школ. Школьные здания находились в ужасном состоянии. Правда, немецкие крестьяне оказывали посильную помощь школам дровами, ремонтом, поддерживали учителей, материальное положение которых было катастрофическим. Об этом свидетельствуют, например, как коллективные, так и индивидуальные письма учителей Средне-Рогатской колонии в отдел наименьшинств Петрограда.¹⁴ В Ижорской колонии местные советские власти использовали помещение школы под клуб, хотя там занимались младшие школьники, а школьные учителя жили в четырех верстах от школы и не всегда в зимнее время могли добраться до работы.¹⁵

В начале 1923 г. в Губсовнацмен Петрограда пришел запрос из Москвы о состоянии просветительской работы с немецким населением в Петрограде и губернии, и в ноябре того же года в столицу был направлен отчет о состоянии дел. В нем сообщалось, что немецкое население состоит в основном из крестьян-колонистов и мелкобуржуазного городского населения; крестьяне, в большинстве середняки, находятся под большим влиянием лютеранской церкви; с кадровым составом учителей трудности, так как новые учителя еще не пришли, а замена старых преподавателей происходит очень медленно. Самым же ценным в этом отчете были статистические данные: указывалось, что в 1923 г. в 27 немецких колониях Петроградской губернии проживало 8394 лица немецкой национальности; начальные школы 1-й ступени имелись в 12 колониях (Новая Саратовка. Средняя Рогатка, Колпино, Стрельна, Овцино, Новое Парголово Каменка, Янино, Красненская, Кипень, Смольнинская и Ямбург); 29 учителей обучали 1115 детей; во всех колониях насчитывалось 14 клубов.¹⁶ В отчете, направленном в Москву уже в 1924 г., сообщалось о 12 колониях в Ленинградской губернии, где проживало 5729 жителей, о 12 немецких школах, в которых 25 учителей обучали 597 школьников.¹⁷

В связи с недостаточным количеством учителей для немецких школ не только в Петроградской, но и в других губерниях, где компактно проживали немецкие колонисты, в 1922 г. в Москве был

открыт Немецкий практический институт народного образования, целью которого являлась подготовка высокообразованных учителей для немецких сельских школ. Курс занятий был рассчитан на 4 года, владение немецким языком было для студентов обязательным. В 1925 г. это педагогическое учреждение было переведено в Ленинград. Оно располагалось на наб. реки Мойки, 74–76, и называлось «Немецкий педагогический техникум».

В 1924 г. в Москве были организованы 11-месячные курсы по переподготовке учителей немецких сельских школ. Программа курсов была составлена следующим образом: политическим занятиям отводилось 44 часа, педагогике 56 часов, общим и просветительским дисциплинам — 28 часов. Из письма делегата на эти курсы от Ленинграда, учителя колонии Гражданская В. И. Глейцмана явствует, что всего на курсах занималось 25 человек из всех районов СССР, условия жизни были трудными, денег не хватало (делегат просил в письме деньги на обратный путь).¹⁸

В 1926 г. на базе ленинградского Немецкого педагогического техникума проводились двухмесячные курсы для переподготовки учителей немецких школ. Программа, составленная основе программы Отдела переподготовки учителей русских школ районного масштаба, все же была приспособлена к сельской немецкой школе.

Немецкий педагогический техникум в Ленинграде проводил большую работу по подготовке кадров для всей страны. В 1925 г. здесь обучались 152 человека — 11 рабочих, 104 крестьянина, 25 служащих, 6 учителей, 6 прочих.¹⁹ В 1927 г. преподаватели этого техникума выступили с инициативой создать методическую комиссию по выработке единой программы образования учителей для немецких школ. В состав комиссии были включены проф. Жирмунский, проф. Вульфийус, тов. Юхансен, тов. Вознесенская, тов. Михайлов (в архивных документах все фамилии даны без имени и отчества) и др., в основном являвшиеся преподавателями техникума.²⁰

Разработку программ для немецких школ Ленинградской области проводили немецкая секция и методическая комиссия при Совнацмен губоно. На заседаниях комиссии в 1926–1927 гг. обсуждались различные подходы к обучению в немецких школах, рассматривались педагогические методики Германии, большое внимание уделялось созданию новых учебников на немецком языке и знакомству с педагогической немецкой литературой, причем предпочтение отдавалось работе проф. Гаудича «Die freie geistige Arbeit» как наиболее близкой советской педагогике.

Во время заседаний секции рассматривались программы обучения, темы сочинений для сельских школ в колониях, разрабатывалась методика экскурсионной работы в деревенских школах, а также

программы обучения немецкому языку в советских школах и техникумах, уделялось внимание истории немецких колоний. Кроме того, ставился вопрос о создании немецкого педагогического кабинета в Ленинграде. В планы секции входила разработка комплексной программы для немецких сельских школ области, касающейся всех сторон школьной жизни (трудовое воспитание, экскурсии, работа уголков живой природы и пр.). Большое внимание уделялось обучению сельских школьников немецкому языку и обеспечению школ необходимыми учебниками, причем большие надежды возлагались на централизованное издание учебников на немецком языке.²¹ Но, к сожалению, как указано в резолюции I Всероссийского совещания комитетов по просвещению национальных меньшинств, состоявшегося в 1930 г., договор с Госиздатом об издании учебников и учебных пособий для национальных школ выполнен не был.²²

Активная деятельность методической комиссии при немецкой секции не замедлила сказаться: в марте и июне 1926 г. были проведены конференции учителей немецких школ Ленинградской области.

На июньской конференции присутствовали учителя из колоний Средняя Рогатка, Ново-Саратовская, Парголово, Стрельнинская, Каменка, из Овдино и Кингисеппа. Таблица, составленная на основе отчетов учителей,²³ дает представление о состоянии немецких школ в указанных колониях:

Название	Кол-во учеников	Кол-во учителей	Сведения из отчетов учителей школ
1	2	3	4
Стрельна	42	2	Введен комплексный метод обучения. В школе имеется кооператив по выращиванию картофеля, в библиотеке 80 книг, драмкружком подготовлено 3 спектакля.
Средняя Рогатка	105	2	Введен комплексный метод обучения, проводятся экскурсии школьников в город, работает школьный совет
Новая Саратовка	118	3	Введен комплексный метод обучения, во время сельской страды школьники плохо посещают занятия, имеется детская артель.

1	2	3	4
Каменка	52	2	Введен комплексный метод обучения, ведется клубная работа, имеются санитарная и метеорологическая группы, организован школьный кооператив, выпускается школьная стенгазета, в библиотеке 120 книг на русском языке.
Овчино	76, в т.ч. 50 немцев, 7 финнов, 19 русских	2	Введен комплексный метод обучения, выпускается стенгазета, подготовлено 3 детских спектакля.
Парголово	65	2	Введен комплексный метод обучения, проводятся экскурсии школьников в город, есть уголок природы.
Кингисепп	80, в т.ч. 75 немцев, 4 эстонца, 1 поляк	4	Во время учебного года школьники посещают школу 183 дня.

Для всех немецких школ была разработана обязательная программа внешкольной работы:

- 1) выпуск стенгазеты,
- 2) создание кооперации в школе,
- 3) работа детских кружков,
- 4) смычка учащихся со школьниками Германии,
- 5) смычка учащихся со школьниками г. Ленинграда,
- 6) создание книгопередвижек из фондов центральной детской библиотеки,
- 7) экскурсии в город.

На конференции говорили и о трудностях — религиозность детей, сложность контакта с родителями, недостаточное количество учебников, отсутствие литературы на немецком языке для драматических кружков.

Руководство немецкой секции разрабатывало планы создания летних школ для сельской местности с компактным проживанием немцев: эти школы могли бы стать одним из способов удлинения учебного процесса. Планировалось открытие немецких школ и детских садов для служащих Немецкого педагогического техникума и немецкого отделения Педвуза им. Герцена, участие ленинградских специалистов в составлении новых немецких учебников и написании детских книг и т.д.

Постепенно пополнялись ряды учителей в немецких сельских школах. Весной 1926 г. 8 студентов окончили Немецкий педагогический техникум, из которых двое продолжили обучение в других учебных заведениях, 6 студентов пошли учительствовать в школы.²⁴

Итак, можно отметить, что государственная политика в области просветительской деятельности среди национальных меньшинств в 1920-е г., несмотря на все трудности, все же приносила определенные плоды. Работа немецкой секции при Петроградском (Ленинградском) губернском отделе народного образования является тому примером. Организация курсов, разработка методик преподавания на немецком языке, конференции для учителей сельских немецких школ области, безусловно, способствовали развитию процесса образования детей немецких колонистов.

После 1929 года — года начала коллективизации — школы в организованных на базе немецких колоний колхозах продолжали работать. В них создавались пионерские организации, выпускались политически ориентированные стенгазеты, т. е. политическая направленность программ немецких сельских школ отражала общие процессы, происходящие в советской школе в 30-х гг.

Тема закрытия национальных школ в СССР, и в Ленинградской области в частности, требует специального исследования.

¹ Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик. 1919–1924 гг. История культурного строительства в СССР 1917–1977: Документы и материалы. М.: Наука, 1985.

² Резолюции I Всероссийского совещания комитетов по просвещению нацмен / Наркомпрос РСФСР. М.: Госиздат, 1930.

³ Народное образование в Ленинградской области за 15 лет / Лен. обл. отдел народного образования. Л.: Учпедгиз, 1932. С. 45.

⁴ Протоколы совещаний наркомов просвещения... С. 181.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Народное просвещение в РСФСР. К 1924–25 учебному году: Отчет Наркомпроса 1923–24. М., 1925.

⁷ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА). Ф. 2552. Оп. 1. № 929. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Там же. Л. 67–68.

¹¹ Там же. Л. 69.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Там же. № 1122. Л. 4–4об.

¹⁴ Там же. № 930. Л. 10, 11–13, 15.

¹⁵ Там же. № 929. Л. 8.

¹⁶ Там же. Д. 1234. Л. 19.

¹⁷ Там же. Л. 29.

¹⁸ Там же. № 1234. Л. 31–32.

¹⁹ Там же. № 2101. Л. 7.

- 20 Там же. № 1543. Л. 10.
21 Там же. № 2101. Л. 2–8.
22 Народное просвещение в РСФСР... С. VIII.
23 Там же. № 2101. Л. 35.
24 Там же. № 2564. Л. 11.

С. В. Смирницкая

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НЕМЕЦКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ В ЛЕНИНГРАДЕ

В 20-30-х гг. в Ленинграде функционировал целый ряд национальных учебных заведений, в том числе и эстонский, латышский, польский и немецкий педагогические техникумы.

Центральный немецкий педагогический техникум первоначально был открыт в Москве на базе Немецкого педагогического института, но в 1925 г. он был переведен в Ленинград и просуществовал здесь до середины 30-х гг.

В техникуме получали образование этнические немцы из различных регионов страны. Обучение продолжалось 4 года, на каждом курсе обучалось до 25–30 студентов — будущих преподавателей немецких национальных школ в местах компактного проживания немцев.

Учебный корпус и общежитие техникума располагались на Мойке в домах № 74–76.

По воспоминаниям выпускника техникума Я. Шмидта,¹ в 1926–1930 гг. преподавательский коллектив включал ряд выдающихся педагогов, специалистов в различных областях знания. Немецкий язык и литературу преподавал профессор Вульфийс, который прививал своим ученикам любовь к немецкой классической литературе, раскрывая перед ними волшебный мир геттевской поэзии. Обладая исключительными знаниями по истории Петербурга, профессор Вульфийс был постоянным спутником студентов в прогулках по городу, а также в экскурсиях по Русскому музею и Эрмитажу. В конце 30-х гг. он был репрессирован и сослан в Славгород, где умер в бедности.

Педагогика преподавала профессор Эфрусси — тонкий знаток детской психологии; русский язык и литературу — преподаватель Митюшин, который одновременно был учителем средней школы № 125 (теперь № 337).

Доцент Ленинградского университета Швейер преподавал эволюционную теорию, политэкономии вел Фиттинхоф, естествознание — Форсман, химию — Шнелл.

Курс дошкольного воспитания читала Воскресенская; под ее руководством студенты техникума проходили педагогическую практику в двух детских садах при Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Во время летних каникул студенты третьего курса выезжали на практику в немецкие колонии в различные уголки страны.

При техникуме существовала «живая газета» и драматическая студия, которой руководил бывший выпускник техникума Раушенбах. Ставились пьесы на немецком и русском языках; в репертуаре студии были также веселые комедии на немецких диалектах.

Частым гостем техникума был молодой профессор Ленинградского университета В. М. Жирмунский. С помощью учащихся он делал диалектные пробы, записывая их рассказы о родных селах и переводя на немецкие диалекты фразы из анкеты Г. Венкера.² При участии студентов техникума В. М. Жирмунский проводил экспедиции в немецкие колонии в окрестностях Ленинграда.

Я. Шмидт, уроженец колонии Ново-Саратовка на правом берегу Невы, вспоминает в этой связи: «Я помогал ему при записи народных песен... Снаряженный соответствующей аппаратурой, я переходил с Виктором Максимовичем и его студентами из дома в дом. Часто он просил меня помогать ему в качестве лаборанта на заседаниях его семинара при университете».³

В середине 30-х гг., после ликвидации немецких национальных школ в регионах компактного проживания немцев, Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде был закрыт.

¹ Schmidt J. Erinnerungen, die das Herz wärmern: Über das Studium an der Zentralen Deutschen Pädagogischen Fachschule in Leningrad // Neues Leben. 1990 Nr. 8.; см. также: Laikam R. Damals in Leningrad // Neues Leben. 1989. Nr. 28.

² Имеется в виду анкета Г. Венкера, состоящая из 40 фраз для перевода с немецкого языка на диалект. Анкета использовалась при сборе материала для «Немецкого лингвистического атласа» и продолжает традиционно использоваться при диалектологическом обследовании регионов проживания этнических немцев за пределами немецкоязычных стран.

³ Schmidt J. Erinnerungen...; под «соответствующей аппаратурой» автор имеет в виду звукозаписывающее устройство фирмы «Эдисон», подлинный экземпляр которого до сих пор хранится как реликвия в секторе фольклора Пушкинского дома (Санкт-Петербург) вместе с собранием немецких народных песен, записанных В. М. Жирмунским и его учениками в немецких колониях на Неве, на Украине и в Закавказье.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абильгор С. 69, 71
 Абильгор С. 69
 Аблаи, хан Среднего жуза 202
 Авенариус 160, 163
 Авенариус М. 164
 Авенариус Н. 164
 Агапит 10
 Агентов М. И. 26, 45
 Агентов М. И. 26, 41
 Аделунг 46
 Адлер 56
 Адлерберг 138
 Адлерберг (Багговут) Ю. Ф. 137-139, 141, 142
 Айтхоф 244
 Аксаков И. 112
 Аксаков С. Т. 92
 Аксаков С. Т. 89, 95
 Акст 245
 Александр, вел. кн. 51
 Александр I, имп. 14, 169, 182, 196
 Александр II, имп. 105, 145, 146, 149, 165, 169, 174, 245, 247
 Александр Великий 57
 Александр Николаевич, цесаревич 110
 Александра, вел. кн. 83
 Алексей Александрович, вел. кн. 210
 Алексей Петрович, царевич 169
 Алешинцев И. 172
 Али В. 131
 Альмендинг 94
 Амбургер 151
 Амман И. 14
 Ангальт Ф. Е. 32, 47-52, 54-61, 147
 Ангальт-Цербстская София-Августа-Фредерика см. Екатерина II Великая 48
 Андреев 207-209
 Андреев И. Г. 197, 198, 199, 201, 204
 Андреева Н. С. 80
 Аничков Н. М. 172
 Анна Иоановна, имп. 52
 Анна Петровна, вел. кн. 182
 Анненкова Э. А. 188
 Антон 7
 Антонов А. Н. 60, 61
 Апухтина А. А. 98, 101
 Апухтин А. Н. 184
 Аристотель 55
 Арндс С. 8
 Арсеньев С. В. 11
 Архипова Н. П. 86
 Ауль Ю. Ф. 180
 Ауль Ф. Ф. 175, 176, 180
 Аурова Н. Н. 143
 Азенваль Г. 61, 63
 Бабин В. 99
 Багговут Ю. Ф. 138
 Базедов И. Б. 22-29, 42, 51, 166, 241
 Базедова Э. 29
 Байер Г. З. 12, 13
 Байер Т. З. 37
 Бакмейстер Г. Л. X. 13, 14, 204, 205
 Бальмен А. Б. 29
 Банг 151
 Бандер 246
 Барг И. 164
 Бари А. 154
 Барнардо 211, 220
 Бартельс И. X. М. 87-93, 95
 Баршевыз 81
 Басин П. В. 103
 Баумгартен Е. К. 148
 Баумейстер 49
 Бауэр 245
 Баг 133
 Бевереекий И. 10
 Бейльштейн 133
 Бекман 207
 Бекман И. 63-65
 Белл А. 199
 Белодубровский Е. Б. 155
 Белокуров С. А. 43
 Бельгард Н. К. 138
 Белькинд Л. Д. 125
 Белькинд Л. Д. 125
 Бельтов 25
 Бем 160, 163
 Бемер Ф. 78
 Бенеке Ф. 167
 Бенинг 250
 Бенуа 160, 163
 Бенуа А. Н. 154
 Бенуа Н. А. 154
 Бенуа Ю. Ю. 154
 Беппель Э. 166

- Бер К. 200
 Бердяев Н. 112
 Беренс Р. 209
 Беренс Р. 203
 Берлинг 23
 Бернацкий В. 116
 Бестеев Д. Ф. 33
 Бецкой И. И. 53, 54
 Беме 246
 Био 90
 Биск И. Я. 209
 Благово Н. В. 150, 155
 Бланкеннагель А. 209
 Бланкеннагель А. 203
 Бланкертц И. 73
 Блемер М. 46
 Блескина О. Н. 23, 28, 35
 Блессиг Э. 154
 Блессинг 151
 Блуменбах 64, 65
 Блюменбах И. 15, 95
 Блюменфельд А. 136
 Богданович И. Ф. 56
 Боленко К. Г. 22
 Больдешвинг 211
 Больцани 84
 Бонгард Г. П. 80, 85
 Бондарева О. К. 177
 Бооль В. Г. 149
 Бооль В. Г. 143-149
 Бопп 84
 Борель 250
 Боркман 227
 Борн 132
 Боувер Я. 206
 Брандт 151
 Брандт Ф. И. 170
 Брандт Ф. Ф. 85
 Браун 245
 Браун И. А. 16, 17, 20
 Брауншвейский И. 9, 11
 Брейткопф 31, 34
 Бригген 132
 Брокгауз Ф. А. 60, 119
 Броннер Ф. К. 87, 91-93, 95
 Бруль В. И. 207
 Бруни Ф. А. 103
 Брустов (Брустовицкий) 233
 Брюкнер А. 151
 Брюллов К. П. 103
 Брюс 34
 Брянецв А. А. 164
 Будберг А. Ф. 81
 Буддей 23
 Буксгевден Ж. В. 210
 Буксгевден О. О. 221, 222
 Буксгевден О. О. 210-211, 213-222
 Буксгевден Э. 220
 Буксгевден Э. О. М. 210
 Буланин Д. М. 10, 11
 Буланина Т. В. 11
 Булгаков Ф. И. 110
 Булев Н. 8, 10
 Булич Н. Н. 93, 101
 Булич Н. 88
 Буссе В. Ф. 166
 Буссе Ф. И. 166
 Буткевич К. Ф. 172
 Бух Л. 82
 Бэр К. М. 85
 Бюксгаден 246
 Бюлов Г. 8
 Бюргерс Е. 164
 Бюшинг А. Ф. 37, 49, 52, 61, 130, 131, 164
 Вагнер В. Г. 176, 178
 Вадковский 132
 Вальх Б. Г. 62, 63
 Ванновский П. С. 145-148
 Василь Иванович, вел. кн. 8
 Васильев А. В. 93, 101
 Васильев А. В. 88
 Васюков П. 188
 Вегенер Е. Ф. 170
 Везалий 9
 Вейбрезт 32
 Веймарн Г. 209
 Веймарн Г. 193, 197-199, 203-205
 Вейс 233
 Вейсман Э. 169
 Вейссе И. Ф. 131
 Вейтбрезт И. 14
 Венедиктов В. 61-63
 Вечкер Г. 269
 Вернер А. Г. 69
 Верейская Е. Н. 160
 Вернадский В. И. 164
 Вертер Е. А. 171
 Вессель Н. А. 162
 Вессель Н. Х. 172
 Вессель Н. Х. 167, 168, 170, 172
 Вессель Х. Х. 167
 Вестфельд Х. Ф. Г. 61, 62

- Виллевальде Г. (Б)П. 102-109
 Виллиг Ф. К. 64, 65
 Вильгельм, кайзер 134
 Вильгельм-Густав, наследный принц 47
 Вильке И. Д. 188
 Вильман О. 73
 Виноградов 245
 Виноградов Д. 67
 Виноградов К. Ф. 211
 Витекинд 182
 Витте С. Ю. 113
 Вишневецкий В. К. 91
 Вогак 32
 Воейков А. 36
 Вознесенская 264
 Волков Б. А. 15
 Волков С. В. 149
 Волков Ф. Г. 202
 Вологодина В. Н. 173
 Волоцкий И. 11
 Вольке Х. Г. 34, 35
 Вольке Х. Г. 23-25, 27-34, 42, 166
 Вольтер 50, 56, 57, 238
 Вольф 49
 Вольф Х. 15
 Воробьев Н. И. 101
 Воробьев Н. И. 97
 Вормсбехер Г. П. 175
 Воробцова Ю. И. 234
 Воскресенская 268
 Врангель Е. В. 81, 82, 86
 Врех Ф. Ф. 197
 Вульфшус 233, 264, 268
 Вульфшус А. 135
 Вюртембергский, принц 183
 Вяземские, князья 216
- Гаазенбергер В. 107
 Габлер Э. Н. 154
 Гаге Р. 166
 Газенклевер 225
 Гакман И. Ф. 15
 Гакстгаузен 99
 Галаган Г. П. 80
 Галич А. 132
 Гамбергер Г. К. 61, 62
 Ган, гиттерфервальтер 201
 Ган, преподаватель 227
 Ганелин Ш. И. 172
 Ганнибалы 98
 Гарвей 10
- Гарзавина А. В. 101
 Гарнье 90
 Гарэн Э. 11
 Гаттерер И. К. 62, 63
 Гаудич 264
 Гаусс К. Ф. 88-90, 92
 Ге Ф. 79
 Геблер Ф. В. 201, 204, 208
 Гегель Г. Ф. 126, 241
 Геймбюргер 151
 Гейне Х. Г. 61, 62
 Геллерт Х. Ф. 45
 Геллерт Х. Э. 71
 Геллерт Х. Э. 69
 Гелтергоф Ф. 39-41
 Гельбке Ф. Ф. 166
 Гельмерсен Г. 82
 Гельтергоф Ф. 169
 Генезер 209
 Генезер 203
 Генкель И. Ф. 71
 Генкель И. Ф. 68, 69, 71
 Геннадий, архиепископ 8, 10
 Георги И. Г. 97, 205
 Георгиевский Ф. 11
 Герасимов Б. 209
 Герасимов Д. 10
 Гербарт И. Ф. 71-79, 241
 Гербер О. А. 260
 Гердер 241
 Герман 91
 Герман Б. Ф. И. 203, 204
 Герман И. 209
 Герман К. Ф. 13, 14
 Герман К. Ф. 80, 138
 Герре И. С. 47
 Герцен А. И. 28
 Герцен А. И. 25
 Герье В. 221
 Гессен 114
 Гессен М. К. 171
 Гессен С. И. 79
 Гессен С. И. 73
 Гиберт 233
 Гигенсен 164
 Гиллентшидт Ф. 170
 Гладких А. 71
 Глазенап Г. И. 193, 199, 200, 206
 Глазунов 246
 Глезер Л. 154
 Глезер Э. 154
 Глейцман В. И. 264

- Глинка С. Н. 27, 60, 61
Глинка С. Н. 54-56, 58, 60
 Глюк Э. 36, 39
 Гмелин И. Г. 14
 Гмелин И. Ф. 64, 65
 Гогель И. Г. 58
 Гогинки 227
 Гогоберидзе Д. Б. 87
 Годак Э. 164
 Голиков Ю. П. 188
 Головщиков К. 191
Голитинские, герцоги 182
Голитинский, герцог 155
 Гольдбах Х. 18
 Гольман С. Х. 62
Гольштейн-Готторпский К. П. У. 182
Гольштейн-Готторпский К. Ф. 182
 Гонорий Отенский 8
 Горчаков А. М. 132
 Готан Б. 8, 11
 Готшед И. Х. 41
 Гофман 94
 Гофман А. А. 166
 Гофман Э. К. 80, 82, 83, 86
 Градницкий М. 10
 Гребенщиков И. В. 153
 Гревс И. В. 161
 Гревс И. В. 160
 Грефе Ф. Б. 80
 Греч А. 81
 Греч И. М. 41
 Греч Н. И. 132
 Григорий Нисский, епископ 10
 Григорьев В. В. 86, 209
 Григорьев В. В. 80
 Гримм Г. Д. 153, 154
 Гримм Д. Д. 154
 Гримм Ф. М. 22, 26, 50
 Гримм Э. Д. 154
 Гринштейн О. М. 210
 Гросс 244
 Грот Я. К. 26
 Грот Я. К. 25, 27
 Гротен 151
 Гротен М. 154
 Грубе А. 167
 Грубер В. Л. 120
 Грузинский П. 108
 Губер И. 243
 Гугель Е. 24, 25
 Гузнер И. А. 208
 Гумбольдт А. 82, 98, 99, 191, 205
 Гуменник 233
 Гюйссен Г. 169
 Гюнтер Н. М. 153
 Гютшой 151
 Даламбер Ж. Л. 147
 Данзас К. К. 132
 Даниил, митрополит 8, 11
 Данилович 149
 Дашков 81
 Дашкова Е. Р. 64, 65
 Девиц П. А. 193
 Дегаррис Ф. И. 193, 199
 Деколонг И. А. 193
 Дельвиг 191
 Демидов 32, 69
 Демидов А. Н. 212
 Демидов П. Г. 188, 191
 Демин А. С. 10
 Демков М. 73
 Демосфен 57
 Ден В. Э. 116
 Депман И. Я. 93
 Дерябин А. 67, 68
 Дидрих 228
 Дидро Д. 147, 238
 Дик 176
 Диксон К. 173
 Дионисий 11
 Дистервег А. В. 71-79, 150, 162, 241
 Дистервег Ф. 167
 Дитерих А. 170
 Диц И. А. 63
 Днепров Э. В. 79
 Долгова Г. С. 208
 Драган 144
 Драке Л. Л. 149
 Дрешер 227, 233
 Еггерс 54
 Екатерина Безподобная см. Екатерина II Великая, имп.
Екатерина II Великая, имп. 14, 20, 22, 23, 29, 31, 38, 42, 44, 48-53, 55-57, 60, 131, 137, 139, 140, 155, 192, 196, 197, 238, 239
Екатерина Михайловна, вел. кн. 210
Екатерина Павловна, вел. кн. 182, 183
 Елена Павловна, вел. кн. 187
 Елецкий 135
 Елизавета Петровна, имп. 18, 53, 182

- Епифаний Славинецкий 9
 Ермолов А. П. 144
 Ерофеева И. В. 192
 Есипов 94
 Ефрем, архиепископ 10
 Эфрон И. А. см. Эфрон И. А. 119
- Жирмунский В. М. 264, 269
 Жуковский В. А. 191
- Заварзин А. А. 154
 Загорский 148
 Загоскин Н. П. 92, 93, 101
 Загоскин Н. П. 88
 Загряжская 30, 31
 Загряжская М. 30
 Загряжские 30
 Задлер П. К. 171
 Зайончковский П. А. 143
 Зайферт И. 245, 247-250
 Зайферт К. 245
 Зайцева А. А. 46
 Залеман, ваятель 133
 Зальцман И. Г. 25
 Зальцман Х. Г. 26
 Запольский И. И. 87
 Запольский Н. Н. 79
 Запольский Н. Н. 77
 Засулич В. 187
 Зауервейд А. И. 103-107
 Зауервейд Н. 108
 Затаров Я. Д. 63-65
 Зелинский Н. Д. 117
 Зейдлиц А. 170
 Зендер В. 154
 Зеркалов А. Н. 43
 Зибберштейн 203
 Зикеев Н. В. 173
 Зильберейзен 138
 Зиневич Н. А. 173
 Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. 228
 Зинченко Н. 142
 Змеев Л. Ф. 11
 Зограф Г. А. 87
 Зограф Г. А. 84
 Золотницкая 233
 Золотов И. 208
 Золотов П. А. 198
 Зонн А. В. 162, 164, 170
 Зоннтаг К. Г. 28
 Зоргенфрей Г. Г. 166
 Зуев В. Ф. 14
- Зюсс В. 235
- Ибрагимов Н. М. 96, 98
 Иванов К. А. 172
 Игельстром Г. О. А. 194, 206
 Изелин И. 25
 Иконников Н. 71
 Ильман П. 67, 68
 Индриксон Ф. Н. 153
 Иностранцев А. А. 83
 Иногородцев П. Б. 15, 61, 62, 63
 Иов 10
 Иоффе А. Ф. 121
 Исаков Н. В. 146, 148
- Кабузан В. М. 207
 Казембек А. 98
 Калмыков 81
 Камбалов Н. 209
 Камелий 23
 Каменев (Розенфельд) Л. Б. 228
 Кампанелла Т. 55
 Кампанелла Т. 55
 Кампе И. Г. 27
 Кампе И. Г. 23-27, 45, 166
 Канкрин Ф. Л. 71
 Канкрин Ф. Л. 70
 Кант И. 126, 241
 Каптерев П. Ф. 79, 142
 Каптерев П. Ф. с 74
 Карабанов Н. Ф. 142
 Кареева Е. Н. 160
 Карл Великий 182
 Карлблом И. 135
 Карташевский Г. И. 87, 89, 93
 Кастрен 99
 Катанаев Г. Е. 208
 Катанов Н. 101
 Кац 227, 228
 Качалов Н. Н. 154
 Кемпе 139, 140
 Кемсис Ф. 73
 Кемц Л. Д. 151
 Кенель В. А. 106
 Кениг О. О. 166
 Кен-Каптерев А. 104
 Кеплер И. 90
 Кербер В. Л. 154
 Кестнер А. Г. 15, 62, 64, 65
 Кетриц Б. Э. 170
 Киндерман Х. Х. 193, 204
 Кинчель 174

- Кирпотенко А. 79
Кирпотенко А. 78
Киселев А. П. 160
Китер 100
Клайн Л. Э. 175
Клапрот Г. Ю. 205
 Клаус А. А. 250
Клаус А. А. 243
Клейнберг Э. К. 135, 166
Клепиков С. А. 32
Клингер Ф. И. 138, 141
Клодт П. К. 107
Кляйшимидт В. 233
Кляйшимидт Г. 233
Книпович Н. М. 121
Кнорринг И. Ф. 166
Кнуст 34
Княжевич А. М. 89-90
Княжевичи 95
Князнич Б. Я. 56
 Князев Г. М. 172
Ковалев С. 180
Ковалевский М. М. 113, 121
Ковалевский П. О. 109
 Козырева М. Г. 155
Колесов А. 67
Коль И. П. 12
 Комений см. Коменский Я. А.
Коменский Я. А. 39, 45, 54, 78, 151, 164
Комовский 132
Кондырев 91
 Кони А. Ф. 187
Кони А. Ф. 184
Кононов А. К. 63-65
 Кононов А. Н. 209
Константин, вел. кн. 51
Константин Николаевич, вел. кн. 83
Коперник Н. 55, 60
 Копреева Т. Н. 10
 Копылов А. Н. 207, 208
Корнелиссен К. 130
 Корнилов И. 172
Корф И. А. 167
 Корф Н. А. 172
Корф Н. А. 162, 167, 170, 173
 Косвен М. О. 208
Косвен М. О. 209
Косолап П. 108
Коссманн К. 245, 246
Костомаров Н. И. 134
Котельников П. И. 92
 Кох К. 35
Козендерфер Г. Н. 220
Коцебу А. Е. 104
 Коцебу О. Е. 82-84
 Кочеткова Н. Д. 27
Кракау В. А. 153
Краницфельд А. И. 81
Краснов В. А. 154
Крафт В. Л. 13
Крафт Г. В. 12, 13, 15
Крафт Е. О. 138
Крафт И. И. 193
Крашенинников С. П. 14
Крейцер В. И. 166
 Крейцер И. 166
Кремпин А. 138
Кржижановский Г. М. 127
Кригер Г. 164
Кроль С. Д. 176
Круг А. К. 125
Круг В. Т. 125, 126
Круг Г. К. 128
Круг Е. К. 128
Круг К. А. 124-128
Круг Л. Ф. 126
 Круг Н. К. 128
Крупеников Л. 99
Крыжицкий Г. 133
Крылов 81
Крылов И. А. 139
 Крылов Н. А. 149
Крюйс-К. 129
Крюков Л. 98
Крюковы 132
Кульнев Я. П. 58
 Кулябко Е. С. 21, 43, 44
Кучицын 81
Курас Г. 15
Курций Руф 29
Кутузов М. И. 31, 59
Кюзельбекер 132
 Лавровский К. В. 101
Лагарп Ф. Ц. 24, 27
Лагранж Ж. Л. 90, 91
Лазаревы 81
Лакруа 90
Лаксман 207
Лаксман Э. Г. 201, 203, 205
 Лалаев М. С. 149
Лалаянц А. С. 175, 176
Лампе И. Г. 33, 34
Ланг И. 41

- Ланкастер Дж.* 199
Лаплас П. С. 92
Лаурсон А. М. 173
Лафонтен Ж. 57
Лебедева С. С. 120
Левине Э. 223
Левинсон-Лессинг Ф. Ю. 164
Левшин Д. М. 60
Лейбе 201
Лейбниц Г. В. 31
Леман И. Г. 14
Лемм Э. 164
Лемониус В. Х. 133, 162, 165–167, 170
Ленский А. 79
Ленский А. 77
Ленц Р. Х. 84, 85, 87
Ленц Э. Х. 80, 82–84, 87
Леонтьева (Шипова) М. П. 142
Леопольд I, фельдмаршал 47, 48
Леопольд IV, полководец 47
Лепезин И. И. 14, 97
Лермантов В. В. 87
Лермантов В. В. 84
Лермонтова А. В. 161
Лесгафт П. Ф. 120–124, 133, 162, 165, 167, 168, 173
Леске Н. Г. 15
Лессинг 241
Ливий Тит 61
Лименталь Ф. 164
Лилиенгрейф Г. 204
Линей 207
Липовский А. Л. 153
Литке И. 130
Литке Ф. П. 85, 87, 130
Литтров И. А. 87, 91, 95
Лихачев Д. С. 155
Лихачев Д. С. 154
Литтенберг Г. К. 64, 65
Лиценбергер О. А. 242
Лобачевские, братья 87, 95
Лобачевский Н. И. 87, 91, 92, 93, 95, 96, 97, 101
Лобес Г. 175
Лобес П. 175
Лобысевич Ф. 207
Локк Дж. 43
Локк Дж. 35, 52, 54, 57
Ломмер Х. И. 71
Ломмер Х. И. 69
Ломоносов М. В. 44
Ломоносов М. В. 12, 15, 20, 21, 37, 43, 45, 56, 67–71
Лузанов П. 43
Лукавдер 164
Луначарский А. В. 135
Луппов С. П. 46
Люберс 147
Люгемиль К. Я. 151, 162
Люгемиль С. А. 171
Люттер 204
Люттер М. 243
Магницкий М. 81
Мазер 176
Мазинг А. 211, 212
Май К. И. 133, 150–155, 165, 170
Махлер 246
Малиновский Н. П. 142
Малм 199
Мария, имп. 210, 218
Мария Федоровна, имп. 138–142, 187
Маркер 42
Маркс К. 112
Мартини В. 202
Мартынов А. 10
Маршак С. Я. 164
Матотин Н. А. 148
Маяковский И. Л. 86
Медведев 227
Медер П. 67–69
Медынский Е. Н. 26
Мекленбург-Стрелицкий К. М. 210
Меликто-рабо 81
Мельникова Н. Н. 26, 46
Менделеев Д. И. 160, 163
Менделеева Л. Д. 160
Менделеева М. Д. 160
Меншиков А. Д. 47, 53
Меншуткин Н. А. 133, 165
Мертенс К. К. 176
Месматер М. 133, 165
Мийс 221
Михешин М. О. 108, 109
Миклашевская Е. П. 124
Миллер 32
Миллер Г. Ф. 14, 17–20, 205
Миллер Е. 164
Миллер К. 202
Миллер О. П. 163, 169
Миллер С. А. 171
Милюков П. Н. 118
Мильютин 146
Минатек И. 166

- Миниз 32, 34, 43
 Миниз Б. Х. 131
 Мирович 207
 Миронов Б. Н. 173
 Миттелазер 133
 Митюшин 268
 Михаил Николаевич, вел. кн. 83, 105, 148, 149
 Михаил Павлович, вел. кн. 138
 Михайленко В. В. 234
 Михайлов 264
 Михайлова Л. Б. 47
 Михайловский-Данилевский 133
 Мицкевич А. 191
 Модераз 20
 Модераз К. Ф. 12, 13, 14, 17
 Модзалевский К. М. 78
 Модзалевский К. Н. 79
 Модзалевский Л. Б. 93
 Модзалевский Л. Б. 93
 Моисеечко Ф. П. 67-69, 71
 Монж 90
 Монтень М. 49, 54
 Монтескье Ш. Л. 57
 Моцарт А. 202
 Мравинский Е. А. 164
 Муравьев М. Н. 94
 Муравьев Н. В. 211
 Муртов Д. 116
 Муррай И. Ф. 62, 64, 65
 Мусоргский М. П. 133, 165
 Мухачев П. 133
 Мухитдинов Н. К. 260
 Мюллер 227
 Мюллер И. Н. 64
 Мюнкс 246

 Нагель 176
 Нагнибедова В. Я. 252
 Нагуевский Д. И. 93
 Наполеон I Бонапарт, имп. 96, 131
 Нартов А. К. 44
 Натинг А. 134
 Наук А. К. 151
 Неволин 81
 Нейбауер М. 169
 Немцус 225
 Немой А. 71
 Нефедова И. М. 173
 Никитенко 81
 Николаи 25
 Николаи Н. П. 81, 138

 Николай I, имп. 87, 104 - 106, 110, 138, 142, 149, 165, 183
 Николай II, имп. 113
 Николай Николаевич, вел. кн. 83, 105
 Николай Павлович, вел. кн. 138, 145
 Нина Александровна 114
 Новиков Н. И. 26
 Новиков Н. И. 23, 25
 Новомбергский Н. 10
 Нолле Ж. А. 62
 Ноль Х. 73
 Нуралы, тан 202

 О. Б. см. Буксгевден О. О.
 Овчинникова Е. А. 7
 Одесский М. П. 10
 Озерцовский Н. Я. 14, 15
 Озеров В. А. 56, 58
 Оль А. А. 154
 Ольга, вел. кн. 83
 Ольга Александровна, вел. кн. 186, 187
 Ольденбургская Т. 169
 Ольденбургская Е. М. 186
 Ольденбургские, принцы 169, 173, 182, 186-188
 Ольденбургский А. 183
 Ольденбургский А. П. 185-187
 Ольденбургский Г. П. 182, 183
 Ольденбургский К. Ф. П. 183
 Ольденбургский П. А. 186
 Ольденбургский П. Г. 182-185, 187
 Орлов А. Г. 30
 Орлов В. Г. 22
 Орловы 30
 Осипов В. И. 61
 Остен-Саккен К. 32
 Остерман 34
 Острогорский В. П. 160
 Оффен 56

 Павел Петрович, вел. кн. 22, 13, 38
 Павлов Г. 63-65
 Павлов Н. Ф. 191
 Павлова Г. Е. 70
 Павлова К. К. 190, 191
 Пайнс Р. 112
 Паллас П. С. 14, 97, 169
 Панаев В. 95
 Панаевы 95
 Папков А. А. 187
 Парамонова Н. Б. 87, 94
 Паульсон И. И. 173

- Паульсон И. И.* 167-170
Паульсон М. 78
Паутов П. 133
Пашута В. 180
Пель А. 133
Перевощиковы 95
Пернер Х. 164
Перольт 26
Песковский М. Л. 173
Песталоцци И. 25, 28, 78, 150
Петр I Великий, имп. 12,36, 47, 66, 67, 70, 129, 139, 169, 182, 192, 195, 237, 238, 240
Петр III, имп. 18, 155, 182
Петров П. В. 60
Петров Е. Н. 119
Петровский М. Н. 101
Петрушевский Ф. Ф. 84
Пеутлинг А. А. 194
Печнер Г. 70
Печнер Г. 67
Пивоваров Ю. 119
Пирогов Н. И. 74, 82,134,150
Пискунов А. И. 259
Плавильщиков 56
Платонов С. Ф. 80, 81
Платс Г. Ф. 41
Платтер 24
Плетнев П. А. 25, 27
Плеханов А. В. 173
Плеханов Г. В. 113
Плутарх 56
Плюсина Е. А. 102
Повозков Ю. 177
Подшивалов В. С. 27
Подшивалов С. 67
Поленов А. Я. 61
Пономарев П. А. 101
Пономарев П. А. 101
Попов А. 10
Попугаев 132
Посников А. С. 113, 117
Поспелов А. 188
Постельс А. Ф. 85
Постельс А. Ф. 87, 166
Постельс М. Ф. 166
Постельс Ф. А. 166
Постельс Ф. Ф. 154
Посъет К. Н. 210
Потемкин Г. А. 52
Пранц А. 164
Прейслер И. Д. 15
Пржецлавский К. 108
Прокопович-Антонский А. А. 27
Прокопович-Антонский А. А. 24,25
Протасов А. П. 14
Протопопов Д. Д. 173
Птоломей 55, 60
Пугачев Емельян 99
Пузыревский П. А. 83
Пуни И. 154
Пуфендорф С. 15, 166
Пушкин А. С. 101
Пушкин А. С. 99, 191
Пушкин Л. С. 132
Пфафф 88
Пчельников М. И. 83
Пюттер И. С. 63

Радищев А. Н. 27
Радкевич Е. А. 71
Раковский Ю. У. 137
Радлов Л. 164
Ран П. 259
Раскин Н. М. 21, 70, 71
Раскин Н. М. 67
Ратаушер Л. 231-233
Раухфус К. А. 133, 165,171
Раушенбах 269
Раушенбах Б. В. 180
Рафф Г. 15
Редкин П. Г. 78
Резнер Ф. Ф. 162,163
Рейзер Г. 67
Реймерс Г. 35
Рейн В. 73
Рейнмарус А. 260
Рейнсдорп И. А. 193, 206
Рейтел И. Г. 39, 43, 44, 46
Рейтель 26
Ремелин И. 9,11
Реннекамф 19
Реннер К. Ф. 87
Ренованц И. М. 71, 209
Ренованц И. М. 14, 70, 71, 204
Рериг Н. К. 154
Рериг С. Н. 154
Резенберг 150
Ригельман А. 202
Риддер Ф. 193
Риджвей 221
Ридигер 32
Риккер 246
Риттер К. 82,205

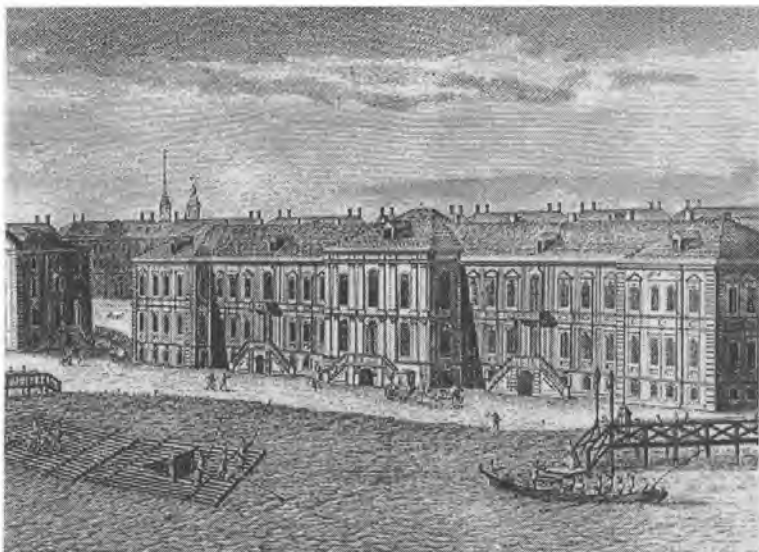
- Ризтер* 164
Рождественский 81
Рождественский С. В. 26, 172
Рожечников Н. Р. 71
Рожечников Н. Р. 67, 69
Розе Г. 82
Розен А. Ф. 112
Роллен 23
Романова Н. М. 234
Романовы 182
Росенко И. А. 234
Росси К. И. 133, 165
Рост 49
Ротенберг В. А. 28
Рохов Ф. Э. 27
Рохов Ф. Э. 23-25, 166
Руге А. 126
Рудингер 34
Рузский М. А. 208
Руктешель 148
Румовский С. Я. 88-91
Рунге М. Э. 262
Рупрехт Ф. 87
Руссо Ж. Ж. 25, 27, 48, 52, 54, 57, 78
Руткевич Г. О. 177
Рюрик 57
- Савельев* 84
Савинов А. Н. 110
Садовский А. И. 160
Сакс Г. 234
Сакс Г. 226
Самокиш Н. С. 109
Сверчков, художник 133
Светов В. 61-63
Севергин В. М. 71
Севергин В. М. 63-65, 68, 69
Сегюр Л. Ф. 60
Сегюр Л. Ф. 51
Семенников В. П. 26
Семенников В. П. 25
Семенов-Тянь-Шанский Д. П. 153
Семенов-Тянь-Шанский П. П. 87
Семенов-Тянь-Шанский П. П. 84
Сен-Жень 58
Серов А. Н. 184
Сиверсы 32
Сильвестр, митрополит 197
Сильвестр Малый из Новгорода 10
Сильвестрович 197, 207
Симонов И. М. 91, 95, 97
Симонтовский А. 188
- Ситников Л. А.* 208
Скандовский 96, 100
Сколковская А. К. 262
Скотти И. П. 106
Славгородская Л. В. 3
Сластионов А. Г. 104
Смагина Г. И. 12, 21, 44, 66, 161
Смирницкая С. В. 268
Смирнов В. З. 136, 172, 173
Смирнова Т. Б. 259
Смирнова Т. М. 223, 234
Снайдер К. 167
Соболева Л. П. 125
Соборовский 227
Соймонов В. Ю. 98, 99
Соколкин Э. Д. 208
Сократ 24
Соловьев Д. Н. 172
Сомов К. 154
Софья Палеолог, вел. кн. 7
Соц В. И. 188, 190
Спасский Г. И. 203
Спасский М. Ф. 83
Сперанский 82
Сперанский М. М. 97, 288, 200, 206
Срезневский И. Е. 188
Стасов В. В. 110
Стасов В. В. 184
Стеллер Г. В. 14
Стокс 214
Стриженко А. А. 188
Строгановы 30-31
Струве А. Б. 112
Струве В. Б. 112
Струве В. Я. 111, 112
Струве М. Б. 112
Струве Н. Б. 112
Струве О. В. 112
Струве П. Б. 111-119
Струве Ф. Б. 112
Струве Я. 111
Суворов А. В. 108
Сумароков А. П. 57
Сухомлинов М. И. 43-45, 86
Сычев-Михайлов М. В. 27, 43
Сюзор Г. 187
- Тарасов О. Ф.* 180
Тарле Е. В. 121
Твердохлебов В. Н. 116
Тельман Э. 230
Теплов Г. Н. 14

- Тизенгаузен 160
 Тилле 203
 Тимм В. Ф. 104
 Тимошенко С. П. 117
 Тимченко-Рубан И. Р. 143
 Тимьянский В. И. 97
 Титов 81
 Тизвинский С. 180
 Тишбейн Р. 151, 152
 Толль Ф. Г. 172
 Толль Ф. Г. 167, 168, 170, 171, 173
 Толстой 95
 Толстой А. Г. 202
 Толстой Д. А. 21, 44
 Толстой Л. Н. 79
 Толстой Л. Н. 74, 75, 77, 241
 Тон 133
 Тотлебен Э. И. 108
 Тотон 228
 Тренин 198
 Троицкий 207
 Троицкий Л. 228
 Труснов, архитектор 174
 Трутнев И. П. 109
 Турн Г. 8
 Тыркова-Вильямс А. В. 114
 Тюличев Д. В. 46, 71
 Тюличев Д. В. 42
 Тюммель М. А. 49
- Ульянов Н. П. 129, 136, 172
 Умнов В. И. 154
 Успенский Л. В. 155
 Успенский Л. В. 151, 154
 Успенский Ф. И. 11
 Уэтомский А. А. 121
 Ушинский К. Д. 79
 Ушинский К. Д. 74–76, 150, 241
 Уэллс Г. 135
- Фабер-Цявловский Т. 101
 Фаер Л. 27
 Файнштейн М. Ш. 188
 Фальк И. П. 207
 Фальк И. П. 205
 Фан-дер Флит А. П. 84
 Фасмер М. 154
 Фаусек И. В. 154
 Федер 63, 64
 Федоренко Б. В. 93
 Федоров А. С. 70
 Фельбигер И. И. 42, 43, 54
- Феофилактов 85
 Фесслер И. 243
 Феттерлейн Ф. К. 262
 Фигнер 133
 Филиппов К. Н. 108, 109
 Философов Д. В. 152
 Фиттингоф 268
 Физте И. Г. 126
 Фишер И. Э. 12, 14, 17
 Фишер М. 27
 Флерий 23
 Фогель Е. И. 177
 Фомин И. И. 154
 Фонвизин, декабрист 132
 Фор Ф. 214
 Форсман 268
 Форстер 133
 Фортунатов Ф. И. 80
 Франк А. Г. 42
 Франк С. Л. 119
 Франк С. Л. 116
 Франке А. 166
 Фрауендорф К. Л. 193, 197
 Фребель Ф. 150, 158, 167, 171, 241
 Фрей А. 164
 Френ Х. Д. 84, 95
 Френкель Я. И. 154
 Фридман А. А. 164
 Фридман М. И. 114, 116
 Фридрих II Великий, король 47, 48, 50, 166
 Фризен Г. 260
 Фролов П. К. 201, 208
 Фукс К. Ф. 94–101
 Фусс Н. 88
- Хальфин И. 96
 Ханчичек И. 175
 Хвольсон О. Д. 154, 158, 160
 Хлебников П. А. 158
 Ходовицкий 31
- Цейгер И. Э. 16, 17, 20
 Циллер Т. 72
 Циммерман, математик 88
 Цицерон М. Т. 57
- Чайковский П. И. 134, 184
 Чанов Ф. 188
 Чеботарев Х. А. 23, 25
 Чепарухин В. В. 111, 119

- Черепнин Н. П. 142
 Черказьянова И. В. 251
 Чихачев Н. М. 211
 Чувашев И. В. 173
 Чума А. А. 45
 Чумакова Т. В. 7
 Чупров А. А. 113, 116
- Шабаева М. Ф. 28
 Шабунин А. В. 173
Шарлемань А. И. 108, 109
 Шафрановский И. И. 70, 71
Шафрановский И. И. 67
 Шаффе Э. П. 161
Шаффе Э. П. 133, 155-161, 163, 165
 Шванвиц М. 45
Шванвиц М. 39-41, 45, 169
Шварц В. Г. 110
Шварц С. 180
Швейер 268
Швиммер Н. 36
 Швиттау Г. Г. 221
 Шевырев С. П. 27
Шевырев С. П. 25
Шеллинг Ф. В. Й. 126
Шенк, композитор 133
Шермушенко А. В. 180
Шермушенко В. А. 180
Шильдер Н. Г. 108, 109, 110
 Шильдер Н. К. 142
Шильдер Н. К. 138
Шипова М. П. 142
Шишацкий В. О. 188
Шихов А. С. 24
Шлецер 207
Шлецер А. Л. 61, 62, 63, 65
Шмидт 126
Шмидт А. М. 170
Шмидт К. К. 160
Шмидт П. 67
Шмидт Ф. А. 188
Шмидт Я. 268, 269
 Шнейберг Я. А. 124
Шнейдер В. 81
Шнейдер В. В. (А. В.) 80, 81
Шнейдер К. 81
Шнейдер Ф. 72
Шнелл 268
 Шнор И. К. 35
Шнор И. К. 31
Шпангенберг Г. 164
 Шпрингер И. И. 209
- Шпрингер И. И.* 193, 197, 198, 201, 206, 208
Шрадер Г. 233
 Шрадер Т. А. 260
 Шрейер Ю. Р. 187
Шрендер Г. Г. 202
Шрепфер 233
Шретер 24
Шрефф 233
Штажельберг А. А. 154
 Штейман И. Б. 170
Штейнер 151
Штелин Я. Я. 17, 18, 20
Штиглиц А. Л. 169, 173
 Штой И. З. 26
Штой И. З. 27
Штольц 167
 Штрандман Г. Э. 209
Штрандман Г. Э. 193, 197, 206
Штукенберг А. 101
Штюрмер 150
Шуберт Ф. 131
Шукаев Г. 104, 105
Шукаев С. 108
Шульц И. 164
Шульц Э. 166
Шухардт А. Д. 178, 179
Шухардт Г. Д. 177-179
Шухардт Д. Д. 176-178
Шухардт Е. И. 176-179
Шухардт Э. Д. 177, 178
- Щербачев Г. Д. 149
Щербачев Г. Д. 143
 Щербова Т. А. 71
- Эбергарт Ф.* 164
Эвальд В. Ф. 162, 166
Эвальд Ф. Ф. 166
Эвальд Э. Ф. 166
Эггерс 147
Эйлер И. А. 64, 65
Эйлер Л. 15, 23, 62, 90
Эйнбаум Т. 154
Эйталь К. 164
Энгельгард М. 82
Энгельгардт Е. 81
Энгельс Ф. 112
Эпинус Ф. У. Т. 17, 20, 39
Эрдман 95, 243
Эртель Б. 24, 25
Эссен П. К. 194

- Эфрон И. А. 60, 119
Эфрусси 268
- Юдин И.* 61, 62
Юлий II, папа 8
Юлий Цезарь 57
Юнкер 133, 167
Юносовы, купцы 98
Юргенц Д. Н. 193
Юсупов Р. М. 154
Юсупова Т. И. 150
Юхансен 264
Юхнева Н. В. 155, 171
- Ягужинский П. И.* 19
Языков Н. М. 191
Якоби И. В. 194
Якобина Ю. 31
Яковкин И. Ф. 90, 91, 93, 95
Яковлев А. 154
Яковлев Р. Н. 149
Яковлева Е. Б. 182
Янши К. И. 188, 190, 191
Янсон П. М. 234
Aepinus F. U. T. 44
Amburger E. 21, 34, 43, 172
Arnds S. 8
Basedow J. B. 26
Basiner Th. 207
Berkov P. N. 10
Bulow N. 11
Büsching A. F. 136
Catherine II 21, 46
Collins 136
Miller D. B. 11
- Diesterweg A.* 79
Donnert E. 21
Epp G. K. 46
Fuchs C. 101
Ghotan B. 8, 11
Ghotan B. 11
Hasselbach J. P. 34, 35
Herbart J. F. 79
Jversen J. 136
Kaiser F. B. 43
Kampe J. H. 27
Katarina II см. *Catherine II*
Katharina II см. *Catherine II*
Keipert H. 45
Kemsis F. 79
Kirchner J. 11
Laikam R. 269
Lehmann U. 44, 46
Lemmerich C. 44, 46, 136
Loffler K. 11
Marker G. 46
Raab H. 11
Rahn P. 259
Remelin J. 9
Scharf C. 21, 46
Schlözer A. L. 65
Schlözer A. L. 45
Schmeck H. 46
Schmidt J. 269
Schmidt P. 70
Steinberg A. 137
Winter E. 65
Witzmann A. 46
Wolke C. H. 34, 35
Wolke C. H. 34

Иллюстрации

*Бывший дворец Прасковьи Федоровны.
С 1727 г. в этом здании размещалась академическая гимназия.
Гравюра по рисункам М. И. Махаева. Середина XVIII в.*

(К статье Г. И. Смагиной, с. 12–21)

*Академик Георг Вольфганг Крафт (1701–1785).
Гравюра И. Гайда с портрета работы В. Майера*

(К статье Г. И. Смагиной, с. 12–21)

Академик Яков Яковлевич Штеллин (1709–1785).
Гравюра И. Штенглина

(К статье Г. И. Смагиной, с. 12–21)

Христиан Генрих Вольке

(К статье О. Н. Блескиной, с. 28–35)

*Вид Невского проспекта из дома пастора Лампе. Страница из альбома
Х. Г. Вольке «Виды Петербурга и окрестностей» 1785–1786 гг.
Рукописный отдел Библиотеки Академии наук*

(К статье О. Н. Блескиной, с. 28–35)

*Граф Федор Евстафьевич Ангальт (1732–1794).
Гравюра Г. Екимова*

(К статье Л. Б. Михайловой, с. 47–60)

Академик Август Людвиг Шлёцер. Гравюра

(К статье В. И. Осипова, с. 61–65)

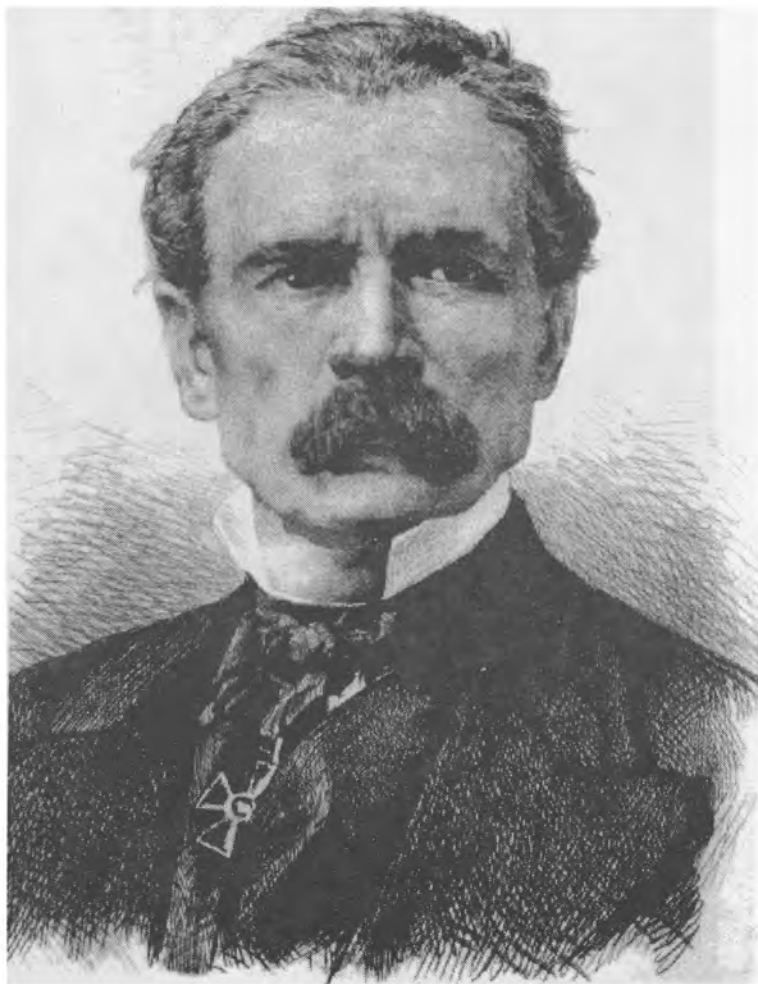
Христлиб Эреготт Геллерт (1711–1795). Гравюра

(К статье Г. И. Смагиной, с. 66–70)

Профессор Карл Федорович Фукс

(К статье Н. Б. Парамоновой, с. 94–102)

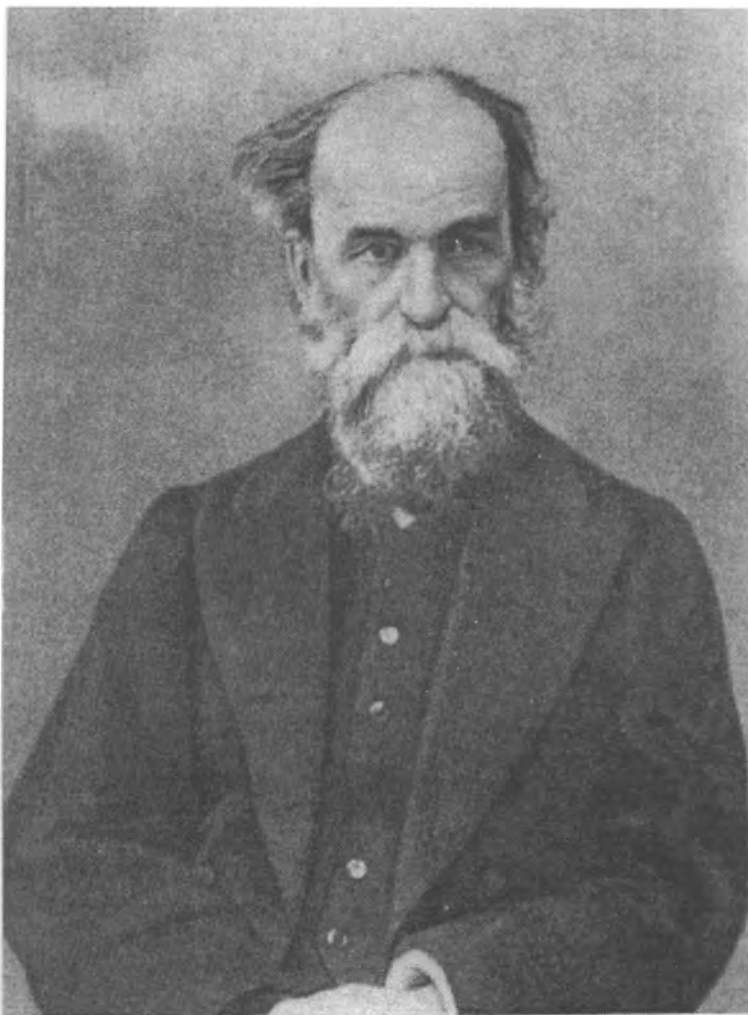
*Профессор Виллевальде.
Офорт Я. Д. Андреева*

(К статье Е. А. Плюсниной, с. 102–110)

Петр Бернгардович Струве (1870–1944)

(К статъе В. В. Чепарухина, с. 111–119)

Петр Францевич Лесгафт (1837–1909)

(К статье С. С. Лебедевой, с. 120–123)

Карл Адольфович Круг (1873–1952)

(К статье Е. П. Миклашевской, с. 124–128)

*Здание Петришуле. Построено в 1760–1762 гг.
Надстроено в 1799, 1876–77, 1913–1915 гг.
Невский проспект д. 22–24. Современный вид*

(К статье Н. П. Ульянова, с. 129–136)

Юлия Федоровна Адлерберг (1760–1839)

(К статье Ю. У. Раковского, с. 137–142)

Карл Иванович Май (1820–1895)

(К статье Н. В. Благово и Т. И. Юсуповой, с. 150–154)

*Здание гимназии и реального училища К. И. Мая.
Васильевский остров. 14 линия, д. 39. Современный вид*

(К статье Н. В. Благово и Т. И. Юсуповой, с. 150–154)

Барельеф «Майский жук» расположен над входом в здание гимназии К. И. Мая. Восстановлен в 1995 г., скульптор С. Смирнов, арх. И. П. Шмелев

(К статье Н. В. Благово и Т. И. Юсуповой, с. 150–154)

Эмилия Павловна Шаффе

(К статье М. Г. Козыревой, с. 155–160)

*Здание гимназии Э. П. Шаффе.
Васильевский остров. 5 линия, д. 16. Современный вид*

(К статье М. Г. Козыревой, с. 155–160)

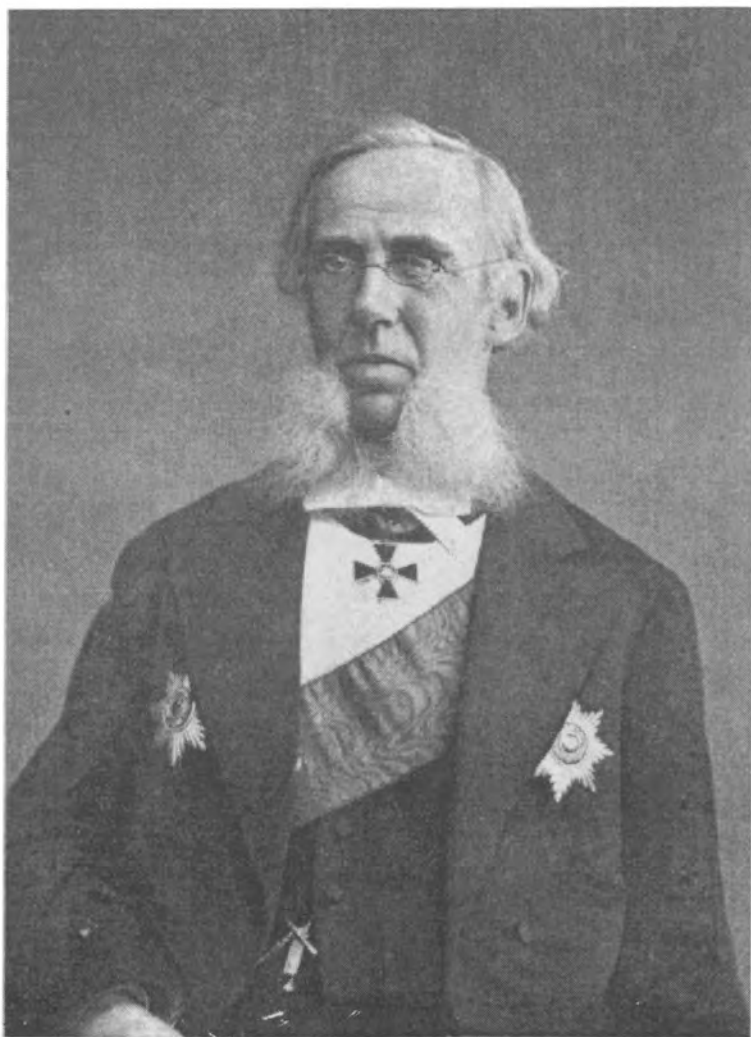
Николай Христианович Вessel (1837–1906)

(К статье Г. И. Смагиной, с. 161–172)

Николай Александрович Корф (1834–1883)

(К статье Г. И. Смагиной, с. 161–172)

Вильгельм Христианович Лемониус (1817–1903)

(К статье Г. И. Смагиной, с. 161–172)

Принц А. П. Ольденбургский

(К статье Е. Б. Яковлевой, с. 182–187)

*В 1926–1929 гг. в этом здании находился
Немецкий коммунистический клуб им. Евг. Левине.
Набережная реки Мойки, д. 76. Современный вид*

(К статье Т. М. Смирновой, с. 223–234)

*Последний «индивидуальный» адрес Немецкого ДПР:
Английский проспект (проспект Маклина), д. 10.
Современный вид*

(К статье Т. М. Смирновой, с. 223–234)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Vorwort	5

РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В XV–XIX вв.

<i>Е. А. Овчинникова, Т. В. Чумакова</i> (Санкт-Петербург). Немецкое влияние на становление медицинского образования в России XV–XVII вв.	7
<i>Г. И. Смагина</i> (Санкт-Петербург). Вклад немецких ученых в развитие российской школы в XVIII в.	12
<i>К. Г. Боленко</i> (Москва). Филантропизм и филантрописты в России во второй половине XVIII– первой половине XIX века (к постановке проблемы)	22
<i>О. Н. Блескина</i> (Санкт-Петербург). Х. Г. Вольке в Петербурге	28
<i>К. Кох</i> (Бамберг, Германия). Преподавание немецкого языка как иностранного в России XVIII в.	35
<i>Л. Б. Михайлова</i> (Санкт-Петербург). Фридрих фон Ангальт — директор Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.	47
<i>В. И. Осипов</i> (Санкт-Петербург). Русские студенты Петербургской Академии наук в Геттингене в XVIII в.	61

- Г. И. Смагина* (Санкт-Петербург). Фрейбергская горная академия и распространение знаний по геологическим наукам в России XVIII в. 66
- Т. А. Щербова* (Санкт-Петербург). Восприятие педагогических идей И. Ф. Гербарта и А. В. Дистервега в Германии и России во второй половине XIX в. 71

ВКЛАД НЕМЦЕВ В СТАНОВЛЕНИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В РОССИИ

- Н. С. Андреева* (Санкт-Петербург). Прибалтийские немцы — профессора Петербургского университета в первой половине XIX в. 80
- Н. Б. Парамонова* (Санкт-Петербург). Немецкие учителя юного Н. Лобачевского (Иоганн Христиан Мартин Бартельс, 1769–1836) 87
- Н. Б. Парамонова* (Санкт-Петербург). Карл Фукс — ординарный профессор Казанского университета 94
- Е. А. Плюсина* (Санкт-Петербург). Г. (Б.) П. Виллевалде — руководитель батального класса Академии художеств второй половины XIX в. 102
- В. В. Чепарухин* (Санкт-Петербург). П. Б. Струве и Санкт-Петербургский политехнический институт 111
- С. С. Лебедева* (Санкт-Петербург). Проблемы образования взрослых в педагогическом наследии П. Ф. Лесгафта . 120
- Е. П. Миклашевская, Я. А. Шнейберг* (Москва). К. А. Круг — основатель московской электротехнической школы. 124

НЕМЕЦКИЕ ШКОЛЫ И УЧИТЕЛЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

- Н. П. Ульянов* (Санкт-Петербург). Петришуле — старейшая школа в Петербурге 129
- Ю. У. Раковский* (Санкт-Петербург). Ю. Ф. Адлерберг — начальница Смольного института 137
- Н. Н. Аурова* (Москва). В. Г. фон Бооль — офицер и педагог 143

<i>Н. В. Благово, Т. И. Юсупова</i> (Санкт-Петербург). Школа К. И. Мая	150
<i>М. Г. Козырева</i> (Санкт-Петербург). Гимназия Э. П. Шаффе	155
<i>Г. И. Смагина</i> (Санкт-Петербург). Немцы-учителя в Санкт-Петербурге и их роль в развитии образования в России во второй половине XIX в.	161
<i>В. Н. Вологодина</i> (Санкт-Петербург). Из истории одной немецкой школы в Ленинграде в 20–30-х гг.	173

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЦЕВ В РОССИИ

<i>Е. Б. Яковлева</i> (Санкт-Петербург). Благотворительная деятельность семьи Ольденбургских в России (XIX в.)	182
<i>М. Ш. Файнштейн, А. А. Стриженко</i> (Санкт-Петербург). К. И. Яниш — первый директор «Демидовского высших наук училища»	188
<i>И. В. Ерофеева</i> (Алматы). Культурно-просветительская деятельность немцев на юге Сибири и в Казахстане в XVIII–начале XIX в.	192
<i>О. М. Гринштейн</i> (Санкт-Петербург). О. О. Буксгевден и благотворительные учреждения Петербурга конца XIX–начала XX в.	210
<i>Т. М. Смирнова</i> (Санкт-Петербург). Немецкий Дом просвещения в Ленинграде	223

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ

<i>В. Зюсс</i> (Кассель, Германия). Динамика социокультурных и образовательных связей России и Германии как условие становления и развития немецких колоний и школ	235
<i>О. А. Лиценбергер</i> (Саратов). Школы в евангелическо-лютеранском приходе Святой Марии г. Саратова . . .	242
<i>И. В. Черказьянова</i> (Омск). Автономность школы как фактор сохранения языка и культурных традиций немцев Сибири	251

<i>Т. А. Шрадер</i> (Санкт-Петербург). Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х гг.	260
<i>С. В. Смирницкая</i> (Санкт-Петербург). Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде	268
Указатель имен	270
Иллюстрации	283

INHALT

Vorwort	5
I. Russisch-deutsche Kontakte im Bereich der Bildung in 15.–19. Jh.	7
Ovtschinnikova E. A., Tschumakova T. V. (S.-Petersburg). <i>Deutsche Beeinflussung der sich entwickelnden medizinischen Ausbildung in Rußland</i>	<i>7</i>
Smagina G. I. (S.-Petersburg) <i>Beitrag der deutschen Wissenschaftler zur Entwicklung der russischen Schulen im 18. Jh.</i>	<i>12</i>
Bolenko K. G. (Moskau). <i>Wohltätigkeit und Wohltäter in Rußland</i>	<i>22</i>
Blijoskina O. N. (S.-Petersburg). <i>Christian Heinrich Wolke in Sankt-Petersburg</i>	<i>28</i>
Koch K. (Bamberg, BRD). <i>Deutsch als Fremdsprache: Unterricht im Rußland des 18. Jhs.</i>	<i>35</i>
Michajlova L. B. (S.-Petersburg). <i>Friedrich von Anhalt als Direktor eines Kadettenkorps</i>	<i>47</i>
Ossipov V.J. (S.-Petersburg). <i>Russische Studenten der Petersburger Akademie der Wis- senschaften: ihr Aufenthalt im 18. Jh. in Göttingen</i>	<i>61</i>
Smagina G. I. (S.-Petersburg). <i>Freiberger Bergakademie und die Verbreitung der geologischen Erkenntnisse im 18. Jh. in Rußland</i>	<i>66</i>

Schtscherbova T. A. (Pskow).	
<i>Rezeption der pädagogischen Ideen von J. F. Herbert und</i>	
<i>A. Disterweg in Deutschland und in Rußland der 2. Hälfte</i>	
<i>19. Jhs.</i>	71
II. Beitrag der Deutschen zur Entstehung und Entwick-	
 lung der russischen Hochschulen	80
Andrejeva N. S. (S.-Petersburg).	
<i>Ostseedeutsche als Professoren an der Petersburger Uni-</i>	
<i>versität</i>	80
Paramonova N. B. (S.-Petersburg).	
<i>N. Lobatschewskijs deutsche Lehrer</i>	87
Paramonova N. B. (S.-Petersburg).	
<i>Ordinarius der Kasaner Universität C. F. Fuchs</i>	94
Plussnina E. A. (S.-Petersburg).	
<i>Lehrer der Schlachtenmalereiklasse an der Akademie der</i>	
<i>Künste G. P. Willewalde</i>	102
Tscheparuchin V. V. (S.-Petersburg).	
<i>P. B. Struve und die Polytechnische Hochschule</i>	111
Lebedeva S. S. (S.-Petersburg).	
<i>Probleme der Erwachsenenbildung: aus dem Nachlass von</i>	
<i>P. F. Leshaft</i>	120
Miklaschewskaja E. P. (S.-Petersburg), Schneiberg J. A. (Moskau).	
<i>Gründer der Moskauer Elektrotechnischen Schule</i>	
<i>K. A. Krug.</i>	124
III. Deutsche Schulen und Lehrer in S.-Petersburg	129
Uljanov N. P. (S.-Petersburg).	
<i>Petri-Schule als eine der ältesten in Petersburg</i>	129
Rakovskij J. U. (S.-Petersburg).	
<i>Leiterin des Smolny-Instituts J. F. Adlerberg</i>	137
Aurova N. N. (Moskau).	
<i>Offizier und Pädagoge W. G. von Bool</i>	143
Blagovo N. V., Jussupova T. I. (S.-Petersburg).	
<i>K. J. Mays Schule</i>	150

Kosyreva M. G. (S.-Petersburg).	
<i>E. P. Schaffes Gymnasium</i>	155
Smagina G. I. (S.-Petersburg).	
<i>Deutsche Lehrer in der 2. Hälfte des 19. Jhs. in S.-Petersburg</i>	161
Vologdina V. N. (S.-Petersburg).	
<i>Aus der Geschichte einer Leningrader deutschen Schule in den 20-er und 30-er Jahren</i>	173
IV. Aufklärungsarbeit der Deutschen in Rußland . . .	182
Jakovleva E. B. (S.-Petersburg).	
<i>Wohltätigkeit der Prinzen von Oldenburg in Rußland im 19. Jh.</i>	182
Feinstein M. Sch., Strizhenko A. A. (S.-Petersburg).	
<i>Der erste Direktor der Demidov-Schule der höheren Wis- senschaften K. I. Janitsch</i>	188
Jerofejeva I. V. (Alma-Ata).	
<i>Kulturelle Aufklärungsarbeit der Deutschen im 18. -Anfang des 19. Jhs. in Südsibirien und Kasachstan</i>	192
Grinstein O. M. (S.-Petersburg).	
<i>O. O. Buchshevden und die Petersburger karitativen Ein- richtungen der Jahrhundertwende</i>	210
Smirnova T. M. (S.-Petersburg).	
<i>Das Deutsche Schulungshaus in Leningrad</i>	223
V. Aus der Geschichte der Bildung in den deutschen Siedlungen	235
Süss B. (BRD).	
<i>Dynamik der soziokulturellen und Bildungsbeziehungen von Rußland und Deutschland als Voraussetzung der Entstehung und Entwicklung der deutschen Siedlungen und Schulen</i>	235
Lizenberger O. A. (Saratow).	
<i>Schulen der evangelisch-lutherischen Maria-Gemeinde in Saratow</i>	242
Tscherkasjanova I. V. (Omsk).	
<i>Autonomie der Schulen als Faktor der Erhaltung der Sprache und kulturellen Tradition der Deutschen in Sibirien</i>	251

Tscherkasjanova I. V. (Omsk).	
<i>Autonomie der Schulen als Faktor der Erhaltung der Sprache und kulturellen Tradition der Deutschen in Sibirien</i>	251
Schrader T. A. (S.-Petersburg).	
<i>Schulbildung in deutschen Siedlungen des Leningrader Ge- biets in den 20-er Jahren 20. Jhs.</i>	260
Smirnitzkaja S. V. (S.-Petersburg).	
<i>Die Zentrale pädagogische Fachschule in Leningrad</i>	268
Namenverzeichnis	270
Illustrationen	283

Немцы и развитие образования в России
Сборник научных трудов

Редакторы Э. И. Кутасова и О. Г. Юдахина
Оригинал-макет подготовлен в системе Т_ЕX Д. В. Дмитриевым

Сдано в набор 22.07.97. Подписано в печать 09.02.98.

Формат 60×84/16. Бум. офсетная.

Гарнитура Cyrillic Modern. Печать офсетная.

Печ. л. 20. Уч.-изд. л. 21,5.

Тираж 600 экз. Зак N 15.

Издательский отдел Библиотеки Российской Академии наук
(199034. Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1)

Типография РПМ Библиотеки Российской Академии наук
(199034. Санкт-Петербург, Биржевая л. д. 1)